Е.Н.Полякова

История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках

Е.Н.Полякова История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный университет»

Е. Н. Полякова

ИСТОРИЯ ИМЕН ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ В XVI–XVIII ВЕКАХ

Монография

Пермь 2010

УДК 81 (470.53/531)
ББК 81.2 (2 Рос-4 Пер)
П54

Полякова, Е. Н

П54 История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII вв.: Монография / Е. Н. Полякова; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2010. – 280 с.

ISBN 978-5-7944-1553-7

В книге рассмотрены источники, функционирование и динамика календарных и некалендарных имен в пермских памятниках деловой письменности с середины XVI до конца XVIII в. Исследование антропонимов Прикамья проведено на основе сопоставления их с материалами древнерусских, а также центральных и региональных старорусских деловых текстов.

Определены пермские некалендарные имена и причины их исчезновения из письменности XVIII в. Охарактеризованы формы существования заимствованных календарных имен в текстах разных видов (жанров): имена канонические, их варианты, возникшие в результате фонетической адаптации к русскому языку, и дериваты (неполные имена) с разными суффиксами. Показано место имен в сложных (составных) антропонимах, роль имен в образовании патронимов (именований по отцу) и появление в XVII в. на базе патронимов семейных именований (фамилий) для лиц невысокого социального положения: посадских людей, крестьян, ремесленников и т. д. Рассмотрены имена как источник пермских микротопонимов и ойконимов.

Издание предназначено научным работникам, аспирантам, студентам, преподавателям университетов и средних школ, а также всем интересующимся вопросами языка, ономастики, культуры и лингвокраеведения.

УДК 81 (470.53/531)
ББК 81.2 (2 Рос-4 Пер)

Рецензенты: кафедра общего языкознания Пермского государственного педагогического университета; доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Сургутского государственного педагогического университета Н. Н. Парфенова

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного университета

Издание осуществлено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья» и № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность»

ISBN 978-5-7944-1553-7

Предисловие

В истории русской антропонимии ведущую роль играют имена. В древности имя человека было единственным его антропонимом, о чем свидетельствуют памятники письменности. Именами становились слова нарицательные. Так, на Руси в X в. князя древлян звали Мал (‘младший’), и в летописи сказано: «Имя ему Мал, князю деревску». Уже тогда употреблялись имена с суффиксами, сохранившимися до нашего времени, ср. имена на -уш(а)[1] (Малуша, мать князя Владимира, крестившего Русь), -н(я) (воевода Добрыня, брат Малуши).

В результате связей с другими народами на Русь попадали и заимствованные антропонимы, например, варяжские (скандинавские) имена Олег, Ольга, Игорь, Глеб. Они возникли в своем родном языке тоже из слов нарицательных. В связи с появлением православия и крещением Руси в X в. сюда приходят сотни христианских имен греческого, латинского, древнееврейского происхождения и прошедшие через эти языки другие древние (в основном восточные) имена. С X по XVII в. идет борьба между исконными и заимствованными именами и в то же время постоянное их взаимодействие. Подчиняясь законам фонетики и словообразования древнерусского, а затем старорусского языка, заимствования русифицировались, претерпевали множество изменений и становились собственно русскими антропонимами, иногда даже символами русского человека, как, например, имя Иван. А исконные имена становились неофициальными и постепенно либо исчезали, либо уходили в систему бытовых именований – индивидуальных прозвищ.

В начале истории Древней Руси можно было обойтись одними именами. Но постепенно в связи с ростом населения, становлением новых экономических и общественных отношений, изменениями в культуре одних имен становится недостаточно. Возникает потребность обозначить связи представителей разных поколений, и появляются именования детей по отцу (патронимы). В результате в русском языке вырабатывается такой антропоним, какого нет во многих других языках, – отчество. В основу отчества положено имя отца, преимущественно календарное (христиан-

---

[1] Изменяемая при склонении часть суффикса дается в скобках.

ское). Таким образом, имена сыграли важнейшую роль в становлении этого нового вида антропонима.

Однако со временем в системе именований для выделения человека среди всех остальных имени и отчества оказалось недостаточно. Формируется семейное именование – фамилия, которая свидетельствует об отношении человека к семье, существующей на протяжении многих поколений. И в становлении фамилий снова основной базой послужили имена, сначала некалендарные, а затем и календарные.

Итак, имена – основа русской антропонимии. Они изучаются на протяжении долгого времени, о них написаны статьи и книги, составлены различные словари имен. Мы уже многое знаем о возникновении, функционировании и развитии имен, во всяком случае, представляем в самых общих чертах пути развития этого антропонима в русском языке и его роль в дальнейшем развитии русской ономастики, в становлении фамлий и топонимов. Но остается еще много вопросов относительно конкретных имен и связанных между собой групп имен, их изменения, употребления в живой речи и в официальном языке. Общая история русских имен еще не написана. Для того чтобы она появилась, необходимо исследование большого материала – современных данных и памятников письменности, изучение имен в говорах, просторечии, литературном языке, имен разных территорий России и различных эпох, обобщение частных исследований в новых книгах и словарях. Каждый регион страны может внести свой вклад в историю имен.

Актуально в этом отношении изучение имен жителей обширного Пермского края, расположенного на востоке европейской части России и являвшегося в XVI–XVII вв. воротами в Сибирь, т. е. связывавшего центр государства и восток. Через этот край продвигались в Сибирь русский язык, русская ономастика.

Вместе с тем XVII – начало XVIII в. были начальным периодом формирования национального русского языка, периодом существенной перестройки антропонимической системы русского языка, что хорошо видно по исследуемым материалам, которые отражают именования до этого времени (вторая половина XVI в.) и после него (середина – вторая половина XVIII в.). Изучение функционирования имен в эпоху такой перестройки оказывается особенно актуальным для разработки всей истории русской антропонимии.

В связи с анализом языка пермских памятников XVI–XVIII вв. и составлением по их данным лексических и ономастических словарей был накоплен большой материал по антропонимии, в частности по именам. Их изучение проводилось по памятникам официального, делового языка, так как иные источники, содержащие имена жителей Пермского края XVI – начала XVIII в., к сожалению, не сохранились. Однако именно деловые тексты разных жанров позволяют выявить не только антропонимы официальные, но и употреблявшиеся в живой речи и отраженные в судебных делах, в записях показаний истцов, ответчиков, свидетелей.

Материалы памятников показывают, что представляли собой имена в Прикамье, какие процессы шли в антропонимии в исследуемый период, какую роль сыграли имена в формировании пермских фамилий и топонимии, каково место пермской антропонимии в истории имен в России. Этим вопросам и посвящена данная книга.

Изучение проблем становления и развития имен иллюстрируется цитатами из памятников, в которых показаны не только сами имена, но и сложные антропонимы, в которых они зафиксированы, и общественное положение, и место проживания в Прикамья их носителей.

РАЗДЕЛ I. ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ИМЕН ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ XVI–XVIII ВВ.

1.1. Источники изучения истории имен жителей Пермского края XVI–XVIII вв.

История имен жителей Пермского края изучается по материалам русских деловых памятников письменности, написанных в Прикамье местными и приезжими составителями. Именно деловые документы разных видов (жанров) образуют основную часть пермских текстов XVI–XVIII вв. и дают представление об употреблении имен в разговорной речи жителей края, в официальном деловом языке и в церковной письменности. Они свидетельствуют о происходивших изменениях в именах и в их фиксации в письменности различных периодов. Для анализа специально избраны тексты двух разных этапов развития русского делового письма (во-первых, допетровской эпохи и, во-вторых, XVIII в.), чтобы показать процессы, происходившие в именнике Пермского края на протяжении долгого времени, а также в отдельные периоды, характеризующиеся серьезными изменениями в общественной жизни, и описать особенности употребления и фиксации имен в документах в зависимости от языковых и экстралингвистических причин.

Многие из пермских памятников в разное время были опубликованы в «Дополнении к “Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией”» [1846], «Трудах Пермской ученой архивной комиссии» [1893], в работах Г. Спасского «Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г.» [1857], В. Н. Шишонко «Пермская летопись» [1880–1889], А. А. Дмитриева «Пермская старина» [1889–1900], А. А. Титова «Кунгурские акты XVII века [1668–1699 гг.]» (1888), В. Удинцева «Чердынские акты XVI–XVIII вв.» [1908], А. А. Горбуновой «Соликамская грамота XVII века» [1956], Е. Н. Поляковой соликамские и чердынские акты XVII–XVIII вв. [1971;1974 а; 2009 а; 2009 б], Л. А. Беловой, Н. В. Лагуновой и Л. Л. Мазитовой «А про то барону Строганову ведомо было…Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв.» [2006], Н. В. Лагуновой и Л. Л. Мазитовой «Памятники деловой письменности конца XVIII века: из архива Соликамского Свято-троицкого мужского монастыря»» [2009], Н. В. Чугаева [2009 а; 2009 б]. Материалы из этих памятников использованы для изучения истории имен в Прикамье.

Однако наибольшая часть пермских текстов XVI–XVIII вв. представлена рукописями, хранящимися в различных российских архивах, музеях, библиотеках. Многие из них до настоящего времени еще не введены лингвистами в научный оборот. Вместе с тем результаты исследования значительного количества рукописных деловых текстов XVI–XVIII вв. края, особенности зафиксированной в них лексики освещены в наших работах и представлены в изданных пермских лексических и ономастических словарях (см. в «Списке словарей, справочников и атласов с условными сокращениями»: СИ, СЛПП, СПП, СПФ, СГТ). Следует отметить, что существуют статьи с описанием отдельных имен или их групп, но в обобщенном виде история имен жителей Пермского края до настоящего времени еще никем не разрабатывалась. Мы обращаемся к описанию ее части – ранней истории: от начала фиксации имен в памятниках письменности (с середины XVI в.) до конца XVIII в. В XIX в. формирование норм современного русского литературного языка накладывает отпечаток на развитие делового языка и фиксацию в нем имен, начинается новый период в отражении имен в письменных текстах, который потребует уже других источников изучения антропонимии. Это уже следующий этап работы ономатологов.

Материалом для описания в представляемой читателю книге послужила антропонимия актов (в основном рукописных), составленных на территории Чердынского (Пермь Великая), Соликамского, Кунгурского, Осинского уездов и пермской вотчины именитых людей Строгановых. В ряде случаев к анализу имен привлекались данные присланных в Прикамье московских документов, причем тех их частей, в которых дословно излагались пермские челобитные. Основные сведения для исследования извлечены из рукописей (столбцов и тетрадей), находящихся в различных хранилищах: Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), архиве Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (СПИИ РАН), Российской государственной библиотеке (РГБ), Государственном архиве Пермского края (ранее области) (ГАПК), Пермской государственной краевой универсальной библиотеке имени А. М. Горького, Пермском, Кунгурском и Чердынском краеведческих музеях.

Очевидно, что тексты различных жанров должны по-разному представлять антропонимы. Самый большой и наиболее упорядо-

ченный материал можно ожидать в переписных документах: писцовых (1579, 1596, 1623–1624 гг.), переписных (1647, 1678 гг.) и дозорных (разных лет XVII в.) книгах, в ревизских сказках XVIII в. (1711, 1762, 1782 гг.). В соответствии с нормами составления переписных текстов в них учитывалось население, которое должно было уплачивать подати и нести определенные повинности. Поэтому при переписи населения писцы должны были точно указывать место проживания человека и его антропоним. Следовало отмечать даже умерших или ушедших из населенного пункта людей, записанных в предыдущей переписи, чтобы никто при учете платежей не был потерян. В переписных актах в зависимости от времени их составления сложные антропонимы могли состоять из разных частей: патроним (антропоним от имени отца), прозвище, фамилия по разным причинам могли отсутствовать, но имя в них всегда было обязательным.

К переписным документам по характеру фиксации именований людей могли быть близки таможенные книги, а также расписные списки. В России XVI–XVII вв. управление провинциальными территориями осуществлялось воеводами, поставленными Москвой. Воевод меняли часто (обычно через 2–3 года), и каждый передавал следующему управляемую территорию по расписному списку, в котором учитывались и характеризовались передаваемое имущество (город, крепостные сооружения, оружие, порох, храмы и т. д.) и все составленные при старом воеводе и хранящиеся документы. В пожарах, которые были нередки в деревянных уральских городах, погибали сами документы, но сохранялась их опись в расписных списках, увезенных в столицу. Так, о многих погибших чердынских актах и о лицах, связанных с ними, мы знаем именно из расписных списков, ср. запись 1697 г.: *Досмотр на косвинце на Ивашке Удалом ножевой раны*[2] *что он в борбе накололся на Паршкин нож Игошева и в том ево Паршкины допрос-*

---

[2] В цитатах из памятников сохраняется орфография подлинного документа и не используются знаки препинания, так как они отсутствовали в исследованных текстах. В связи с тем что буква ѣ уже не передавала особого звука и очень непоследовательно встречается в рукописных материалах, в цитатах из памятников в соответствии с нею везде используется буква Е. Так, вместо текста «*на косвинцѣ на Ивашкѣ*» пишем «*на косвинце на Ивашке*». Буква ѣ сохраняется только при рассмотрении фонетических особенностей слов со звуком ѣ.

ные речи и скаска Ивашка Удалого что он в том на него Паршку не челобитчик потому что дело учинилось не хитростию [*РСЧ 5: 59*][3]. Сами тексты досмотра и допроса не сохранились, но, как видим, до нас дошла запись их краткого содержания и имен в чердынском расписном списке.

Значительную часть исследованных памятников составляют разного рода имущественные документы: купчие, заемные, закладные, кабальные, межевые, ободные (обводные, т е. устанавливающие «обвод», границы владения) и другие грамоты. При перечислении предметов и характеристике имущества (угодий, участков, строений, орудий труда, скота, утвари, одежды, украшений и т. д.) в них зафиксированы диалектные и просторечные слова, а также топонимы разговорной речи в описании участков. Ойконимы и антропонимы в таких актах необходимо было записывать в соответствии со сложившимися в деловом языке нормами официальных документов.

В то же время большое место среди региональных документов занимали судебные акты: изветные челобитные, допросные сказки, расспросные речи, очные ставки, досмотры, приговоры, мировые. В приговорах, мировых, а также в начальной части челобитных обычно соблюдались относительно жесткие правила оформления текстов. Но в судебных документах фиксировались и показания истцов, ответчиков, свидетелей с точным сохранением слов этих людей. В результате в записях отражалась прямая речь, обычно вводимая в текст документа с помощью частицы *де*, ср.: *Досмотр мертвого тела обвенца Игнашки Момотова что **де** он у зятя своего у Стенки Ужегова в дому упал с полатей и умре скоропостижною смертью* [*РСЧ 5: 108*], *Она Евдокейка в окошке закрычала Фотей **де** отпусти <u>де</u> меня Евдокейку не я **де** крала тебя сестра моя Танька и мы **де** пропажу твою принесем **де** всю к тебе назад* [*ЧМ 2561: 2*]. В показаниях местных жителей нередко отражается диалектная и просторечная лексика и антропонимия живой речи жителей Прикамья, в частности именования детей, женщин и девушек, например: *Стал де он нищей девке <u>Оленке Кривошее</u> говорить* [*КА: 10*]. Эти именования обычно отсутствовали в писцовых и переписных книгах XVI–XVII вв., таможенных записях, подорожных, имущественных документах, а также в

---

[3] Сокращения названий памятников даются курсивом в квадратных скобках.

ревизских сказках первой половины XVIII в. Именно судебные акты позволяют выявить особенности антропонимии (в частности имен) пермских говоров и складывающегося просторечия.

Сохранились монастырские и церковные деловые документы (челобитные, межевые, вкладные, договорные, данные и другие грамоты), в которых присутствовали иногда слова, формы слов и обороты, характерные для церковно-книжных текстов, ср. в акте Пыскорского монастыря: *О них же бжственный*[4] *апостол извествует яже око не виде и ухо не слыша... Внидет... в црьские ушеса ведомость* [*АПМ: 161 об.*]. В них заметны следы влияния центральных деловых текстов, следы редактирования. Однако при описании земель, географических реалий, движимого и недвижимого имущества, поступков людей, событий и их участников и т. д., хотя и соблюдались обычные нормы делового языка, но использовалась лексика живой речи. Таким образом, в них отмечается совмещение элементов разных стилей. В то же время в таких текстах называются и церковнослужители, и составители документов, и не связанные с церковью или делопроизводством люди различных социальных слоев. Поэтому в них следует ожидать наличие и церковной, и светской антропонимии лиц разного общественного положения.

До нас дошли некоторые написанные в Прикамье частные деловые письма, в которых совмещаются элементы церковно-книжного языка и разговорной речи. Так, в письме жителя Соли Камской Рязанцева, с одной стороны, при обращении к адресатам (двум братьям Суровцевым) используются слова высокого стиля: *Многолетно и благополучно о Христе навеки в млсти великого бга здравствуйте вкупе же с сожительницами*[5] *своими и с праведными детками и со всем своим блгодатным и праведным домом и со всеми своими приятели на многие неисчетные впредь будущие многие лета и подавай гсди боже всякого дорогого счастия многолетнего пребывания елико желает честность вша светая* [*КСГ: 91 об.*]. Однако, с другой стороны, при описании реальных событий используется нейтральная и профессиональная лексика, обычная для деловой и разговорной речи жителей Соликамского

---

[4] Слова, которые принято подавать в скорописных текстах сокращенно (ср.: *бжественный* вместо *божественный*), не восстанавливаются.

[5] *Сожительница* – в высоком стиле ‘жена’.

уезда: *В прошлых годех продали от нужды дети мои Фед(ь)ка Ивашко у Соли Камской по моим купчим и закладным крепостем варницу Бгородскую с цыреном и с росолными трубами и заложили сенные покосы и продали двор что у мелницы со всеми дворовыми хоромы с местом и с поскотиною* [там же]. Такая ситуация применения разностильных элементов, по-видимому, должна была отразиться и на употреблении антропонимов.

Итак, в качестве базы для исследования имен жителей Прикамья используются тексты разных жанров, что дает возможность сопоставлять антропонимы, употреблявшиеся в зависимости от разных условий, а именно: от особенностей построения текстов документов определенного жанра, степени следования принятой в деловом языке того или иного столетия нормы фиксации имени, социального положения носителя имени, его пола, а иногда и национальности.

Хронологические рамки исследуемого материала оказываются довольно широкими: от середины XVI до конца XVIII в. В течение двух с половиной столетий произошло немало изменений в истории России и Пермского края, в делопроизводстве, в русской живой речи, в церковно-книжном языке. Происходили изменения и в русской антропонимии: 1) уходят некалендарные имена, 2) формируется фамилия как член официального именования для людей разных социальных слоев, 3) утверждается два типа отчеств: а) на -вич (Алексеевич, Петрович), б) в форме притяжательного прилагательного от имени отца со словом *сын* или *дочь* (Алексеев сын, Петрова дочь), 4) утрачивается употребление индивидуальных прозвищ в сложных антропонимах.

Конечно, должны были происходить изменения и в именах: в составе именника, в словообразовании имен, в употреблении форм имен в зависимости от ситуации, жанра текста, социального положения носителя имени и от других причин, которые выявляются в результате изучения истории антропонимии жителей Прикамья. Эти изменения и рассматриваются далее.

Для изучения истории имен использованы источники двух этапов. Первый этап – XVI – начало XVIII века (до 1710 г.) – представлен текстами памятников всех названных выше жанров документов. Хотя в начале XVIII в. реформируется делопроизводство в России (появляются новые виды документов, новая лексика – названия учреждений, должностей, процессов и т. д.), но многие

пермские документы до 1710 г. (и даже позднее) нередко создавались по канонам старого делопроизводства: на свитках, с использованием старой графики (даже после реформы графики при Петре I), со старыми деловыми оборотами и т. д. Вместе с тем в них происходили изменения: появлялась новая терминология, обозначение чисел цифрами (не буквами, как ранее), написание документов в тетрадях и т. д.

Второй этап – XVIII в. (от 1710 г.) – изучался в основном по переписным документам (ревизским сказкам, подушным спискам жителей, спискам церковнослужителей) и некоторым другим документам, в которых фиксировались имена, например, по книгам конторы Егошихинского завода[6] (Ег 1; Ег 2).

Некоторая неравномерность в использовании жанров деловых текстов двух названных этапов обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, тексты всех жанров пермских памятников этапа «XVI – начала XVIII в.» изучались ранее специально для характеристики лексики делового языка региональных текстов [Полякова 1979;1982; 2002], составления лексических (СГТ; СЛПП; СПП) и ономастических пермских словарей (СИ; СПФ). Они дают представление о развитии антропонимии в живой речи, а также в деловом и церковном языке того времени, создают основание для разработки истории имен XVI–XVIII вв. В исследовании истории имен использован весь этот материал.

Во-вторых, в XVIII в. формируется новый деловой язык, в котором антропонимы употребляются, как правило, в официальной форме, т. е. обычно в таком виде, в каком они представлены в переписных документах, рассматриваемых в данном исследовании. Что же касается именований в живой речи XVIII в., то нужны специальные поиски документов, где бы она фиксировалась без изменений, без редактирования. К сожалению, пока такие тексты не попали в поле зрения ономатологов. Это дело будущего.

И все-таки не стоит откладывать разработку истории антропонимов XVI–XVIII вв. до обнаружения и исследования таких документов, так как общая картина развития вырисовывается в результате сопоставления имен живой речи XVI – начала XVIII в. с антропонимами (фиксируемыми в различных текстах и восста-

---

[6] На месте Егошихинского завода в 1780 г. учреждается губернский города Пермь.

навливаемыми по отыменным фамилиям) XIX–XX вв., о которых имеются сведения в современных ономастических работах.

Итак, использование в качестве материала русских документов Прикамья разных видов для исследования состава имен, особенностей их структуры, стилистики, функционирования позволит установить вехи их истории в Пермском крае XVI–XVIII вв.

1.2. Из истории формирования населения Пермского края

Пермский край, как и другие территории России, в XVI–XVIII вв. был многонациональным, заселенным народами, говорившими на языках разных языковых семей: индоевропейской (русский язык), финно-угорской (мансийский, коми-пермяцкий, коми-зырянский, удмуртский, марийский, мордовский), тюркской (татарский, башкирский, чувашский и другие языки).

В написанных на русском языке государственных документах XVI–XVII вв. (переписных текстах и различных административных и юридических актах) жители края обычно характеризовались в социальном и имущественном отношении (*посадские лутчие люди*, *середние люди*, *молотчие люди*, *пашенные крестьяне*, *беспашенные крестьяне*, *бобыли* и т. д.). Вместе с тем характеристика населения оказывалась связанной с религией. Жители формирующихся городов и сельское население – пашенные крестьяне, имевшие землю для обработки, непашенные (или беспашенные) крестьяне, не имевшие земли, бобыли, занимавшиеся каким-либо ремеслом, – были православными. В национальном отношении ими являлись преимущественно русские, а также коми-пермяки, рано принявшие христианство. Лишь изредка отмечались отдельные представители других народностей, ср.: *Сылвенский пашенный остяк Кильдей Кулишев* [*Ш* 2: 257], *В Чердыни...дворы посадских самых молотчих людей...Нежданко Семенов сын Зырян...Ярофейко Нежданов сын Зырян* [*КЧ*: 50]. Все они учитывались в переписных документах, платили государевы подати полученным ими продуктом и несли различные повинности.

В середине XVI в. в Прикамье возникла вотчина именитых людей Строгановых, занимавшая обширную территорию, на которой проживали преимущественно русские и коми-пермяки. В документах XVI–XVII вв. антропонимы закрепощаемых Строгановы-

ми людей записывались так же, как именования государственных крестьян и жителей городов, городков и острожков Пермского края: Чердынской земли (Перми Великой), Соли Камской и Кунгурского уезда.

Остальное население было ясачным, т. е. платившим ясак. К нему относились мусульмане (тюркоязычные народности) и люди, исповедующие другие религии: вогулы (манси), остяки (ханты), черемисы (марийцы).

Тексты документов, которые легли в основу настоящего исследования истории имен жителей Пермского края, написаны на русском языке. В них учитывается и описывается преимущественно русское, а также коми население, причем национальность людей обычно не называется, они учитываются как православные. О принадлежности части упоминаемых в документах людей или их предков к коми-пермякам или коми-зырянам свидетельствуют их некалендарные имена, прозвища и образованные от них фамилии из коми слов. Так, *Крестьянин деревни Нижнее Мошево Чукля Иванов* [*Я*: *31 об.*] назван именем Чукля из коми слова *чукля* 'кривой, согнутый' [КПРС: 545]; *Крестьянин деревни Кудымкар на реке Иньве Чизь Дмитриев* [*Я: 41*] имел имя, в основе которого коми корень *чиз* 'морщиться, выражать неудовольствие, делать кислый вид, кривиться' [ССКЗД: 410]; *Крестьянин деревни Над Малою Усолкою Кирилко Федоров сын Шешук* [*Е: 138*] получил прозвище Шешук, образованное от коми глагола *шешкыны* 'шепелявить' [КПРС: 559]; *Крестьянин погоста Покча на реке Колве Игнашка Бурмортов* [*РСЧ 2*: *9 об.*] имел фамилию, образованную от прозвища Бурморт из коми слов *бур* 'хороший' и *морт* 'человек' [КПРС: 45, 253].

Если же в пермские деловые тексты попадали сведения о людях других народностей и религий, то обычно указывалась их национальность, ср.: *Деревни Елпачихи татарин Азняшко Казаев* [*КА: 244*], *Бабкинский татарин Баймуратко Янтуганов* [*КА: 195*], *Иренский остяк Байса Акбашев* [*Ш 2: 252*], *Деревни Солянки черемисин Истекай Кырынбаев* [*КЗСИ: 536*], *Осинской дороги мещеряк Кайбиско Узеев* [*КЗСИ: 536*], *Тулвинский башкир Кимирай Акилдин* [*Ш 2: 470*], *Вишерский вогул Копача Пукумов* [*Ш 1:177*], *Вишерский вогулич Савдыч Учукумов* [*Ш 1: 174*], *Деревни Елкибаевы чувашенин Мулко Тетюков* [*КА: 244*], *Иренский мордвин Толсара Кичемасов* [*Ш 2: 254*]. Однако эти люди не

учитывались в русских писцовых и переписных книгах, а в остальных привлеченных к данному исследованию документах (преимущественно административных, судебных и имущественных) упоминались от случая к случаю. По имеющимся в этих источниках материалам невозможно системно описать историю имен нерусских жителей Прикамья, и в данном исследовании она не рассматривается.

Анализируемые нами имена в современных антропонимических работах принято называть русскими независимо от их происхождения, так как они бытуют в русской среде, в русском языке, ср. название книг Н. А. Петровского или А. В. Суперанской «Словарь русских личных имен» [СРЛИ 1; СРЛИ 2], в которых фиксируются как календарные, так и некалендарные имена нерусского происхождения, ср.: *Марат, Руслан, Сартак, Тимур*. Однако в нашем исследовании мы называем исследуемые онома в целом не русскими именами, а именами жителей Пермского края, так как какая-то часть анализируемых антропонимов в XVI–XVII вв., несомненно, принадлежала нерусскому населению, в основном коми-пермякам.

Такие имена воспринимались писцами как иноязычные и при составлении документов либо сохранялись, либо переводилась на русский язык, причем образованные от этих же имен топонимы сохранялись без изменений как коми-пермяцкие. Классическим примером этого является коми имя Ныр, от которого образован топоним Нырыб (из коми слов *Ныр* 'нос' и *ыб* 'поле') – 'поле человека по имени Нос'. На этом поле возникла деревня Нырыб (ныне поселок Ныроб), которая отмечается в писцовой книге 1579 г., но некалендарное нерусское именование ее жителя в этой книге переведено на русский язык – *Иванко Нос*: *Крестьянин деревни Нырыб на речке на Роднике Иванко Нос* [*Я: 24*]. В писцовых книгах 1579 г. и 1623 г. зафиксировано и другое поселение – погост Ныров, название которого также восходит к антропониму Ныр 'нос' и оформлено русским суффиксом -ов, но отмечавшаяся там фамилия Носовы образована из русской кальки коми имени *Ныр*. В переписной книге 1647 г. погост назван иначе, по реке, на которой стоит, но отмечается и его старое название – *погост Коса, Ныров тож* [*Е 1: 228 об.*] (ныне это центр Косинского района Пермского края). В нем долго сохранялась фамилия Носовы, от некалендарного имени Нос – кальки от Ныр.

При разработке истории антропонимии жителей региона необходимо учитывать, когда и как складывалось население, какими были принесенные в Прикамье традиции, в частности традиции наречения людей именами, каковы источники имен края.

Русские имена попадали в Прикамье вместе с проникновением сюда русских людей. Определить абсолютно точно, когда русские впервые появились в Пермском крае, пока не представляется возможным. Однако некоторые записи в летописях, результаты исследований археологов и историков, а также данные топонимии позволяют предположить, что в XII в., если не ранее, русские бывали в бассейне Верхней Камы, в Перми Великой.

Название этой территории восходит к этнониму (названию народности) *пермь*, отмечавшемуся еще в «Повести временных лет», в той ее части, где говорится о расселении восточных славян (IX–X вв.) и о племенах, *иже дань дають Руси*. Однако там *пермью* именуются земля и проживавшие на ней предки современных коми-зырян (на территории современной Республики Коми), соседями которых на востоке была *печера*, т. е. финно-угорские племена в бассейне реки Печоры. От XI в. дошли ранние записи о походах новгородских ушкуйников[7] (например в 1092 г.) за данью в Югру, т. е. в бассейн Печоры. Не исключено, что во время таких походов русские могли выходить и в бассейн Камы по притокам Вычегды, по Печерскому волоку или другим путем.

В XII в. в русских летописях в описаниях отношений русских княжеств с Волжско-Камской Булгарией (Болгарией), т. е. государством на территории современного Татарстана, появляется гидроним Кама. Булгария стремилась подчинить себе земли по среднему и верхнему течению Камы, а также по реке Вычегде, на которой жили предки современных коми-зырян, земли Русского Севера. Чтобы защитить Русь, в 1157 г. новгородские ушкуйники совершили набег на булгарский город Бряхимов *на реце на Каме*. В 1177 г. дружина владимиро-суздальских князей через земли волжских булгар вышла к низовьям Камы. В 1173 г. великий князь Всеволод Большое Гнездо заложил на высоком берегу в устье реки Юг (в бассейне Северной Двины) городок Гляден, око-

---

[7] Ушкуйник – член вооруженной дружины, снаряжавшейся новгородскими боярами и купцами для походов на ушкуях (плоскодонных лодках с парусом и веслами) с целью грабежа [ССРЛЯ. М.; Л., 1964. Т. 16. С. 1177].

ло которого в 1212 г. строится город Усть-Юг (Великий Устюг). Его сын Юрий подчиняет своему влиянию земли по рекам Северной Двине, Вычегде, Сухоне и Югу, ограничивая власть новгородцев и противостоя стремящимся туда булгарам.

Волжские булгары пытались препятствовать созданию русских центров на подступах к Северному и Среднему Уралу. Так, в 1218–1219 гг. они совершили два набега на Устюг. Однако в 1220 г. войско владимиро-суздальского князя вышло *из Устьюга*, прошло по Вычегде и ее притокам на верхнюю Каму, спустилось до ее устья и *взяста на ней много градков*. Историки отмечают, что этот поход сдержал продвижение булгар в Прикамье. Отмечена Кама в ее верхнем течении, и в связи с упоминанием Перми Великой в замечательном памятнике конца XIV в. – «Житии Стефана Пермского», созданном Епифанием Премудрым: *Река же...именем Кама. Си убо обходящиа и проходящиа всю землю Пермьскую, сквозь ню, по ней же мнози языцы* [народы] *седять*.

«Житие Стефана Пермского» стало исключительно важным источником по истории севера европейской части России. В нем описана подвижническая жизнь монаха Стефана, причисленного к лику святых за подвиг в приобщении к христианству, в крещении пермян (*Перми* – коми-зырян) и установление тесной связи *Перми* (*Вычегодской*) с Москвой, за что и было дано ему прозвание – Пермский. Он составил пермскую (коми) грамоту и перевел на язык пермян священные православные тексты (к сожалению, впоследствии в основном утраченные). Епифаний Премудрый очень эмоционально в стиле плетения словес описывает подвиг Стефана в создании пермской азбуки, противопоставляя его создателям греческой азбуки, которую долгое время вырабатывали 70 мужей-мудрецов: *Пермьскую же грамоту един чрьнець сложил, един составил, един счинил, един калогер* [монах], *един мних, един инок, Стефан, глаголю, приснопомнимый епископ, един в едино время, а не по многа времена и лета, якоже и они* [цитируется по: Хрестоматия: 90]. Вместе с тем Стефан Пермский не только проповедовал православие и противостоял язычникам (их религиозному главе Паму), но и помогал пермянам в голодные годы, приводя из Вологды и Устюга обозы с хлебом.

В житии очерчены границы территории той Перми, где действовал Стефан, т. е. Вычегодской Перми XIV в.: *А се имена местам, и странам, и землям, и язычникам, живущим около Перми:*

двиняне, устюжане, вилежане, выче[*г*]*жане, пенежане, южане, сырьяне, гайяне, вятчане, лопь, корела, югра, печера, гогуличи* [*вогуличи*], *самоядь, пертасы, пермь великая, глаголемая чюсовая*. Здесь по рекам названы русские жители севера (*двиняне*, жившие по реке Северной Двине, *пенежане* – по Пинеге, *устюжане* – по устью Юга, *вилежане* – по Виледи и т. д.) и нерусские племена (*лопь*, *корела*, *югра*, *печера* и др.). *Пермь* (пермяне) жила по Вычегде и ее притокам (по Выми, Сысоле). Местом пребывания Стефана была Сысола (Усть-Сысольск, ныне Сыктывкар – столица Республики Коми). Именно по той Вычегодской Перми и получил свое именование Стефан, в Камской Перми (т. е. в Перми Великой, в современном Пермском крае) он никогда не был, но начатое им дело – крещение пермян – продолжалось в XV в. уже в бассейне Камы, т. е. на территории проживания коми-пермяков.

Для исследователей очень важно первое в истории упоминание среди соседей Вычегодской Перми *Перми Великой, глаголемой* [называемой] *Чусовою*. – Это север современного Пермского края: Гаинский, Чердынский, Косинский районы, части Красновишерского, Соликамского, Усольского районов, бассейн Чусового (ныне Чусовского) озера в Чердынском районе. Начиная с XIV в. именно Пермью Великой, а затем и просто Пермью называли эту часть Руси. Земли по Вычегде постепенно начинают именовать Малой Пермью, Пермцей, а затем слово Пермь вообще исчезает из официальных текстов по отношению к бассейну Вычегды. Оно сохраняется только для Верхнего Прикамья.

Итак, в XII–XIV вв. русские знают о Каме, попадают на нее и оставляют некоторые сведения об этом, в частности в топонимии. К сожалению, древние карты Московской Руси либо не дошли до нас, либо дают очень скудные сведения о Прикамье. Старые карты (XV–XVI вв.) оказываются весьма неточными. Так, Пермь Великая (Чердынь) отмечается их составителями на Вычегде, а не на Колве (в бассейне Камы), что свидетельствует о проникновении русских в Прикамье именно с Вычегды. На картах передается старое представление о Каме и ее притоке – Белой: Кама ниже устья реки Белой считается ее продолжением. Так, Кама, отмеченная на «Чертеже Московских земель» 1497 г. и на «Карте Московии Антония Дженкинсона» 1562 г. [Рыбаков 1974], показана лишь как продолжение реки Белой и никак не связана с Пермью Великой. На этих картах прорисована только нижняя (по течению) часть

Камы, являющаяся продолжением Белой. Как топонимы в Среднем и Верхнем Прикамье на них отмечаются только гидронимы Кама (в ее нижнем течении) и позднее – Вишера.

Вместе с тем и сама Кама, и пути перехода на притоки Верхней Камы с притоков Вычегды и Печоры были хорошо известны с древности финно-угорскому населению и использовались задолго до появления здесь русских. Этими путями и попадают русские в Верхнее Прикамье. Из Руси первыми сюда приходят новгородцы. Об этом известно по результатам раскопок археологов на Верхней Каме, исследованиям историков, в частности работе В. А. Оборина «Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века», а также по топонимам, сохранившиеся до настоящего времени. Так, керамика XV в., обнаруженная при раскопках Искорского городища (в бассейне Колвы), имеет аналогии в новгородской керамике XIV–XV вв. [Оборин 1990: 72]. В новгородской ономастике находим некоторые параллели с топонимами Верхнего Прикамья, ср.: географический термин *просmь* в составе сложных топонимов, ороним Полюд, гидроним Вишера.

Слово *просmь* в Пермском крае отмечается очень редко и только в микротопонимах одной территории, а именно: вблизи истока реки Вишерки, вытекающей из Чусовского озера и являющейся притоком Колвы, впадающей в Вишеру – левый приток Камы. Сложные микротопонимы со апеллятивом *просmь* записаны в Чердынском районе во второй половине XX в. этнографом Г. Н. Чагиным, ныне профессором Пермского университета. Это названия озер на правобережье Вишерки *Нижняя Просmь* и *Верхняя Просmь*, лугов на правом берегу Вишерки *У Нижней Прости*, *У Верхней Прости* и лу́га на левом берегу Вишерки *Против Верхней Прости* [Чагин 2004: 68].

К сожалению, пермская лексика и ономастика не дают каких-либо материалов для изучения этого термина. Он не зафиксирован ни в современных пермских диалектных словарях [СПГ; Акчим. сл.], ни в картотеках создаваемых словарей[8], ни в материалах пермских памятников XVI–XVIII вв. [СПП]. Не отмечают его и в лексике многих русских диалектов.

---

[8] Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края» хранится на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

Вместе с тем слово *просmь* представлено в некоторых словарях и исследованиях, что дает возможность понять пути его проникновения в Верхнее Прикамье и его семантику. В «Словаре народных географических терминов» Э. М. Мурзаева дается следующая справка о слове: «Прость – прямой мелководный проток между рукавами реки или рекой и рукавом на Припяти; прямая дорога. Из древнерусского *простъ* – прямой... Значение 'прямой' сохранилось в польском, чешском, словацком *prosty*, болгарском *прост*» [Мурзаев 1984: 464].

Именно в значении 'прямой путь, необъездом' апеллятив *прость* отмечается А. Преображенским [2: 134], рассматривающим его этимологию, и вводится со ссылкой на него в качестве первого значения слова в «Словарь русских народных говоров» [СРНГ 32: 257]. Другие значения, отмеченные в этом словаре, зафиксированы в кировских, костромских ('прямой мелководный проток'), вологодских ('канал', 'старое, заросшее русло реки') и новгородских (название пожни) говорах.

Географический апеллятив *прость* показан в историко-лингвистическом словаре в значении 'прямое направление, прямой путь, протока' с XII в. в новгородских и псковских памятниках [СлРЯ XI–XVII вв. 20: 243–244], что свидетельствует о древнем его употреблении. Апеллятив проник в гидронимию. Реконструируя праславянский гидронимный фонд, В. П. Шульгач [1998: 225–226] приводит лимнонимы и гидронимы в разных восточнославянских языках и восстанавливает прагидроним **Prostь*, выводит его из праславянского апеллятива **prostь*.

Таким образом, слово *прость*, фиксируемое в чердынских микротопонимах, является древним славянским географическим термином. В Прикамье он мог попасть при проникновении русских на север Пермского края с притока Вычегды Нема в бассейн Чусовского озера, а из него по Вишерке, Колве, Вишере в Каму. Его могли принести новгородцы, ср. гидроним Прость – название притока реки Волхов [НОС 9: 50].

Видимо, в значении 'проток; прямой проток' оно и пришло в Прикамье, на Вишерку, но закрепилось только на одной небольшой территории. Там, где Вишерка вытекает из Чусовского озера, особенно на правобережье, расположены низкие болотистые места, на которых во время половодья образуются озера. Из этих болот и из озер текут в Вишерку два протока – *Нижняя Прость* и

Верхняя Prость. Их устья являлись ориентиром на реке Вишерке и поэтому топонимы сохранялись на протяжении веков. В результате метонимии названия были перенесены и на болотистую местность, и на озера (*Нижняя Просmь* и *Верхняя Просmь*), из которых они вытекают, и на луга, расположенные по берегам протоков (*У Нижней Прости*, *У Верхней Прости*). Луг же на левом берегу Вишерки получил название по устью одного из этих протоков, напротив которого он расположен, – *Против Верхней Прости*[9].

Другим топонимом, связывающим бассейн Верхней Камы с древними новгородцами, может быть название горы (камня) Полюд (527 м высоты) на правом берегу Вишеры, напротив современного города Красновишерска. С Полюда хорошо видны окрестности на многие десятки километров, в частности город Чердынь и селения по реке Колва, а из Чердыни и с Колвы в хорошую погоду отчетливо видна гора Камень Полюд, напоминающая издали очертания Гром-камня – основания памятника Петру I в Санкт-Петербурге.

С названием горы связаны различные легенды о богатыре Полюде, с помощью которых пытались выяснить происхождение названия камня. Так, И. Я. Кривощеков [1914: 630] соотносит это название с именем героя коми-пермяцкого эпоса о Пеле-богатыре и полагает, что русское слово Полюд восходит к коми словам *пель* 'ухо' и *удом* 'поднести', т. е. в основе названия Полюд семантика 'ухо, поднесенное к реке (Пеля, живущий у реки)'. Другие легенды связывают название горы с жившим здесь русским богатырем Полюдом, охранявшим путь по Вишере и защищавшим Чердынь от чуди. В одной из них рассказывается о том, что однажды, когда врагов было очень много и справиться с ними было трудно, Полюд рассердился и топнул ногой так, что Вишера вышла из берегов и затопила чудь. На горе есть большая каменистая площадка, похожая по очертаниям на след от огромной ступни. Считается, что это след от ноги топнувшего Полюда. Когда Полюд победил чудь, он ушел в гору и спит там. Но если понадобится защитить край, он вернется и снова будет охранять его.

Современные исследователи полагают, что в основе названия горы лежит древнерусское некалендарное имя Полюд, зафиксированное в новгородской берестяной грамоте (*а у Полюд*[*а*] *в*[*ъ*]*зьми*

[9] Подробнее см.: Полякова 2006: 130–137.

В [*две*] *гривьне бе*[*з*] *шести ногатъ*) [Зализняк 1995: 270] и в других памятниках, ср. упоминание о новгородцах XII–XIII вв.: «Полюдъ Късятиничъ, Новгородецъ, 1140 [г.]… Полюдъ, Новгородецъ, 1215… Полюдъ, Новгородский бояринъ, 1268» [СДЛСИ: 369]. В новгородских берестяных грамотах отмечалось и женское именование (прозвище) Полюжая, образованное от имени мужа Полюд [Полякова 1975: 99; Чайкина 2006: 35]. Установить точно причину происхождения некалендарного имени Полюд трудно. Его связывают либо с древнерусским названием сбора князем дани *полюдье*, либо с прилагательным *полюдный* 'общительный, обходительный', однако прилагательное *полюдный* в таком значении не отмечается ни в исторических, ни в диалектных словарях русского языка, но есть слово *полюдный* 'относящийся к полюдью' [СлРЯ XI–XVII вв. 16: 288]. Так что, видимо, *полюд* – это сборщик княжеской дани, полюдья.

Для решения вопроса о происхождении названия горы Полюд следует учитывать ее расположение и сведения пермских памятников письменности об окрестностях, которые показывают, что на противоположном берегу Вишеры в нее впадает река Морчан, впоследствии называемая Морчанкой, а сейчас в некоторых географических изданиях даже Молчанкой [Атлас 1: 35; Атлас 2: 24]. Возникшая здесь в прошлом деревня Морчаны входит в настоящее время в территорию города Красновишерска. Устье этой реки (местность Морчан) проживавшими ранее в бассейне Вишеры вогулами (манси) считалось границей между территорией их хозяйственных интересов (выше по течению Вишеры) и землями русских (ниже по ее течению), о чем сообщают дошедшие до нас челобитные вогулов XVII в., в которых отмечается их территория «до Морчану». Не была ли удобная площадка напротив устья Морчана (у подножия горы Полюд, где ныне находится деревня Бахари) местом, где в далеком прошлом (XIV–XVI вв.) встречались русские и вогулы для решения территориальных проблем, для получения дани – *полюдья* (это слово отмечается в русских документах вплоть до XVI в.)? В таком случае этот участок, а затем и вся гора (в результате метонимии) могли получить название Полюд либо как место полюдья, либо по должности сборщика дани – *полюд*. Вместе с тем не исключено, что возглавлял сбор дани и руководил ее охраной новгородец по имени Полюд. Оно и попало в легенды как имя защитника чердынской земли.

Память о древнерусском имени Полюд сохранилась в пермских топонимах (ср. Полюдово – название нескольких пермских деревень, образованное от антропонима) и фамилии Полюдов: *Чердынец Ивашко Тимофеев сын Полюдов*, 1623 г. [*КЧ: 47 об.*]; *Крестьянин деревни Красноперова на реке Колва Васька Фомин сын Полюдов*, 1623 г. [*КЧ: 56*]; *Житель деревни Нижне-Муллинская Сенька Денисов сын Полюдов*, 1647 г. [*Е: 101*], *Житель Пожевского завода Лаврентей Харитонов сын Полюдов*, 1762 г. [*Стр 4: 752*], жители современной Перми Полюдовы.

О связи с новгородской топонимей свидетельствует и название крупного притока Камы – реки Вишеры (453 км). Ее начало находится на северо-востоке Пермского края: река начинается от слияния Большой Вишеры и Малой Вишеры у южной оконечности горного отрога Маньси-Хумит-Нёл ‘отрог мансийских людей’ (он же Вишерский Камень). В бассейне Вишеры жили разные народы, но современное звучание гидронима пришло не из их названия реки – мансийского Пасар (Пассар, Пассарья) или коми Висер (Висьӧр). Приходившие сюда древние новгородцы, которые могли слышать эти названия, стали называть реку известным им гидронимом, похожим на местные названия. В Новгородской области текут реки Большая Вишера и Малая Вишера, образующие Вишеру, впадающую в Малый Волхов – рукав реки Волхова вблизи Новгорода. Это название новгородцы принесли к коми-зырянам, на территорию современной Республики Коми, где протекает Вишера – приток Вычегды, а затем и в Прикамье.

Происхождение гидронима Вишера связывают с древнерусским этнонимом *весь* (современные название – *вепсы*). Об этом писал В. И. Лыткин, показывая связь новгородского гидронима Вишера с названием этого финноязычного народа, проживавшего в бассейне Волхова. Он считал, что именно по веси и получила название река. Эту гипотезу развила А. С. Кривощекова-Гантман, она пришла к выводу, что гидроним восходит к словам *весь* ‘вепсы’ и *сара* ‘небольшая река; ответвление, рукав’, т. е. Весьсара – ‘река, на которой живет весь’ [ГНВП: 77–79]. Русские, проживавшие на новгородской территории, усвоили это название таким, каким услышали, но приспособили его к особенностям своей фонетики, в результате чего Е (возможно, близкое к звуку «ять») перешло в И, а СЬ – в ШЬ, позднее отвердевшему – Ш. В результате в русском языке все название стало звучать как Вишера.

Проникая на Русский Север, на территорию коми-зырян в бассейн Вычегды и на север Прикамья к коми-пермякам, новгородцы несли туда и свою топонимию. Они либо давали названия тем объектам, именование которых им было неизвестно, либо изменяли на русский лад уже существующие и известные им нерусские названия. И наиболее вероятно, что существовавшие на Вычегде и Верхней Каме коми названия Висер, Висьӧр они восприняли как уже знакомое им слово Вишера. Оно и закрепилось за вычегодской и камской Вишерой, а также стало основой названия реки Вишерки, вытекающей из Чусовского озера.

Новгородцы попадали в Прикамье с Вычегды через Русский Север и Пермь Вычегодскую. В XV–XVII вв. на Верхнюю Каму устремляется множество жителей Поморья, бассейнов Северной Двины, Вычегды, о чем свидетельствует антропонимия пермских документов, в которых отмечается большое количество прозвищ и фамилий оттопонимического происхождения.

Рассмотрим прозвища и образованные от них фамилии, указывающие на места, откуда пришли переселенцы в Пермь Великую. О выходцах с берегов Поморья говорят данные по местности антропонимы Поморец и Поморцев (*Крестьянин починка Веселков на реке Кос(ь)ве Ивашко Поморец* [*К: 149*], *Житель Соли Камской Ивашка Федоров сын Поморцев* [*Ш* 5_1*: 108*]), Варзуга и Варзугин по названию реки Варзуга, впадающей в Белое море (*Крестьянин деревни Шайтанова Калинка Иванов сын Варзуга* [*КЧ: 65 об.*], *Крестьянин деревни Шайтанова Антипка Иванов сын Варзугин* [*КЧ: 65 об.*]), Мезеня и Мезенин по реке Мезени, впадающей в Мезенскую губу Белого моря (*Житель деревни Сосновка Никифор Мезеня* [*КСАУ: 114*], *Крестьянин деревни Против Усть-Иньвы Речки на реке Каме Афонька Иванов сын Мезенин* [*Б: 8*]), Святоносов по местности около Святого Носа – мыса при выходе из Белого моря в Северный Ледовитый океан (*Чердынец Девятко Давыдов сын Святоносов* [*КЧ: 50 об.*]).

В пермских памятниках письменности XVI–XVII вв. зафиксировано много прозвищ (и фамилий от них), возникших из топонимов бассейна Северной Двины и образующих ее рек Вычегды и Сухоны с впадающей в последнюю рекой Юг. Антропонимы от этих гидронимов весьма частотны, что свидетельствует о большем количестве переселенцев с Русского Севера: Двинин, Двинюкинов, Двинянин, Двинянинов, Подвинцев (*Чердынец Якушко*

Двинин [*РСЧ 5: 91*], *Крестьянская вдова погоста Городище на реке Усолке Ананьица Захаровская жена Двинюкинова* [*КС: 178*], *Крестьянин Нового Усолья Ивашка Иванов сын Потеряха Двинянин* [*Е: 87*], *Житель Соли Камской Федор Двинянинов* [*КСГ: 171 об.*], *Крестьянин деревни Подвинцева на реке Чусовой Михалко Иванов сын Подвинцев* [*К: 162*]), Вычегдин, Вычегжанин (*Житель починка Чапкомов Григорей Петров сын Вычегдин* [*Стр 2: 248*], *Крестьянин деревни Харина Осташко Вычегжанин* [*Я: 26 об.*]), Сухонец, Сухонцев (*Житель деревни Бурсун на речке Бурсуне Ивашко Васильев сын Сухонец* [*КЧ: 145*], *Крестьянин деревни Над Речкой Бурсуном Осипко Иванов сын Сухонцев* [*Е: 135*]), Юг, Югин, Югов, Южак, Южаков, Южанин, Южанинов, Южаниновых (*Крестьянин деревни Нердва на реке Нердве Онтипко прозвище Юг Леонтьев* [*КЧ: 140 об.*], *Житель Чусовского Нижнего городка Ларионко Сидоров сын Югин* [*К: 112*], *Чердынец Левка Югов* [*РСЧ 4: 94*], *Крестьянин слободки На Веретее Тимошка Афанасьев сын Южак* [*Е 1: 19 об.*], *Чердынец Кузька Южаков* [*РСЧ 4: 16*], *Житель слободы Новое Усолье Мишка Юрьев сын Южанин* [*Е: 87*], *Житель погоста Рядикор Амброс Александров сын Южанинов* [*СЧ: 92*], *Житель Редикорского стана Аничка Южаниновых* [*РСЧ 5: 93*]).

Основой для многих прозвищ и фамилий послужили названия местности на Северной Двине, например, Белая Слуда (*Житель Орла-городка Лучка Дмитриев сын кузнец Белослудец с Двины* [*Е: 90*]) или Кивокурье (Кивакурье) 'Каменная курья' (*Крестьянин слободки Яйва Никитка Федоров сын Кивокурцев* [*Е: 139*]), а также притоков этой реки: Вага (*Крестьянин Бондюжского стана Ивашко Вага* [*РСЧ 4: 36*], *Чердынец Ивашко Вагин* [*РСЧ 5: 71*], *Крестьянин деревни Над Курьею Федотко Степанов сын Важанин* [*Е 1: 152 об.*], *Чердынец Алешка Васильев сын Важеня* [*РСЧ 4: 27*], *Житель погоста Губдор Яков Кирилов сын Важенинов* [*Ч: 108*]), Пинега (*Житель Соли Камской Алексей Осипов сын Пенягин* [*ГС: 32*], *Крестьянин села Слутка на реке Каме Ивашко Захаров сын Пеняженин* [*Е: 128*], *Житель Покчинского стана Гришка Пинегин* [*РСЧ 5: 26*], *Житель Соли Камской Петр Васильев сын Пинягин* [*КМ: 80*], *Крестьянин слободки Новое Усолье Левка Андреев сын Кубасов Пиняженин* [*Е: 106*], *Житель Лимежского стана Силка Пиняхин* [*РСЧ 5: 97*]).

Большое количество пермских антропонимов восходит к другим гидронимам бассейна Северной Двины, ср. названия рек:

Кокшенга (*Крестьнин Пыскорской монастырской слободки на реке Каме Васька Давыдов сын Кокшар* [К: 187], *Крестьянин деревни Серга Левка Осипов сын Кокшарец* [*Е: 112*], *Крестьянин починка Усть-Лекчим Алексей Прокопьев сын Кокшаров* [*Стр 3: 531*]), Лала (*Крестянин починка Выше Реки Усьвы на реке Чусовой Мосейко Иванов сын Мясников Лалета* [*Е: 118*], *Житель Усолья Камского Ивашко Вакорев сын Лалетин* [*КС: 158 об.*], *Крестьянин сельца Никольское на речке Муловке Артюшка Васильев сын Верхолалец* [*К: 121*], *Крестьянин деревни На Усть-Чусовые Левка Артемьев сын Верхоланцев* (из Верхолальцев) [*Е 1: 155 об.*], *Крестьянин сельца Верх-Мулинское Ивашка Иванов сын котельник Верхоланцевых* [*Е: 120*]), Луза (*Чердынец Федотко Луза* [*РСЧ 5: 11*], *Крестьянин деревни Банная Стенька Лузин* [*КА: 4*]), Сура (*Крестьянин Чусовского городка Феофанко прозвище Бессонко Ефимов сын Сурин* [*Е: 95*]), Сысола (*Чердынец Ивашко Сысола* [*РСЧ 5: 9*], *Крестьянин села Таз Никола Сысолин* [Кун: 823]), Устья (*В Чердыни Афонька Устьянец* [*РСЧ 4: 67 об.*]) и др.

Большое число людей прибывало из таких поселений бассейна Северной Двины, как Холмогоры (*Крестьянин деревни Новая на роднике Максимко Михайлов сын Колмогорец* [*К: 157*], *Крестьянин села Слудка на реке Каме Аристко Иванов сын Колмогоров* [*Е: 127*]), Матигоры (*Крестьянин Чусовского городка Ромашко Иванов сын Матигорец* [*Е: 96*], *Житель города Кунгура Федот Матигоров* [*КЗСИ: 811*]), Моржегоры (*Крестьянин деревни Чудское городище на реке Усолке Гаврилко Денисов сын Моржегорец* [*К: 142*], *Житель города Кунгура Ивашко Моржегоров* [*КА: 272*]), Усть-Сысолск (*Крестьянин погоста Вильва на реке Вильве Васька Пантелеев сын Сысолетин* [*КЧ: 117 об.*]), Великий Устюг (*Крестьянин села Веденское Дмитрей Устюгов* [*Кун: 146*], *Беспашенный крестьянин Камского Усолья Тимошка Устюжанин* [*Я: 3 об.*], *Крестьянин деревни Кузнецовы Федор Калинин сын Устюжанинов* [*КМ: т. 14*]). Множество переселенцев шло из Вологды (*Крестьянин Орла-городка Иван Яковлев сын Вологда* [*Стр 3: 445 об.*], *Житель Городка на реке Чусовой над речкою Усолкою Данила Ильин сын Вологдин* [*Даш: 17*], *Чердынец Васька Вологжанин* [*Я: 13 об.*], *Крестьянин села Веретия Михайло Захаров сын Вологжанинов* [*Стр 3: 514 об.*]) и с Белозерья (*Крестьянин слободки Яйва Ивашка Прокопьев сын Белозер* [*Е: 140*], *Житель города Кунгура Ивашко Елисеев сын Белозеров* [*КА: 55*], *Крестьянин Нового Усо-*

лья Тимошка Васильев сын Белозерец [*Е: 88*], *Крестьянин деревни На Речке Лысьве Харитонко Яковлев сын Белозерцев* [*Е: 119*].

В Верхнее Прикамье шло население с северо-запада, с Онеги (*Чердынец Савка Онегов* [*РСЧ 5: 43*]), из Каргополя (*Крестьянин слободки Слудка на реке Каме Ивашко Васильев сын Каргопол* [*К: 147*], *Крестьянин Сылвенского сотрожка Ивашко Артемьев сын Каргополов* [*Е 1: 91*], *Крестьянин погоста Покча на реке Колве Тренька Иванов сын Каргополец* [*КЧ: 64*], *Крестьянин сельца Серга Ивашко Гаврилов сын Каргопольцов* [*Б: 174*]). С севера прибывали жители с Печоры, например из Усть-Цыльмы (*Чердынец Ивашко Устьцилемов* [*РСЧ 4: 70*]).

Мы специально остановились на данных о выходцах с севера европейской части России, которые составляли основную массу русского населения Перми Великой XVI–XVII вв. Их антропонимы были весьма частотны и фиксировались в разных районах Пермского края. Они повлияли на становление русских говоров и системы имен жителей Верхнего Прикамья.

Вместе с тем следует отметить и прибывших с других территорий, о чем также свидетельствует антропонимия. Казалось бы, рядом с Пермским краем Вятка, относящаяся к бассейну Камы, и оттуда должно было активно идти население. В XVI–XVII вв. в Верхнем и Среднем Прикамье отмечаются выходцы с верховьев Камы (сейчас Кировская область) [10] и Вятки с антропонимами *Верхокамец*, *Верхокамкин*, *Верхокамских*, *Верхокамцов*, *Вятка*, *Вяткин*, *Вятчанин*, *Вятчанинов*, *Вятченинов*, *Уржум*, *Уржумов*. Однако их относительно прибывших с Русского Севера немного. В конце XVII–XVIII в. с Вятки переселяются пришедшие туда ранее староверы, но они сохраняют свои старые, «довятские» оттопонимические именования.

Разными путями прибывали в Прикамье выходцы из бассейна Волги, в ту эпоху носители севернорусских говоров: *Балахонец*, *Балахонцев*, *Володимерец*, *Володимерцов*, *Костромин*, *Костроминых*, *Костромитин*, *Нижегород*, *Нижегородец*, *Нижегородов*, *Нижегородцев*, *Пошехонец*, *Пошехонов*, *Пошехонцев*, *Ростовец*, *Ростовцев*, *Тверитин*, *Тверитинов*, *Угличанин*, *Ярославец*, *Ярославцев*. Реже приходили в Прикамье жители центра России (*Мос-*

[10] Верховья Камы находятся в Удмуртии и Кировской области. Верхнее течение Камы проходит уже по Пермскому краю.

каль, Москалев, Московитин, Москва, Москвин, Москвитин, Москвитинов), а также носители южнорусских диалектов (*Калуга, Калугин, Рязанец, Рязанцев*).

В XVI и особенно в XVII вв. Верхнее и Среднее Прикамье было «проходным двором», по которому шли переселенцы в Сибирь. В пермских писцовых книгах 1623/1624 гг. в погостах и деревнях отмечаются брошенные пустые дворы, но их относительно немного. А далее в переписных книгах 1647 г. пустых дворов оказывается значительно больше, в записях сообщают об их бывших хозяевах либо *умре*, либо *сшол безвестно*, либо *сшол* в *Сибирь*. Из Чердынского уезда, в котором и климат был суровым, и *земля худа*, уходили либо на юг вниз по Каме *на Мул(л)ы*, *на Осу* и южнее, и к концу XVII в. русские расселились по всему Пермскому краю. Но многие уходили за пределы Прикамья – в Сибирь. За уход карали, сохранились документы, говорящие об этом, ср.: *В прошлом, государь, во 182* [1674] *году весною подговаривал нас, сирот твоих, он, Истекайка, бежать в Сибирь и хотел провести прямою дорогою, и от того имал по четыре гривны с человека. И мы, сироты, в Сибирь не угодили, на заставех не пропустили* [*КА: 32*].

Тем не менее Сибирь активно заселялась русскими, что показывают исследования сибирских, например томских, документов XVII в. В. В. Палагина [1985: 40–51], изучив диалектный состав томского населения, показала, что преобладают в нем носители севернорусских говоров (севера, европейской части России, Верхней Волги, Верхней Камы), гораздо меньше говорящих на средне-русских говорах, самую малую часть составляют носители южнорусских диалектов. Соотношение этих групп населения «может быть выражено приблизительно как 6:2:1» [Палагина 1984: 49].

Из Прикамья несколько путей вело в Сибирь. Самой старой была дорога по Вишере и ее притокам к проходу (уроту11) через Уральский хребет к притокам Лозьвы в бассейн Оби. К XVII в. на этом пути, как свидетельствуют расспросные речи о территории к северо-востоку от Перми (т. е. Чердыни) уже утвердились те русские

[11] Урот – лощина между горами, проход через хребет. В деревне Акчим Красновишерского района Пермского края записано со слов охотника: «С той стороны камень [гора] и с другой стороны камень, между ними, можот, с километр, а лошшына между ними называтся уротом…Урал далеко отседа, сто пять километров, урот проходит, проходить можно – проход».

названия камней (береговых скалистых гор) по Вишере, какие существуют в настоящее время: *По Вишере-реке которая блиско Чердыни прошла мимо Чердынский уезд есть де горы каменные прозванья им гора Сторожевая... гора Лапина гора Сыпучая гора Писаная... гора Золотая гора Гостина гора Витряная гора Дироватая* [*РР*: 5]. Другим был путь по Чусовой, единственной реке, перешедшей Уральские горы. Третьим и самым коротким путем с конца XVI в. была разведанная и обустроенная Артемием Бабиновым так называемая Бабиновская дорога, в 7 раз (!) сократившая путь от Соликамска до Верхотурья по сравнению со старым путем.

Дороги в Сибирь действовали в обе стороны, и пермские документы XVII в. свидетельствует о том, что жители Прикамья не только уходили в Сибирь, но и приходили на жительство из Сибири, ср. антропонимы Сибиряк, Сибиряков (*Житель города Кунгура Афонька Сибиряк* [*КА: 8*], *Крестьянин деревни Беркутова Петр Сибиряков* [*КА: 113*]), Томянин (*Беспашенный крестьянин Усолья Камского Филька Томянин* [*Я: 4*]), Якутенин, Якутов (*В Чердыни в тюрьме седелец Сенька Якутенин* [*РСЧ 8: 53*], *Крестьянин деревни Гилева Ивашка Афанасьев сын Якутов* [*КЧ: 56 об.*]). Тяжелые дороги (почти бездорожье) не останавливали землепроходцев: они уходили с Русского Севера в Сибирь, а потом возвращались на старые места *по отца и по матерь и по жену и по детей з женами и з детьми и дядей з женами и детьми их и племянников и з женами же и з детьми* [Палагина 1986: 52], чтобы вернуться уже с ними снова в Сибирь. И путь их шел через Прикамье.

Итак, в Пермском крае к концу XVII в. сложилось устойчивое русское население, заселившее бассейн Верхней и Средней Камы. Оно было многочисленнее других народов [Чагин 2002: 12]. Преобладали в нем носители севернорусских говоров и культуры Русского Севера, что сказалось на пермской антропонимии (прозвищах и фамилиях) и должно было отразиться в обрядах наречения именами и в складывающемся пермском именнике.

Другой существенной этнической составляющей, которая не могла не отразиться на становлении пермских русских говоров и пермских имен, было проживавшее здесь коми-пермяцкое население.

История коми-пермяков (и их предков) в Пермском крае, как показывают исследования историков, ко времени составления документов (XVI–XVII вв.) насчитывала уже много столетий. Археологи связывают начало их этнической истории с формирова-

нием и развитием в Верхнем и Среднем Прикамье гляденовской культуры (II в. до н. э. – VI в. н. э.) как определенной этнической общности, отличающейся от других групп населения Прикамья существенными чертами в материальной культуре, погребальном обряде, устройстве культовых памятников [Поляков 1973: 105]. Становление гляденовской культуры происходило на основе выделившейся группы племен предшествующей ананьинской культуры (VII–III вв. до н. э.), носители которой населяли огромную территорию (Среднее Поволжье, Прикамье и Приуралье) и являлись финноязычными предками разных народов всего этого большого пространства. В ананьинское время складывается общепермский язык – основа современных коми-пермяцкого, коми-зырянского и удмуртского языков. В гляденовскую эпоху постепенно начинается становление особенностей древнего коми языка, отличного от древнего удмуртского.

Следующие этапы истории коми-пермяков связаны с ломоватовской культурой в Прикамье, в формировании которой принимали участие и местные, и пришлые племена, носители других языков. На основе ее верхнекамского варианта в IX–XV вв. складывается родановская культура племен – непосредственных предков коми-пермяков [Археология 1987: 162]. Итак, финноязычная речь звучала на территории Среднего и Верхнего Прикамья на протяжении многих веков.

Это не значит, что предки современных коми-пермяков занимали сплошь весь бассейн Средней Камы, где началось формирование коми населения, а позднее весь бассейн Верхней Камы, куда они передвигались в силу различных причин. Население Прикамья в прошлом было редким, в основном сосредотачивалось около Камы и в нижней части ее притоков, о чем свидетельствуют оставленные памятники (городища, костища, селища) и исследования археологов. Но именно здесь закладывается и развивается коми-пермяцкий язык.

Предки коми-пермяков сталкивались с носителями различных других языков и культур, взаимодействовали с ними, складывались экономические (торговые), культурные связи, военные отношения. В их речи, как и в речи всех народов, появлялись заимствования из разных языков (особенно в лексике), но коми-пермяцкий язык сохранил свою грамматическую основу и свой основной лексический фонд.

В современном коми-пермяцком языке выделяются две диалектные группы: северная (косинско-камская) и южная в которой выделяется несколько говоров (оньковский, нижнеиньвенский, нердвинский и кудымкарско-инвеньский) [Коми-пермяцкий язык: 27–29]. Различия между группами говоров сложились исторически и, видимо, существовали и в период переселения в Прикамье русских. Однако дошедшие до нас памятники письменности свидетельствуют о том, что русские, выделявшие в документах коми-зырян и всех коми-пермяков, воспринимали их как один народ (пермяков). Пришедшие в междуречье Камы, Колвы и Вишеры русские входили в контакт с местным коми населением, прибывавшие с Русского Севера мужчины брали в жены коми-пермячек, в таких семьях постепенно утрачивался коми-пермяцкий язык, но сохранялись некоторые особенности его фонетики[12], ономастики, бытовой и промысловой лексики. Коми-пермяцкие имена сыграли большую роль в становлении русской антропонимии, в частности в образовании фамилий жителей Прикамья.

На территории Пермского края русские вступали в связи и с другими народами. В верховьях рек западного склона Уральского хребта жили манси, известные в памятниках письменности XVI–XVIII вв. как вогулы. Наиболее компактные группы их находились на Вишере и Чусовой [Чагин 2002: 21]. Только в 1751 г. вишерские манси в селе Сыпучи приняли крещение и с ним православные имена. Но вместе с тем они долго сохраняли древние языческие верования и именования.

На юго-восток края в бассейн Сылвы в конце XVI в. пришли группы марийцев, которых в прошлом русские называли черемисами. До нас дошло немало кунгурских документов XVII–XVIII вв., посвященных марийцам и их связям с русскими. Однако марийцы сохранили вплоть до настоящего времени языческие верования, свои обряды и свой язык в быту. Их именник в исследуемый период не был связан с русскими именами и сам не повлиял на них. Точно так же сохраняли в тот период свою культуру, обряды, язык и имена удмурты, переселявшиеся на юг края, в бассейн реки Буй.

Представители разных тюркоязычных народностей (башкиры, булгары, татары казанские и сибирские, кипчаки, ногайцы и др.)

---

[12] Маленькие дети, осваивающие язык, находились обычно при матери, усваивали фонетику ее речи.

приходили в южную часть Пермского края в разные периоды различными группами. Но в XVI – начале XVII в., когда в Прикамье происходит их встреча и взаимодействие с русскими, в памятниках отмечаются башкиры (в бассейне Тулвы, Мулянки) и кунгурские, сылвенские и шаквинские татары. Они были мусульманами, их объединяла общая культура, обряды, складывающийся пермский вариант татарского языка (пермские татарские говоры) и тюркский исламский именник.

Общественная и профессиональная жизнь всех этих народов, устройство семьи, обряды, именования диктовались конфессиональным сознанием (исламом или язычеством) и отгораживали их от православных русских и коми-пермяков. Следы их имен (тюркских и других) отмечаются в русском языке, в основах русских фамилий, возникших в семьях людей, принимавших православие. Однако в исследуемый период таких семей было относительно немного.

1.3. Литература об именах жителей Пермского края

Изучение имен жителей Прикамья началось во второй половине XX в. и сначала было связано с другими ономастическими исследованиями. Многие пермские топонимы и фамилии восходят к именам, в связи с этим разработка этимологии географических названий и фамилий приводила к выявлению их основы, т. е. имен, к установлению источника конкретного имени и значению апеллятива, явившегося его базой. Поэтому топонимические и антропонимические исследования и особенно ономастические словари сообщают многие сведения об отдельных именах. Приведем примеры некоторых имен разного происхождения из пермских словарей топонимов и фамилий.

Ср. имена, восстановленные на базе топонимов (выделены курсивом):

А н а н и ч и, деревня[13]. *Ананья* – разговорная форма имени Ананий (Шумилов: 9].

Г а л а н и н о, деревня. *Галаня* – сокращенная разговорная форма имени Галактион [Шумилов: 29].

---

[13] В приведенных примерах из словарей топонимов и фамилий сокращения раскрыты: вместо *д.* пишем *деревня*, вместо *пос.* – *поселок*, вместо *ф.* – *фамилия* и т. д.

Г а ч е г и, деревня. Название вошло в топонимию через языческое имя *Гачег* [ГНВП: 83].

К а н н я ы б, поле. Компонент *Канчя*, видимо, из Канья, предположительно родового имени; в коми-пермяцком *кань* – ‘кошка’, переносно ‘осторожный, хитрый человек’ [ГНВП: 99].

К о л е г о в о, деревня. В основе древнепермское имя *Колег* (из Калег). У северных коми-пермяков оно представлено в родовых прозваниях [ГНВП: 103].

М а й к о р, поселок. В основе топонима коми родовое имя *Мӧй* ‘бобр’ [ГНВП: 120].

О ч г а, в названиях деревень О ч г о – Ж и к и н о и О ч г о – К о ш е л е в о. Первые компоненты восходят к древнепермскому имени *Очга* [ГНВП: 130].

Ср. имена, восстановленные на базе фамилий (выделены курсивом):

А н д р ю к о в, фамилия. *Андрюк* – сокращенная разговорная форма имени Андрей [Шумилов: 175].

А н т р о п о в. Фамилия от имени *Антроп* из календарного полного Евтропий (греч. *eutropos* ‘благонравный’) [СПФ: 30].

Б а к ш е е в. Фамилия от татарского имени *Бакшей* из слова *бакшей* ‘писарь’ [СПФ: 35].

И с т о м и н. Фамилия от некалендарного имени *Истома*, широко распространенного на Руси, однокоренного с глаголом *истомиться* ‘утомиться’ [СПФ: 150].

С у б б о т и н, фамилия. *Суббота* – русское нецерковное имя, которым называли ребенка, родившегося в субботу [Шумилов: 255].

Ф е д о с и е в. Фамилия от имени *Федосий* из календарного полного Феодосий (греч. *theos* ‘бог’ и *dosis* ‘дар’) [СПФ: 396].

С конца 60-х гг. прошлого столетия появляются системные исследования некоторых групп имен жителей Прикамья. Первые работы были посвящены преимущественно именам коми-пермяков. Так, доцент Пермского государственного педагогического пединститута (ныне университет) А. С. Кривощекова-Гантман в статье 1969 г. «Личные имена коми-пермяков» [2006 а: 202–216][14] обратилась к анализу и древних, и современных антро-

[14] Статьи по антропонимии А. С. Кривощековой-Гантман разных лет цитируются по их последнему изданию: *Кривощекова-Гантман А. С.* Собрание сочинений: в 2 томах. Т. 2: Ономастика // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Пермь, 2006.

понимов. Среди древних отмечены имена местных воевод 1472 г.: Кача (из коми *катша* 'сорока'), Бурмат (из *бурморт* 'хороший человек'), Мичкин (*мич* 'красота') и Зыран (ср. *зырянин*). Затем были рассмотрены образованные из слов нарицательных языческие имена коми-пермяков более позднего периода, ставшие основой появляющихся в основном в XVII – начале XVIII в. фамилий. Ср. фамилии Зонов (от имени Зон из слова *зон* 'сын'), Канев (*кань* 'кошка'), Кинев (*кынь* 'песец'), Кушпелев (*кушпель* 'голое ухо'), Мошев (*мош* 'пчела'), Ошев (*ош* 'медведь'), Пожемов (*пожум* 'сосна'), Сюзев (*сюзь* 'филин'), Ябуров (*ябыр* 'скворец'), Черанев (*черань* 'паук') и другие. Среди языческих коми-пермяцких имен выделяются образованные с помощью словообразовательного суффикса -ег / -ог: Котег, Низег, Нылог, Отег, Ошег, Ратег, Седег, Ужег, Унег, Шутег и т. д. Автор статьи разрабатывает семантическую классификацию основ попавших в исследование коми имен.

Вместе с тем в работе рассмотрены зафиксированные в устной речи коми-пермяков христианские имена, пришедшие из русского языка. Представлены способы их фонетической и грамматической переработки в процессе приспособления к коми-пермяцкому языку. Исследованы особенности появления сложных (двухсловных и трехсловных) антропонимов, когда к имени человека присоединяется образование от имени его отца или матери. Большое внимание обращено на использование разновидностей современных имен в зависимости от сферы употребления, эмоционально-экспрессивной оценки, возрастной и социальной отнесенности. Статью заключает большая таблица, в которой представлены женские и мужские коми-пермяцкие имена христианского происхождения в книжно-литературной форме (Авдотья; Елизавета; Агафон; Гавриил) с учетом полных форм народно-диалектной речи (Одоття; Лисовета; Агапон, Ӧгапон: Гаврив, Гаврило) и дериватов от полных личных имен (Ӧдоть, Дотя, Дотю; Лиса, Лисаок, Лиску, Лиска, Лиза, Лизка; Агап, Габ, Габко; Ганя, Гаврилко, Гава, Гавривко, Гаврик, Гаврук, Галяч). В то же время автор говорит об использовании в 60-е гг. XX в. «модных» имен, о том, что «в деревне появляются Спартаки, Эдуарды, Альберты, Адольфы, Жанны, Эльвиры, Маргариты и т. д.» [Кривощекова-Гантман 2006 а: 216].

Вхождению в коми-пермяцкий язык христианских имен посвящены и другие работы А. С. Кривощековой-Гантман: «Русские имена в употреблении коми-пермяков», 1975 г. [2006 б: 228–230],

«Коми имена в художественной литературе, 1977 г. (на коми-пермяцком языке) [2006 в: 231–236]. Антропонимы коми происхождения рассмотрены ею в статье «Собственные имена в преданиях коми-пермяков», 1971 г. [2006 г: 217–220], а также имена как основа многих фамилий описаны в работе «Русские фамилии коми-пермяцкого происхождения», 1973 г. [2006 д: 221–227].

В Пермском государственном университете в 70-е гг. было начато исследование имен жителей Прикамья в связи с разработкой спецкурса «История русской антропонимии» для студентов филологического факультета и написанием книги для учащихся «Из истории русских имен и фамилий» [Полякова 1975]. Так как региональные материалы отражали общерусские тенденции развития антропонимии, в ряде случаев в этой книге для иллюстрации использовались имена, прозвища и фамилии жителей Пермского края.

В связи с этим встал вопрос об источниках материала, в частности для разработки истории антропонимии XVI–XVIII вв. Были исследованы деловые документы этого времени (см. «Список источников с условными сокращениями»), в которых отражалась и официальная антропонимия, и именования, использовавшиеся в живой речи, зафиксированные в показаниях истцов, ответчиков, свидетелей в судебных делах. Кроме того, было изучено более 200 документов двух уникальных собраний имущественных актов из семейных архивов конца XVI – XVIII в.: имущественные документы крестьян Афанасьевых погоста (села) Цыдвы Чердынского уезда и деловые акты соликамских солепромышленников и землевладельцев Ростовщиковых, Суровцевых и крестьян Иртеговых. По этим документам видно, как развивалась антропонимия в XVII в., как уходили некалендарные имена, использовались дериваты календарных имен, появлялись и закреплялись фамилии и т. д.

Результаты исследования этого материала отражены в статье «Наименования людей в Соли Камской и Цидве в XVII – начале XVIII века» [Полякова 1974 б]. В памятниках зафиксировано 157 мужских и 22 женских имени. 12 % всех мужских составляют некалендарные имена (Бажен, Девятко, Замятня, Кутеня). Но преобладают в актах календарные имена, записанные в той форме, в какой они зафиксированы в святцах (ср.: Аверкий, Александр, Фома), или их фонетические и фонематические варианты (Олексий, Ортемий, Родивон). От части имен образованы дериваты с

суффиксами -к(а), -к(о), -ушк(а), -ик, -юк и др. (Ивашка, Ивашко, Александрик, Поликарпик, Федук, Таршутка), но 92 имени (из 157) не имели дериватов с суффиксами. Хотя в деловой письменности XVI–XVII вв. было принято употребление имен крестьян и горожан с уменьшительно-уничижительными суффиксами -к(а), -к(о), исследуемые имущественные документы содержат неполные имена с исходом -н(я) (Замятня, Кутеня) или -ш(а) (Гриша, Триша, Первыша, Якуша) без добавления уничижительного суффикса. Женщины в исследованных памятниках названы полными каноническими именами (Анна, Мария, Феодора) или их народными вариантами (Аксинья, Аграфена, Каптелина). Только в 2 случаях зафиксированы имена Танька и Евдокейка (с уничижительным суффиксом), которыми названы девочки или девушки, обвиненные в воровстве.

Ценным источником для выявления имен являются разного рода переписные документы, в частности писцовые и переписные книги. Нами (вместе со студенткой Л. В. Паниной) нами были изучены календарные имена, зафиксированные в трех таких пермских книгах: писцовые книги Перми Великой Яхонтова 1579 г., Кайсарова 1623 г. и переписная книга вотчин Строгановых 1647 г. [Полякова 1984]. Мы обратились тогда к календарным, христианским именам, потому что, во-первых, они составляли более 80 % всего именника и, во-вторых, имена периода конца XVI – первой половины XVII в. были мало изучены, так как исследователи анализировали преимущественно некалендарные антропонимы.

Некалендарные имена в большинстве случаев восходят к словам нарицательным и представляют большой интерес для исторической лексикологии и этимологии, поэтому к ним обращались и лексикологи. Но эти имена весьма интересны и ономатологам, так как значительная часть их явилась основой прозвищ, давших фамилии и топонимы. Поэтому русские некалендарные имена рассматривались многими исследователями по разным источникам, составлялись их списки и словари, ср.: «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова [СДЛСИ].

Нами были изучены не только зафиксированные в переписных текстах календарные имена, но и отсутствующие в них и реконструированные на основе именования по отцу, помещенные в тех же документах. В результате к 217 каноническим мужским именам было выявлено и реконструировано 373 варианта полных

имен и 522 деривата, к 40 женским – соответственно 53 и 68. На этом пермском материале определены некоторые особенности адаптации в русском языке заимствованных христианских имен, показаны пути образования дериватов от них, изучены суффиксы дериватов. Результаты исследования оказались актуальными не только для ономастики, но и для изучения особенностей и статуса делового языка XVII в. – функциональной разновидности русского литературного языка, его народно-литературного типа. В качестве приложения к статье были даны списки мужских имен и женских имен в изученных переписных документах. В них показаны связи дериватов от одного имени: отдельно в трех рубриках учитывались канонические, полные календарные имена и дериваты от них. Эта работа явилась началом сбора материала для словаря имен жителей Прикамья XVI–XVIII вв., опубликованного в 2007 г. [СИ].

Памятники письменности содержат обширные данные по именам, но нередко за их пределами оставались различные формы живой разговорной речи. Поиски источников такого материала привели к разработке реконструкции имен на базе топонимии, так как основой многих ойконимов (деревни Гришунево, Пашковка, Сандриково) и микротопонимов (Кузяшкин луг, Тимина релка, Степкин лог) были дериваты от полных имен [Полякова 1977]. Прежде чем приступить к выявлению конкретных имен как основы топонимов, необходим был анализ самих топонимов, способов и средств их образования, так как без этого нередко было неясно, из какого деривата от полного имени возник топоним. Так, современные ойконимы на -ёнки (Гаврёнки, Филёнки) могли возникнуть от имен (Гаврёнок, Филёнок), но могли появиться из коллективных именований по отцу (Гаврёнки – дети Гаври, Филёнки – дети Фили), в основе которых лежат уже по-иному оформленные вторичные имена (дериваты) – с помощью топонимического форманта -ёнки (от имен Гавря, Филя). В данном случае основой топонимов послужили имена Гавря и Филя.

Для изучения образования ойконимов и имен как их основы по справочнику «Пермская область: Административно-территориальное деление» 1963 г. [ПО 1963] было выявлено около 6,5 тысяч населенных пунктов, появившихся в период с XVII по XX в. 602 из них (т. е. 9,4 % всех названий населенных пунктов) возникли на базе дериватов от полных имен. Изучив особенности образования

этих ойконимов, удалось выявить 337 дериватов, употреблявшихся в Прикамье. Были восстановлены имена с исходом -а – 92 случая: (Вася, Петря, Харя), -к(а), -шк(а), -ушк(а), -юшк(а), -уньк(а), -утк(а) – 83 имени (Абрамка, Пашка, Санютка, Федюнька), -ш(а), -уш(а), -юш(а) – 69 имен (Гриша, Дороша, Артюша, Вахруша), -н(я), -ун(я), -юн(я), -он(я) – 27 имен (Ганя, Петруня, Проня), -ик, -чик – 11 имен (Паник, Сандрик, Якунчик), -ук, -юк – 11 имен (Петрук, Андрюк, Санюк). Кроме того, ряд ойконимов возник от имен с формантами -х(а) (Леха, Перха), -ак (Петрак, Паршак), -ч(а) (Иванча, Ермача), -ан (Васькан), -ец (Петрец), -ищ(е) (Иванище) и других. В ойконимах Пермского края сохранялись многочисленные дериваты от одного полного имени, ср. от Петр: Петрак, Петрец, Петрище, Петрук, Петруня, Петруха, Петруша, Петря, Петряха, Петуня, Петуша. Никакие иные пермские материалы (судебные акты, писцовые книги и т. д.) не дают возможности выявить такое разнообразие в употреблении дериватов.

Использование топонимии как источника выявления антропонимов отдельных периодов позволяет дополнить списки имен для исследования. Например, по топонимам, зафиксированным в писцовых и переписных книгах XVI – первой половины XVII в., возможно восстановить разные формы календарных имен, которые не встречаются в этих источниках в свободном употреблении, ср.:

Васенин луг на р. Косьве [*Е*: 142] от имени *Васеня* (из Василий);

Еськина, деревня [*Е*: 214] от имени *Еська* (из Есиф < Иосиф);

Иванчина, деревня [*ЕЧ*: 248] от имени *Иванча* (из Иван < Иоанн);

Игнашин, починок [*Е*: 94] от имени *Игнаша* (из Игнатий);

Калин, починок [*ЕЧ*: 120] от имени *Каля* (из Калистрат < Каллистрат).

В результате по данным топонимии восстанавливаются имена Васеня, Еська, Иванча, Игнаша, Каля. На основе топонимов реконструированы и отсутствующие в текстах этого времени некалендарные имена или прозвища Бова, Брех, Вотоля, Глазун, Добряк, ср.:

Бовина Гора, деревня [*Е*: 97] от антропонима *Бова*;

Брехова, деревня [*КА*: 215] от антропонима *Брех*;

Вотолина, деревня [*ЕЧ*: 35] от антропонима *Вотоля* (Ватоля);

Глазунова, деревня [*К*: 141] от антропонима *Глазун*;

Добряков, починок [*К*: 149] от антропонима *Добряк*.

Большое количество имен, не записанных в исследуемых источниках, реконструировано на основе патронимов – именований

по отцу (со словом *сын* или *дочь*) и фамилиям, зафиксированным в памятниках. Так, имя Авдий не попало в тексты, но в них есть образования от него: *Тихонко Авдиев сын Субботин... Федосьица Авдиева дочь... Евсий Иванов сын Авдиев* [*Е: 99*]. Таким же образом восстанавливаются имена Аганя, Акило, Андрюк, Васкец, Вахута, Егупл, Ивоха и многие другие, ср.: *Василей Федоров сын Аганевых* [*Ч: 176 об.*], *Митька Петров сын Акиловых* [*Е 1:131*], *Тимофей Яковлев сын Андрюков* [*Ч: 78 об.*], *Диомид Акиндинов сын Васкецов* – [*ЦС:154 об.*]), *Василий Васильев сын Вахутин* [*Ш 5_1: 108*], *Иван Васильев сын Егуплов* [*Стр 4: 752 об.*], *Кирилл Савинов сын Ивохин* [*КС: 81 об.*].

Некалендарные имена обычно не давали патронимов (отчеств со словом *сын*), кроме нескольких случаев образований от «числовых» имен (ср.: Пятый) и от отдельных некалендарных имен, таких, как Вакорь, Поздей, и некоторых других: *В городе Чердыни место пустое дворовое Треньки Пятово сына Винокурова* [*ЕЧ: 23*], *Житель Усолья Камского Вакорь Вакорев сын Анофриев* [*КС: 167*], там же *Онтонко Вакорев сын Правдечихин*, а в усольской деревне Селище – *Семенка Вакорев сын Туфтаев* [*КС: 167*], *Крестьянин починка Поздеева на ключе Жданко Поздеев сын Могучев* [*КС: 175*].

Вместе с тем некалендарные имена явились основой большого числа фамилий, тем более что в XVII в. последние чаще образовывались от некалендарных имен (и прозвищ) и гораздо реже от имен календарных. Именно фамилии позволяют восстановить большое количество разных форм некалендарных антропонимов.

Среди восстановленных по пермским фамилиям XVII–XVIII вв. оказываются не только некалендарные русские имена и прозвища (Желна, Жужга, Забела, Корна, Котяга, Кулага, Кулик, Леуш, Малыш, Мизгирь), но и заимствованные из коми-пермяцкого (Жеб, Жебег, Жунь, Жунег, Куим, Кыр) и тюркских (Асан, Батуй, Бек, Кучум, Мамай) языков.

Таким образом, в руках исследователей антропонимии пермских памятников оказывается большое количество прямых упоминаний имен и косвенных данных о них. Все это позволило собрать обширный ономастический материал, который лег в основу четырех лексикографических работ.

В 2001 г. вышел 6-й (последний) выпуск «Словаря пермских памятников XVI – начала XVIII века», содержащий в качестве приложения раздел «Прозвища и некалендарные имена из слов

нарицательных» [СПП 6: 144–192]. В каждой словарной статье этого приложения дано заглавное слово (некалендарное имя или прозвище) и цитата из памятника, содержащая образованное от этого слова именование человека, ср.:

Байдара – *Крестьянин погоста Городище на реке Усолке Федка Кузмин сын Байдара* [*КС*: 178];

Брякотня – *Крестьянин деревни Чашино Митька Петров сын Брякотня* [*Ш* 5_1: 109];

Грибан – *Крестьянин деревни Шайтанова на роднике Семенка Матфеев сын Грибан* [*КЧ*: 65 об.];

Гуляй – *Крестьянин деревни Ужгинская на реке Вильве Гуляй Трифанов* [*КА*: 109 об.];

Добрыня – *Крестьянин деревни Кондакова на реке Сылве Евсевийко прозвище Добрыня Козмин сын Рудаков* [*Е*: 93];

Замятня – *Крестьянин деревни Сумыч на реке Сумыче Замятня Исаков* [*Я*: 28];

Кляп – *Крестьянин деревни Кляповы Андрей Минеев сын Глинских по назвищу Кляп* [*КЗСИ*: 475];

Кокора – *Чердынец Кокора Кобылкин* [*Я*: 14];

Кривой – *Крестьянин деревни Верх-Боровая Васька Кривой* [*Я*: 31].

Среди данных в приложении некалендарных имен и прозвищ отмечаются и возникшие из коми-пермяцких слов:

Варыш – *Крестьянин деревни За Курьею Дорофейко Федоров сын Варыш* [*СПП 6: 145*]; *варыш* – ‘ястреб’;

Волег – *Крестьянин деревни Чайпуж Сенька прозвище Волег Петров сын* [*К: 142 об.*]; *волег* – ‘скользкий’;

Кычан – *Крестьянин деревни Ужвинская на реке Вильве Кычан Иванов* [*Я*: *26 об.*]: *кычан* – ‘щенок’.

В результате в приложении к словарю нарицательной лексики помещено более тысячи словарных статей на слова, не зафиксированные в изученных пермских памятниках в качестве нарицательных, но явно употреблявшиеся в живой речи жителей края, иначе они не попали бы в антропонимию.

Следующим лексикографическим ономастическим изданием стала в 1997 г. книга автора данной работы «К истокам пермских фамилий: Словарь» [КИПФ], в которой представлен анализ 2,5 тысяч фамилий. Затем она была дополнена и переработана в вышедший в 2005 г. в «Словарь пермских фамилий» [СПФ], представляющий уже около 5,5 тысяч словарных статей на фамилии XVII–XVIII вв.

Словарь написан по материалам памятников письменности XVI–XVIII вв., этот было время формирования фамилии как официального антропонима для разных слоев населения. Такой антропоним был необходим для учета каждого плательщика податей и его наследников, чтобы после их смерти знать, кто должен продолжать платить за предоставленную в пользование землю или водное угодье. Этот антропоним должен был быть семейным. Для него еще не существовало специального термина, в документах его называли прозвищем или прозванием, но в переписных и других документах такой антропоним создают специально. Поэтому в пермских, как и других, источниках, нередко прослеживается, каким образом и на основе чего образуется семейное именование, т. е. фамилия.

В пермском словаре рассмотрены фамилии, образованные в Прикамье или (гораздо реже) принесенные сюда переселенцами с других территорий. В XVII в. большую часть их составляли фамилии, возникшие из некалендарных имен или прозвищ. Так, от некалендарных имен образованы фамилии:

Баженов от Бажен – *Житель Соли Камской Бажен Трофимов* [*СПИИ, к. 1: 461*];

Барсуков от Барсук – *Крестьянин деревни Лимеж на реке Лимеже Барсук Михайлов* [*Я: 33 об.*];

Девятков от Девятко – *Крестьянин погоста Кольчуг Девятко Григорьев* [*Я: 27 об.*];

Жданов от Ждан – *Житель Соли Камской Ждан Григорьев сын Сапожников* [*АПМ: 74 об.*];

Палкин от Палка – *Крестьянин деревни Долда Палка Трифанов* [*КЧ: 115*];

Из индивидуальных прозвищ (но, возможно, и некалендарных имен) созданы фамилии:

Бушмаков от Бушмак – *Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Омелько Бушмак* [*Я: 21 об.*];

Водопьянов от Водопьян – *Житель Кунгура (старого) Гришка Давыдов сын Водопьян* [*Е 1: 585*];

Губанов от Губан – *Житель города Кунгура Артюшка Губан* [*Ш 5_1: 558*];

Коростелев от Коростель – *Крестьянин сельца Верх-Муллинского Федька Прокопьев сын Коростель* [*Б: 199*];

Кремлев от Кремль: *Крестьянин села Троицкое Артюшка Кремль* [*КА: 79*].

В результате в «Словаре пермских фамилий» отражены имена некалендарные и прозвища жителей Прикамья. В XVIII в. многие семьи разрослись до такой степени, что в реальной жизни у разных ответвлений семьи, чтобы их не путать, появлялись новые семейные именования, которые в официальном письме чаще образовывались от имен календарных (Агафонов; Алексеев; Федоров), от их вариантов (Огафонов; Олексиев; Федоровых) и дериватов (Агишев; Алексин, Алешин; Федюкин, Федяев). Словарь фамилий содержит большой материал по именам, но многие из имен остались и за его пределами. Кроме того, он не дает четкого представления о связях разных вариантов и дериватов одного имени.

Поэтому в 2007 г. был выпущен «Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков» [СИ]. В нем рассматриваются выявленные в исследованных текстах мужские и женские имена и образования от них, указываются источники календарных и некалендарных имен. На каждую форму имени составлена отдельная словарная статья, но в статье эта форма соотносится со всеми зафиксированными в пермских памятниках другими образованиями от того же источника – имени полного.

Ср.: к имени Андриян из календарного Адриан представлены варианты Адреян, Адриян, Андреян, Андриан и дериват Андриянко; к некалендарному имени Пятый дериваты Пятко, Пятунька, Пятуня, Пятуша, Пятушка, Пятыга, Пятыш. Вместе с тем каждый из вариантов и дериватов рассматривается в отдельной статье, где он иллюстрируется примерами из текстов памятников (от 1 до 10 текстов), например:

Пятый – *Соли Камской жилец Пятый Онтонов сын Талашманов* [*КСГ*: 9 об.];

Пятко – *В сельце Камасине на реке Чусовой крестьянин Пятко Кирилл(л)ов сын Жезковников* [*К*: *346*];

Пятунька – *В починке Осиновом на роднике крестьянин Пятунька Исаков сын Бритой* [*К*: *117*];

Пятушка – *Чердынской деревни Скорнины бобыль Пятушка Макаров* [*ЕЧ*: *117*].

Для каждой цитаты с именем указан год написания текста и источник, откуда она взята. Кроме того, в словарных статьях даются патронимы и фамилии, образованные от исследуемого имени, если оно зафиксировано в памятниках, ср.: патроним (отчество со словом *сын*) от имени Пятый – *Погоста Вильгорта крестьянин*

Патракейко *Пятов сын* *Орлов* [*ЕЧ*: *58*]; фамилия от имени Пятуня – *Житель слободы Новое Усолье Аврамко Васильев сын* *Пятунин* [*Б*: *153 об.*].

В ряде случаев имя не встретилось в анализируемых текстах, но его позволяют восстановить фамилии или патронимы. Так, имя Пятыга восстанавливатся по фамилии Пятыгин – *Деревни Верхолужской крестьянин Феофанко Логинов сын* *Пятыгин* [*Б*: 167]; имя Пятыш – по фамилии Пятышев – *Кунгурской деревни Фроловы крестьянин Иван Мосиев сын* *Пятышев* [*Кун*: *711 об.*].

Итак, в словарь имен попали имена, непосредственно зафиксированные в памятниках и восстановленные на основе патронимов и фамилий, которые отмечаются в пермской письменности.

В 2010 г. вышел в свет двухтомный «Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века» [СЛПП], в котором наряду со словами нарицательными в отдельных словарных статьях или как отдельное значение рассмотрены некалендарные имена и прозвища, восходящие к апеллятивам, например:

БЫК, м. *1. Бык; крупное рогатое домашнее животное*. Взяли… корову дойную цѣна 2 рубли дву быков болших цѣна 4 рубли (КА, 33), 1675.*2*. *Календ. имя*. Крестьянин деревни Ныров Погост на рѣке Косе Бык Архипов (*Я*, 38 об.), 1579 [СЛПП 1: 55].

ВОЖ, м. *1. Проводник*. Бил… челом сибирской дороги вож Ортемка Софонов сын Бабинов (Ш, 1, 116), 1595.*2*. *Некаленд. имя*. Крестьянин деревни Верхний Шакшер на рѣке Каме Вож Леонтьев (*Я*: 33), 1579 [СЛПП 1: 63].

ЗЫК, м. *Некаленд. имя или прозвище человека с громким голосом*. Крестьянин деревни Немзя Зык Петров (*Я*, 30 об.), 1579 [СЛПП 1: 218].

БАЙДАРА, муж. прозвище. [В говорах *байдать* – 'бездельничать, бить баклуши']. Крестьянин погоста Городище на рѣке Усолке Федка Кузмин сын Байдара (К, 178), 1623 [СЛПП 1: 22].

ДУРА, муж. прозвище. [Из слова *дура* – 'глупый человек']. Крестьянин деревни Бигичи на рѣке Колве Степко Дура (*Я*, 24 об.), 1579 [СЛПП 1: 166].

В результате изучения ономастики Пермского края по материалам деловой письменности, разработки разного рода ономастических словарей и исследования отдельных групп именований в настоящее время накоплен большой материал, который позволяет представить историю имен жителей Пермского края в XVI–XVIII вв.

1.4. Выявление некалендарных имен

Одной из проблем антропонимики является определение того, что можно считать некалендарным именем. В этом аспекте нас интересует, каковы границы группы некалендарных имен в исследуемых памятниках. Дело в том, что к именованиям XVI–XVIII вв. неприменима антропонимическая терминология, используемая при исследовании материалов XIX–XXI вв., поэтому подход к данным пермских текстов требует анализа употребляемых в них терминов, определяющих различные виды антропонимов.

Это связано, прежде всего, с тем, что одно и то же именование человека можно по-разному интерпретировать по различным текстам пермских памятников. В сложных официальных (да и неофициальных) антропонимах XVII в. обычно на первом месте стоит календарное или некалендарное имя: *Крестьянин Городка над Чусовой и над речкой Усолкою Ивашко Борисов сын Карась* [*Б: 23 об.*], *Житель слободки Слудка Серешка Иванов сын Кила* [*К: 170*], *Чердынец Кайдалко Михайлов* [*Я: 15*], *В городе Камского Усолья... Ушачко Коленков* [*Я: 3*].

Казалось бы, все ясно: для выявления в памятниках некалендарных имен следует выделить те именования, которые стоят на первом месте в сложных антропонимах и не являются православными именами: *Кайдалко, Ушачко.*

Вместе с тем некалендарные имена, которые зафиксированы в одних случаях на первом месте, в других случаях в пермских текстах отмечаются после календарного имени на втором месте в сложном антропониме и сопровождаются словом *прозвище*, ср.:

Деревни Немзи крестьянин Добрыня Ортемов [*Я: 30 об.*], но *Крестьянин деревни Кондакова на реке на Сылве Евсевийко прозвище Добрыня Рудаков* [*Е: 99*];

Деревни Вороновы на реке Сылве крестьянин Бессонко Иванов сын Воронов [*К: 130*], но *Крестьянин деревни Беспалова Ефремко прозвище Бессонко Захаров* [*Е: 141*];

Починка Теплова на реке на Бондюге крестьянин Нечайко Кошелев [*Я: 26 об.*], но *Крестьянин деревни Верхолужская Фефилко прозвище Нечайко Никифоров сын Полягалов* [*Е: 110*].

О том, что слова Бессонко и Нечайко были некалендарными именами, свидетельствует и тот факт, что они являются дериватами от полных имен Бессон и Нечай, ср.: *Соли Камские жилец Без-*

сон Дмитреев сын Ананьина [*КСГ: 35*] и *В Ново-Никольской слободе слободчик Нечай Григорьев сын Калуженин* [*А: 135*]. Следовательно, несмотря на то, что в каких-то случаях именование в сложном антропониме стоит не на первом месте и с термином *прозвище*, перед нами, несомненно, некалендарное имя.

Тогда, казалось бы, в дополнение к стоящим в сложном антропониме на первом месте некалендарным именам следует просто добавить именования со словом *прозвище*, и все их можно считать некалендарными именами. Однако практика показывает, что это не так: не все именования, названные в памятниках прозвищами, следует считать некалендарными именами. В связи с этим необходимо определить семантику антропонимических терминов, встречающихся в исследуемых пермских деловых текстах.

Значение термина *имя* не вызывает особых вопросов. Этим словом называли именование человека, данное ему при рождении или при каких-то обстоятельствах, резко меняющих его жизнь, его положение в обществе. Так, человека нарекали новым именем при обращении к новой для него религии, например, при крещении русских и коми-пермяков им присваивались христианские, православные имена, связанные с конфессиональной и общественной жизнью, но первоначально весьма далекие от бытовой сферы.

В текстах документов сам термин *имя* употреблялся только при необходимости, когда надо было подчеркнуть, что речь идет об имени, а не о другом антропониме, ср.: *Будучи в деревне Баркине в татарех у татарки у вдовы Апасихи*[15] *а имя ей опамятовал* [*КА: 68*], *А кто именем салдат и он де ей не сказал* [*КА: 4*], *У него сидят два человека а кто имяны того он не ведает* [*КА: 99*]. Термин *имя* отличал личное календарное именование от других названий человека, характеризующихся иными антропонимическими терминами (*отчество, с отцы, прозвище, прозванье, назвище, названье*).

Именования, сопровождаемые этими терминами, образованы от слов нарицательных, характеризующих человека, или от антропонимов отца, а иногда других предков (деда, прадеда): *Крестьянин Федор прозвищем Кулыч а отчество ево запамятовал пришед в конное стадо в лугу бил меня* [*КА: 79*], *Роспись... что на Кунгуре в городе и на посаде нас посадских людей по имяном с отцы и с прозвищи* [*КА: 10*], *А имени тому десятнику и прозванья*

---

[15] Апасиха – прозвище жены по мужу Апасию Баташову.

он Григорей не ведает [*КЗСИ: 495*], *Федор по назвищу Томила Агафонов сын Носов* [*ЧМ 2558: 11*], *Федор Паначев по названию Оса* [*КЗСИ: 437*].

Иногда в значении ‘календарное личное имя’ отмечается словосочетание *прямое имя*: *А как тому казаку Мезене прямое имя и чей он словет того росказать не умеет* [*СПИИ, к. 2: 708*]. Однако термин *имя* не использовался при непосредственной фиксации самого личного имени человека, так как для составителя документа в этом не было необходимости: всегда было очевидно, что он фиксирует имя.

Словами *отчество* и *с отцы* вводили в текст патроним, т. е. именование человека, образованное от имени его отца. И точно так же, как термин *имя*, они не использовались при написании конкретного патронима, *термин* отчество применяли только тогда, когда патроним был неизвестен: *А то ведает того села Гаврило а отчество пропамятовала* [*КЗСИ: 443*]. Патроним вводился в сложный антропоним словами *сын*, *дочь*, *дети*: *В деревне Ближняя Дуброва... Гришка Осипов сын Вотинов* [*Е: 104*], *В Чердыни двор пуст Васки Алексеева сына Тимшина* [*ЕЧ: 12*], *В Чердыни вдова повивальная баба Иринка Афонасиева дочь* [*Б: 50*], *В Соли Камской Русин да Федор да Томило Елисеевы дети Александровы* [*КС: 153*].

Многими исследователями специально рассматривается слово *прозвище* как антропонимический термин, причем особое внимание обращается на его семантику, многозначность в XVI–XVII вв., его функции в сложных антропонимах того времени и актуальность его изучения для разграничения в текстах некалендарных имен и индивидуальных прозвищ [Чичагов 1959: 25–26; Зинин 1969: 38; Королева 1999: 32–33; Смольников 2005: 198–206 и др.]. Нас интересует анализ слова *прозвище* в пермских памятниках для разграничения индивидуальных прозвищ и некалендарных имен, для выявления собственно некалендарных имен.

Если антропонимические термины *имя* и *отчество* однозначны, то сложнее обстоит дело со словом *прозвище*, которое в прошлом при обозначении антропонимов имело несколько значений. Во-первых, с 20-х гг. XVII в. в сложном антропониме пермских памятников *прозвищем* называли некалендарные имена, употреблявшиеся после календарных: *Чусовского Нижнего городка... пищальник Федосейко прозвище Пятко Акинфиев* [*К: 128*], *В Ор-*

ле-городке... Максимко прозвище Томилко Васильев... Федосейко прозвище Пятко Акинфиев сын Соболин... Тимошка прозвище Тренька Дмитриев [*Е: 91–94*]; *В Чердыни...Аверкийко прозвищем Богдашко Минин сын Тимшин* [*ЕЧ: 39*], *В слободе Новое Усолье... Кирилко Михайлов сын прозвище Кабан* [*Е: 106*]. Среди названных прозвищами некалендарных имен достаточно много дериватов с суффиксами -к(а), -к(о), образованных от имен в полной форме: Богдашка (от Богдан), Нечайко (от Нечай), Первышка (от Первый), Путилко (от Путило), Пятко (от Пятый), Томилко (от Томило), Трен(ь)ка (от Третий) и т. д. Использование дериватов подчеркивает, что перед нами личные некалендарные имена, которые могли употреблять не только в полной форме, но и как характерные для делового языка уменьшительно-уничижительные антропонимы, которыми в текстах документов обычно называли лиц невысокого социального положения.

Во-вторых, словом *прозвище* в XVII – начале XVIII в. обозначали индивидуальное именование человека, отражающее какие-либо его качества, постоянные или возникшие в особой ситуации. Его давали не при рождении, а чаще уже взрослому человеку ср.: *Васка Мокеев сын прозвище Сия* [*Е: 106*] по реке Сии на Русском Севере, с которой он пришел в Прикамье, *Ивашко Лаврентьев сын прозвищем Щербак* [*КА: 79*] о человеке со щербиной в зубах, *Крестьянин деревни Кочебахтины Якушко прозвищем Калмык* [*РСК 1: 5*] о человеке другой национальности, поселившемся среди русских. В исследуемый период взрослые люди иногда получали прозвища, образованные из словосочетаний: *Чердынец Меркушка прозвище Малая Земля* [*РСЧ 5: 33 об.*], *Кунгурец Андрей Савин прозванием Широкая Лыжа* [*КСАУ: 271*], *Села Рождественского десятник Иван прозванием Добрая Корова... Ивашка Третьяков он же по назвищу Добрая Корова* [*КЗСИ: 128*]. При назывании человека по его индивидуальным особенностям слово *прозвище* используется и в настоящее время.

В-третьих, в XVII в. прозвищами стали называть создающиеся или уже созданные фамилии (семейные именования), оформленные фамильными суффиксами -ов, -ев, -ин, -ых: *Захар отчества ево не знаю прозвищем Меринов* [*КЗСИ: 323*], *Села Тихоновского Митька Новик а прозвищем сказался Загвоздин* [*КА: 255*], *И он де Федосей ево Семена нашел в деревне Рожине у крестьянина по прозвищу Кукариных* [*КЗСИ: 525*]. Слово *прозвище* как название

фамилии употреблялось естественно, потому что в XVII – начале XVIII в. фамилии возникали преимущественно на основе прозвищ, воспринимались как прозвище, передаваемое следующему поколению, но специального термина для обозначения этого нового антропонима еще не было.

Женские именования в пермских памятниках сопровождались лишь словами *дочь* и (или) *жена*. В XVII столетии в сложные антропонимы женщин включались слова образованные от имени отца, а также от имени, прозвища либо формирующейся (сформировавшейся) фамилии мужа, ср.: *Слободы Нового Усолья вдова Анница Степанова дочь* [*Е: 106*], *В Орле-городке вдова Марфа Павлова дочь а Евдокимовская жена Пирожкова* [*Е: 89*]. Нередко в антропонимах после женского имени отмечалось лишь именование, образованное от имени мужа: *Деревни Шумкова вдова Оксеньица Осиповская жена* [*Е: 99*]. Однако в официальных документах чаще в сложные женские антропонимы включались одновременно образования от имени и прозвища (фамилии) мужа: *В селце Верх-Мулинском... вдова Домница Ивановская жена Чахлова* [*Е: 99*].

В деловых актах XVI–XVII вв., особенно в переписных документах, обычно фиксировали сложные (двух- трех- четырехкомпонентные) антропонимы. Одно имя без всяких уточнений употреблялось лишь тогда, когда речь шла о детях или о взрослом человеке, которого выше уже называли сложным антропонимом: *Деревни Степанова Городище крестьянин Федка Воронин... тому недели с четыре говорил он Федка что де он половничает* [*КА: 3*], *Васка Фомин сын в роспросе сказал яму де он овинную выкопал где овин ставил преже Спирки Михеева и он де Спирка к тому месту на избу бревен навозил после ево Васки* [*КА: 16*].

Итак, календарные и некалендарные имена жителей Пермского края в текстах деловых памятников отмечаются в основном в составе сложных антропонимов. Однако структура официальных сложных антропонимов в разные периоды истории Прикамья и в текстах разных жанров была различной. Наиболее отчетливо она представлена в переписных документах, где требовалась точность в назывании податных людей, а также указание на их предков, так как по смерти отца права владения землей и имуществом, а также обязанности по уплате податей и выполнении каких-либо общественных работ переходили к сыну. И в официальных текстах необходимо было точно отразить эту связь людей разных поколений.

1.5. Структура сложных антропонимов XVI–XVII вв.

Сопоставление материалов 4 писцовых и переписных книг территории Прикамья разных лет (1579, 1623/1624, 1647 и 1678 гг.) позволяет увидеть, как постепенно складывался официальный трехкомпонентный мужской антропоним, и выделить в нем некалендарные имена.

Рассмотрим особенности антропонимии каждой из этих книг.

1.5.1. Писцовая книга 1579 г.

Первая писцовая книга Перми Великой (севера территории современного Пермского края – Чердыни и Усолья, т. е. Соли Камской) была составлена писцом Иваном Яхонтовым и подьячим Третьяком Карповым в 1579 г., но сохранилась, к сожалению, только в списках. На основе списка XIX в., хранящегося в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (фонд 256, дело 308, листы 1–46), в котором воспроизведен текст писцовой книги, и проведено исследование антропонимии.

В XVI в. официальные сложные антропонимы местных жителей Прикамья были преимущественно двухкомпонентными. Встречаются лишь единичные случаи употребления трехкомпонентного именования. Так, в деревне *Вотцкой на роднике* записано 45 крестьян, но только один из них назван таким антропонимом: *Никитка Михайлов сын Бебяков* [*Я: 18*].

Первой частью двухсоставного именования было календарное или некалендарное имя. Календарные употреблялись преимущественно в виде дериватов от полных православных имен (*Алешка Дряхлой*, *Андрюшка Кропач*, *Володька Голыш*, *Гриша Седун*, *Якуш Черной*, *Яшко Кузнец*), редко фиксировались полные календарные имена (*Сергей Никитин*, *Сергей Костыль*, *Михайло Ряха*). Некалендарные имена употреблялись как в полной форме (*Бархат Спиридонов*, *Зык Горбун*, *Кокора Кобылкин*, *Куделя Васильев*), так и в форме дериватов с суффиксами -к(а), -к(о): *Истомка Софонов*, *Лобанко Федоров*, *Рычко Иванов*, *Суетка Иванов*, *Ушачко Коленков*.

Вторая часть сложных антропонимов представлена различными именованиями: 1) полными некалендарными именами или индивидуальными прозвищами, которые тоже нередко рассматри-

ваются исследователями как некалендарные имена (*Ганка Кисель, Иванко Нос, Гриша Ожгибес, Микитка Опалиха*), 2) дериватами от некалендарных имен (*Иванко Зубко*), 3) патронимами с суффиксами притяжательных прилагательных -ов, -ев, -ин от календарных имен (*Бориско Андреев, Костя Данилов, Сенка Яковлев*), а также от некалендарных имен и прозвищ (*Васка Елтышев, Юшка Кабанов, Андрюшка Клестов, Осташко Некрасов, Юшманко Ноздрин, Терех Черемхин, Степко Щекин, Андрюшка Щепин*), 4) прозвищами от названий людей по профессии (*Тренка Кожевник, Васка Кузнец, Кулак Скорняк*), 5) оттопонимическими прозвищами (*Игнашко Искорец, Осташко Вычегжанин*), 6) прозвищами от этнонимов (*Сенька Зырян, Тарас Черемисин*).

Особое место занимают названия людей по роду занятий, профессии, являющиеся второй частью сложного антропонима, например, в писцовой книге 1579 г.: *Сергейко Ведерник, Исачко Горшечник, Степанко Калашник, Ивашко Каменщик, Никитка Кожевник, Окиня Котельник, Шестачко Кузнец, Яшко Кузнец, Сенка Лучник, Зенка Мелец, Митрофанко Мясник, Степанко Мясник, Митка Овчинник, Данило Плотник, Иванко Подойница, Демка Рыбник, Романко Рыболов* и другие. Многие из них повторяются неоднократно (*Кузнец, Мясник, Рыболов*).

С одной стороны, эти именования следует рассматривать как слова нарицательные, действительно называющие человека по роду занятий. В редких случаях они отмечаются в составе трехкомпонентного антропонима, где определенно называют человека по профессии и являются по существу словами нарицательными, ср: (*Неклюдко Иванов сын кузнец, Андрюшка Федоров лодейшик, Гуляйко Иванов рыбник*). В ряде исследований именования людей по профессии рассматриваются как нерегулярно повторяющиеся, вспомогательные антропонимические элементы [Зинин 1969: 60] и записываются при транслитерации скорописи памятников как слова нарицательные, т. е. со строчной буквы, ср.: *Молчанко Дмитриев Шахов, колачник...Васюк Шкул соловар... Семко гребенщик* [Смольников 2005: 116, 200].

Однако, с другой стороны, нельзя не учитывать их переходный характер: в писцовой книге 1579 г. они входят в сложный двухкомпонентный антропоним. Однословных антропонимов в писцовой книге нет, так как одно имя не выделяло человека среди других людей, ибо в больших населенных пунктах оказывалось много

тезок по именам. От именований по профессии образовывались имена собственные – патронимы (*Малашко Проскурнин, Харитонко Пушкарев, Ларко Солодовников*), а патронимы, как правило, возникали от имен собственных. Так что в сложном антропониме названия по профессии можно рассматривать как находящиеся в переходном состоянии от слов нарицательных к именам собственным. Это отражено в антропонимической литературе, где цитируются антропонимы памятников письменности XVI–XVII вв. С прописной буквы, т. е. как имена собственные, они записаны в цитирующих памятники словарях Н. М. Тупикова [СДЛСИ], Ю. И. Чайкиной, Н. Н. Парфеновой, в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского [Ономастикон] и многочисленных исследованиях антропонимии отдельных текстов XVI–XVII вв.

В писцовой книге Яхонтова названия по профессии в двухкомпонентных антропонимах играют такую же роль, как стоящие на втором месте некалендарные имена или индивидуальные прозвища, и рассматриваются нами как необходимая часть антропонима, как имена собственные.

В Прикамье XVI в. было много переселенцев, что отражено в этой писцовой книге. Обычно в ней отмечалось, что человек является *приходцем*, т. е. прибывшим откуда-либо, но откуда именно, не указывалось: *В Усолье...Андрюша Приходец...Гриша Приходец* [*Я: 4 об.*], *Крестьянин деревни Нижнее Поле на реке Яйве Фомка Приходец* [*Я: 49 об.*]. Слово *Приходец* в писцовой книге 1579 г. тоже можно рассматривать как находящееся в процессе перехода от нарицательного к имени собственному, от него возникла будущая пермская фамилия *Приходцов*: *Крестьянин деревни Печинки на реке Каме Ивашка Приходцов* [*КЧ: 107*].

Вместе с тем отмечаются отдельные случаи употребления прозвищ, образованных от конкретных топонимов: *Крестьянин деревни Харина Осташко Вычегжанин* [*Я: 26 об.*] (с реки Вычегды), *Крестьянин деревни На Речке Юсве Игнашко Искорец* [*Я: 41*] (из деревни Искор), *В погосте Анисимов... Николка Усолкин* [*Я: 17 об.*] (с реки Усолки).

Относительно редкими в книге Яхонтова являются образования от этнонимов: *Крестьянин погоста Колчуг Гриша Башкирец* [*Я: 27 об.*] (башкир), *Крестянин деревни Нижняя Коса Кондратко Вотин* [*Я: 38*] (удмурт), *Беспашенный крестьянин деревни Вотцкая на роднике Сенка Зырян* [*Я: 18*] (коми-зырянин), *Чердынец*

Андрюшка Корела [*Я: 14 об.*] (карел), *Крестьянин деревни Чигор на реке Вишере Лучко Пермин* [*Я: 35 об.*] – (коми-зырянин), *Чердынец Тарас Черемисин* [*Я: 13 об.*] (мариец).

Оттопонимические и отэтнонимические образования, являющиеся второй частью сложных антропонимов, в писцовой книге 1579 г. можно считать прозвищами, именами собственными.

Все рассмотренные случаи употребления антропонимов являются именованиями только мужчин. Что касается женщин, то их в переписных документах записывали лишь тогда, когда женщина оставалась вдовой и владела принадлежавшим ранее мужу хозяйством. Таких случаев в писцовой книге Яхонтова немного. Женские сложные антропонимы в ней в основном двухкомпонентны: *В Чердыни... вдова Настасьица Чебина* [*Я: 13 об.*], *В Чердыни... вдова Настасьица Медветкова* [*Я: 15*]. Редко отмечаются трехкомпонентные женские антропонимы: *В Чердыни... вдова Марьица Ивановская жена Попова* [*Я: 14 об.*]. В них кроме имени вдовы (*Настасьица, Марьица*) фиксируется образование от прозвища бывшего мужа (*Чебин, Медветков*), а иногда – от его имени и прозвища одновременно (*Ивановская жена Попова*). Есть случаи, когда упоминается одно имя вдовы, но далее обязательно фиксируется имя ее сына: *В погосте Покча... вдова Настасьица да сын ее Конша* [*Я: 19 об.*], *В деревне Цыдва... вдова Ографеница да сын ея Митка* [*Я: 25*]. В писцовой книге 1579 г. зафиксированы дериваты только от календарных женских имен, некалендарных женских именований здесь нет. Для рассмотрения истории некалендарных именований из женских сложных антропонимов могут быть извлечены только именования от некалендарных имен мужей или сыновей вдов. Но они, как правило, встречаются в писцовой книге и в самостоятельном употреблении в антропонимах мужчин, т. е. их реконструкция не актуальна.

1.5.2. Писцовые книги 1623–1624 гг.

Составлением следующих писцовых книг по Перми Великой, Соли Камской и вотчинам Строгановых в 1623/1624 гг. руководил писец Михаил Кайсаров. Они сохранились в списках, один из которых находится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (фонд 256, дело 308, листы 46–210). На основе этого списка было проведено исследование антропонимии чердынской

и соликамской территории. Писцовая книга Кайсарова 1623/1624 гг. по Великопермским вотчинам Строгановых была опубликована А. А. Дмитриевым в его «Пермской старине» (Пермь, 1889. Вып. 1–4. С. 110–194).

За 44 года, прошедшие после переписи Яхонтова, в официальной русской антропонимии произошли изменения, повлиявшие и на записи именований людей в текстах Кайсарова. В отличие от книги XVI в. в переписи 1623/1624 гг. в качестве основного утверждается трехкомпонентный сложный антропним со словом *сын* при патрониме (*Чердынец Володька Яковлев сын Юрганов* [*КЧ: 46 об.*]; *Чердынец Степанко Романов сын Кибардин* [*КЧ: 47*]; *Чердынец Игнатьев сын Кычанов* [*КЧ: 47*]), двухкомпонентное именование отмечается только при назывании бывших владельцев пустых (оставленных) дворов (*Куземка Кашин, Михалко Горшечник, Ивашко Черепанов, Дениска Бабин*). Исчезнувших (умерших или ушедших в другие места) владельцев упоминали в соответствии со старой писцовой книгой и, возможно, их патронимы были неизвестны, потому и не фиксировались при новой переписи.

Преимущественно трехкомпонентными становятся и женские антропонимы вдов и незамужних женщин (*вдова Марьица Микитинская жена Сметанина, вдова Палагеица Ильинская жена Аникина, вдова Каптелинка Нечаевская жена Зверева, девка Катеринка Борисова дочь Тыркова*). В отдельных случаях отмечаются и двухкомпонентные антропонимы (*Марьица Серебреникова, Марьица Корякина*). Впервые в пермскую писцовую книгу проникло прозвище женщины, образованное в народной речи от именования мужа (*Кузмич*) с помощью суффикса -их(а): *В Чердыни... вдова Стефанидка Кузмичиха* [*КЧ: 51 об.*]. Именования женщин на -их(а) очень редко отмечаются и в последующих переписных и других деловых текстах XVII–XVIII вв., так как писцы хорошо ощущали их просторечный, народный характер и старались заменять принятыми в антропонимии документов именованиями.

В качестве первого слова в трехкомпонентных мужских антропонимах употребляются как календарные (*Демка Иванов сын Киласов, Васка Ларионов сын Сычев*), так и некалендарные имена (*Грибанко Ондреев сын Шалыгин, Жданко Степанов сын Холкин, Русин да Томило Елисеевы дети Александровы, Рычко Михайлов сын Хомутиников*). В то же время некалендарные имена встречаются и в качестве третьего члена сложного именования, ср.:

Ивашка Васильев сын Биряха, Васка Патракеев сын Зубок, Игнашка Иванов сын Сатюк, Левка Михайлов сын Чирок, Олешка Патракеев сын Шан(ь)га.

Некалендарные женские имена в писцовых книгах Кайсарова, как и в книге Яхонтова, не зафиксированы.

В книгах 1623–1624 гг. отмечаются прозвищные отчества, образованные от некалендарных имен (прозвищ) отцов, записанных в писцовой книге Яхонтова, ср.: в Усолье в 1579 г. проживал пашенный крестьянин *Михайло Ряха* [*Я: 3*], а 1623 г. там же, видимо, его сын *Евтихей Михайлов сын Ряхин* [*КС: 153 об.*]. Таким образом, появилось образованное от некалендарного имени или прозвища именование по отцу (*Ряхин*), которое в современной антропонимии нередко называют прозвищным отчеством. Практически это патроним, но образованный не от календарного имени, а от прозвища или некалендарного имени отца. В следующем поколении форма *Ряхин* сохраняется без изменений, становится семейным наименованием и переходит в фамилию, распространившуюся в Прикамье: *Житель деревни Сивково Парфенко Тихонов сын Ряхин*, 1623 г. [*КС: 162 об.*], *Житель села Новое Усолье Алешка Ряхин*, 1699 г. [*Ш* 5_2: *623*], *Житель города Перми Иван Прокопьев сын Ряхин*, 1795 г. [*Пр 2: 230 об.*].

В отличие от книги Яхонтова в книгах Кайсарова названия людей по роду занятий фиксируются в качестве не второго, а третьего члена трехкомпонентного антропонима, так как на втором месте стоит патроним от имени отца, который в книге 1579 г. отсутствовал. Ср. в 1623/1624 гг.: *Житель Усолья Камского Ивашко Онофриев сын Бочкарь* [*КС: 156*], *Житель деревни Верхняя Калина на реке Чусовой Гришка Иванов сын Винокур* [*К: 145*], *В Чердыни... Левка Патрикеев сын Горшечник* [*КЧ: 50*], *В Усолье Камском... Петрушка Кузмин сын Гребенщик* [*КС: 156*], *В Усолье Камском... Белянка Микулин сын Завязочник* [*КС: 156*], *В Чердыни... Тренка Ондриев сын Кузнец* [*КЧ: 47 об.*], *В Чусовском Верхнем городке Парфенко Леонтьев сын Лаговник* [*К: 139*], *В Чердыни... Кондрашко Нифонтов сын Рыболов* [*КЧ: 48 об.*], *В Чердыни... Пронка Антонов сын Сапожник* [*КЧ: 49*], *В Чердыни... Ондрюшка Алексеев сын Серебреник* [*КЧ: 48*], *В Чердыни... Попко Иванов сын Скорняк* [*КЧ: 48 об.*], *В Усолье Камском... Васка Иванов сын Токарь* [*КС: 155 об.*], *В Усолье Камском... Лучка Ефтефеев сын Удник* [*КС: 156 об.*] и т. д.

Названия по профессии воспринимались как часть антропонима, как имена собственные, от которых образовывали прозвищные отчества, оформленные суффиксами -ов, -ев, -ин, а затем и фамилии, ср. в книге Кайсарова: *В Чердыни... Якушко Володимеров сын Кожевников* [*КЧ: 47*], *В Чердыни... Ивашко Тимофеев сын Котельников* [*КЧ: 48*], *Крестьянин деревни Толстик на реке на Каме Маркушко Яковлев сын Кузнецов* [*КЧ: 119*], *В Чердыни... Ивашко Андреев сын Проскурнин* [*КЧ: 48*], *В Усолье Камском... Лазарко Григорьев сын Рукавишников* [*КС: 156*], *В Чердыни... Андрюшка Федотов сын Судовщиков* [*КЧ: 47 об.*], *Чердынец... Степанко Микитин сын Толмачев* [КЧ: 50], *В Чердыни... Рычко Михайлов сын Хомутиников* [*КЧ: 49*], *Крестьянин погоста Губдор на реке на Каме Овдейко Иванов сын Швецов* [*КЧ: 96 об*].

По сравнению с писцовой книгой 1579 г. в книгах Кайсарова редким стало присутствие в сложном антропониме общего названия переселенца в Прикамье *приходец* (*Крестьянин сельца Никольское на речке Муловке Кирилка Шангин Приходец* [*К: 121*]), как и его синонима *пришлец* (*Починка Никитинского крестьянин Томилко Григорьев сын Пришлец* [*КЧ: 161*]). В соответствии с ними широко использовали конкретные оттопонимические прозвища, ср. в 1623 г.: *Крестьянин деревни Нижние Муллы на реке на Каме Андрюшка Антонов сын Важенин* [*К: 122*] (т. е. прибыл с реки Ваги), *Крестьянин Чусовского Верхнего городка Федка Прокопьев сын Вагин* [*К: 140*] (с реки Ваги), *Крестьянин починка Селище на реке на Чусовой Онисимко Тарасов сын Вилежанин* [*К: 119*] (с реки Виледи), *В Чердыни... Афонка Афонасьев сын Вологженин* [*КЧ: 48*] (из Вологды), *В Чусовском Нижнем городке... Павлик Парфенов сын Вондокурец* [*К: 140*] (из Вондокурья), *В Чердыни... Васка Васильев сын Вычегжанин* [*КЧ: 49*] (с реки Вычегды), *Крестьянин погоста Анисимов Сережка Пименов сын Вятчанин* [*КЧ: 69 об.*] (с реки Вятки), *В Усолье Камском... Ивашко Федоров сын Казанец* [*КС: 156*] (из Казани), *В Чердыни Федотко Микитин сын Колмогорец* [*КЧ: 47 об.*] (из Холмогор), *Крестьянин деревни Новое Сельцо на реке на Сылве Ивашко Терентьев сын Луза* [*К: 179*] (с реки Лузы), *Житель починка Слутка на реке Усолке Алесей Никитин сын Кошкар* [*К: 158*] (с реки Кокшенги), *Крестьянин деревни Чудское Гордище на реке на Усолке Гаврилко Денисов сын Моржегорец* [*К: 142*] (из села Моржегоры), *Крестьянин погоста Губдор Григорей Жаворонков сын Москви-*

тин [*КЧ: 97*] (из Москвы), *Крестьянин починка Коипт Якушко Фёдоров сын Новгородец* [*КЧ*: *105 об.*] (из Новгорода), *В Усолье Камском... Ивашко Киприянов сын Пиняжанин* [*КС:155 об.*] (с реки Пинеги), *Крестьянин погоста Губдор Ондрюшка Юрьев сын Ржевитин* [*КЧ*: *96 об.*] (из города Ржева), *В Чердыни... Гришка Иванов сын Святоносов* [*КЧ: 50 об.*] (с мыса Святой Нос на Белом море), *В Чердыни... Ларка Потапов сын Углечанин* [*КЧ: 47*] (из Углича), *В Усолье Камском... Петрушка Семенов сын Устюжанин* [*КС: 156*] (из Устюга), *В Чердыни... Юшка Титов сын Устюжанин* [*КЧ: 50*] (из Устюга) и т. д.

В писцовой книге отмечаются оттопонимические прозвища не только переселившихся в Прикамье из других регионов России, но и переселенцев с одной пермской территории на другую, что свидетельствует о миграционных процессах внутри Пермского края, ср.: *Крестьянин погоста Верхний Рождественский на реке Обве Томилко Стефанов сын Гаенец* [*КЧ: 141 об.*] (из деревни Гайны на реке Каме), *Житель сельца Никольское на речке Муловке Федька Захарьев сын Обвинец* [*К: 121*] (с реки Обвы – правого притока Камы), *Бобыль деревни Слутка на реке Инве Осипко Пермитин* [*КЧ: 146 об.*] (из Перми Великой, обычно из города Чердыни).

В отдельных случаях один человек имел два оттопонимических именования, одно из которых уточняло другое, ср.: *В Соли Камской Гришка Григорьев сын Москвитин, Чебоксарец он же* [*КС: 153 об.*]. Здесь прозвище *Москвитин* (т. е. посланный Москвой, приехавший из Москвы, из центра России) уточнено словом *Чебоксарец*.

Именования, образованные от топонимов, употреблялись по сложившейся в XVI в. традиции для территории вторичного заселения, какой было Верхнее и Среднее Прикамье. Их и для XVII в. можно характеризовать как слова переходные от существительных нарицательных к именам собственным. От многих таких оттопонимических именований возникали сначала прозвищные отчества, а впоследствии – пермские фамилии: *Чердынец Прокофей Васильев сын Вологжанинов* [*КЧ: 46 об.*], *Чердынец Ивашко Меньшей Вологжаниновых* [*РСЧ 5: 14*], *Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Ивашка Терентьев сын Казанцев* [*КЧ: 74 об.*], *Крестьянин села Слудка на реке Каме Аристко Иванов сын Колмогоров* [*Е: 127*], *Крестьянин деревни На Реке Кутамыше Харка Васильев сын Кокшаров* [*Б: 95*] и т. д.

Некоторые оттопонимические прозвища по форме совпадали с фамилиями на -ов, -ев, -ин и перешли в них без всякого добавочного оформления: *Чердынец Гришка Святоносов* [*РСЧ 5: 52*], *Крестьянин погоста Губдор Андрей Калинин сын Устюжанин* [*Ч: 109*]. Фамилии Святоносов и Устюжанин оформлены так же, как оттопонимические прозвища.

В качестве третьего члена сложных антропонимов в писцовых книгах Кайсарова представлены и некоторые этнонимы: *Крестьянин деревни Назарово на реке Вилве Артюшка Прокопьев сын Корела* [*КЧ: 120*], *Житель сельца Никольское на речке Муловке Ивашко Кондратьев сын Мордва* [*К: 121*], *Крестьянин деревни Лобаново Городище на реке Каме Афонка Васильев сын Нахрат* [*К: 152*], *Крестьянин деревни Лимеж на реке Лимеже Пятко Ондреев сын Татарин* [*КЧ: 89 об.*], *В Усолье Камском... вдова Ульянка Родионовская жена Вогулкина* [*КС: 160*] – *Вогулкина* от прозвища мужа *Вогулка* из этнонима *вогул*.

Чаще других использовалось именование *Зырян*: *В Чердыни... Левка Васильев сын Зырян* [*КЧ: 47 об.*], *Чердынец Нежданко Семенов сын Зырян* [*КЧ: 50*]. От него образована форма с суффиксом -ов (патроним – прозвищное отчество, а затем фамилия): *В Усолье Камском Васка Яковлев сын Зырянов* [*КС: 154*], *Чердынец Степанко Афонасьев сын Зырянов* [*КЧ: 49*]. Эта фамилия свидетельствует о переселении с севера европейской части России в Верхнее Прикамье вместе с русскими и отдельных коми-зырян. Следует отметить, что на севере Прикамья всегда различали коми-пермяков и коми-зырян, хотя они и говорили в XVII в. на очень близких языках, которые можно рассматривать как диалекты одного коми языка.

Сопоставление двух ранних писцовых книг по Чердыни и Соли Камской свидетельствует об изменениях в русской антропонимии Верхнего Прикамья и показывает, каким путем шло развитие антропонимов в официальной письменности и какое место в ней занимали некалендарные имена. Вместе с тем в 1623/1624 гг. Кайсаровым была составлена писцовая книга по Великопермским вотчинам именитых людей Строгановых, в которой переписаны жители бассейна Чусовой и Сылвы.

Итак, тексты переписи Кайсарова составлялись по очень большой территории, в разных районах Верхнего и Среднего Прикамья: от Чердынской земли до бассейна Чусовой и Сылвы, а также

правых и левых притоков Камы ниже устья Чусовой. Они записывались и проверялись разными людьми. Жителей Чердынской территории для книги Кайсарова переписывали дьяк Сарыч Шестаков и подьячий Второй Ильин, сведения о жителях они получали от местных старост, например, в Чердыни от земского старосты Федьки Свирепова. Соль Камскую переписывали дьяк Дементий Образцов и подьячий Нефед Галкин, вотчины Строгановых – дьяк Марк Мартемьянов и подьячие Исаак Леонтьев да Афанасий Бреев. Об этом свидетельствуют записи в самих писцовых книгах, сохранившихся в списках и в публикации.

Переписчики были опытными в своем деле людьми, о чем свидетельствуют записи о них в исторической литературе, в частности в книге С. Б. Веселовского «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.». Так, Сарыч Шестаков в 1604–1606 гг. в Москве был дьяком Ямского приказа, а в 1608–1609 гг. вместе с подьячим Вторым Ильиным был дозорщиком (переписчиком) Соли Камской и Кайгородка на Верхней Каме [Веселовский 1975: 579], Второй Ильин был писцом Вязьмы, половины Рязанского уезда и подьячим на Белоозере [там же: 217]. С. Б. Веселовским представлен большой послужной список Дементия Образцова [там же: 379], который был дьяком в Твери, писцом в Нижнем Новгороде, в Москве дьяком Новгородской четверти. Нефед Галкин являлся подьячим Новгородской четверти, описывал Гороховец [там же: 117].

Учитывая население в писцовых и дозорных книгах разных территорий, их составители выдерживали нормы, сложившиеся для переписных текстов России. Тем не менее, следует отметить некоторые специфические черты их записей в кждом тексте. Например, в переписной книге Кайсарова по Великопермским вотчинам Строгановых отмечаются 1) четырехкомпонентные антропонимы и 2) использование термина *прозвище* в значении ‘некалендарное имя’: *В Чусовском Нижнем городке... Симонко прозвище Шумилко Семенов сын Шумкин... Сысойко прозвище Меншичко Афонасьев сын Бубен...Антонко прозвище Чудинко Иванов сын Карпов* [*К: 120, 140, 143*]. Это не было характерно для пицовых книг Чердыни и Соли Камской, в которых можно отметить лишь редкие четырехкомпонентные именования. В этом отношении книги по Строгановским вотчинам более близки следующим переписным документам, чем книги севера Пермского края.

1.5.3. Переписные книги 1647 г.

В 1647 г. были составлены переписные книги воеводы Прокопия Елизарова по Чердыни, Соли Камской, вотчинам Строгановых и кунгурской территории. Книга по Строгановским вотчинам опубликована в «Трудах Пермской ученой архивной комиссии» (Пермь, 1893. Вып 2. С. 87–146), остальные сохранились в рукописи в Российском государственном архиве древних актов (фонд 1209, опись «Поместный приказ», ед. хр. 351).

Исследование антропонимии Пермского края по книгам 1647 г. свидетельствует о дальнейшем ее развитии. В них преобладают сложные трехкомпонентные антропонимы с дериватами от календарных имен на первом месте: *Починка над Лещевскою Курьею крестьянин Порфирейко Сидоров сын Угринов* [*Е: 98*]; *В городе Чердыни двор пуст Васки Алексеева сына Тимшина* [*ЕЧ: 12*]; *В Чердыни... крестьянин Петрушка Семенов сын Парашин* [*ЕЧ: 17*]. В отдельных случаях продолжается фиксация и дериватов некалендарных имен (*Житель Орла-городка Первушка Алексеев сын Базанов* [*Е: 107*], *Деревни Серегова на реке Колве кресьтянин Пятунка Яковлев сын Кожевник* [*ЕЧ: 39*]), однако их процент значительно сокращается, на первом месте сложного антропонима преимущественно стоит календарное имя человека, а некалендарное вводится термином *прозвище* как второй или третий член всего сложного антропонима.

Употребление некалендарного имени в качестве второго члена антропонима свидетельствует о его отнесенности к переписываемому человеку: *Деревни Серегова... Аверкийко прозвищем Богдашко Минин сын Тимшин* [*ЕЧ: 39*], *В Орле-городке... Мосейко прозвище Богдашко Мосеев сын Простово* [*Е: 107*], *Починок Черепанов усть речки Усолки... Федька прозвище Гуляйко Евстафьев сын* [*Е: 141*], *Деревня Сизикова на реке на Косве... Аввакумко прозвище Девятко Евстафьев сын Шелепов* [*Е: 142*], *В Чусовском городке... Киприянко прозвище Дорога Екимов сын* [*Е: 96*], *Сылвенской острожек... Поликарпко прозвище Первушко Сисоев сын Колмогорец* [*Е: 109*], *Деревни Верхолужская... Савка прозвище Пятко Никифоров сын Полыгалов... Фефилко прозвище Нечайко Никифоров сын Полягалов*[16] [*Е: 110*], *В Новом Усолье...Ивашко прозвище*

[16] Видимо, Полягалов – в результате описки писца в фамилии Полыгалов.

Кожа Григорьев сын Тверитин [*Е: 106*], *В Орле-городке... Максимко прозвище Томилко Васильев* [*Е: 91*].

Употребление некалендарного имени (со словом *прозвище*) в качестве третьего члена антропонима, на первый взгляд, могло свидетельствовать о его отнесенности как к самому переписываемому человеку, так и к его отцу: *В Новом Усолье... Кирилко Михайлов сын прозвище Кабан* [*Е: 106*], *В Орле-городке... Андрюшка Андреев сын прозвище Путилко... Федот Патрикеев сын прозвище Десятко* [*Е: 107, 108*], *Деревня Редийское Городище... Алешка Михийлов сын прозвище Шестачко* [*Е: 108*], *Деревня Абрамов Камень... Алешка Владимиров сын прозвище Шестачко* [*Е: 109*].

Уточнить его функцию помогают тексты, в которых некалендарное имя отца распространяется на всех его детей. Так, иногда некалендарное имя оказывается даже четвертым компонентом сложного антропонима: *В Новом Усолье... Тимошка Дмитриев сын Ярафеев прозвище Комар* [*Е: 88*]. Следует учитывать, что в данном тексте некалендарное имя *Комар* (со словом *прозвище*), стоящее после отчества, относится не к записанному хозяину двора (к Тимошке), а к его отцу (Дмитрию). Оно сохраняется и при упоминании его другого сына, хотя уже без термина *прозвище*: в Орле-городке проживал брат упомянутого Тимошки *Андрюшка Дмитриев сын Комар* [*Е: 90*]. В книгах 1647 г. преобладают случаи, когда некалендарное имя (со словом *прозвище*), стоящее после полуотчества, т. е. патронима от календарного имени (на третьем или четвертом месте сложного антропонима), относится к отцу записываемого в переписи человека, т. е. входит в его патроним, который выделен подчеркиванием в следующих примерах: *В Городоке на Чусовой...Никитка Кирилов сын прозвище Девяша* [*Е:* 131], *В деревне Таборы на реке на Каме... Ивашка Анферьев сын прозвище Дед* [*Е: 125*]. В этих текстах *Девяша* – некалендарное имя Кирилла, *Дед* – некалендарное имя Анферья, т. е. некалендарные имена отцов, а не самих переписываемых жителей Прикамья, которым они достались в наследство.

Однако патронимы, содержащие отыменное и отпрозвищное отчества, в писцовых книгах Елизарова употребляются преимущественно без сопровождения словом *прозвище*: *В слободке Яйва... подворник Ивашка Захаров Кушпель* [*Е: 140*], *В Орле-городке... Илька Крысанфов сын Любимец* [*Е: 89*], *Крестьянин деревни Божинская над Косинским ручьем Ивашка Семенов сын*

Орел [*Е: 134*], *Деревня на усть Югу... Никитка Терентьев сын Подошевка* [*Е: 126*].

Вместе с тем в писцовых книгах Елизарова встречаются случаи употребления некалендарного имени и (или) прозвища отца записываемого человека в родительном падеже: *Деревня Заосиновым... Федька Иванов сын Мерзлые Каши* [*Е: 123*], *Сельцо Серга... Зиновийка Нефедьева сына Балчукова Шадры* [*Е: 113*]. Они подтверждают, что прозвище, стоящее после отыменного отчества, входит в патроним, т. е. характеризует не записываемого в переписной книге человека, а его отца.

Употребление некалендарного имени отца в именительном падеже оказывалось не очень удобным, так как в сложном антропониме наряду с ним могло оказаться другое некалендарное имя – именование самого переписываемого и тоже в именительном падеже. Постепенно от некалендарного имени отца (например: *Кушпель, Любимец, Орел, Каша, Подошевка*) естественно образуется новое имя собственное по аналогии с образованием от календарного имени отца, т. е. в форме притяжательного прилагательного с суффиксами -ов, -ев, -ин (*Кушпелев, Любимцев, Орлов, Кашин, Подошевкин*). Оно передается по наследству, закрепляется как семейное именование и, таким образом, становится фамилией, распространившейся в Пермском крае, а нередко и вынесенной за его пределы, в частности в Сибирь.

В Прикамье развиваются также именования, указывающие на принадлежность человека всей семье, роду и отвечающие не на вопрос «чей?» (*Воронов, Жилин*), а на вопрос «чьих?» (*Вороновых, Жилиных*), т. е. так называемые фамилии на -ых. И в пермских памятниках параллельно с фамилиями на -ов, -ев, -ин в середине XVII в. начинают фигурировать фамилии на -ых (-овых, -евых, -иных), ср.:

Крестьянин деревни Воронина реке на Сылве Арефейко Иванов сын Воронов [*Е: 92*], но *Крестьянин деревни Чернышева Семенко Ефимов сын Вороновых* [*Е: 113*];

Чердынец Ивашко Жилин [*РСЧ 4: 57*], но *Житель Чусовского городка Ефимко Семенов сын Жилиных* [*Е: 95*],

Крестьянин погоста Колчуг Федька Васильев сын Куклин [*КЧ: 108*], но *Крестьянин Фадейко Степанов сын Куклиных* [*Б: 204 об.*],

Житель города Кунгура Степан Мордвинов [*КА: 3*], но *Крестьянин сельца Серга Гришка Захаров сын Мордвиных* [*Е: 112*].

Последовательности в образовании фамилий на -ых в Прикамье не было, и отмечаются случаи, когда одного из братьев записывают с фамилией на -овых, а другого с фамилией на -ов: *Крестьянин деревни Лядова на реке на Сылве Анисимко Матвеев сын Лядовых...да крестьянин Петрушка Матвеев сын Лядов* [*Е: 92*].

Суффикс -ых участвует и в образовании фамилий от календарных имен: *Крестьянин Орла-городка... Сенька Иванов сын Савиных... Фотейко Марковых сын Игнатьевых* [*Е: 89, 90*], *Житель сельца Серга Евстафийко Иванов сын Арефьевых* [*Е: 112*]. Таким образом, в середине XVII в. было положено начало пермским фамилиям на -ых, широко используемым в дальнейшем, особенно в XVIII в.

Вместе с тем возникают фамилии не только от календарных или некалендарных имен, но и от прозвищ по роду занятий, оттопонимических и отэтнонимических. В книгах 1647 г. одновременно фиксируются и сами эти прозвища, и образования от них с суффиксами -ов, -ев, -ин.

В качестве последнего члена сложного антропонима в середине XVII в. по-прежнему использовались названия людей по профессии: *Крестьянин деревни Нижне-Мулинская Ивашко Яковлев сын Кадошник* [*Е: 123*], *В Орле-городке... Федька Васильев сын Кирпищик* [*Е: 89*], *В Орле-городке Васька Иванов сын Кожевник* [*Е 1: 58*], *В Очерском остроже... Марко Ананьин сын Кузнец* [*Е: 103*], *Крестьянин деревни Заборская на реке на Сылве Сидорко Карпов сын Пирожник* [*Е: 94*], *Житель Городка на реке на Чусовой над речкою Усолкою Якунька Семенов сын Повар* [на солеварне] [*Е: 132*], *Житель Городка на реке на Чусовой над речкою Усолкою Гришка Ананьин сын Подварок* [*Е: 133*], *В Новом Усолье... Тимошка Григорьев сын Рыбник* [*Е: 88*] и другие.

Названия людей по роду занятий обычно стояли на третьем месте сложного антропонима. Одни исследователи рассматривают их как онома, другие – как апеллятивы, что свидетельствует об их переходном состоянии от слов нарицательных к именам собственным. Они дали большое количество фамилий (*Кадошников, Кирпищиков, Кожевников, Кузнецов, Пирожников, Поваров, Подварков* и т. д.), фиксируемых в памятниках письменности Прикамья (см. «Словарь пермских фамилий» [СПФ]).

Нередко рядом с указанием на род занятий фиксировали и оттопонимическое прозвище, которое было образовано от названия

места, откуда пришел человек в Пермский край: *Сылвенский острожек... Гришка Антонов сын Кузнец Балахонец* [*Е: 109*], *В Орле-городке... Лучка Дмитриев сын Кузнец Белослудец с Двины* [*Е: 90*], *В Орле-городке... Иванко Мартемьянов сын Мясник Каргополец* [*Е: 106*], *В Новом Усолье... Мишка Васильев сын Расторгуй Москвитин* [*Е: 88*].

Оттопонимические прозвища весьма распространены в текстах переписи 1647 г, в частности в книге по вотчинам Строгановых: *В Орле-городке... Бориско Елизарьев сын Виляженин* [*Е: 106*], *В Орле-городке... Ивашка Карпов сын Вологда* [*Е: 95*], *В Орле-городке... Марчко Мартемьянов сын Березин Вондокырец* [*Е: 107*], *В Новом Усолье... Ивашка Козмин сын Ворон Вятчанин* [*Е: 88*], *В Новом Усолье... Демка Леонтьев сын Сухан Двинянин* [*Е: 106*], *В слободе Новое Усолье... Анашка Иванов сын Заонежанин* [*Е: 106*], *В слободе Новое Усолье... Никитка Обросимов сын Кайгородец* [*Е: 106*], *В слободе Новое Усолье... Юрко Иванов сын Москвитин* [*Е: 106*], *В Слободе Новое Усолье... Левка Адреев сын Кубасов Пиняженин* [*Е: 106*], *В Сылвенском острожке... Фомка Дмитриев сын Варушкин Солевычегодский* [*Е: 109*], *В Новом Усолье... Ивашко прозвище Кожа Григорьев сын Тверитин* [*Е: 106*], *В Орле-городке... Алешка Никитин сын Устюжанин* [*Е: 107*], *В Новом Усолье... Мишка Юрьев сын Южанин* [*Е: 87*] и т. д.

В 1647 г. отмечаются прозвища выходцев и с территории Пермского края, например: *Крестьянин деревни Полазная на реке на Каме Якунка Васильев сын Гаенец* [*Е: 130*], *Сылвенский острожек... Андрюшка Григорьев сын Вострецов Сылвенец* [*Е: 109*].

Оттопонимические прозвища дали большое количество фамилий (*Виляженинов, Вологдин, Вятченинов, Гаинцов, Двинянинов, Кайгородцев* и т. д.), распространявшихся в Пермском крае начиная с XVII в. [см. СПФ].

В отдельных случаях в сложных антропонимах середины XVII в. отмечаются отэтнонимические прозвища, например: *В Чусовском городке... Киприянко Константинов сын Пермин* [*Е: 96*]. Они так же, как прозвища по роду занятий или образованные от топонимов, дали фамилии: *Крестьянин Очерского острожка Федосийко Филиппов сын Перминов* [*Е: 124*].

В целом, материалы переписных книг 1647 г. свидетельствуют о постепенном вытеснении некалендарных имен с первого места в сложном антропониме, т. е. о восприятии их как второстепенных,

отличающихся по функции в деловом языке от имен календарных. Но в трехкомпонентном антропониме они еще сохраняются, хотя в то же время от них образуют отпрозвищные патронимы, которые затем они переходят в фамилии.

1.5.4. Переписные книги 1678 г.

Далее были исследованы переписные документы 1678 г.: «Пермь Великая Чердынь. Книга переписная переписщика Федора Бельского» (РГАДА, фонд 1209, опись «Поместный приказ», ед. хр. 352) и «Список Соли Камской переписных книг переписчика князь Феодора Бельского 186 (1678) году. Копия. Рукопись» (ГАПК, фонд 597, опись 1, № 22). В них представлены данные по обширной территории Прикамья, в частности по вотчинам Строгановых.

Анализ материалов переписи 1678 г. показал, что в официальной антропонимии Пермского края окончательно утвердился как основной трехкомпонентный антропоним для мужчин со словом *сын* и четырехкомпонентный для женщин со словами *дочь* и *жена*. Так, в Чердыни отмечены владельцы посадских дворов *Ивашко Григорьев сын Валуев* [*БЧ: 7 об.*], *Калинка Прохоров сын Пименов* [*БЧ: 8 об.*], *Кирилко Алексеев сын Одинцов* [*БЧ: 13*], бобыльских дворов *Гришка Сысоев сын Кабанов* [*БЧ: 26 об.*], *Сен'ка*[17] *Тимофеев сын Русинков* [*БЧ: 30 об.*], *Кос'тка Иванов сын Латыев* [*БЧ: 44*], жители нищих дворов *Максимко Алексеев сын Ремянников* [*БЧ: 51 об.*], *Федотко Васильев сын Потемин* [*БЧ: 52*], вдовы *Огрофенка Васильева дочь Ивановская жена Ем'шанова* [*БЧ: 47 об.*], *Марьица Дмитриева дочь Ивановская жена Несмеянова* [*БЧ: 48*], *Офим'ка Оврамова дочь Тимофеевская жена Кичанова* [*БЧ: 52 об.*], *Повивальная баба Марьица Степанова дочь Ивановская жена Парашина* [*БЧ: 48 об.*]. Точно так же выглядят сложные официальные антропонимы в переписи жителей чердынских деревень.

Что касается жителей оставленных, пустых дворов, то здесь используется как трехкомпонентный антропоним, так и двухкомпонентный: *Двор был пуст Никитки Семина* [*БЧ: 55*], *Двор был*

---

[17] Сохраняем обозначение знаком «'» мягкости согласных, встречающееся в пермских памятниках XVIII в.,

пуст Лар'ки Судовщикова [*БЧ: 55 об.*]. Дело в том, что каждый переписчик обычно сравнивал современный ему состав населения с тем, что было отмечено в переписных документах до него, ср. запись в чердынской книге Бельского: *И по переписке князя Федора Федоровича Бельского да подьячего Василья Меншикова нынешняго 186 го году перед*[18] *перепискою думного дворянина Прокофья Кузмича Елизарова 155 го году прибыло в Перми Великой в Чердыни...* [*БЧ: 58 об.*], затем указывается количество жителей разного социального положения в год переписи. Запись тех, кому принадлежали опустевшие дворы, устанавливалась в соответствии со старой переписной книгой, в данном случае – с книгой Прокопия Елизарова. Двухкомпонентные антропонимы бывших владельцев опустевших дворов могли быть взяты из этой старой книги, особенно в тех случаях, когда современное население уже не могло вспомнить, как звали по отцу того, кто жил на этом месте в прошлом, так как после прошлой переписи прошло три десятилетия. Таким образом, двухкомпонентные антропонимы свидетельствовали скорее о старых нормах официального именования, нежели соответствовали новым.

По сравнению с книгой 1647 г. в 1678 г. редкими, единичными становятся случаи, когда некалендарное имя является первым членом сложного антропонима: *В Чердыни... <u>Баженко</u> Кондратьев сын Нифонтов... <u>Дружинка</u> Кондратьев сын Нифонтов* [*БЧ: 33, 34 об.*], причем употребляются здесь самые древние и устойчивые общерусские, признанные [Смольников 2005: 215] некалендарные имена (*Баженко*, *Дружинка*, *Ждан*, *Первушка*, *Третьяк*).

В качестве третьего члена сложных антропонимов в книгах 1678 г. некалендарные имена проявляются неодинаково в различных районах Прикамья. В Чердынской книге они, как правило, уже оформлены суффиксами -ов, -ев, -ин и практически перешли в фамилии, так как в этом виде употреблялись уже не в первом поколении, ср.: *Место пустое Ивашка Иванова сына <u>Лобовикова</u> что было деда его Мишки <u>Лобовикова</u>* [*БЧ: 54 об.*].

В других текстах 1678 г. существенно преобладают такие же антропонимы с фамилией на -ов, -ев, -ин, однако наряду с ними в качестве третьего компонента сложных антропонимов присутст-

---

[18] В данном случае *перед* – 'по сравнению'.

вуют и некалендарные имена без суффиксов (имена отцов, дедов). Эти именования, являясь некалендарными именами по происхождению, практически выполняли ту же функцию семейных именований, что и фамилии: *Крестьянин деревни За Курьею Дорофейко Федоров сын Барыш* [*Б: 182*], *Крестьянин деревни Никитина на реке на Сылве Никитка Захаров сын Бат* [*Б: 102*], *Крестьянин Усть-Верх-городка Гаврилка Иванов сын Найдан* [*Б: 79 об.*], *Деревня Верх-Серга...Стенька Федосиев сын Нехорошко* [*Б: 176 об.*], *Деревня Против Усть-Иньвы на реке на Каме... Ивашко Федоров сын Путя* [*Б: 7 об.*], *Крестьянин деревни На Шалашах Сенька Павлов сын Сосна* [*Б: 143*], *Крестьянин деревни Нижне-Мулинская Кирилко Данилов сын Шуша* [*Б: 207 об.*].

В то же время в этих текстах фиксируются фамилии на -ых (-овых, -евых, -иных), образованные как от некалендарных, так и от календарных имен. Ср. от некалендарных имен: *Починок Ивакин... Юрка Нифонтов сын Тентюковых* [*Б: 98*], *Деревня Таборы на реке на Каме... Бориско Иванов сын Дедовых* [*Б: 213 об.*], в переписной книге 1647 г. упоминается, скорее всего, его отец: *Деревня Таборы на реке на Каме... Ивашка Анферьев сын прозвище Дед* [*Е: 125*]. Растет по сравнению с 1647 г. количество семейных именований (фамилий) на -ых от календарных имен: *Крестьянин деревни Насатка на реке на Сылве Антропко Осипов сын Ильиных* [*Б: 170*], *Починок Соловьев... Савка Петров сын Климиных* [*Б: 121 об.*], *Крестьянин Очерского острожка Емелька Прокопьев сын Леонтьевых* [*Б: 130*].

В 1678 г. в уже традиционно, если учитывать писцовые и переписные книги прошлых переписей, отмечались фамилии, образованные из прозвищ:

1) от названий людей по роду занятий их предков, ср. в Чердыни: *Бобыль Максимко Кондратьев сын Кузнецов... бобыль Никитка Григорьев сын Колашников* [*БЧ: 25*], *Бобыль Афон'ка Ермолин сын Швецов* [*БЧ: 30 об.*]; сын (особенно старший) обычно продолжал дело отца, т. е. осваивал его профессию;

2) от топонимов: *Бобыль Панкрашка Киприянов сын Вологжанин* [*БЧ: 24 об.*], *Бобыль Федька Федотов сын Лузин* [*БЧ: 46*], *Бобыль Никитка Петров сын Важанин* [*БЧ: 47 об.*];

3) от этнонимов: *В Чердыни...Ивашка Афонасьев сын Корелин* [*БЧ: 10*], *Бобыль Петрушка Алексеев сын Зырянов* [*БЧ: 36 об.*], *Бобыль Ивашко Родионов сын Черемисинов* [*БЧ: 36 об.*].

Постепенное отступление в XVII столетии в официальной письменности некалендарных имен под воздействием календарных завершается тем, что в переписных документах XVIII в., начиная с ревизской сказки 1711 г., некалендарные имена не употребляются.

Сопоставительное исследование переписных текстов Пермского края разных лет позволило установить источники для изучения истории некалендарных имен Прикамья. В переписных текстах и в документах других видов (жанров) некалендарными являются следующие именования.

1. Все имена (кроме календарных), стоящие на первом месте сложных антропонимов: *В Камском Усолье...Новичко Домрач* [*Я: 4*], *В Орле-городке...церковный дьячек Первушка Алексеев сын Базанов* [*К: 107*], *Деревня Анюшкар Кылосово тож... Лунька прозвище Новик Семенов сын Рычков* [*К: 152*].

2. Имена, стоящие на втором месте сложных антропонимов и введенные термином *прозвище*: *В Новом Усолье... Ивашко прозвище Кожа Григорьев сын Тверитин* [*Е: 106*], *Деревня Серегово...Аверкейко прозвищем Богдашко Минин сын Тимшин* [*ЕЧ: 39*], *Деревня Мартыновская на реке Иньве...Васька прозвище Четвертко Андреев сын Онкова* [*К: 154*]. Иногда такие некалендарные имена отцов переписываемых людей с сопровождающим их словом *прозвище* стоят на третьем месте сложного антропонима: *В Новом Усолье... Кирилко Михайлов сын прозвище Кабан* [*Е: 106*], *В Орле-городке... Андрюшка Андреев сын прозвище Путилко* [*Е: 107*].

3. Именования, употреблявшиеся на третьем месте сложных трехкомпонентных антропонимов и не оформленные суффиксами -ов, -ев, -ин: *В Чердыни... Олешка Патракеев сын Шанга... Ивашко Васильев сын Биряха... Васка Патракеев сын Зубок* [*КЧ: 47 об.-49 об.*], *Крестьянин Городка на реке Чусовой и над речкою Усолкою Ивашко Борисов сын Карась* [*Б: 23 об.*]. К ним не относятся прозвища из названий людей по роду занятий (*Кузнец, Подварок, Солодовник*), оттопонимические (*Вятчанин, Колмогор, Тверитин*) и отэтнонимные (*Зырян, Мордвин, Пермин*) именования, а также прозвища людей по их особенностям, данные не при рождении человека, а в процессе его жизни, например, *Белоус*, *Горбун*, см.: *Крестьянин деревни Под Волочком Васка Никитин сын Белоус* [*Е 1: 84*], *В Орле-городке... Артюшка Евдокимов сын Горбун* [*Е: 96*].

Кроме того, учитывая особенности словообразования русских фамилий, можно восстановить большое число некалендарных имен, не зафиксированных в исследованных документах в качестве имен, но послуживших основой значительной части фамилий, сложившихся и функционировавших в Прикамье в XVII–XVIII вв. Так, по фамилиям *Бурундуков*, *Верещагин*, *Добрынин*, *Лунегов*, *Нечаев*, *Чирков* восстанавливаются их основы – некалендарные имена *Бурундук*, *Верещага*, *Добрыня*, *Лунег*, *Нечай*, *Чирок*.

Однако следует учитывать, что далеко не все фамилии возникли на базе таких имен. Чтобы получить список восстановленных по фамилиям некалендарных имен, следует убрать из свода пермских фамилий его значительную часть.

1. Прежде всего следует удалить из него все фамилии от календарных имен, причем не только от полных (*Александров*, *Елисеев*, *Петров*), но и от неполных, т. е. различных дериватов с суффиксами, например, *Сандраков* (из деривата *Сандрак* < *Александр*), *Олюшенин* (*Олюшеня* < *Елисей*), ср.: *В Пянтеге... Алешка <u>Сандраков</u>* [*РСЧ 5: 76*], *Чердынец Гришка <u>Олюшенин</u>* [*РСЧ 5: 13*].

2. Анализ сложных антропонимов писцовых и переписных книг XVI–XVII вв. и ревизских сказок XVIII в. показал, что при восстановлении старых некалендарных имен необходимо изъять из списка фамилий все возникшие из апеллятивов-именований людей по роду занятий. Эти названия из слов нарицательных в документальной письменности XVI–XVII вв. перешли в индивидуальные прозвища, входившие в официальный антропоним. От прозвищ были образованы такие фамилии, как *Кирпищиков, Судовщиков, Смольников, Швецов* и т. д.

3. Точно так же не были некалендарными именами зафиксированные в пермских текстах XVI–XVIII вв. многочисленные оттопонимические прозвища, давшие фамилии, например, такие как *Виляженин*, *Москвитин*, *Суздальцев*, *Тверитинов*.

4. Не следует считать некалендарными именами и отразившиеся в фамилиях прозвища по национальности, давшие затем фамилии *Зырян*, *Калмык*, *Корела*, *Пермин*. Однако есть случаи, когда в русском языке еще до XVII в. возникали некалендарные имена из этнонимов, например: *Русин*, *Чудин*. Показателем того, что они прошли в систему имен, было употребление дериватов от них *Русинко*, *Чудинко*, ср.: *Крестьянин деревни Лимеж на реке Лимеже <u>Русинко</u> Осипов* [*Я: 33 об.*], *Крестьянин деревни Заболотье Оси-*

новая на реке Малой Усолке Чудинко Иванов сын Карпов [*К: 143*]. Установить, вошел ли этноним в систему личных имен, возможно в результате сопоставления пермских антропонимов с данными антропонимических словарей. Особенно ценные материалы для сравнения дают «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова и «Ономастикон» С. Б. Веселовского, в которых собран и датирован большой материал по именам древнерусского и среднерусского языка.

5. Обычно не являлись некалендарными именами и прозвания людей по их качествам, проявившимся не при рождении, а с возрастом, или данные в каких-то особых обстоятельствах, например: *Бобыль деревни Кыласово на реке на Иньве Баженко Иванов сын Слепой* [*Е: 145*], *Крестьянин погоста Вильгорт на реке на Колве Митька Осипов сын Хромец* [*КЧ: 73 об.*], *Крестьянин деревни Кочебахтина на реке на Сылве Петрушка Иванов сын Тортопися* [*Е 1: 35*]. Среди них есть и сложные прозвища: *Крестьянин Чусовского Верхнего городка Алешка Михайлов сын Долгие Дрова* [*К: 140*], *Крестьянин деревни За Осиновым Федька Иванов сын Мерзлые Каши* [*Е: 123*], *Крестьянин деревни Колашникова Степан Черный Зипун* [*КЗСИ: 910*]. От сложных прозвищ образовывали двухосновные фамилии, которые также нельзя отнести к возникшим из некалендарных имен (*Мелкомуков, Скоробогатов, Тучнолобов*).

Исключив из пермских материалов все указанные антропонимы, получаем список фамилий, образованных от некалендарных имен, которые существенно пополняют материалы для восстановления и исследования последних.

РАЗДЕЛ 2. НЕКАЛЕНДАРНЫЕ ИМЕНА

2.1. Состав некалендарного именника

Русский некалендарный именник складывался на протяжении многих столетий, своими истоками он уходит в дописьменные времена. Уже в ранних древнерусских памятниках отражаются основы его формирования и особенности словообразования имен, дожившие до наших дней.

Так, в «Повести временных лет», там, где описываются события X в., сообщается, что древляне, убившие в 945 г. киевского князя Игоря за чрезмерный сбор дани, из политических соображений послали сватов к его вдове – княгине Ольге: *Поиди* [замуж] *за князь наш Мал... Имя ему Мал князю деревску*. Подчеркивается, что Мал – это просто имя князя, а не его характеристика (маленький ростом или влиянием). В данном случае в древнерусском языке именем Мал стало краткое прилагательное *мал*, т. е. слово нарицательное, апеллятив. Причем в имени нередко семантика апеллятива утрачивалась, оно становилось просто знаком, обозначением определенного человека. Или же при переходе апеллятива в имя собственное сохранялось только одно из значений многозначного нарицательного слова, например: *мал* – 'младший в семье'.

В X в. ключницей в киевском княжеском доме была женщина по имени Малуша, мать будущего князя Владимира, крестившего Русь. Параллельно с мужским именем Мал на Руси существовало и женское имя Мала. Имена в древнерусском языке нередко получали суффиксы, придающие им особую эмоциональную окраску или новую стилистическую характеристику. Так, в женском имени X в. Малуша отмечается суффикс -уш(а), сохраняющийся в русской антропонимии вплоть до настоящего времени, ср.: Ируша, Милуша, Нинуша.

Развиваясь на протяжении столетий, русский именник что-то терял, некоторые имена, существовавшие веками (ср. в новгородских берестяных грамотах с XI в.: Гостята, Добровит, Нежко, Животко, Несдич [Зализняк 1995: 224–234]), переставали использовать. Но именник что-то и приобретал, так как разрастался лексический запас русского языка, из которого черпали новые имена, развивалось русское словообразование антропонимов. Нередко именами становились слова, принадлежащие лишь отдельным

говорам или заимствованные из других языков. В каждом регионе Московской Руси, а затем и России в именнике проявлялись свои особенности. Мы пока еще мало знаем о них, почему и необходимо исследование антропонимии каждого отдельного региона России в определенные эпохи.

Материалы пермских памятников XVI–XVIII вв. предоставляют возможности для изучения истории имен в Верхнем и Среднем Прикамье в период, когда в антропонимии происходили существенные сдвиги, обусловленные развитием языка, историей государства и судьбой Пермского края. И вместе с тем исследование региональных имен необходимо не только для характеристики языка, антропонимии края, но и для разработки истории русской антропонимии в целом.

Проследить историю некалендарного именника в Прикамье XVI–XVIII вв., к сожалению, возможно только по мужским именам, так как женские отмечаются в памятниках значительно реже, чем мужские, а некалендарные женские имена в исследованных нами материалах полностью отсутствуют. Зафиксированы в текстах лишь календарные имена (Елена, Марфа, Соломия), их варианты (Олена, Соломея) и дериваты от них (Еленица, Еленка, Марфица, Марфутка, Соломеица, Соломейка). Кроме того, замужних женщин называли прозвищами, образованными от календарных и некалендарных имен или прозвищ их мужей: Терешиха (от имени мужа Тереша < Терентий), Королиха (от прозвища мужа Король).

Некалендарные имена Прикамья развивались в соответствии с закономерностями формирования здесь русских говоров и в то же время в соответствии со всей системой функционирующей русской антропонимии. Их основой были главным образом слова нарицательные разных семантических групп. Одни из них при переходе в имена собственные сохраняли свою семантику, в других она изменялась или утрачивалась, третьи появлялись как результат действия метафоры, использовались в переносном значении.

Сведения о русских некалендарных именах различных территорий России, используемые для сопоставления с пермскими материалами, почерпнуты из «Словаря русских личных собственных имен» Н. М. Тупикова [СДЛСИ], «Ономастикона» С. Б. Веселовского [Ономастикон] и его книги «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.» [1975], из книги А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» [1995], из работ по русской антропонимии А. М. Селищева

1941 г. [Селищев 2003], В. К. Чичагова [1959], В. А. Никонова [1974], С. И. Зинина [1972], Ю. И. Чайкиной [2006], С. Н. Смольникова [2005], из работ по уральской ономастике А. Г. Мосина [УИО, ИКУФ] и других исследователей.

В пермских текстах XVI–XVII вв. зафиксированы некалендарные имена, присутствовавшие еще в ранних древнерусских памятниках: Добрыня (с X в.) [СДЛСИ: 185], Бажен (с XI в.) [СДЛСИ: 90], Ждан (с XII в.) [СДЛСИ: 201], Дунай (с XIII в.) [СДЛСИ: 195] и др. Многие из имен многократно отмечаются в различных русских текстах с XV – начала XVI в.: Дружина [Ономастикон: 101], Замятня [СДЛСИ: 212] Любим [Ономастикон: 189], Путило [СДЛСИ: 382; Ономастикон: 262], Томило [СДЛСИ: 450], Шумило [СДЛСИ: 506; Ономастикон: 374] и т. д. Ср. в пермских документах: *Чердынской деревни Немзи крестьянин Добрыня Ортемов* [*Я: 30 об.*], *Житель Соли Камской Бажен Трофимов сын Распоп* [*КСГ: 180 об.*], *Соли Камской посадской человек Ждан Григорьев сын Сапожников* [*КС: 64*], *Деревни Сумыча на реке Сумыче крестьянин Замятня Исаков* [*Я: 28*], *В городе Кунгуре солдат Любим Васильев* [*КА: 13*], *Житель Усолья Камского Томило Елисеев* [*КС: 167*].

В ряде случаев некалендарные имена в полной форме не попали в исследуемые тексты, но они легко восстанавливаются по некалендарному именованию отца, т. е. патрониму записываемого человека: Дружина – *Деревни Бурсуна на речке Бурсуне крестьянин Демка Дружинин сын Леонтьев* [*К: 145*], Дунай – *В Осинской Никольской слободе крестьянин Кирюшка Михайлов сын Дунаев* [*Даш: 54 об.*], а также по уменьшительному имени: Баска < Баса – *Житель Соли Камской Баска Анцыферов* [*Ш 3: 200*], Путилко < Путило – *Чусовского Верхнего городка бобыль Калинка Абрамов с пасынком Путилком Михайловым сыном Бутиным* [*К: 140*], Шумилко < Шумило – *В деревне Верейной на реке Чусовой крестьянин Устинко Федоров сын Заворохин с сыном Шумилком* [*К: 115*].

Отмечаются эти имена у людей, посланных в XVI – начале XVII в. или самостоятельно прибывших из Москвы в Прикамье, а также на Урал и в Западную Сибирь, куда они попадали через Чердынь и Соль Камскую, ср.: «Дружина Непейцын, недельщик, послан царем Василием Шуйским в Пермь Великую, 1607» [УИО: 120], «Дружина Юрьев, привез в Верхотурье грамоту из Москвы, 1598» [УИО: 120], «Дунай Иванов, гулящий ярыжка в

Верхотурье, 1628» [УИО: 125], «Путило Рязанцов, приказный в Кайгороде, 1609» [УИО: 327].

Некоторые некалендарные имена были очень древними, например, древнерусский антропоним Дунай, представленный в пермских переписных текстах XVII в. в традиционной форме делового языка с уничижительным суффиксом -к(а) – Дунайка: *Деревни Крыласовы крестьянин Дунайка Иванов* [*Ш* 5_2*: 203*].

Имя Дунай зафиксировано в русских памятниках, составленных в разных местах, ср.: «Дунай, воевода Владимиро-Волынский. 1281 г… Дунай Трофимов, служилый человек (в Якутской области). 1649 г… Дунайка Карпов, костромской пушкарь, 1654 г… Федка Дунай, стрелец в Астрахани. 1654 г… Дунайко Мокеев, крестьянин Олонецкого уезда, 1681 г… Дунай Шемякин, селенгинский казак. 1698 г.» [СДЛСИ: 195]; «Дунай Самсонов, крестьянин, 1606 г., Арзамас» [Ономастикон: 103]. Отмечается оно и в фольклорных текстах: «Дунай Иванович, богатырь. Рыбников» [СДЛСИ: 195].

Это имя, сохранявшееся в русских текстах до XVIII в., является свидетелем долгой исторической памяти восточных славян, в далеком прошлом переселившихся в бассейн Днепра с Дуная, о чем свидетельствуют памятники письменности и исследования по истории и языку Древней Руси: «Предания о древнем житье на Дунае хранит начальная русская летопись, хроники других славянских стран говорят о том же» [Трубачев 2003 а: 305]. Бассейн Дуная казался восточным славянам счастливым местом проживания их предков, землей обетованной. Предпринимались отдельные попытки вернуться туда. Так, «Повесть временных лет» сообщает, что князь Кий «приде к Дунаеви возлюби место и сруби градок мал хотяше сести с родом своим и не даша ему ту близь живущии еже и до ныне наречють ду[на]ици городище Киевец» [Обнорский 1952: 99], т. е. "Кий пришел к Дунаю, выбрал место и построил небольшой городок, желая поселиться здесь с родом своим. Но не дали тут [поселиться] живущие поблизости, которые (дунайцы) доныне называют городище Киевец". Реку Дунай как часть славянского мира неоднократно вспоминает автор «Слова о полку Игореве»: «Девицы поютъ на Дунаи – вьются голоси чрезъ море» [СлСОПИ 2: 56], «Галичкы Осмомысле Ярославе… подпер горы Угорскыи своими железными плъкы, заступив Королеви путь, затворив Дунаю ворота… суды рядя до Дуная» [там же].

Постепенно имя собственное Дунай как символ чего-то хорошего, счастливого переходит и в антропонимию: «Имя Дунай – не редкость в народных песнях восточных славян, ясно, что они принесли с Дуная эту неизгладимую память о нем» [Трубачев 2003 а: 306.].

Древним могло быть имя Баса и дериваты от него, ср. в русских памятниках: Баса – «Баса Горлов, череповецкий крестьянин. XV в.» [СРЛСИ: 97], Басенок – «Федор Васильевич Басенок, воевода вел. кн. Василия Темного. XV в.» [Ономастикон: 26], Баско – «Баско, крестьянин, 1624 г., Нижний Новгород» [Ономастикон: 27]. В пермских текстах XVI–XVII вв. отмечаются имена Баска, Баской: *Житель Соли Камской Баска Анцыферов* [*Ш 3: 200*], *Крестьянин погоста Искор на Черном ручье Ивашка Алексеев сын Баской* [*К: 82 об.*]. В основе имени лежит корень *бас-* с семантикой 'красивый'. Он присутствует в прилагательном *баской* и наречии *баско*, которые отмечаются в русских памятниках XVII в.: «Конем баским ярящемся» [СлРЯ XI–XVII вв. 1: 77], «А на стречю [шаха] вышли из града все люди… а все на конях а ездят баско» [там же].

Слова с этим корнем широко употреблялись в русских говорах XIX–XX вв.: *баса'ть, баси'ть, ба'сить, баси'ться* и *ба'ситься* 'наряжаться, франтить', *басе* (удар.?) 'хорошо', *басё'на* 'щеголиха', *басе'ничко* 'красиво, хорошо', *басё'нка* и *басё'нок* 'красивый парень', *ба'сенька* 'красота', *ба'сенький, басе'нький* и *басё'хонький* 'хорошенький, красивенький, нарядный', *ба'сенько* и *басе'нько* 'красиво, хорошо', *басе'ть* 'делаться красивее', *басеть* (удар.?) 'красота', *басё'хочко, басё'хонько* и *басё'шонько* 'очень хорошо', *баси'ла, баси'ло* и *баси'на* 'щеголь, франт', *басина'* 'красота' и другие [СРНГ 2: 128–131].

Лексика с корнем *бас-* фиксируется в севернорусских говорах, что привело к предположению о его происхождении из скандинавских языков или из коми языка [Фасмер 1: 130], тем более что слова с *бас-* часты в пермских говорах, соседствующих с коми-пермяцкими и коми-зырянскими диалектами, ср.: *баса', ба'сенький, ба'сенько, басёна, басё'нный, басе'цкий, баси'стый, баси'ть, баси'ться, ба'ский, ба'ско, баско'вый, баско'й, ба'сконький, ба'сконько, баскоро'жий, баскота', баску'шечка, баску'щенький, баску'щий, басли'вый, ба'сненький, басо'к, басота', бассе'е, бассе'й, бася'е, бассё'хонький, бассё'хонько, ба'стенький, басу'лить, басу'лька, басу'ля* [Акчим. сл. 1: 53–55; СПГ 1: 23–25;

СРГКПО: 46]. Однако этимологи высказывают и сомнение в финском происхождении русских диалектных слов с корнем *бас-*, которые в языках коми «принято считать севернорусским заимствованием», хотя до конца этот вопрос не решен [КЭСКЯ: 37].

Думается, прав О. Н. Трубачев, рассматривающий **bas* / **nebas* 'красивое' / 'негодное' как славянское явление [Трубачев 2003 б: 441; ЭССЯ 1: 162–163], особенно, если видеть родство с др.-инд. *bhāsas* 'свет, блеск', *bhāsati* 'светит, блестит, сияет', *bhās* 'блеск, свет, сияние' [Фасмер 1: 130]; ср. также: санскр. *bha* 'светило, солнце' [СРС: 473]. В этом случае некалендарное имя Баса и его дериваты являются словами славянского, древнерусского, происхождения.

В пермских документах отмечаются и редкие некалендарные имена, и, напротив, часто встречающиеся в русских текстах. Так, в памятниках разной локализации на территории России многократно зафиксировано имя Бажен и его дериваты Баженко, Бажук: «Бажен, в Вологодском уезде. 1555 … Бажен Иванов, московский гость, 1598 … Баженко Федосеев, московский стрелец. 1605… Бажен Замочников, дьяк московский. 1611… Бажен Русинов, Белозерский посадский. 1613… Бажен Кулак, атаман сибирских казаков. 1613… Сила прозвище Бажен Овдокимов сын Трескин, сытник Московского государя. 1619… Баженко Федоров, вологодский дворцовый сокольник. 1627… Бажен Изотиков, крестьянин Никольского Шунского погоста. 1673» [СРЛСИ: 58–59], «Бажук Зыков сын Панюшинский, 1571 г., Кашин» [Ономастикон: 19]. Частотны они и в пермских документах XVI–XVII вв.

В словах с корнем *баж-* в русской нарицательной лексике семантика 'милый, дорогой, любимый'. В русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джемса (1619 г.) зафиксирован апеллятив *бажоный* 'любимый, дорогой': «Этим словом они [жители Холмогор] пользуются для ласкового обращения к людям, детям, телятам, собакам» [СОРЯМР 1: 75].

В русских говорах XIX–XX в. это слова *бажа'нечкий*, *бажа'ный*, *бажа'тик*, *бажа'тница*, *бажа'тный*, *бажа'точка*, *бажа'ть*, *баженё'ночек*, *баже'нький*, *баж'енить*, *баже'ница*, *баже'ничек*, *баже'нка*, *бажё'ночек*, *баже'нчик* и многие другие [СРНГ 1: 44–45]. У них широкая география употребления, ср. в СРНГ территориальные пометы: новг., пск., твер., волог., арх., влад., нижегор., вят., олон., яросл., костром., перм., смол., калуж., тамб., ворон., курск., пенз., симб., куйб., новорос.

Древние некалендарные именования становились основой для существования гнезд однокоренных имен с разными суффиксами, например в Прикамье: Бажа – Бажен – Баженец – Баженко – Бажук – Бажута. Часть входящих в гнездо имен непосредственно зафиксирована в пермских текстах XVI–XVII вв.: Бажен – *Житель Соли Камской Бажен Трофимов сын Распоп* [*КСГ: 180 об.*], он же Баженец – *В Соли Камской Баженец Трофимов* [*КСГ: 180 об.*], Баженко – *Починка Федотова, Красное село тож, крестьянин Селиванко Григорьев с сыном Баженком* [*К: 120*].

Другая часть имен гнезда восстанавливается по данным фамилий: Бажа по фамилии Бажин – *Деревни усть-речки Усьвы крестьянин Дениска Иванов сын Бажин* [*К: 146*], Бажук – по фамилии Бажуков *Села Кишер(т)ского крестьянин Дмитрей Бажуков* [*Кун: 723 об.*], Бажута по фамилии Бажутин – *Житель города Перми Данило Бажутин* [*Пр 1: 185 об.*].

О гнезде к имени Любим свидетельствуют следующие пермские данные: Любим – *В городе Кунгуре солдат Любим Васильев* [*КА: 13*], Любимка – *Соли Камской посадской человек Любимка Андреев* [*КА: 154*], Любимко – *Села Верх-Мул(л)инского церковной дьячек Любимко Герасимов сын Попов* [*Е: 99*], Любимец *Житель Орла-городка Илейка Хрысанфов сын Любимец* [*Е 1: 54*], Любишка – *Кунгурской деревни Степанова Городища татарин Любишка Кинзыбаев* [*КА: 25*].

Гнездо к имени Добрыня представлено словами Добрыня – *Крестьянин деревни Кондакова на реке Сылве Евсевийко прозвище Добрыня Козмин сын Рудаков* [*Е: 93*], Добрынка – *Крестьянин деревни на реке Кутамыше Евсютка прозвищем Добрынка Козмин сын Рудаков* [*Б: 95 об.*], Добрец – *Житель деревни Куликовская Степан Иванов сын Добрецов* [*Ч: 114*].

Еще одно гнздо однокоренных имен: Шумило – *Житель Усолья Камского Петрушка Оникиев сын Шумилов* [*КС: 154 об.*], Шумилко – *Деревни Верейной на реке Чусовой крестьянин Устинко Федоров сын Заворохин с сыном Шумилком* [*К: 115*], Шумиха – *Крестьянин деревни Заболотье Осиновая на реке Малой Усолке Родька Семенов сын Шумихин* [*К: 143*].

Некалендарные имена в пермском именнике выступают в роли существительных, хотя возникали они и из слов других частей речи: прилагательных, причастий, глаголов, числительных.

В пермских говорах XVI–XVII вв. существовало некалендарное имя Бажа, от которого возникла упоминаемая выше фамилия

Бажин. Вместе с тем, как отмечалось выше, зафиксировано имя Бажен, тоже явившееся основой, но уже другой фамилии – Баженов. Корень *баж-* есть в слове XVII в. *бажоный* 'любимый дорогой' [РДж: 60; СОРЯМР 1: 75], в современных говорах *бажаный*, *баженый* 'милый, дорогой' [СРНГ 2: 44–45], *бажанить* 'желать' [там же]. Возникнув как отглагольное прилагательное (причастие), имя Бажен переживает процесс субстантивации. Кроме того, слово обрастает суффиксами имен существительных: Баженец, Баженко.

С глаголом *любить* связано некалендарное имя Любим, возникшее тоже на основе отглагольного прилагательного и пережившее субстантивацию. Кроме того, возникли имена Любимец, Любимка, Любимко, Любишка. С глаголом *шуметь* – связаны имена пермских памятников Шумиха, Шумка, Шумко, Шумило, Шумилко.

В пермских памятниках XVI – первой четверти XVII в. изредка фиксировали некалендарные имена из полных прилагательных – Сухой, Теплой, Удалой, Узкой, Черной, ср.: *Крестьянин деревни Данилова Сухой Васильев* [*Я: 39 об.*], *Крестьянин деревни Очга Большая Теплой Осипов* [*Я: 26 об.*], *Крестьянин погоста Вильгорт на реке на Колве Узкой Михайлов сын Полежаев* [*КЧ: 74 об.*].

Отмечаются они и в качестве второго или третьего члена сложного антропонима, т. е. как патроним (некалендарное имя отца) – Баской, Безматерной, Белой, Берестеной, Грязной, Зеленой, Малой, Милой, Молодой, Нагой: *Крестьянин погоста Губдор на реке на Каме Гришка Грязной* [*РСЧ 3: 21*], *Крестьянин погоста Искор на Черном ручью Ивашка Алексеев сын Баской* [*КЧ: 82 об.*], *Житель починка Подберезник на реке на Сылве Ивашко Максимов сын Черной* [*К: 131*].

Позднее подобные антропонимы представляли собой скорее прозвища, полученные не при рождении, а в процессе жизни: Базарной, Балмашной, Банный, Безданной, Безрукий, Беспалой, Битой, Босой, Бритой, Быстрой, Вареный, Варовый, Высокой, Гладкой, Глухой, Говорливый, Годовой, Голой, Горбатый, Житкой, Зенкой, Кислой, Кривой, Лощеной, Луговой, Могучий, Мудрой, Наугольный, Немятый, Ожеглый, Оловянный, Осадный, Падучей, Пареный, Плоской, Подошевной, Посельской, Празнишной, Пьяный, Резвый, Рогатый, Рябой, Сивой, Скоробогатый, Слепой, Сосновой, Статный, Суворый, Сырой, Толстой, Чадный, Черемный, Чермной, Чюткой и другие. Многие пермские фамилии восходят к

этим антропонимам. Например, от именования Глухой были образованы фамилии Глухов и Глухих: *Житель деревни Нижне-Муллинская Семенко Клементьев сын Глухой* [*Е: 123*], *Крестьянин Очерского острожка Левка Власов сын Глухов* [*Е: 124*], *Житель села Березовское Иван Глухих* [*Пр 2: 40*]. От антропонима Кислый образованы фамилии Кислов и Кислых: *Житель починка на реке на Сылве повыше Насадки Андрюшка Максимрв сын Кислой* [*Б: 223 об.*], *Житель города Кунгура Иван Кислов* [*КЗСИ: 358*], *Крестьянин деревни Корноухова Лука Иванов сын Кислых* [*Кун: 636 об.*].

Наблюдение над употреблением некалендарных имен и прозвищ из прилагательных позволяет увидеть изменения, отраженные в пермских памятниках. В качестве первого члена (т. е. имени) в сложном антропониме употреблялись полные прилагательные, что отличает пермскую ономастику XVI–XVII вв. от древнерусской, где были приняты имена из кратких прилагательных (Мал, Крив и т. д.). Краткие формы в Прикамье фиксировались как некалендарные имена (или прозвища) редко и только в качестве второго или третьего члена сложного именования: *В Чердыни гулящей человек Пашка Сувор* (из *сувор* – 'суров') [*РСЧ 10: 47*], т. е. как имена отцов. К исследуемому периоду в именах из кратких прилагательных появлялся какой-либо суффикс, способствующий субстантивации имени: *Крестьянин деревни Ямово Суворко Никитин* [*Я: 8 об.*].

В результате возникало несколько имен от одного корня. Существование в памятниках гнезд однокоренных некалендарных имен свидетельствуют о действии в пермской антропонимии четкой системы образования дериватов, в которой развивались новые именования от основ разных частей речи и от основных новых полных имен. Наличие этой системы образования дериватов подтверждает мысль о том, что мы имеем дело с именами (правда, с особыми именами, отличными от календарных), а не с прозвищами, как писал В. К. Чичагов: «Все русские имена (за исключением, разумеется, тех, которые попали в святцы) имели в XVI–XVII вв. значение прозвищ, а все греческие имена... имели значение личных имен» [Чичагов 1959: 25–26]. Однако в данном случае слово *прозвище* использовано как термин для отличия некалендарных именований от календарных (как в писцовых книгах), а не в современном его значении.

В практической работе лингвисты чаще рассматривают некалендарные антропонимы памятников как имена. Так, А. А. Зализняк, составляя комментарий к словоуказателю в исследовании «Древненовгородский диалект», писал об антропонимах берестяных грамот: «Как показал опыт, попытки отличить прозвище от обыкновенного личного имени, не имея никаких или почти никаких сведений о жизни его носителя (в особенности о наличии у него других имен), дают слишком субъективные результаты» [Зализняк 1995: 591]. Поэтому в словоуказателе он использует только одну помету *личн*(*ое имя*) вместо двух: *личн*(*ое имя*) и *прозв*(*ище*).

Близость некалендарных имен к апеллятивам, ощущение их семантики, а также наличие оценочных суффиксов в дериватах нередко придают оценочность именам. В пермском некалендарном именнике достаточно много антропонимов с положительной коннотацией: Баса, Добрыня, Дружина, Дунай, Ждан, Любим и др. Это естественно, так как имя представляло человека и в какой-то мере предопределяло, каким он может быть: красивым, добрым, счастливым, любимым.

2.1.1. Профилактические имена

Начиная с работы А. М. Селищева 1941 г. [Селищев 2003 а], исследователи отмечают присутствие в именнике большого количества антропонимов с отрицательной коннотацией. В пермских памятниках фиксируются имена Бессон, Бука, Булгак ('неспокойный'), Грязной, Дурак, Злоба, Злодей, Негодяй, Пьянка, Худяк, даже бранные Черт, Бес и (или) дериваты от них, ср.: *В Усолье Камском... Безсон Дмитриев сын Ананьина* [*КСГ: 35*], *Погоста Редикора на реке Вишере крестьянин Булгачко Анисимов* [*Я: 36*], *Починка Распопова на реке Сылве усть-речки Сыры крестьянин Баженко Трофимов сын Распопа с сыном Грязнушкою* [*К: 132*], *Деревни Немзи... крестьянин Злобка Омельянов... крестьянин Злобка Петров* [*Я: 30 об.*], *В городке Чусовом на реке Чусовой... бобыль Негодяйко Семенов* [*К: 113*], *Деревня Нижние Мул(л)ы на реке на Каме... крестьянин Пьянка Третьяков сын Батуров* [*Е: 122*], *Ново-Никольская слобода... крестьянин Худяк Семенов сын Брюханов* [*А: 136*], *Починка Анисимов... бобыль Фомка Иванов сын Чорт* [*КЧ: 69 об.*], *Кунгурец Василей прозванием Бес* [*КСАУ: 106*].

Причину наречения детей такими отталкивающими именами одни исследователи русской антропонимии называли *профилактикой* [Селищев 2003 а: 399], а имена *профилактическими*, другие – *оберегами*. Сейчас трудно установить обстоятельства наречения детей в прошлом, связанные с ним обряды, поверья и т. д. Во всяком случае, пермские памятники не дают по этому поводу никаких сведений. Однако полагают, что для обережения ребенка от колдовства и злых духов следовало его назвать отрицательным именем. Тогда нечистая сила не заберет его, ей такой ребенок не нужен, особенно когда вокруг есть дети с положительными (красивыми) именами, на которых она и обратит внимание. Полагают, что *профилактические* имена использовались в семьях, где умирали дети, чтобы защитить их.

Возникала своего рода языковая игра. Хотели назвать ребенка именем Хороший, Хорошко, но опасно. Пусть для семьи он и будет Хорошко, но никто посторонний не должен знать этого его имени, для окружающих (и злых духов) он должен быть Нехорошко. А вместо Годяй, Годяйко ('годный к делу') пусть растет Негодяйко и т. д. Поэтому в некалендарном именнике с древнерусской поры появляются многочисленные имена, начинающиеся с отрицания не-, от которых впоследствии возникают фамилии Некрасов, Нецветаев, Нечаев и т. д.

Профилактические имена с не- и образованные от них фамилии хорошо представлены в пермских памятниках, ср.:

Недорез – *Деревня Верейное на реке Чусовой... Ивашко Федоров сын <u>Недорез</u>* [*Е 1: 85*],

Незнай – *Работник именитых людей Строгановых Андрей <u>Незнай</u>* [*ДАИ 2: 95*],

Незнаха – *Житель Орла-городка <u>Незнаха</u> Ларионов* [*К: 172*],

Неклюд (*неклюдый* 'неловкий, нескладный') – *Усолья Камского... <u>Неклюд</u> Иванов сын Кузнец* [*КСГ: 3*],

Некрас и Некраско ('некрасивый') – *В Ново-Никольской слободе <u>Некрас</u> Дмитриев сын Устюженин* [*А: 137*], *Крестьянин деревни Верхний Шакшер на реке Каме Вож Леонтьев да сын его <u>Некраско</u>* [*Я: 33*],

Неустройко ('нехозяйственный') – *Деревня Заболотье Осиновая на реке Малай Усолке... крестьянин <u>Неустройко</u> Фомин сын Копосов* [*К: 143*],

Нехорошко – *Усолье Камское... житель <u>Нехорошко</u> Афанасьев* [*КС: 156 об.*],

Нечай и Нечайко ('такой, какого не ждали, не чаяли') – *В Ново-Никольской слободе слободчик Нечай Григорьев сын Калуженин* [*А: 135*], *В деревне Толстик на реке Каме Нечайко Яковлев* [*Я: 32 об.*].

Памятники – свидетели образования многих фамилий от некалендарных профилактических имен, которые не встретились в пермских текстах, так как были вытеснены календарными именами. Но они еще жили в разговорной речи, от них образовывали возникающие в XVII в. фамилии, ср.:

Неверов (от Невер 'недоверчивый') – *Крестьянин деревни Неверова Климко Данилов сын Неверов* [*КЧ: 86 об.*],

Невзоров (от Невзор 'неказистый, невзрачный') – *В слободе Новое Усолье Нестерко Аганев сын Невзоров* [*Б: 153 об*],

Нежданов (от Неждан 'нежелаемый, неожидаемый') – *Чердынец Ларка Нежданов* [*РСЧ 5: 16*],

Некипелов (от Некипелый 'некипящий, небойкий, вялый') – *Крестьянин села Ленвенское Савва Александров сын Некипелов* [*Стр 3:* 497 об.],

Нелюбов (от Нелюб 'нелюбимый') – *Житель Усолья Камского Данилко Иванов сын Нелюбов* [*КС: 160*],

Немытых (от Немытый 'нечистый, грязный') – *В деревне Урол... Акинфей Семенов сын Немытых* [*Ч: 39*],

Неприн (Няприн), Непряев (от Непря, Непряй 'глупый, нерадивый') Няприн – *Двор пуст деревни Ниже-Мулинская крестьянина Гришки Федосиева сына Неприна* [*Б: 208 об.*], *Крестьянин починка Фоминский на реке Каме Филька Григорьев Непряев* [*Б: 227*], *Крестьянин деревни Нижне-Мулинская Гришка Федосиев сын Няприн* [*Е: 123*],

Непряхин (от Непряха 'ленивый, нехозяйственный') – *Крестьянин деревни Медведева на реке Сылве Степанко Васильев сын Непряхин* [*Е 1: 41 об.*],

Несмиянов (от Несмеян 'угрюмый человек') – *Чердынец Савка Несмиянов* [*РСЧ 4: 11*],

Нестроев (от Нестрой 'беспорядок') – *Житель погоста Верх-Боровая Артамон Сидоров сын Нестроев* [*Ч: 135*],

Нетесов (от Нетес 'невежа') – *Крестьянин деревни Курманаева Савка Нетесов* [*КА: 216*],

Нетуняев (от Нетуняй 'несообразительный, беспутный') – *Крестьянин деревни Романово Городище Федот Андреев сын Нетуняев* [*Стр 4: 734*],

Неугодников (от Неугодник 'непочтительный человек') – *Житель Верх-Сылвенского Завода Иван Неугодников* [*Кун: 563*],

Нехороших (от Нехороший 'плохой') – *Крестьянин деревни Грехова Максим Нехороших* [*Кун: 460 об.*],

Нецветаев (от Нецветай 'нецетущий, бледный') – *Крестьянин деревни Мельнишная Дуброва на речке Шанае Никитка Зиновьев сын Нецветаев* [*Б: 211*].

В некоторых случаях имена с не- обладают положительной коннотацией, так как частица не- снимает отрицательную сему в их основе:

Нестугов (от Нестуг из *не* и *стуг* 'тревожный' [Даль 4: 348], т. е. 'спокойный') – *Крестьянин деревни Ушакова на реке Обве Матюшка Иванов сын Нестугов* [*КЧ: 138*],

Непучиных (от Непуча из *не* и основы глаголов *пучить, пучиться* 'вздыматься, делаться важным') – *Крестьянин села Филип(п)овское Гаврила Непучиных* [*Кун: 437*].

В результате исследования истории фамилий от антропонимов, начинающихся с отрицания *не-*, устанавливаются существовавшие в Прикамье ранее некалендарные имена Невер, Невзор, Неждан, Некипелый, Нелюб, Немытый, Непря, Непряха, Несмеян, Нестрой, Нетес, Нетуняй, Неугодник, Нехороший, Нецветай, Нестуг, Непуча; подчеркнутые имена отмечены в различных русских памятниках [СДЛСИ: 291–333].

Использовались также именования с приставкой без- / -бес-: Безгодый, Безданной, Безматерной, Безносый, Безнутрой, Безотцов, Безродник, Безрукой, Безукладник, Безумый, Безусый, Беспалой, Беспорточник, Беспутко, Бессолец, Бессон, Бессонко, Бесхитростный, Бесштанник. Ср.: *Крестьянин деревни Воронова на реке на Сылве Бессонко Иванов сын Воронов* [*К: 130*]. Однако чаще они были не именами-оберегами, а прозвищами взрослых людей, характеризующими человека как сироту, бедняка или имеющего какие-то физические изъяны: *Крестьянин села Новое Усолье Макар Петров сын Безматерной* [*Стр 3: 409 об.*], *Житель Усолья Камского Бессонко Никифоров сын Безотцов* [*КС: 164 об.*], *Крестьянин села Рождественского Михайло Беспорточников* [*КЗСИ: 338*], *Крестьянин деревни Гусельникова Тимофей Федоров сын Бесштанников* [*Кун: 207*], *Житель Орла-городка Тимошка Борисов сын Безруково* [*К: 170*], *Починок крестьянина Ивана Терентьева сына Беспалого на ручью* [*К: 158*].

Вместе с тем как профилактические использовались имена без отрицания не- или приставки без-, но пришедшие в антропонимию из слов нарицательных с семантикой, отражающей отрицательные качества – Ахид, Дура, Дурак, Злоба, Злобка, Злодей, Злыга, Злыгость и т. д.: *Крестьянин деревни Голышева Андрюшка Ахидов* [*КА: 214*], *Крестьянин деревни Бегич на реке на Колве Степко Дура* [*Я: 24 об.*], *Житель слободы Новое Усолье Ивашко Елисеев сын Дурак* [*Б: 156*], *Крестьянин деревни Немзя Злобка Омельянов* [*Я: 30 об.*], *Крестьянин деревни Дуброва Сидорко Иванов сын Злыгин* [*КЧ: 98*], *Крестьянин погоста Губдор Ондрюшка Злыгостев* [*Я: 30*].

2.1.2. Имена, определявшие порядок рождения детей в семье

Наиболее последовательно значение апеллятивов сохранялось в группе имен, отражающих семейные связи, порядок рождения в семье сыновей – основы будущего благополучия, так как сыновья в крестьянских, ремесленных и других семьях со временем становились главными помощниками отца.

В пермских памятниках хорошо отражены мужские имена, возникшие из порядковых числительных и сохраняющие их семантику. Особую роль в становлении семьи играло рождение первенца, поэтому в документах достаточно много случаев употребления имени от числительного *первый*: Первой, Первуша, Первушка, Первушко, Первыня, Первыша, Первышка, Первак. Некоторые из них непосредственно зафиксированы в пермских текстах: *Погоста Вильгорта... Первой Ярафиев* [*СПИИ, к. 3: 80б*], *Крестьянин сельца Никольское на речке Муловке Первушка Юрьев сын Сутормин* [*К: 121*], *Перми Великой села Бегич... Первыша Федоров сын Коркодинов* [*ЧМ 2558: 29*], *Чусовской городок... Викулко Денисов сын прозвище Первышка* [*Е: 116*], *Сылвенской острожек... Первушко Сисоев сын Колмогорец* [*Е: 109*]. О существовании других свидетельствуют образованные от них именования по отцу и возникшие далее семейные именования – фамилии: Перваков от имени Первак – *Сельцо Воскресенское (Верхнее Калино) на реке Чусовой... крестьянин Антонко Карпов сын Перваков* [*Б: 36 об.*]; Первушин от имени Первуша – *Деревни Лекмартова на реке Вильве крестьянин Емелька Тимофеев сын Первушин* [*КЧ: 110*]; Первынин от имени *Первыня* – *Житель Вильгортского стана Трифанко Первынин* [*РСЧ 4: 54*].

Кроме того, в памятниках Прикамья отмечаются дериваты Перша, Першка, Першутка, которые могли быть образованы как от некалендарного имени Первый, так и от календарных, начинающихся на Пер- (Перфилий): *Чердынской деревни Шайтановы крестьянин Першка Ильин сын Худяков* [*КЧ: 65 об.*]; *В городе Кунгуре стрелец Перщутка Овчинников* [*КА: 85*]; *Крестьянин деревни Кряж Никита Ильин сын Першин* [*Даш: 28 об.*].

Наиболее частотным среди дериватов от Первый были имена Первуша и Первушка (последнее с суффиксом -к(а) характерно для делового письма). Это обусловлено особым ожиданием рождения первого сына как наследника, продолжателя рода, главного помощника отца.

Существовало также имя от количественного числительного *один* – Одинец, но оно не входило в ряд именований детей по порядку рождения. Семантика его основы-апеллятива – 'одинокий', 'единственный': *Деревни Даниловы крестьянин Одинец Федоров* [*Я: 39 об.*].

Имена сыновей, следующих за первенцем, также образовывали от порядковых числительных. Следующего непосредственно за первым сыном называли Вторым, Вторушей, Вторушкой: *Города Соликамска... Второй Иванов сын Иконников* [*СПИИ, к. 2: 705*], *В городе Чердыни... дьякон Иван Иконников с братом Фторушкою* [*ЕЧ: 1 об.*]. Обычная для живой речи форма Вторуша восстанавливается по образованной от нее фамилии Вторушин: *Житель города Соликамска Семен Фролов сын Вторушин* [*ГС: 75*].

Третьего сына в семье обычно называли именем Третьяк, в деловой письменной традиции с суффиксом -к(а) – Третьячко: *В Усолье Камском... Третьяк Иванов сын Пономарев* [*КСГ: 3*]; *Деревни Нижних Мул(л)ов на реке Каме крестьянин Третьячко Иванов сын Некрасов* [*К: 122*]. В русской антропонимии весьма распространена фамилия Третьяков, восходящая к имени Третьяк.

В пермских памятниках отмечаются также имена Треня, Тренька, Тренюха, ср.: *В Ново-Никольской слободе крестьянин Дмитрей Прокофьев сын Богатырь да сын его Тренька* [*А: 136*]. Но они могли быть дериватами как от некалендарного имени Третий, так и от календарных, например, от Трефилей, Трефил: *Деревни Малоземовы вдовы Марьи Семеновой дочери сын Трефил* [*Кун: 132 об.*]. Дериваты Треня и Тренюха восстанавливаются по данным других антропонимов: по фамлии – *Чердынского уезда*

Кульчужского стана крестьянин Дениска Тренюхин [*РСЧ 5: 60*] или по именованию жены из имени мужа – *В городе Чердыни... вдова Еленка Тренинская жена Парашина* [*ЕЧ: 10 об.*].

В исследованных текстах встретилось только одно наименование четвертого сына – Четвертко: *Деревня Мартыновская на реке Иньве... крестьянин Васька прозвище Четвертко Андреев сын Онкова* [*К: 154*]. В то же время зафиксировано несколько дериватов от имени Пятый: Пятко, Пятуня, Пятунька, Пятуш, Пятушка, Пятыга, Пятыш: *Соли Камской... Пятый Онтонов сын Талашманов* [*КСГ: 9 об.*], *В сельце Камасине на реке Чусовой крестьянин Пятко Кирилов сын Жезковников* [*К: 118*], *Соли Камской жилец Пятунька Матфеев сын Сизимеров* [*КСГ: 35*], *Кунгурской деревни Кадешниковы крестьянин Евтехей Пятушев* [*Кун: 404 об.*], *Погоста Вильгорта крестьянин Пятушка Андреев сын Мырзиных* [*ЕЧ: 57*]. Некоторые из дериватов восстанавливаются по фамилиям: Пятуня – *Слобода Новое Усолье... Аврамко Васильев сын Пятунин* [*Б: 153 об.*], Пятыга – *Деревни Верхолужской крестьянин Фофанко Логинов сын Пятыгин* [*Б: 167*], Пятыш – *Кунгурской деревни Фроловы Иван Мосиев сын Пятышев* [*Кун: 711 об.*].

Параллельно с ними в пермских документах записаны имена Петунька, Петыш, ср: *В слободке Слудке на реке Каме крестьянин Петунька Чешихин* [*К: 148*], *Чусовского Верхнего городка крестьянин Наумко Иванов сын Петыш* [*К: 139*]. Об употреблении имени Петуня свидетельствует фамилия Петунин: *Кунгурского села Сретенского крестьянин Семен Петунин* [*Кун: 687 об.*]. Эти имена, скорее всего, являются орфографическими вариантами рассмотренных выше форм Пятуня, Пятунька, Петыш, так как в деловом языке XVI–XVII вв. существовал фонетический принцип написания. Однако какие-то из них могли быть образованы и от полного календарного имени Петр.

Шестого сына называли Шестак или Шестачко: *В Соли Камской... Семен Шестак* [*КСГ: 178 об.*], *Яйвенский острожек... Шестачко Андреев сын Щупов* [*К: 158*]. В Прикамье распространена фамилия Шестаков: *Крестьянин Орла-городка Демка Титов сын Шестаков* [*Е: 90*], *Крестьянин села Новое Усолье Семен Иванов сын Шестаков* [*Стр 3: 412*].

Для именования седьмого сына использовали различные дериваты: Семак, Семачко, Семерик, Семуха, Семуш, Семуша, Семыш. Некоторые из них зафиксированы в пермских памятниках: *В*

Соли Камской Семачко Яковлев сын Ошлапов [*КС: 173*], *В Чердыни... Семуха Одинцов* [*Я:13*]. Однако бо́льшая часть восстанавливается по фамилиям: Семак – *Кунгурской деревни Мачины крестьянин Устин Васильев сын Семаков* [*Кун: 657*], Семерик – *Деревни Ужвинской на реке Вильве крестьянин Иванко Семериков* [*Я: 27*], Семуш – *Деревни Верхнего Мошева крестьянин Тит Васильев сын Семушов* [*Ч: 141 об.*], Семыш – *Деревни Галашины крестьянин Сергей Фадеев сын Семышев* [*Кун: 702 об.*].

От числительного в форме живой речи *осьмой* образовано имя восьмого ребенка – Осьмуша: *Чердынец Никишка Осмушин* [*РСЧ 4: 46*].

Имя Девятый восстанавливается по патрониму, т. е. именованию по отцу: *Чердынец Ортюшка Девятово* [*КЧ: 51*]. Непосредственно в пермских текстах зафиксированы дериваты Девятка и Девятко: *Чердынского погоста Цыдвы на реке Цыдве крестьянин Девятка Лукиянов сын* [*ЕЧ: 75 об.*], *Чусовской деревни Макушины на реке Усолке крестьянин Семейко прозвище Девятко Васильев сын Резвово* [*К:141*].

Записаны в памятниках имена десятого сына Десятый и Десятко: *Чердынец Десятой Сидоров сын Мичурин* [*СПИИ, к. 2: 705*], *Чердынец Десятко Омельянов сын Оболенской* [*КЧ: 48*].

Этим списком имен со значением от 'первый' до 'десятый' в пермских памятниках ограничивается состав личных антропонимов, образованных от порядковых числительных. Имен от 'одиннадцатый' и далее уже нет.

Имена из числительных были настолько распространены, что иногда от них образовывали патронимы, что вообще не было характерно для некалендарных имен, ср.: *Деревни Нижних Мулов на реке Каме Пьянко Третьяков сын Батуров* [*К: 122*]; *Деревни Глебовы Крестьянин Ондрюшка Третьяков сын Сухрянов* [*КЧ: 70*]; *Деревни на усть-реки Чусовые по Чусовой на правой стороне крестьянин Созонко Шестаков сын Сесюнин* [*К: 150*].

Следует отметить также некоторые антропонимы, не входящие в список имен из числительных, но тоже отражающие порядок рождения сыновей в семье. Такими были имена с семантикой 'большой' / 'больший', 'меньшой' / 'меньший' и их варианты, а также со значением 'другой', которыми именовали сыновей-тезок. В настоящее время в церковном православном календаре более 150 дней, в которые отмечаются события из жизни святых, цер-

ковных деятелей только по имени Иоанн: пророк Иоанн Предтеча, святитель Иоанн Златоуст, святитель Иоанн Схоластик, преподобный Иоанн Лествичник, апостол Иоанн Богослов и т. д. [Талалай: 53–55]. Адаптированное к русскому языку это имя звучало как Иван.

Много тезок с именем Иван было и в исследуемый период. Нареченными в честь разных святых в одной семье оказывались два, а иногда три сына с одним именем. Так, одно из частных писем, обращенное к двум братьям Иванам Суровцовым (жителям Соли Камской), начинается словами: *Государем милостивым благодетелем Ивану Ивановичю Ивану Ивановичю искатель вашей государьской милости Стенька Рязанцов премного челом бью [КСГ: 91 об.]*.

Частотными оказывались и другие календарные мужские и женские имена: Андрей, Василий, Георгий, Иаков, Анна, Мария, София. Поэтому в переписных документах вторых и третьих детей с одинаковым именем называли с уточнением: *У него дети Ивашко Большой да Ивашка Меньшой* или *У него дети Ивашко да другой Ивашко*. Уточнения *другой, третий* встречаются в ревизских сказках XVIII в.: *Дочери Анна да другая Анна да третья Анна*.

Уточняющие апеллятивы могли переходить в некалендарные имена. Возможно, так было со словом *другой*, превратившимся в имя Другой, восстанавливаемое по фамилии Другов: *Житель деревни Кырдым Алексей Яковлев сын Другов [Ч 3: 122]*. К уточняющим апеллятивам восходят и антропонимы Большак и Меньшик: *Крестьянин починка Лошкар на речке Лошкаре Петрушка Фотиев сын Большак [КЧ: 94 об.]. Чердынского погоста Янидора крестьянин Мен(ь)шик Шевелев [Я: 25]*.

Уточняющее название возникало после появления младшего брата –тезки старшего, и выделяли чаще младшего, так как к имени старшего уже привыкли. И поэтому в некалендарном именнике больше антропонимов, характеризующих вновь появившегося, младшего. В результате в пермских памятниках отмечаются некалендарные именования Меньший, Меньшичко, а также Малой, Малко, Малыга, Мальга, Малец: *Крестьянин деревни Верх-Уролка Гриша Меньшей [Я: 41 об.], Крестьянин деревни Федорова на реке Обве Меньшичко Афанасьев [Я: 42], Крестьянин деревни Немзя Илейка Малой [Я: 30 об.], Деревни Лимеж на реке Лимеже крестьянин Юшка Иванов сын Малко [КЧ: 89 об.], Деревни Долда*

на озере Долде крестьянин Ивашка Афанасьев сын Малыга [*КЧ: 114 об.*], *Житель Усолья Камского Кондратей Леонтьев сын Мальга* [*АПМ: 27*], *Крестьянин деревни Нижняя Коса Малец Григорьев* [*Я: 38 об.*].

По пермским фамилиям восстанавливаются имена Меншеня, Меньшутка, Малуха, Ма́лыш, Малюта: *Крестьянин деревни Пяткова Яков Лазарев сын Меншенин* [*Кун: 179*], *Житель города Перми Осип Родионов сын Меньшуткин* [*Пр 1: 57*], *Крестьянин Усолья Камского Ивашка Алексеев сын Малухин* [*КС: 156 об.*], *В деревне Никулина на реке Косьве крестьянин Ивашко Яковлев сын Малышев* [*Е: 141*], *В Пыскорском монастыре Миронко Петров сын Малютин* [*Е 1: 3*].

Некалендарными именами Поздей, Поздий, Поздейка, Поздейко характеризовали иногда и самого позднего ребенка в семье: *Крестьянин деревни Верхолузья на реке Сылве Поздейка Королев* [*К: 129*], *Крестьянин деревни Верхняя Калина на реке Чусовой Поздейко Степанов сын Порошин* [*К: 145*]. От полных имен в XVI в. были образованы патронимы (Ср.: *Чердынец Иванко Поздеев* [*Я: 14*]), а в XVII в. – фамилии Поздеев и Поздиев: *В слободе Новое Усолье Никифор Перфирьев сын Поздеев* [*Ч: 7 об.*], *Житель села Рож(д)ественское, Комарово тож, Кирило Семенов сын Поздиев* [*Кун: 401 об.*].

Однако следует учитывать, что имена, выделявшие тезок (Другой, Большак, Меньшеня, Малуха, Поздей и др.), не входят в ряд именований по порядку рождения (Первый, Второй и т. д.): Другой, Меньшеня, Малюта и Поздей могли быть третьими, пятыми и другими сыновьями в семье.

Именование сыновей по порядку рождения существовало в Прикамье и у близких соседей русских – коми-пермяков, о чем свидетельствуют основы фамилий, отмеченные в пермских памятниках XVII–XVIII вв. и в более поздних источниках. Так, фамилия Сизимеров / Сизиморов восходит к коми порядковым числительным *сизимӧт, сизимӧдз* ‘седьмой’ [КПРС: 428] (*Чердынец Баженко Дорофеев сын Сизимеров* [*КЧ: 51 об.*], *Чердынец Ивашка Сизиморов* [*РСЧ 3: 38*]), а фамилия Куимов – к слову *куим* ‘три’ [КПРС: 199]: *Крестьянин деревни на реке Сумыче Данилко Куимов* [*КЧ: 113*]. Правда, в севернорусских говорах функционировало слово *куим* с семантикой ‘глухонемой’, ‘косноязычный’, ‘заика’, ‘молчаливый’, ‘нелюдимый’, ‘бестолковый’ [СРНГ 16: 29]

и его могли принести в Прикамье. Однако составители пермских диалектных словарей и территориально близкого к ним словаря русских говоров Среднего Урала слово *куим* не отмечают.

Фамилии Учетов и Учеткин образованы от коми имени Учӧт из слова *учӧт* 'маленький', а Мизев от *мизьӧ* 'младший сын в семье' [Кривощекова-Гантман 1973: 80]: *В деревне У Болота на ключах Гурей Иванов сын Учетов* [*Стр 1: 186 об.*], *Чердынец Ивашко Учеткин* [*РСЧ 7: 23*], *Житель починка Пазниковский Матфей Родионов сын Мизев* [*Стр 1: 84 об.*]. В основе фамилии Серсилов (*Крестьянин деревни Парашина Степан Герасимов сын Серсилов* [*Ш 5_3: 339*] имя Серсило, возникшее из коми слова *сёрся* 'поздний, запоздалый' [КПРС: 426].

2.1.3. Имена из названий животных

В пермских памятниках XVI–XVII вв. зафиксировано большое количество некалендарных имен из слов, называющих реалии природы: животных, птиц, рыб, насекомых, растений.

Причины их появления различны. Вряд ли такие русские имена является пережитком тотемизма, т. е. веры в происхождение рода от определенного животного, птицы, рыбы. Для восточных славян он нехарактерен. Скорее такие антропонимы появлялись в результате веры в силу имени: оно могло стать оберегом человека или сделать его ловким, зорким, здоровым, удачливым. Об этом пишут многие исследователи старых имен.

В подтверждение приведем большую цитату из работы А. М. Селищева: «Верой в магическую силу слова, представлением, что имя может воздействовать на природу человека, вызваны у разных народов и такие имена, которые должны сообщить новорожденному желательное свойство: здоровье, силу. Так, распространенными именами в этих случаях служат имена волка, медведя: русск. *Волк*, серб. *Вук*, румын. *Lupul* (волк), *Ursul* (медведь). Этот мотив действовал в выборе имени для Вука Стефановича Караджича, как реформатор сербской письменности сам сообщил об этом. У его родителей все дети умирали. Когда родился он, то ему дали имя «волк» (*Вук*), желая сохранить его в живых: волка вещица[19] не может съесть. У других народов применяются соба-

[19] Вещица – злой дух, нечистая сила.

чьи имена. Имя *Собака* служило не только прозвищем, но и именем также у русских: «Собака Скобельцын [помещик (1500 г.)]» [Селищев 2003 а: 407–408].

Такие имена, употреблявшиеся наряду с календарными, отмечаются в ранних русских текстах, например, в новгородских берестяных грамотах XI в., ср.: Волчок (грамота № 336), Зубр (№ 84) [Зализняк 1995: 258, 259].

Они были в ходу в России у людей разных социальных слоев, в том числе в высшем сословии, ср. в XV–XVI вв. князья: Стародубские Иван Овца и Андрей Сорока, Оболенский Данила Собака, Долгоруков Михаил Птица, Шуйский Иван Хрен, Ростовский Иван Волк, Ярославские Иван Хомяк, Михиал Черная Совка, Александр Сом и др. [Зимин 1988: 37, 45, 47, 77, 78, 86–88].

В XVI–XVII вв. в Пермском крае употреблялось более 80 имен из названий диких и домашних животных. 40 % их зафиксированы в документах: Белка – *Крестьянин погоста Покча на реке Колве Белка Данилов сын Азянов* [*КЧ: 63 об.*], Бык – *Крестьянин деревни Ныров Погост на реке Косе Бык Архипов* [*Я: 38 об.*], Волк – *Беспашенный крестьянин погоста Губдор Омелко Волк* [Я: 30], Заяц – *Беспашенный крестьянин Камского Усолья Иванко Заяц* [*Я: 4 об.*], Собака – *Крестьянин починка Над Чусовою Ивашка Еремеев сын Собака* [*К: 143*], Соболь – *Городок на реке Чусовой и на речке Усолке... Максимко Федоров сын Соболь* [*Е: 133*].

60 % имен из апеллятивов, называвших животных, не попали в памятники, но восстанавливаются на основе складывавшихся в XVII в. фамилий, зафиксированных в документах этого времени: Кот, ср. фамилию Котов – *Житель Орла-городка Ивашко Павлов сын Котов* [*Е: 89*], Лось – *Чердынец Никишка Лосев* [*РСЧ 4: 23*], Пороз – *Чердынец Андрюшка Порозов* [*РСЧ 4: 57*], Рысь – *Житель Юговского завода Иван Рысев* [*Пр 2: 96*], Хомяк – *Крестьянин деревни Верх-Уролки Василей Федоров сын Хомяков* [*АПМ: 276*].

О том, что, рассматривая антропонимы из лексики, называющей животных, мы имеем дело с некалендарными именами, а не прозвищами, свидетельствуют образованные от них формы с обычными для имен делового языка суффиксами -к(а), -к(о) (Барсучко, Кобелька, Кунька), употреблявшиеся одновременно с однокоренными именами без этого суффикса (Барсук, Кобель, Кунь), ср.:

Барсук и Барсучко – *Деревня Лимеж на реке Лимеже... крестьянин Барсук Михайлов* [*Я: 33 об.*], *Крестьянин деревни Кушпелева Барсучко Иванов* [*Я: 17*];

Кобель и Кобел(ь)ка – *Крестьянин деревни Назарова на реке Обве Гаврилко Козмин сын Кобель* [*Е: 144*], *Крестьянин Городка на реке Чусовой и на реке Усолке Ивашко Федоров сын Кобел(ь)ка* [*Е: 133*];

Кунь (*кунь* 'куница') и Кунька – *Крестьянин деревни Федорова на реке Обве Кунь Орефин* [*Я: 42*], *Крестьянин деревни Заболотье Осиновая на реке Малой Усолке Лучко Наумов сын Кунькин* [*К: 144*].

Об этом же говорят формы имен, возникшие в живой речи, например, из слов на -ят(а): *Крестьянин сельца Камасино на реке Чусовой Телят Глазунов* [*К: 118*]. В тексте XVII в. в качестве имени зафиксировано не древнее слово Теля и не новое Теленок, а образованное в соответствии с формой мн. числа *телята* имя Телят. Такое словообразование отмечается в говорах XX в. и в детском языке. Например, трехлетняя девочка, слышавшая от взрослых название маленьких кроликов *крольчата*, говорит: У нас один *крольчат* совсем убежал.

В систему некалендарных имен в Прикамье попадали не только общерусские, но и диалектные слова. В пермских текстах XVII–XVIII вв. отмечаются слова *вепрь* и *веприк*, которыми наряду со словом *поросенок* называли детеныша домашней свиньи, обычно мужского пола: *Взял он Степан на поле гулящего поросенка и того де поросенка он Степан на поле своем ел... чужих де овец и свиных поросят он не крадывал* [*КЗСИ: 825*], но *Убила де она Евфросиньица свинью-веприка... и зарезав де она Евфросиньица того вепря спрятала во двор свой* [*КЗСИ: 116*]. Зафиксированы в пермских документах некалендарное имя Вепрь и формирующаяся на его основе фамилия Вепрев: *Житель деревни Чудское Городище на реке Усолке Андрюшка Романов сын Вепрь* [*К: 142*], *Крестьянин деревни Гора Нестерко Андреев сын Вепрев* [*Е: 137*].

Диалектным было и пермское название белки *векша*, от которого образовано некалендарное имя: *Чердынец Петрушка Лукоянов сын Векша* [*СПИИ к. 3: 887*]. От такого имени возникла фамилия Векшин: *Житель города Кунгура Ивашко Федосиев сын Векшин* [*Ш 5_1: 108*].

Русская культура в Прикамье находилась в тесном взаимодействии с коми-пермяцкой культурой. Из коми-пермяцкого языка пришло в различные русские говоры слово *кычан* 'щенок': в Юсьвинском районе – *У вас кыча* [собака] *сколько кычанов*

принесла? [СРГКПО: 134], в Чердынском – *У меня кычан-то есть, когодни нашла* [СПГ 2: 459]. В пермских памятниках записаны некалендарное имя Кычан (*Крестьянин деревни Ужвинская на реке Вил(ь)ве Кычан Иванов* [*Я: 26 об.*]) и формирующаяся фамилия Кычанов: *Крестьянин деревни Урол Анфим Григорьев сын Кычанов* [*Ч: 37*]. Иногда отмечается русифицированная форма Кичан (для русского языка не характерно употребление сочетания КЫ): *Чердынец Петрушка Кичанов* [*РСЧ 4: 15*]. Обе фамилии (Кычанов и Кичанов) существуют в Пермском крае в настоящее время.

В переписных документах отмечались и другие фамилии, возникшие от имен из коми-пермяцких слов: Гачегов от имени Гачег (из *гач* – 'бобр') – *Погост Янидор... крестьянин Корнилко Гачегов* [*РСЧ 3: 21 об.*], Канев от имени Кань (*кань* – 'кошка') – *В деревне Бакряш... Кирил Петров сын Канев* [*КЗСИ: 394*], Ширкин от имени с суффиксом -к(а) Ширка (*шир* – 'мышь') – *Крестьянин деревни Верх-Мошево на речке Мошевице Васка Иванов сын Ширкин* [*КЧ: 121 об.*]. Функционирование таких имен в пермской ономастике исследовала А. С. Кривощекова-Гантман [2006 а: 203].

Заимствованные коми-пермяцкие некалендарные имена в памятниках XVI–XVII вв. и образующиеся от них фамилии удивительно перекликаются с искусством предков этого народа – с «пермским звериным стилем». Изготовление украшений, оберегов, предметов культа (принадлежности и украшения шаманов) сначала в дереве, кости, а затем в металле в период гляденовской культуры в Прикамье (II в. до н. э. – V–VI вв. н. э.) отражало духовную культуру гляденовских племен как основы этногенеза коми-пермяков. В стиле, характерном именно для Верхнего и Среднего Прикамья, было создано немало изображений медведя, коня и лося из кости и бронзы [Оборин 1976: 5, 23, 25, 30].

Особое отношение в прошлом было к медведю. Его изображение встречается в Верхнем Прикамье среди неолитических рисунков Писаного камня на Вишере [там же: 23]. Культ медведя нашел отражение в имени Кудым-Оша (*ош* – 'медведь' [КПРС: 301]) – одного из героев народного коми-пермяцкого эпоса. Характерным сюжетом пермского звериного стиля является изображение медведя в жертвенной позе – морда животного лежит между передними лапами. О почитании медведя финно-уграми на Урале писа-

ли еще в XVIII в. Так, в «Лексиконе» В. Н. Татищева в статье о жителях Урала вогулах (манси) говорится: «...а наипаче всех медведя почитают, и убив, кожу ростянут, оной, сошедшись множеством, молятся и о убийстве его извиняются» [Татищев: 1126].

Слово *ош* 'медведь' отражено в пермской ономастике. На территории Пермского края есть топонимы с этим корнем: гидронимы Ошва ('река Медведя'), Ошвож ('приток Медведя' или 'Медвежий приток'), ойконимы Ошва (деревня названа по реке), Ошева, Ошова, Ошиб ('поле человека по имени Ош') [ГНВП: 131], название поля у села Сиринского Ошуриха [Чагин 2004: 88].

Из имени Ош выросла фамилия Ошев, зафиксированная в русских пермских памятниках XVII в.: *Крестьянин деревни Усольцева Тимошка Артемьев сын Ошев* [*Е 1: 164 об.*], *В селе Верх-Мул(л)инском... Евдокимко Еремиев сын Ошев* [*Б: 197 об.*]. От именования Ошев (из имени Ош) образовали и дериват с суффиксом -к(а) – Ошевка, от которого тоже формировалась фамилия: *В Чердыни... вдова Афросиньица Юрьевская жена Ошевкина* [*КЧ: 51 об.*]. И все это в Прикамье происходило параллельно с фиксацией русских имен Медведь, Медведка, Медведко, Медведчик, ср.: *Крестьянин деревни Пермская Слудка тож на реке Очере Ларька Леонтьев сын Медведь* [*К: 179*], *В Орле-городке на реке Каме... Афонька Степанов сын Медведко* [*Е: 89*], *В Усолье Камском... Ивашко Шумилов сын Медведчиков* [*КС: 156 об.*]. Не исключено, в каких-то случаях имя Медведь могло быть калькой антропонима Ош.

Важнейшей формой хозяйства еще гляденовских племен было животноводство. Результаты исследований археологов показывают, что ведущую роль в нем играло разведение крупного рогатого скота и лошадей. Помимо хозяйственного использования лошадь служила и для питания, а также почиталась как основное жертвенное животное [Поляков 2001: 16].

Значение лошади нашло отражение в пермском зверином стиле, в изображении лошади на бляшках и подвесках, в фигурках сдвоенных коней с двумя головами на концах (вроде сказочного Тянитолкая из детской книги К. Чуковского «Доктор Айболит»), в различных коньковых шумящих подвесках [Оборин 1976: рис. 35–41].

В Пермском крае отмечаются топонимы от коми слова *чань* 'жеребенок' [КПРС: 526]: Чаньва 'река Жеребенка'– название ле-

вого притока Яйвы, впадающей слева в Камское водохранилище, Чаньшер 'ручей Жеребенка'– название левого притока Язьвы, впадающей слева в Обву – правый приток Камского водохранилища [Атлас 1: 58, 75], деревня Чаньшер названа по ручью, в устье которого стояла деревня Чаня-Ыб 'поле Жеребенка' по имени владельца поля [ПО 1963: 367].

В пермских памятниках отмечается патроним Чанев, образованный от имени Чань: *Крестьянин погоста Янидор Федка Чанев* [*Я: 25*]. Возможно, такого же происхождения фамилия Чанин: *Крестьянин деревни Парашина Афонасей Чанин* [*Кун: 432*]. Вместе с ними употреблялось и русское некалендарное имя Конь: *Крестьянин погоста Янидор Алешка Конь* [*Я: 25 об.*], *В погосте Городище на реке Усолке Герасимко Вакорев сын Конь* [*КС: 178*]. В деловых памятниках Прикамья есть и фамилии от этого имени и его дериватов – Конев, Конищев, Коньков, Коняев: *Деревня Сизикова на реке Косьве... крестьянин Мишка Васильев сын Конев* [*Е: 142*], *Чердынец Ларка Конищев* [*РСЧ 5: 34*], *Деревня Под Гарями... крестьянин Митька Павлов сын Коньков* [*Е: 135*], *Таманский Завод... Тимофей Карпов сын Коняев* [*Стр 3: 568*]. Возможно, дериватом от полного имени Конь было некалендарное Коньша (*В погосте Зырянке на речке Зырянке... Вас(ь)ка Кондратьев сын Кон(ь)шин* [*КС: 184 об.*]), хотя не исключается и его образование от календарного Константин.

Употребление в пермской ономастике XVI–XVII вв. одновременно некалендарных имен коми и русского происхождения с одинаковой семантикой (Ош и Медведь, Чань и Конь) свидетельствует о связях разных культур в Прикамье.

Коми гидронимы с корнями *ош* и *чань* возникли в результате поселения, возможно, еще в гляденовскую эпоху родов Ош и Чань на берегах рек, названных по их именам, т. е. в основе таких гидронимов лежат родовые имена предков коми-пермяков. Иногда род разрастался, делился, и одна из его частей переселялась на другую территорию, на которой также появлялся гидроним от того же родового имени. Например, гидронимы от именования Чань находятся и на правобережье Камы (Чаньва в бассейне Обвы), и на ее левобережье (Чаньшер в бассейне Яйвы).

2.1.4. Имена из названий птиц

Весьма распространенными в Прикамье XVI–XVII вв. были некалендарные имена из русских и коми апеллятивов, называющих птиц (более 80 имен). По ним можно судить о некоторых чертах материальной и духовной культуры прошлого.

Отношение русских к птицам определялось во многом традициями, идущими из глубины веков. В древности сложилась вера славян в рай –прекрасный сад, каким, видимо, представлялся загробный мир. У украинцев сохранилось «смутное мифологическое поверье о какой-то блаженной стране – *вирий* (*ирий*), куда улетают осенью птицы и где обитают умершие» [Токарев 1964: 180]. Таким образом, вольные, свободные птицы, живущие рядом с людьми, но летающие, умеющие взмывать высоко, в какой-то мере осуществляли связь с таинственным небом, с представлением о другой, лучшей жизни после смерти. Имена из апеллятивов, называющих птиц, как бы осуществляли связь с небом и имели положительную коннотацию.

Верования предков коми-пермяков складывались на основе лесного охотничьего хозяйства и тоже во многом были связаны с птицами. Отсюда и фигурки птиц, выполненные в пермском зверином стиле. Их обнаруживали во время раскопок культовых памятников гляденовской эпохи (на костищах) и более поздних. Фигурки птиц с костищ связывают, прежде всего, с представлениями о душе, которая мыслится в образе птицы [Поляков 2001: 17]. Фигурки птиц (глухаря, гуся, ворона, лебедя, утки, водяной курочки) хорошо проработаны, умело переданы внешние черты птицы. Например, «характерное кольцо вокруг глаз, трактовка мощных маховых перьев желобками раздвоенный хвост – все эти детали позволили мастеру создать изображение именно глухаря, а не птицы вообще; столь же реалистичны фигурки гуся и ворона» [там же: 15]. Среди находок есть изображения и водоплавающих, и летящих птиц. По этим фигуркам прослеживается динамика в изображении птиц в древнем Прикамье. «Несмотря на миниатюрные размеры, фигуры птиц поражают художественной завершенностью» [Оборин 1976: 19]. Фигурками птиц украшали сначала шаманскую, а потом и обычную одежду.

Вместе с тем с упоминанием птиц связана и материальная культура жителей Прикамья. В памятниках отмечаются названия

и диких, и домашних птиц, так как жители Пермского края занимались и промыслом диких, и разведением домашних птиц. В текстах есть записи о ловле диких птиц: *Андрея в доме не было уходил в лес рябей* [рябчиков] *ловить* [*КЗСИ: 271*], *Кунгурским крестьяном и никаким людем в той реке рыбы ловить и уток не велеть* [*КА: 1*]. Но было развито и домашнее птицеводство, разводили кур, гусей, уток, индюков, ср.: *Кто того гуся убил или собака свела или сам тот гусь пропал того он Степан не ведает* [*КЗСИ: 945*], *Выняли из-под гусихи Марфины пять яиц... в то время у моих гусих гнезда попортились* [*КЗСИ: 408*], *Сулил он Андрей ему Исаку хмелю мешек да индейских куриц гнездо* [*КЗСИ: 116*], *Крала де она Анисья у темной Марьи Исаковой жены пять куриц и сало топленое* [*КЗСИ: 843*].

33% имен, возникших из названий птиц, непосредственно зафиксированы в документах: *Орел-городок на реке Каме... Матюшка Белогузка* [*К: 171*], *Деревня За Курьею... крестьянин Мишка Федоров сын Ворон* [*Б: 182*], *В слободе Новое Усолье на реке Каме... Антипко Васильев сын Жаравль* [*Б: 80*], *Чердынец Кулик Скорняк* [*Я: 14 об.*], *Крестьянин деревни Коростелева Ивашка Михайлов сын Коростель* [*Е: 134*], *Крестьянин слободки на реке Сылве Трофимка Андреев сын Синица* [*Е 1: 23 об.*], *Крестьянин деревни Кудымкар Утка Ивашко* [*Я: 41*], *Деревня Кува на реке Куве... крестьянин Уть Степанов* [*Я: 41*], *В Усолье Камском... Якушко Юрьев сын Чирок* [*КС: 157 об.*].

Однако бóльшая часть «птичьих» имен (67%) восстанавливается по фамилиям: Баклан – *Чердынец Андрюшка Бакланов* [*КЧ: 90 об.*], Галка – *Крестьянин починка Галкин на реке Инве Ивашко Кондратьев сын Галкин* [*КЧ: 145 об.*], Дрозд – *Добрянский Завод... крестьянин Федор Дроздов* [*Пр 2: 225 об.*], Коршун – *Чердынец Агейко Коршунов* [*РСЧ 4: 48*], Селезень – *Беспашенный крестьянин погоста Анисимов Якуш Селезнев* [*Я: 18*], Турпан (*турпан* – ‘дикая черная утка’) *Чердынец Ферапонтко Турпанов* [*КЧ: 83 об.*], Цапля – *Село Новое Усолье... крестьянин Андрей Иванов сын Цаплин* [*Стр 3: 396 об.*], Черногуз (*черногуз* – ‘аист’) – *В погосте Губдор на реке Каме Федка Тимофеев сын Черногузов* [*КЧ: 97*], Шилонос – *Житель Пожвенского Завода Артемий Сергиев сын Шилоносов* [*Стр 4: 770 об.*].

От имен из апеллятивов – названий птиц в деловом языке образовывали формы с суффиксами -к(а), -к(о) или -ьц, ср.: *Крестья-*

нин деревни на реке Обве Совка Софронов [*Я: 42*]. В результате в пермских памятниках отмечаются полные некалендарные имена (Лебедь, Сокол, Соловей, Воробей) и дериваты от них (Лебедко, Соколко или Соколок, Соловейко, Воробец), ср.:

В Чусовском городке Павлик Евдокимов сын Лебедев [*Е: 96*] и *Житель Пыскорского монастыря Пронка Афонасьев сын Лебедков* [*Е 1: 2*];

Крестьянин деревни Чигор Сокол Гридин [*Я: 35 об.*] и *Житель Соли Камской Петр Соколков* [*КСГ: 28*];

Житель деревни Порошина Никишка Осипов сын Соловей [*Б: 183 об.*] и *Кунгурской гулящей кабацкой ярыжка Соловейко* [*КА: 163*];

В городе Кунгуре... Никитка Сидоров сын Новоселов он же Воробей [*КСАУ: 81*] и *Житель города Кунгура Марчко Григорьев сын Воробцов* [*КА: 56*].

Отмечаются в переписных текстах Прикамья имена из коми-пермяцкиих названий птиц: Сырчик (*сырчик* – 'трясогузка') – *В деревне Анбор на реке Каме... крестьянин Сырчик Тимофеев* [*Я: 34 об.*], Рака (*рака* – 'ворона' [КПРС: 399]) – *Крестьянин деревни Кудымкар Рака Дмитриев* [*Я: 41*]. От подобных имен в XVII в. формировались фамилии, ср.: Дозморов, Дозмуров от Дозмор, Дозмур (*дозмӧр* – 'птица глухарь' [КПРС: 124]) – *Крестьянин деревни Артемьева на речке Мулянке Андрюшка Евдокимов сын Дозморов* [*Б: 200 об.*], *Крестьянин деревни Пелым Петр Васильев сын Дозмуров* [*Ч: 176*];

Жунев от Жунь (*жунь* – коми-язьвинское 'снегирь' [КЯД: 114]) – *Чердынец Тимошка Жунев* [*РСЧ 4: 73*];

Кучев от Куч (*кутш* –'орел' [КПРС: 206]) – *Деревня Верхний Шакшер на реке Каме... Бориско Иванов сын Кучев* [*КЧ: 91 об.*];

Сизев от Сизь (*сизь* –_'дятел' [КПРС: 428]) – *Житель погоста Юксиев Стахейко Сизев* [*РСЧ 5: 134 об.*];

Сюзев от Сюзь (*сюзь* – 'филин' [КПРС: 467]) – *Крестьянин села Ильинское Исачко Сюзев* [*КА: 212*];

Яборов, Ябуров от Ябор, Ябур (*ябыр* – 'скворец' [КПРС: 591]) – *Крестьянин деревни Карпова на реке Инве Кондрашка Ортемьев сын Яборов* [*КЧ: 145*], *Крестьянин деревни Верх-Уролка на реке Уролке Петрушка Юрьев сын Ябуров* [*КЧ: 120 об.*].

Коми названия птиц, как и животных, становились родовыми именованиями, давшими топонимы территорий проживания родов. У коми-пермяков есть легенды и предания, связанные с пти-

цей *юсь* 'лебедь' [КПРС: 591]. Лебедей почитали, на них не охотились, их мясо не употреблялось в пищу. На месте обитания рода Юсь появился гидроним Юсьва ('река Лебедя') и возникший из него ойконим Юсьва в Коми-Пермяцком автономном округе. До недавнего времени там были распространены знаки собственности, обозначенные словом *юсь*. «Очевидно, лебедь считался священной птицей родового коллектива, который когда-то обитал в этом районе» [Оборин 1976: 19].

В Прикамье отмечаются также топонимы от родового имени Сюзь ('филин'). Следует отметить, что «хищные птицы, особенно филин, были объектом почитания местных финно-угорских народов Урала» [там же: 23]. Топонимы от имени Сюзь характерны для большой территории Пермского края. Название Сюзьва ('река рода Филина') дано двум правым притокам Камы: один возникает из слияния Белой Сюзьвы и Черной Сюзьвы [Атлас 1: 51], течет на запад и впадает в Каму в ее верховьях на 1761 км от устья Камы [Перечень: 104], другой – на восток и впадает в нее уже в среднем течении, ниже города Перми на 843 км от устья Камы [Атлас 1: 87]. На левобережье в бассейне Яйвы тоже течет река Сюзь [ГНВП: 146]. Был ряд ойконимов с основой Сюзь: Сюзёво, Сюзи (три названия), Сюзьва (2 названия), Сюзьвяки, Сюзь-Позья, Сюзята [ПО 1963: 491]. Есть микротопонимы с той же основой, ср.: Сюзькарлог 'лог у городища (кар), принадлежащего роду Сюзь' – овраг у деревни Серва в Коми-Пермяцком округе [ГНВП: 146]. Таким образом, потомки древнего коми-пермяцкого рода Сюзь расселились в Прикамье на большой территории. И, видимо, многие жители Пермского края с фамилией Сюзев (и Сизев) являются потомками древних членов коми рода Сюзь. Однако постепенно антропоним Сюзь стал употребляться уже не как родовое, а как индивидуальное имя человека.

2.1.5. Имена из названий насекомых

В пермских памятниках зафиксированы некалендарные имена, возникшие из названий насекомых: *Крестьянин деревни На Речке Мечке Федка Иванов сын Комар* [*Е 1: 29 об.*], *Чусовской городок... Ивашко Яковлев сын Муха* [*Е: 95*], *Усолье Камское... Васька Михайлов сын Жук* [*КС: 157*], *Крестьянин Очерского острожка Алешка Евсивьев сын Торокан* [*Е 1: 171 об.*]. Большей

частью такие имена восстанавливаются по данным формирующихся фамилий: Богомол – (*богомол* – 'хищное насекомое') – *Крестьянин погоста Городище на реке Усолке Гришка Павлов сын Богомолов* [*КС: 178*], Метляк (*метляк* – 'мотылек') – *Крестьянин деревни Нижняя Коса Иван Федоров сын Метляков* [*Ч: 184*], Мизгирь (*мизгирь* – 'паук') – *Крестьянин деревни Нижние Мул(л)ы Иван Мизгирев* [*Пр 2: 65 об.*], Муравей – *Крестьянин деревни на реке Каме и на речке Гайве Бориско Алексеев сын Муравьев* [*Е: 131*], Шмель – *Город Пермь... Филипп Федоров сын Шмелев* [*Пр 1: 27*].

В некалендарные имена переходили не только общерусские названия насекомых, но и диалектные слова: Бздюль (*бздюль* – 'древесный клоп' [СРНГ 2: 288]) – *Крестьянин деревни Могильникова Андрюшка Бздюлев* [*РСЧ 5: 30*], Жужга (*жужга* – 'навозный жук' [СПГ 1: 266]) – *Крестьянин деревни На Реке Сумыче Пронка Жужгин* [*КЧ: 113*]. Наблюдаются варианты некалендарных имен, ср.: Шерстень и Шершень (*шершень* – 'крупное насекомое из семьи ос') – *Чердынец Евсейка Шерс(т)нев* [*РСЧ 10: 35*] и *Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Якимко Шершнев* [*РСЧ 2: 17*].

Среди имен присутствуют образованные от названий кровососущих насекомых: Блоха – *В городе Соликамске... Прокопей Леонтьев сын Блохиных* [*ГС: 81*], Вошь – *Крестьянин деревни Верх-Тыковская Иван Сергиев сын Вошев* [*Стр 2: 225 об.*] и Гнида – *Крестьянин села Новое Усолье Яков Иванов сын Гнидин* [*Стр 3: 429 об.*], Клещ – *Деревня Чазева... Варлам Петров сын Клещев* [*Ч: 172*], Клоп – *Чердынец Гришка Максимов сын Клопов* [*КЧ: 50*]. Все они вызывают неприятные ассоциации, как и некоторые другие некалендарные имена: Оса – *Кунгурец... Федор Паначев по назвищу Оса* [*КЗСИ: 439*], Трутень – *Чердынец Фомка Трутнев* [*РСЧ 2: 43*], Шершень – *Житель города Кунгура Яков Шершнев* [*Кун: 792 об.*], Шерстень ('шершень') – *Чердынец Евсейка Шерс(т)нев* [*РСЧ 10: 35*]. Бóльшая часть имен, образованных от апеллятивов, которыми называют насекомых, могла быть вызвана «профилактикой», стремлением оберечь ребенка от нечистой силы.

Положительные эмоции могло вызвать имя из названия пчелы, которую в Прикамье, видимо, почитали. В раскопках обнаруживали ее изображение в пермском зверином стиле [Поляков

2001: 15]. Если археологи связывают найденные фигурки птиц с представлением о душе, то изображение насекомых (особенно пчелы) – с превращением в них души после смерти человека [там же: 18].

В пермских памятниках письменности зафиксированы фамилии от некалендарного имени Мош из коми-пермяцкого слова *мош* 'пчела' [КПРС: 254]: *Житель деревни Ловашева Дмитрей Евдовин Мошев* [*Стр 1: 76*], *Крестьянин села Новое Усолье Ермолай Фомин сын Мошев, он же и Макаров* [*Стр 3: 420*]. Отмечается и фамилия из дохристианского коми-пермяцкого имени Мошег (ср. коми имена на -ег: Гачег, Иртег, Лунег), в основе которого лежит тот же апеллятив *мош*: *В Усолье Камском... беспашенный крестьянин Андрюшка Мошегов* [*Я: 3 об.*], *Чердынец Стенька Мошегов* [*РСЧ 4: 37*], *Деревня Слобода Кишконогова... крестьянин Савва Иванов сын Мошегов* [*СЧ: 58*].

В Пермском крае есть и топонимы с корнем *мош*. Так, русский гидроним Мошевица (река – левый приток Камы) с суффиксом -иц(а) (ср. гидроним Талица от *талый*) возник из древнего коми названия Мошва ('река рода Мош'). В некоторых источниках она записана как река Мошева [Перечень: 105, 119]. Есть или были ранее ойконимы с корнем *Мош*: село Верхнее Мошево и поселок Нижнее Мошево в Соликамском районе, деревни Мошева на реке Куве – притоке Иньвы [Атлас 1:63], Моши на Большом Сепыче в бассейне Обвы [Атлас 1: 73]. Фиксируются и микротопонимы, например, Мошевское поле у деревни Татарская [Чагин 2004: 92]. Таким образом, древнее родовое имя, перешедшее затем в индивидуальное имя человека, оставило следы и в пермской ономастике, и в древнем пермском искусстве.

К сожалению, не всегда возможно определенно восстановить источник некалендарного антропонима, например имени Мошка, от которого образована фамилия Мошкин: *Крестьянин города Кунгура Ивашка Мошкин* [*КА: 16*]. Это имя могло быть дериватом от неполного имени Моша из полного календарного Моисей, могло быть русским из названия насекомого *мошка* или дериватом от коми-пермяцкого заимствования Мош с суффиксом -к(а), обычным в деловом языке. Однако если учитывать контекст, то в ряде случаев можно предположить происхождение фамилии от коми-пермяцкого родового именования Мош: *Крестьянин деревни Верхнее Мошево на реке Мошевице Сидорко Иванов сын Мошкин*

[*КЧ: 122*], *В городе Соликамске... Андрей Крысантьев сын Мошкин* [*ГС: 81*]. Об этом свидетельствуют топонимы территории (название реки Мошевица близ города Соликамска), предположительно принадлежащей в прошлом роду Мош.

2.1.6. Имена из названий рыб

В пермских памятниках XVI–XVII вв. зафиксированы различные некалендарные имена, возникшие из названий рыб: *Крестьянин Городка на реке Чусовой над речкою Усолкою Ивашко Борисов сын Карась* [*Б: 23 об.*], *Чердынец Ерш Ивакин* [*Я: 13*], *Крестьянин деревни Чудское Городище на реке Усолке Васька Матвеев сын Осетр* [*К: 142*], *Деревня Таман над Таманскою курьею... Окунько Иванов сын Богатырев* [*Б: 91 об.*]. Значительная часть имен восстанавливается по фамилиям жителей Прикамья: Лещ – *Крестьянин Сылвенской Рожественской вотчины Гаврило Лещев* [*Кун: 4*], Налим – *Чердынец Трифанко Налимов* [*РСЧ 5: 49*], Пыжьян – *Житель Кунгура Иевка Пыжьянов* [*КА: 13*], Сиг – *Село Новое Усолье... Иван Никитин сын Сигов* [*Стр 2: 379 об.*], Сом – *Крестьянин деревни Бигичи Петрушка Сомов* [*Я: 24* об.], Сорога – *Чердынец Мишка Сорогин* [*РСЧ 4: 19*].

Употребление таких имен обусловлено двумя причинами. Во-первых, существовала давняя традиция использования подобных антропонимов. Так, в новгородской берестяной грамоте упоминается Щука из Васильевой Рыбы, а в словаре Н. М. Тупикова – Ерш, Лещик, Линь, Карась, Окунь и другие имена из названий рыб в XV–XVII вв.: «Ерш Семенов сын Вяткина, балахонский крестьянин», «Карась Манухин сын Евсюков, землевладелец», «Карась, крестьянин», «Иев Лещик», «Окунь Линев, помещик», «Окунько Федоров, белевский казак», «Сом Линев, пристав» и т. д. [СРЛСИ: 199–392].

Во-вторых, имена были отражением материальной культуры жителей Прикамья XVI–XVII вв., рыба же составляла большую долю в их питании. В русском языке даже существовало прозвище Кова, одно из значений которого – ‘человек, питающийся более рыбой, чем хлебом’ [СРНГ 14: 23]. От него могла быть образована пермская фамилия Ковин: *Житель Соли Камской Микифор Ильин сын Ковин* [*КСГ: 126*], *Крестянин деревни Сыскова Тимофей Киприянов сын Ковин* [*Кун: 288 об.*]. В суровых климатиче-

ских условиях края хлеб не всегда вызревал за лето, и в деловых документах встречаются просьбы жителей Чердынской земли, особенно Ныроба, освободить их от податей в неурожайные годы: *У нас место украйное Подкаменное*[20]*, самое студеное, хлеб мало родится и морозом озябает по вся годы* [*Ш* 3: 791]. В такие годы очень выручала рыба.

Пермский край богат реками (по подсчетам географов их более 30 тысяч), есть в нем озера, и уже в далеком прошлом здесь создавали пруды. Все это давало большие возможности для ловли рыбы. Значение рыбного промысла и его особенности в Прикамье представлены в пермской литературе [Рыбалка 2007], а их история – в книге И. К. Кирьянова, С. Н. Коренюка и Г. Н. Чагина «Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена» [Кирьянов 2007].

В пермских деловых памятниках XVI–XVIII вв. разных жанров встречаются отрывки, в которых записаны названия рыб, образованные от них некалендарные имена и прозвища, а также лексика рыбного промысла. Так, в кунгурском акте 1668 г. читаем о рыбе, обнаруженной *в езу*[21] на небольшой речке Иргине (притоке Ирени, впадавшей в Сылву – приток Чусовой): *Рыбы нашли в стану 16 рыб красных в колоде да харьюзины и щюченины 7 колод да мелких харьюсов кадочка да икры красные рыбы 8 безмен* [*КА: 2*]. В расспросных речах «о землях к северу и востоку от Перми 1667 г.» (т. е. в XVII в. от центра Перми Великой – города Чердыни) сообщается: *Озеро прозваньем Чюсовое* [ныне Чусовское на севере Пермского края]... *в том озере имеется мелкие щуки язи и плотицы... Река прозванием Печера а до той де реки от города Чердыни болши трехсот верст а та река немногорыбна рыбы де в той реке бывают нельма лини щуки сиги харьюзи семга а семги-рыбы в той реке мало и бывает не по вся годы* [*СПИИ, пер. 7. III: 959*]. Чердынцы уходили за рыбой и за пределы Прикамья, на притоки Печоры.

В писцовых и переписных книгах XVI–XVII вв. отмечаются названия профессий жителей края, среди которых упоминаются *рыболовы* и торговцы рыбой – *рыбники*: *Чердынец Михалко* <u>*Рыба-*</u>

---

[20] Подкаменное – находящееся под Камнем, т. е. оксло, перед Уральскими горами. В XVI–XVII вв. Уральские горы называли Камнем.

[21] Ез – специально сооруженное на реке заграждение для ловли рыбы.

лов [*Я: 13 об.*], *Чердынец Кондрашко Нифонтов сын Рыбалов* [*КЧ: 48 об.*], *Беспашенный крестьянин Камского Усолья Демка Рыбник* [*Я: 4*], *Житель слободы Новое Усолье на реке Каме Тимошка Григорьев сын Рыбник* [*Е: 88*].

В памятниках есть дериваты (и фамилии из дериватов) от общего названия рыб и из названий рыб определенных пород, ср.:

Рыба, Рыбка – *В деревне Найданове на речке Рови Симан Козмин сын Рыбин* [*Ч: 76*], *Крестьянин села Ленвенское Козьма Павлов сын Рыбкин* [*КА: 205*];

Окунь, Окунец, Окунько – *Крестьянин села Кинделино Гаврила Окунев* [*Кун: 361*], *Крестьянин деревни Кочебахтина на реке Сылве Мишка Дмитреев сын Окунец* [*Е 1: 35 об.*], Окунько – см. выше;

Осетр, Осетрик – *Беспашенный крестьянин погоста Губдор Осетрик Вологдин* [*Я: 30*], Осетр – см. выше;

Ряпос, Ряпуха – *Крестьянин погоста Городище на реке Усоке Богдашко Ермилин сын Ряпосов* [*КС: 178*], *Чердынец Петрушка Ряпухин* [*РСЧ 5: 117*].

Преобладают среди некалендарных имен (и фамилий от них) образованные из общерусских названий рыб: Частик – *В Усолье Камском на реке Усолке Михалко Юрьев сын Частиков* [*Я: 5*], Щука – *Крестьянин деревни На Чашкине вверх Родников Пятунка Иванов сын Щукин* [*Ш* 5_1: *109*], Язь – *Крестьянин деревни Немзя Никифор Лукоянов сын Язев* [*Ч: 125 об.*].

Однако отмечаются и образованные из диалектных слов, толкование которых в данной работе дается по СРНГ и СПГ: Бекура (возможно, связано с *бекирь* – ‘пескарь’) – *Крестьянин деревни На Вятских островах Демка Андреев сын Бекурин* [*Е: 102*], Гольян (*гольян* – ‘мелкая живая рыбка, вьюн’) – *В погосте Ильинский на реке Обве Гришка Васильев сын Гольян* [*Я: 15*], Краснопер (*краснопер* – рыба семейства карповых) – *Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Федко Красноперов* [*Я: 21 об.*], Турбак (*турбак* – в севернорусских говорах ‘один из видов рыбы’) – *Житель города Соликамска Иван Никитин сын Турбаков* [*ГС: 8 об.*], Стерляг (*стерляг* – ‘стерлядь’) – *Крестьянин деревни Чернышева Федька Лазорев сын Стерляг* [*Е 1: 136*], Усач (*усач* – ‘пресноводная рыба, вьюн’) – *Житель погоста Зырянка на речке Зырянке Меншичко Родионов сын Усачев* [*КС: 185*], Чабак (*чабак* – ‘рыба плотва’) – *Чердынец Кипрушка Чабаков* [*РСЧ 3: 66*], Шаклея

(*шаклея* – 'мелкая рыбка, недавно вышедшая из икры, малек') – *Чердынец Сенька Шаклеин* [*РСЧ 4: 132*].

Многие названия рыб, перешедшие в имена, или сами имена были принесены в Прикамье переселенцами с Русского Севера, из Поморья, о чем свидетельствуют территориальные прозвания, ср.: Вандыш (*вандыш* – 'мелкая речная рыбка, гольян, вьюн') – *Крестьянин починка Красная Слудка Ивашко Данилов сын Вандышев поморец* [*Б: 65*]. Кроме того, в пермских документах отмечаются имена из названий морских рыб, не водившихся в Пермском крае: Палтус (*палтус* – 'рыба семейства камбаловых в северных морях') – *Крестьянин Сылвенской Рождественской вотчины Степан Палтусов* [*Кун: 3*], Терпуг (*терпуг* – 'морская рыба') – *Крестьянин слободки Кишконогова на роднике Иванко Терпугов* [*Я: 26*], Треска (*треска* – 'рыба, распространенная в северных морях') – *Чердынец Игнашко Алексеев сын Трескин* [*КЧ: 47 об.*].

В некалендарных именах, давших фамилии, отразились и названия северных морских животных: Морж – *Крестьянин села Комарово Наум Моржов* [*Кун: 565*], Тюлень – *Крестьянин погоста Княгинина Гора на реке Чусовой Сенька Тюлень* [*Е: 125*]. Это тоже является свидетелством влияния на Прикамье культуры Русского Севера.

В пермских памятниках отмечается также фамилия от имени Кит: *В селе Новое Усолье Борис Дмитриев сын Китов* [*Стр 3: 399*]. Однако трудно определенно ответить на вопрос о ее основе: либо это действительно название морского животного, либо (скорее) измененное в русской или коми-пермяцкой речи календарное имя Тит (из латинского *titulus* 'честь, почет').

Впрочем, не всегда можно с определенностью утверждать происхождение от названия рыб и некоторых других имен, ср.: Тюлька – *Крестьянин села Верх-Мулинское Матюшка Федоров сын Тюлькин* [*Е: 119*]. Базой имени Тюлька могло послужить слово, называвшее либо мелкую рыбу семейства сельдевых, либо севернорусское *тюлька* 'чурбан, толстый обрубок дерева'. В основе антропонима Треска лежало или название рыбы (см. выше) или слово *треска* с другим значением: 'жердь или шест', 'болтун, врун', 'отходы, получаемые при варке соли'.

2.1.7. Имена из названий растений

Судя по памятникам письменности, в Прикамье XVI–XVII вв. функционаровало не менее 50 имен, образованных от названий растений. 22% из них непосредственно зафиксированы в переписных документах, например: *В Чусовском городке крестьянин Федька Иванов сын Горох* [*Е: 96*], *Житель Городка на реке Чусовой над речкою Усолкою Рет'ка Иванов сын Тют'ря* [*Б: 20*], *Крестьянин погоста Губдор Меншичко Сосна* [*Я: 30*]. Однако бóльшая часть таких имен восстанавливается по фамилиям: Дягиль (*дягиль* – 'растение семейства зонтичных, борщевик') – *Житель города Соликамска Иван Михайлов сын Дягилев* [*ГС: 65 об.*], *Житель Юговского Завода Василей Дягилев* [*Кун: 447*], Капуста – *Крестьянин починка Клочихин Онтипко Трофимов сын Капустин* [*КЧ: 80*], Репа – *Житель города Кунгура Аввакум Репин* [*КЗСИ: 159*], Рябина – *Крестьянин деревни Кушпелевская Ивашка Рябинин* [*Я: 17*], Хмель – *Чердынец Сидорко Хмелев* [*РСЧ 5: 45*].

Именами становились как общерусские, так и территориально ограниченные названия растений, диалектизмы, ср.: Берсень (*берсень* – 'крыжовник') – *Крестьянин погоста Пянтег на реке Каме Иванко Берсень* [*Я: 34 об.*], Вольха (*вольха* – 'ольха') – *Беспашенный крестьянин погоста Янидор Офонька Дмитриев сын Вольхин* [*КЧ: 116 об.*], Жаравиха (*жаравиха* – 'клюква') – *Житель деревни Усть-Уролка Иван Пантелеев сын Жаравихин* [*Ч: 65*], Шипица (*шипица* – 'шиповник') – *Крестьянин погоста Редикор на реке Вишере Ивашко Шипица* [*Я: 36*] и др.

Антропонимы возникали на основе слов разных тематических групп. В пермских памятниках отмечаются имена из названий деревьев и кустарников: Береза – *В Усолье Камском... Филька Иванов сын Березин* [*КС: 158*], Вольха (см. выше), Кедр – *Житель слободки На Веретее Осипко Петров сын Кедров* [*Е 1: 18*], Липа – *Крестьянин Сылвенской Рожественской вотчины Никон Липин* [*Кун: 719*], Ракита (*ракита* – 'ветла, верба, ива') – *Крестьянин деревни Заболотье Осиновая на реке Малой Усолке Агапитко Пантелеев сын Ракитин* [*К: 144*], Сосна – *Крестьянин деревни Сосновцево Ермолко Созонов сын Соснин* [*КЧ: 97 об.*], Черемха (*черемха* – 'черемуха') – *Чердынец Тереха Черемхин* [*Я: 13*].

В антропонимах отражаются особенности материальной культуры жителей Прикамья. Так, имена возникали из названий злаков

и их частей: Пшеница – *Крестьянин деревни Большакова Офонька Пшеница* [*РСЧ 3: 21 об.*], Ячмень – *Крестьянин деревни Микулин Луг на реке Сылве Ивашко Иванов сын Ячменин* [*К: 129*], Колос – *В деревне Керчево... Павел Федоров сын Колосов* [*Ч: 16*].

Отмечаются имена из названий овощей: Галан (*галан* – 'брюква') – *Крестьянин деревни Сыра Семен Галанов* [*КЗСИ: 655*], Капуста – *Крестьянин деревни Очга Жикина Осип Авдеев сын Капустин* [*Ч: 57 об.*], Огурец – *Житель Усолья Камского Федька Огурец* [*КС: 156 об.*], Редька (см. выше), Репа (см. выше), Чеснок – *Крестьянин починка На Горе на реке Чусовой Федька Андронов сын Чеснок* [*Е: 134*].

По именам восстанавливаются названия некоторых грибов, растущих в Прикамье и употребляемых в пищу: Боровик (*боровик* – 'гриб белый, подосиновик или подберезовик') – *Крестьянин села Спасское Барда тож Михаил Боровиков* [*Кун: 154*], Валуй – *Чердынец Фил(ь)ка Валуев* [*РСЧ 3: 32 об.*], Кульбик (*кульбик* – 'гриб валуй') – *Чердынец Ондронко Кул(ь)биков* [*РСЧ 5: 48*], Обабок (*обабок* – 'гриб обабок') – *В селе Рожественское Комарово тож Петр Иванов сын Обабков* [*Кун: 390 об.*]. Из названий ягод возникли имена Берсень и Жаравиха (см. выше), Малина – *Крестьянин деревни Советная Петр прозванием Малина* [*КЗСИ: 1031*], Смородина – *На мельнице на речке Пыскорке помольщик Сенька Афонасьев сын Смородинин* [*Е 1: 12 об.*], Черница (*черница* 'черника')– *Беспашенный крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Анисимко Черницын* [*Я: 22*].

Основываясь на именах, можно предположить, что жители Пермского края использовали в пищу *пиканы* 'крупное травянистое растение семейства зонтичных, борщевик или дягиль', ср.: *Крестьянин деревни Опалихины Меркурей Пиканов* [*КЗСИ: 1027*]. *Пиканниками* называли бедняков, людей употреблявших пиканы: *Житель города Перми незаконнорожденный 14 лет Климант Пиканников* [*Пр 2: 131 об.*]. Использовали и *борщ* 'ботву огородных растений': *Житель деревни Рожино Дорофейко Федоров сын Борщ* [*Е 1: 139 об.*].

В Прикамье было развито животноводство, для которого постоянно требовалась заготовка сена. Об этом свидетельствуют многочисленные записи о владениях сенокосных угодий в писцовых книгах. В памятниках письменности запечатлены имена, образованные от названий трав: Водопьян – *Житель Усолья Кам-*

ского Петрушка Иванов сын Водопьянов [*КС: 180*], Водорез – *В селе Слудка на реке Каме... Максимко Иванов сын Водорезов* [*Е: 127*], Вострец – *Крестьянин Сылвенского острожка Андрюшка Григорьев сын Вострецов* [*Е: 109*], Копытник – *Крестьянин погоста Искор на Черном ручье Фед(ь)ка Копытников* [*РСЧ 7: 24*], Крапива – *В Кунгуре работник назвищем Кропива* [*КЗСИ: 111*], Мокрец – *Житель слободы Новое Усолье Федька Алексеев сын Мокрецов* [*Б: 158 об.*]. Отмечаются и имена из названия сорных растений: Повелица – *Житель деревни Красная Никита Николин сын Повелицын* [*Ч 1: 196 об.*], Спорыш – *Чердынец Сидорко Спорышев* [*РСЧ 4: 12*].

В пермских памятниках пока не обнаружены дериваты от имен из названий растений, что может свидетельствовать об их близости к индивидуальным прозвищам.

2.1.8. Результаты исследования состава некалендарных имен

Рассмотрение некалендарных имен, возникших на основе названий различных групп реалий живой природы (животных, птиц, насекомых, рыб, растений), позволяет сделать некоторые выводы об этой части некалендарного именника, а также об особенностях культуры в Прикамье XVI–XVIII вв.

В различные периоды некалендарные имена в переписных текстах представлены по-разному. В качестве единственного имени, первого члена сложного антропонима, они более последовательно зафиксированы в писцовой книге Ивана Яхонтова 1579 г., чем в книгах XVII в. (*Барсук Михайлов, Кунь Орефин, Сокол Гридин, Ерш Ивакин*; см. выше цитаты из памятников со ссылкой «*Я*»). В этих случаях стоящие на втором месте сложного антропонима именования *Михайлов*, *Орефин*, *Гридин*, *Ивакин* были патронимами, образованными от календарных имен отцов. Изредка некалендарное имя стоит перед дериватом от календарного (*Утка Ивашко*).

Вместе с тем уже в переписи Яхонтова некалендарное имя отмечается и после календарного: *Омелько Волк, Иванко Заяц, Алешка Конь, Иванко Берсень, Ивашко Шипица*. В каждом таком примере присутствует некалендарное имя, однако функции его могли быть разными. Не исключено, что в ряде случаев оно являлось бытовым именем переписываемого человека, менее значи-

мым, чем дериват от его календарного имени (*Иванко, Ивашка, Омелько*), и поэтому записывалось на втором месте сложного антропонима. Но оно могло быть унаследовано от отца, которому принадлежало как некалендарное имя, и в таком случае в тексте Яхонтова оно было патронимом и записывалось тоже на втором месте двухкомпонентного антропонима, как и патронимы из календарных имен. Опираясь на всю последующую историю некалендарных имен, полагаем, что в писцовой книге Перми Великой XVI в. преобладали двухкомпонентные антропонимы типа *Ивашко Волк* именно с патронимами от имен отцов, передававшимися сыновьям без всяких грамматических изменений.

В таком случае второй член антропонима был некалендарным именем по происхождению, но патронимом по функции. Именно двойственность приводит к различному истолкованию подобных некалендарных антропонимов. Так, Н. М. Тупиков, фиксирующий в Словаре [СДЛСИ] нехристианские именования и рассматривая их в аспекте происхождения, называет древнерусскими личными собственными именами и отмечает существование многих из них уже в XI–XII вв. А В. К. Чичагов, исследующий по материалам XV–XVII вв. проблему происхождения русских фамилий на основе патронимов, называет их прозвищами: «*Все русские имена* (за исключением, разумеется, тех, которые попали в святцы) *имели в XV–XVII вв. значение прозвищ*» [Чичагов 1959: 26].

Последующие разногласия исследователей нехристианских именований и колебания в терминологии (некалендарные имена, прозвища, патронимы, полуотчества и др.) зависели от их позиции, от аспекта рассмотрения антропонимического материала. Мы в данном разделе книги, выявляя некалендарный именник по пермским материалам XVI–XVII вв., исходим не из функции именований, а из их происхождения и формы употребления в речи жителей Пермского края того времени. Для рассмотрения истории имен важно установить, какие слова могли быть в Прикамье первоначально некалендарными именами.

Помогает в этом ряд обстоятельств. Во-первых, употребление в сложном антропониме двух некалендарных имен (*Меншичко Сосна*), первое из которых было именем переписываемого человека, а второе – его патронимом, т. е. первоначально – именем отца. Во-вторых, использование одного и того же некалендарного имени без всяких изменений в качестве первого, или второго, или

третьего члена сложного антропонима: *Ерш Ивакин* и *Митька Яковлев сын Ерш* [СПП 6: 156]; *Сокол Гридин* и *Емелька Стефанов сын Сокол* [СПП 6: 180]. В-третьих, образование дериватов от некалендарных имен, как это было принято в деловом языке, с суффиксами -к(а) (*Кунь – Кунька*), -к(о) (*Барсук – Барсучко, Медведь – Медведко, Соловей – Соловейко*) -ик (*Осетр – Осетрик*), -ьц (*Окунь – Окунец*).

Названия реалий природы, употреблявшиеся как имена, в живой и в деловой речи образовывали антропонимические дериваты, т. е. находились в системе имен. Правда, последняя четверть XVI в., имена которой отражены в книге Яхонтова, была уже временем активного вытеснения их из деловых текстов именами календарными. В дальнейшем с развитием русской официальной антропонимии некалендарные имена переживут двухвековую (XVII–XVIII вв.) историю перехода в именования по отцу, ставшие основой возникающих фамилий.

В памятниках Верхнего Прикамья зафиксированы некалендарные имена русского (*Бык Архипов, Телят Глазунов, Ерш Ивакин*) и коми-пермяцкого происхождения (*Кычан Иванов, Сырчик Тимофеев, Рака Дмитриев*). Последние в XVI–XVII вв. могли принадлежать как людям коми-пермяцкой национальности, принявшим христианство и с крещением календарные имена, так и русским жителям Прикамья, в говоры которых проникли коми заимствования (ср. выше: *кычан* 'щенок').

В XVI–XVII вв. в Прикамье некалендарные имена либо были принесены переселенцами, либо возникали в складывающихся русских говорах Перми Великой, вотчин Строгановых, а с середины XVII в. и Кунгурского уезда. Имена в подавляющем большинстве были общерусскими, о чем свидетельствуют результаты сопоставления пермских имен с антропонимами других территорий России по данным словарей и публикаций деловых текстов исследуемого периода. Однако среди имен отмечаются и возникшие из слов, которые в XIX–XX вв. считаются диалектными (Бугуй, Векша, Вандыш, Шершень), причем характерными для севернорусских говоров.

Такие имена, судя по материалам памятников разных регионов, были распространены в XVI–XVII вв. и ранее на широкой территории. Так, диалктный апеллятив *векша* 'белка' [СРНГ 4: 104], отмечаемый в новгородских и псковских грамотах XVII в. [СлРЯ

XI–XVII вв. 2: 55], в памятниках Прикамья [СПП 1: 68], квалифицируемый в современных словарях литературного языка как областное [ССРЛЯ а 2: 134] или как устаревшее и областное слово [ССРЛЯ б 2: 83; БАСРЯ 2: 387], употреблялся в качестве антропонима и становился основой фамилии на разных территориях: *Феофилатко Векша, крестьянин волости Морева, 1495 г.* [СДЛСИ: 138], *князь Ярославский... Дмитрий Векошка* [Зимин 1988: 88], *Федоско Векша, 1646 г., Тюмень* [Парфенова: 87], *Ондрюшка Векшин, 1636 г., Верхотурье* [там же], *Иван Векшин, холоп, 1545 г. Тверь* [Ономастикон: 65], *Вязмичи посадцкие люди Ондрюшка Векшин да Добрынка Векшин, да Сергеика Векшин, 1611 г.* [РИС: 41].

2.2. Словообразование некалендарных имен

Исследуемые материалы иллюстрируют особенности словообразования некалендарных имен и изменения в них, происходившие на территории Прикамья в XVI–XVIII вв.

Пермские некалендарные именования существовали в русской словообразовательной системе имен существительных. Большую их часть составляли перенесенные в антропонимию существительные нарицательные: *Деревни Нырова Погоста на реке Косе крестьянин Бык Архипов* [*Я: 38 об.*], *Деревни Немзи Зык Петров* [*Я: 30 об.*], *Деревни Мочгинской крестьянина Никифора Аврамова сына Аникина сын Пуд* [*Ч 3: 161 об.*]. Имена, образованные от основ глаголов, числительных, прилагательных, переживали процесс субстантивации и легко входили в эту словообразовательную систему. Так, древнерусские глаголы III класса (*нагибать, оплетать* и др.) давали имена с исходом -а, совпадавшие с глагольной основой – Нагиба, Оплета, Подстега, Лабза, ср.: *Крестьянин Сылвенского острожка Петрушка Осипов сын Нагиба* [*Е: 91*], *Крестьянин деревни Лукинская на реке Сылве Мишка Петров сын Оплета* [*Е 1: 37 об.*], *Крестьянин городка над Чусовой и над речкою Усолкою Кирилко Петров сын Подстега* [*Е: 133*]. От подобных имен возникали патронимы, а затем фамилии: *Крестьянин села Тазовское Василей Лабзин* [*Кун: 168 об.*].

Однако основным средством образования дериватов от некалендарных именований была суффиксация. Об этом свидетельствуют, например, суффиксы имен, возникших из основ рассмот-

ренных выше порядковых числительных на *-ой* (*-ый*) – Первый, Второй, Третий и т. д., ср.:

-ак – Первак, Шестак, Семак
-як – Третьяк
-к(о) – Четвертко, Девятко, Десятко
-н(*я*) – Треня
-ун(*я*) – Пятуня
-ух(*а*) – Семуха
-юх(*а*) – Тренюха
-уш – Пятуш, Семуш
-уш(*а*) – Первуша, Вторуша, Семуша, Осьмуша
-ыг(*а*) – Пятыга
-ын(*я*) – Первыня
-ыш – Пятыш, Семыш
-ыш(*а*) – Первыша

Образования с этими суффиксами функционировали в живой речи и отмечены в памятниках XVI – начала XVII в. как имена записываемых жителей Пермского края (*Перми Великой села Бегич... Первыша Федоров сын Коркодинов* [*ЧМ 2558: 29*]), но в пермских писцовых и переписных книгах XVII в. они включались в сложные антропонимы в основном уже в качестве патронимов (от имен отцов людей, о которых шла речь в текстах документов разных жанров): *Чусовского Верхнего городка крестьянин Наумко Иванов сын Петыш* [*К: 139*]. Они послужили основой многих фамилий (Перваков, Первынин, Первушин, Первышин и т. д.).

Нормы употребления в деловых актах имен крестьян, бобылей, ремесленников, стрельцов, солдат требовали использования уменьшительно-уничижительных суффиксов -к(а) или -к(о), присоединявшихся к основе полного имени: *-к*(*а*) – Девятка (от Девятый), *-к*(*о*) – Четвертко (от Четвертый), Пятко (от Пятый), Девятко (от Девятый), Десятко (от Десятый).

Нередко суффикс нарастал на уже существующий в живой речи дериват, что приводило к образованию сложных антропонимических суффиксов. В результате в пермских документах разных жанров появились многочисленные имена с ними:

-ачк(*о*) – Шестачко (от Шестак < Шестой), Семачко (от Семак < Седьмой)
-ячк(*о*) – Третьячко (от Третьяк < Третий)

-еньк(*а*) – Тренька (от Треня < Третий)
-уньк(*а*) – Пятунька (от Пятуня < Пятый)
-ушк(*а*) – Первушка (от Первуша < Первый), Вторушка (от Вторуша < Второй)
-ушк(*о*) – Первушко (от Первуша < Первый)
-ышк(*а*) – Первышка (от Первыша < Первый)

Даже эта незначительная часть имен только одной группы (от порядковых числительных) демонстрирует большие возможности словообразовательной системы некалендарных имен.

Вместе с тем в этой системе постепенно происходят изменения, увидеть которые можно, лишь рассматривая имена с определенными суффиксами в разные эпохи.

2.2.1. Имена с суффиксами -ят(а) / -ат(а) и -енок / -онок

Некоторые из характерных для древнерусской антропонимии имен не дошли до пермских памятников, история которых начинается с середины XVI в. Так, в новгородских берестяных грамотах XI–XIV вв. отмечаются имена на -ят(а) / -ат(а)[22]: Братята [здесь и далее: Зализняк 1995: 259], Вышата [275], Гостята [224, 260], Малята [278], Местята [238], Нежата [246, 304], Твердята [259, 303] и др. Они отмечаются и в других памятниках в XII–XVII вв.: Вышата, Твердята и др. [СДЛСИ], Городята, Гостята, Добрята, Жирята, Пирята, Тешата [Толкачев 1977: 119–120].

Есть разные взгляды на происхождение имен на -ят(а) / -ат(а), об их возникновении и функционировании написано достаточно много работ [там же: 115]. Их считают либо пришедшими из нарицательных существительных с основой на *-ent, либо образованными от основ различных частей речи с именным суффиксом.

Имена существительные с праславянской основой на *-ent, называвшие детенышей животных и человека (ед. число им. падеж – *теля*, *жеребя*, *дитя*; род. падеж – *теляте*, *жеребяте*, *дитяте*; дат. падеж – *теляти*, *жеребяти*, *дитяти* и т. д.; мн. число им. падеж – *теляте*, *жеребяте*, *дитяте*), еще в древнерусском языке переживали распад своего старого, особого склонения. Об этом свидетельствуют и слова нарицательные, и имена собственные на -ят(а) / -ат(а).

---

[22] Суффикс *-ат*(*а*) после отвердевших шипящих (Вышата, Нежата).

Обычно древнерусскими некалендарными именами на -ят(а) / -ат(а) называли мужчин. Однако одно из них, судя по тексту новгородской берестяной грамоты № 9 «От Гостяты к Васильеве», именовало женщину. В грамоте Гостята, обращаясь к Василию (видимо, близкому родственнику), просит помощи и пишет, что ее муж забрал все, что ей дали отец и родня, ее изгнал и взял в жены другую. Очевидно, что здесь Гостята – женщина. Однако по другим грамотам, где отмечается или предполагается имя Твердята [Зализняк 1995: 224, 260], по контексту трудно определить, дано оно было мужчине или женщине, но, скорее, мужчине. Получается, что имя могло быть как мужским, так и женским. Это возможно, если учесть развитие слов на -ят(а), -ат(а).

Слова с основой на *-ent, называли детенышей человека и животных, независимо от их пола. И эти названия были словами сред. рода, следы чего сохранились в ряде индоевропейских языков: в русском *дитя*, *теля* 'теленок', в немецком *das Kind* 'ребенок, дитя', *das Mädchen* 'девочка'.

В праславянском языке существительные на *-ent в результате действия закона открытых слогов, когда каждый слог (и слово) оканчивался гласным звуком, терял конечный согласный -t, а -en переходил в носовой гласный -ę, обозначавшийся в кириллице буквой «юс малый» (перешедший в результате реформы орфографии в Петровскую эпоху в букву Я). Например, в им. падеже из слова **telent* возникло **telę* > русское *теля*. При склонении (*теляте*, *теляти…*) сохранялось -ят-: *Нашему <u>теляти</u> да волка поймати*. Далее в некалендарных именах на *-ent под действием аналогии происходило выравнивание всей парадигмы и развитие склонения существительных пошло двумя путями.

В первом случае им. падеж ед. числа под действием косвенных падежей вернул себе -ят-, и употреблялись имена Добрята, Жирята, Местята, Твердята и др. Видимо, они сохранили безотносительность к полу, как и слова нарицательные этого склонения, и ими могли называть и девочек, и мальчиков, а затем и взрослых женщин и мужчин, свидетелем чего и можно считать имя Гостята в новгородских грамотах. Возможно, формальное отсутствие дифференциации по полу и привело к утрате таких имен.

Во втором случае, напротив, выравнивание всей парадигмы шло по им. падежу: *теля*, *тели*, *телѣ…* Косвенные падежи потеряли суффикс -ят-, а падежные изменения пошли по склонению основ на *-а мягкой и твердой разновидности. Это привело к по-

явлению большого количества некалендарных и календарных имен (Родя, Оверя, Тима), причем не только с конечным -я, но и с конечным -а. Они были детскими и бытовыми для взрослых, нередко исследователи их называют полуименами. Таких имен много в пермских памятниках XVI–XVII вв., их образование характерно и для современной русской антропонимии.

Самая древняя пермская ономастика связана с новгородской (ср. выше: имя Полюд, гидроним Вишера), но имена на -ят(а) / -ат(а) в исследуемых материалах отсутствуют. Вместе с тем здесь есть некоторые следы употребления их в прошлом. Так, в тексте 1623 г. записан *Крестьянин деревни Булатова на реке Усолке и на реке Яйве Тимошка Григорьев сын Телятин* [*КС: 148 об.*], патроним (и будущая фамилия) Телятин восходит к некалендарному имени отца Тимошки – Телята (форма ед. числа). Свидетельством употребления в прошлом такого имени является и другой текст – *Крестьянин сельца Камасино на реке Чусовой Телят Глазунов* [*К: 118*], – в котором, однако, имя записано в форме Телят (ед. число). Воспринимаемое как мужское, это имя по аналогии с другими мужскими именами, оканчивающимися на согласный звук (ср. в пермских текстах: Вешняк, Дубак, Курбат, Некрас, Рябок), теряет окончание -а, более характерное для слов (и в их числе имен) женского рода. К тому же его форма с окончанием -а совпадала с формой мн. числа (*телята*), что было тоже неудобно.

В XVII в. старое склонение имен нарицательных на *-ent разрушено, в ед. числе в Прикамье уже использовались формы на -енок (*теленок, жеребенок, робенок*): *Досталось... жеребенок гнед да теленок бычек* [*Уд: 239*]. Правда, параллельно иногда еще и употреблялись старые формы: *Скот кобыла да мерин рыж да жеребя лысо лонщик* [*ЧМ 2561: 3*], но с пояснениями, какого пола названное животное (*лонщик*). Появлялись и слова с другими суффиксами: *Кобыла соловая жеребчик лонщак* [*КСАУ: 281*], *Корова белая да бык краснопестрой двух годов да телешек телица полугодовалая* [*КЗСИ: 358*].

Форма им. падежа мн. числа существительных нарицательных на -я (*жеребя*) и на -енок (*жеребенок*) в пермских памятниках XVII в. имела исход на -ят(а) – *телята, робята*: *А во дворех у них только малые робята* [*СПИИ, к. 3: 848*]. В формах мн. числа этот суффикс сохранялся и в косвенных падежах: *Пособи де мне из моего дому робят мне моих вынести* [КСАУ: 114].

Итак, имя человека Телята (ед. число) в пермских памятниках не зафиксировано, хотя, судя по фамилии Телятин, оно некогда существовало в реальности. Оно воспринималось составителем документа в ряду существительных нарицательных – названий детенышей. Вместе с тем его нельзя было заменить новым, утверждающимся в апеллятивной лексике (например, именем Теленок), так как имена собственные в административных, имущественных и судебных текстах необходимо было сохранять.

Вместе с тем в пермской антропонимии XVI–XVII вв. появились и именования на -енок: Бабенок, Быданенок, Волченок, Гостенок, Дербышонок, Комленок, Лапенок, Чертенок: *Житель города Кунгура Семен Комленок* [*КЗСИ: 797*], *Житель Усолья Камского Васька Самойлов сын Чертенок* [*КС: 165 об.*]. Параллельно с ними функционировали имена, послужившие их основой, ср.: *Бобыль починка Анисимов Фомка Иванов сын Чорт* [КЧ: 69 об.].

Большая часть имен на -енок / -онок не зафиксирована в свободном употреблении, но восстанавливается по фамилиям.

Так, антропоним Быданенок восстановлен по фамилии Быданенков: *Житель сельца Никольское, Медянка тож, Кондратей Быданенков* [*КЗСИ: 565*]. Быданенок мог быть сыном человека по имени Быдан, такое именование зафиксировано в пермских памятниках в качестве патронима, т. е. некалендарного имени отца, ср.: *Крестьянин деревни Нижний Шакшер на реке Каме Овдейка Олексеев сын Быдан* [*КЧ: 93*].

Волченок – по фамилии Волченков: *Крестьянин села Слудка на реке на Каме Афонко Васильев сын Волченков* [*Б: 2*]. Зафиксирован в пермских памятниках и некалендарный антропоним Волк: *Крестьянин деревни на речке Говнотыке Максимко Савин сын Волк* [*Б: 50 об.*].

Лапенок – по фамилии Лапенков: *Чердынец Кипрушка Лапенков* [*РСЧ 4: 46*]. Отмечается и патроним Лапа: *Житель Чусовского Верхнего городка Фомка Ефремов сын Лапа* [*К: 139*].

Гостенок – по фамилии Гостенков: *Крестьянин погоста Янидор Максимко Юрьев сын Гостенков* [*КЧ: 116*]. Тексты пермских памятников позволяют восстановить гнездо некалендарных имен от нарицательного слова *гость* – Гость, Гостенок, Гостило, Гостюха, ср.: *Крестьянин погоста Кольчуг Василей Семенов сын Гостев* [*Ч: 24*], *В деревне Петухова Артемей Семенов сын Гостилов* [*СЧ: 155 об.*], *Житель Соли Камской Митька Гостюхин*

[*РСЧ 7: 18 об.*]. Однако имени Гостята, отмеченного в новгородских берестяных грамотах, в пермских памятниках не обнаружено.

В исследуемых текстах Прикамья зафиксированы различные по форме именования одного и того же человека, сделанные в разные годы. В писцовой книге 1623 г. читаем: *Крестьянин деревни Мартыновская на реке Иньве Митька Дербыш* [*К: 154*]; он же в переписной книге 1647 г.: *Крестьянин деревни Мартынова на реке Иньве Митька Андреев сын Дербышонков* [*Е: 142*]. Такие записи иллюстрируют динамику характеристики человека по некалендарному имени его отца: в 1623 г. это имя фиксируется без всяких антропонимических суффиксов, указывающих на отцовство, о чем говорит его третье место в сложном антропониме. Но в живой речи, видимо, формируется именование с суффиксом -енок / -онок, свидетельствующее, что Дербышонок – сын Дербыша; в 1647 г. к этому именованию присоединяется еще суффикс притяжательного прилагательного *-ов*, подчеркивающий, что Дербышонков – сын Дербыша.

Видимо, в истории формирования патронимов от некалендарного имени отца в русском языке были разные возможности. В древности патроним могли образовывать с суффиксом -енок / -онок, в котором в ономастике была представлена сема ‘сын человека по имени…’: Волченок – сын Волка. Однако наиболее активным в русском языке и в пермских памятниках, в частности, оказывается суффикс притяжательных прилагательных -ов / -ев (а также -ин), который первоначально показывал только отношение сына к отцу, но затем он стал отражать и другие связи – отношение внуков, правнуков и т. д. к предкам. Вместе с тем в нем не было жестких ограничений связи «отец – сын» в стилистическом или социальном отношении. В результате именно он утвердился в русской ономастике для передачи отношения к предку и стал более удобным, чем другие суффиксы, при образовании фамилий. Этот процесс хорошо отражен в документах Прикамья XVII в.

2.2.2. Имена с суффиксом -л(о)

Интересны имена с другими суффиксами, характерными для древнерусской антропонимии. Такими были, например, антропонимы с исходом -л(о), а точнее с -ил(о) и -ал(о).

Имена на -ил(о) существовали еще в Древней Руси, о чем свидетельствуют материалы, используемые для сопоставления. В

новгородских берестяных грамотах зафиксированы имена Дедило [здесь и далее: Зализняк 1995: 276], Душило [273], Коснило [282], Прибило [277], Путило [481], Русило [289], Селило [436], Твердило [316], Ярило [368] и др. Иногда они записаны с -ил(а): Путила [315], Русила [392], Тешила [395].

Имена на -ил(о) отмечаются в памятниках разных территорий Руси: Брусило [здесь и далее: СДЛСИ: 191], Ворошило [152], Жидило [205], Нездило [338], Селило [409], Терпило [446]. От таких некалендарных имен в XVII в. возникали фамилии, ср.: Ворошиловы, Золотиловы, Спешиловы [СВФ: 16, 25, 52].

Ю. С. Азарх полагала, что «дериваты на -ило от славянских и христианских имен возникали не без поддержки антропонимов типа Данилъ / Данило, Михаилъ / Михаило, у которых при вычленении сокращенной основы имени собственного (Даня, Миха) выделился суффикс -ил» [Азарх 1984: 127].

В пермских памятниках антропонимы на -ил(о) относительно редки и встречаются в XVII в. в переписных текстах обычно как патронимы – некалендарные имена отцов: Братило (*Крестьянин починка на Каме реке на Острову Никифорко Федосеев сын Братило* [*Е 1: 19*]), Жубрило (*Житель деревни Хмельник Иван Павлов сын Жубрило* [*Ч: 90 об.*]), Комшило (*Крестьянин деревни Верейная на реке Чусовой Ивашко Семенов сын Комшило* [*К: 115*]), Лошило (*Крестьянин деревни Над Курьею Савка прозвище Пятко Никифоров сын Лошило* [*Е: 119*]). Некалендарные имена на -ил(о) на третьем месте сложного антропонима отмечаются и с уменьшительно-уничижительным суффиксом -к(о), но крайне редко, а также с вводящим его в текст словом *прозвище*, ср.: Путилко (*Крестьянин Орла-городка Андрюшка Андреев сын прозвище Путилко* [*Е: 107*]).

Наиболее употребляемые некалендарные имена на -ил(о) в пермских текстах обычно являлись основой дериватов с суффиксом -к(о): Путилко (*В Чусовском Верхнем городке бобыль Калинка Абрамов с пасынком Путилком Михайловым сыном Бутиным* [*К: 140*]), Спешилко (*Крестьянин деревни Мартыновская на реке Иньве усть речки Оны Макарко прозвище Спешилко* [*К: 153*]), Томилко (*В сельце Никольском на реке Каме и на речке Муловке крестьянин Томилко Данилов сын Костарев* [*К: 121*]), Шумилко (*Крестьянин деревни на реке Чусовой Шумилко Михайлов* [*К: 162*]).

В использовании некалендарных имен на -ил(о) хорошо отражаются стилистические особенности употребления антропонимов в переписных текстах: детей и лиц низшего сословия (крестьян, бобылей) именовали, как это было принято в деловом языке, с суффиксом -к(о): Спешилко, Томилко. Некалендарные имена отцов записывали более уважительно, т. е. обычно без этого уменьшительно-уничижительного суффикса. Точно так же, т. е. без суффикса -к(о), записывали жителей высокого имущественного состояния – *лучших людей: Житель Усолья Камского Томило Елисеев* [*КС: 167*] (из этого соликамского рода Елисеевых вышли энергичные и состоятельные люди, среди которых были, например, основатели известных московского и петербургского Елисеевских гастрономов).

Имена с суффиксом -ил(о) легли в основу многих пермских фамилий, зафиксированных в памятниках XVII–XVIII вв., ср.: Грездилов (*Крестьянин села Слутка на реке Каме Исачко Константинов сын Грездилов* [*Е: 127*]), Заразилов (*Житель Кызеловского рудника Иван Борисов сын Заразилов* [*Ч 1: 143 об.*]), Звездилов (*Крестьянин деревни Сухая Речка Федор Звездилов* [Кун: 358]), Колотилов (*Крестьянин деревни Чолыб Алешка Павлов сын Колотилов* [*КЧ: 58 об.*]), Кормилов (*Чердынец Нестерко Кормилов* [*РСЧ 4: 78*]), Мозжилов (*Крестьянин деревни Таборы на реке Каме Стенька Иванов сын Можжилов* [*Е 1: 173 об.*]), Обрядилов (*Крестьянин деревни Кемоль на реке Кемоле Богдашко Иванов сын Обрядилов* [*К: 152*]), Путилов (*Крестьянин деревни Нижне-Муллинская Андрюшка Лукоянов сын Путилов* [*Е: 123*]), Рагуилов (*Крестьянин деревни Кривец на реке Обве Исько Дмитриев сын Рагуйлов* [*КЧ: 140*]), Турилов (*Крестьянин села Новое Усолье Григорей Осипов сын Турилов* [*Стр 3: 417 об.*]).

В систему русских имен на -ил(о) входят и образованные на основе заимствований. Так, имя Серсило (ср. фамилию Серсилов: *Крестьянин деревни Парашина Степан Герасимов сын Серсилов* [*Ш 5_3: 339*]) восходит к коми-пермяцкому слову *сёрся* ‘поздний, запоздалый’ [КПРС: 426]. Имя Серсило с коми основой соответствует русскому Поздей.

По-видимому, существовали и отглагольные имена с исходом -ал(о): Ботало, Брызгало, Выгало, Громыхало, Запивало, Заспало, Качало, Колыбало, Кутало, Нюхало, Подчищало, Подшивало, Ширыкало. Они не зафиксированы в исследуемых текстах в сво-

бодном употреблении, но, видимо, использовались в быту и легли в основу фамилий:

Боталов – *Чердынец Архипка Боталов* [*РСЧ 4: 17*],

Брызгалов – *Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Степанко Матвеев сын Брызгалов* [*КЧ: 75*],

Громыхалов – *Житель Усолья Камского Афонька Григорьев сын Громыхалов* [*КС: 154*],

Запивалов – *Крестьянин деревни Плеханова Михей Запивалов* [*Кун: 95*],

Заспалов – *Крестьянин деревни Баранчина Никишка Заспалов* [*КА: 214*],

Качалов – *Крестьянин деревни Кочалова на реке Юрмане Дорофейко Васильев сын Кочалов* [*К: 129*],

Колыбалов – *Житель города Кунгура Титко Колыбалов* [*РСЧ 1: 4*],

Куталов – *Житель города Кунгура Борис Куталов* [*КА: 205*],

Нюхалов – *Крестьянин деревни Новое Село на реке Бучелге Авдейко Андреев сын Нюхалов* [*Е: 103*],

Подчищалов – *Крестьянин деревни Осиновская Панфилко Григорьев сын Подчищалов* [*Б: 33 об.*],

Подшивалов – *Житель Соли Камской Федька Подшивалов* [*СПИИ, к. 5: 1327*],

Ширыкалов – *Чердынец Петрушка Ширыкалов* [*РСЧ 5: 102*].

Ю. С. Азарх [1984: 28] писала, что «рост наименований лиц на -ло в народно-разговорном языке старорусского периода и несоответствие грамматического рода подобных образований мужскому полу дериватов влечет сначала изменение рода и типа склонения у подобных образований, чему способствует безударность флексии...». Пермские памятники свидетельствуют о том, что в Прикамье такие имена XVII в. вышли из употребления.

2.2.3. Имена с суффиксами -ай / -яй, -ей

Материалы пермских памятников свидетельствовали не только о сокращении или исчезновении каких-либо древнерусских имен, но и о расширении сферы употребления некалендарных имен с различными суффиксами.

Значительное место среди некалендарных антропонимов в пермских памятниках занимали имена с исходом -ай: Буслай, Колупай, Коротай, Незнай, Нечай, Погадай, Полежай, Полетай, Ростегай, Чугай. Они фиксируются преимущественно в качестве

третьего члена сложного антропонима или второго члена в двухкомпонентном именовании человека: *Житель слободки на реке Сылве Фефилко Васильев сын Буслай* [*Е 1: 20 об.*], *Крестьянин сельца Камасино Ивашко Григорьев сын Колупай* [*К: 118*], *Крестьянин починка Коротаев, Слудка тож, на реке на Чусовой Родька Иванов сын Коротай* [*К: 117*], *Крестьянин Андрей провищем Незнай* [*ДАИ 2: 95*], *Житель Орла-городка Ивашко Яковлев сын Погадай* [*К: 170*], *Крестьянин деревни Усольцева Афонька Степанов сын Полежай* [*Е: 122*], *Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Васька Полетай* [*Я: 22*], *В Пыскорском монастыре Юрка Васильев сын Ростегай* [*Е 1: 2*],

Наряду с такими именами употреблялись и образованные от них дериваты с суффиксом -к(о), принятые в деловом языке, ср.: *В Ново-Никольской слободе Нечай Гиргорьев сын Калуженин* [*А: 135*] и *Чердынского починка Теплово на реке на Бондюге Нечайко Кошелев* [*Я: 26 об.*]; *Работник именитых людей Строгановых Иван Чугай* [*ДАИ 2: 94*] и *Крестьянин деревни Анбор на реке Каме Чугайко Семенов* [*Я: 34 об.*].

Некоторые из выявленных в пермских памятниках имен зафиксированы только в форме с суффиксом -к(о): *Крестьянин деревни Заболотье Осиновая на реке на Малой Усолке Анфиногенко прозвище Таскайко Игнатьев сын Рябово* [*К: 144*].

Часть имен на -ай (Воропай, Замарай, Запрягай, Лапай, Маракай, Нецветай, Пинай и др.) восстанавливается по фамилиям, отмеченным в пермских текстах: *Чердынец Якушко Воропаев* [*РСЧ 4: 72*], *Житель Соли Камской Федька Игнатьев сын Замараев* [*Ш 5_1: 108*], *Крестьянин деревни Баранчина Пронька Запрягаев* [*КА: 165*], *Крестьянин деревни Усть-Речки Сирьи Власко Денисов сын Лапаев* [*Е 1: 13*], *Крестьянин деревни Корноухова Федот Маракаев* [*Кун: 555 об.*], *Крестьянин деревни Мельничная Дуброва на реке Шенае Ивашко Зиновьев сын Нецветаев* [*Е: 124*], *Чердынец Сенка Пинаев* [*РСЧ 5: 138*].

В том случае, если основа фамилии оканчивалась на мягкий согласный звук, суффикс выступал в форме -яй, например, в именах Гуляй, Поняй: *Крестьянин деревни Ужгинская на реке Вильве Гуляй Трифанов* [*КЧ: 109 об.*], *Крестьянин погоста Янидор Федька Поняй* [*Я: 25*]. От имен на *-яй* тоже возникали дериваты с суффиксом -к(о) – Негодяйко, ср.: *В городке Чусовом на реке Чусовой бобыль Негодяйко Семенов* [*К: 113*].

Некоторые некалендарные имена на -яй, употреблявшиеся в Прикамье XVII в. (Непряй, Нетуняй, Пепеляй, Переляй, Потеряй, Теряй, Хохляй, Худяй), реконструированы по фамилиям в пермских памятниках: *Крестьянин починка Фоминский на реке Каме Филька Григорьев сын Непряев* [*Б: 227*], *Крестьянин деревни Романово Городище Федот Андреев сын Нетуняев* [*Стр 4: 734*], *Крестьянин деревни Нижней Шакшер Андрюшка Епифанов сын Пепеляев* [*КЧ: 93*], *Житель города Кунгура Тимофей Павлов сын Переляев* [*КА: 55*], *Житель города Кунгура Карпушка Потеряев* [*КА: 13*], *Крестьянин деревни Ипатова Василей Теряев* [*Пр 1: 143 об.*], *Житель Янидорского стана Сидорко Хохяевых* [*РСЧ 5: 55*], *Крестьянин деревни Лекмарт на реке Вильве Олешка Евдокимов сын Худяев* [*КЧ: 110*].

К именам на -яй в памятниках Прикамья отмечаются варианты на -ей, -ий. Так, наряду с именем Худяй есть фамилии от Худей (*Житель погоста Бондюг Максимко Худеев* [*РСЧ 3: 23*]) и Худий (*Житель деревни Лекмартово Спиридон Иванов сын Худиев* [*Ч 5: 4*]).

Материалы, использованные для сопоставления [СДЛСИ], свидетельствуют об употреблении в различных русских памятниках именований на -ай, -яй в XV–XVI вв. (Басалай, Будай, Габай, Дергай, Замарай, Беляй, Коняй), но особенно активными они становятся в XVII в. (Бакай, Ганжай, Зажигай, Заломай, Лягай, Полежай, Полетай).

Пермские некалендарные имена на -ай, -яй, как и антропонимы других русских памятников, в большинстве случаев имели глагольную основу: Замарай < *замарать*, Запрягай < *запрягать*, Незнай < *не знать*, Полетай < *полетать*, Таскай < *таскать*, Гуляй < *гулять*, Ковыляй < *ковылять*, Теряй < *терять*.

Антропонимы на -ай, -яй и дериваты от них демонстрируют особенности употребления некалендарных имен в деловом языке. Учитываемых в писцовых и переписных книгах крестьян, бобылей, «молодших людей» городов всегда записывали именами с уменьшительно-уничижительным суффиксом -к(о), и обязательно на первом месте сложного антропонима. Такие же некалендарные имена отцов переписываемых людей фиксировали постоянно без суффикса -к(о) на втором месте в двухкомпонентных сложных антропонимах и на третьем – в трехкомпонентных именованиях.

Одновременно с антропонимами на -ай, -яй в пермских памятниках отмечаются некалендарные имена от тех же основ, но с иными суффиксами, присоединенными к основе (без исхода -ай, -яй), а также образованные от последних фамилии, ср: Потеряй – Потеряха: *Крестьянин слободы Новое Усолье Ивашка Иванов сын Потеряха* [*Е 1: 50*], *Крестьянин слободы Новое Усолье на реке Каме Мишка Иванов сын Потеряхин* [*Б:80*]; Худяй – Худяк: *Крестьянин погоста Янидор Фомка Худяк* [*КЧ: 116*], *Крестьянин деревни Шайтанова Першка Ильин сын Худяков* [*КЧ: 65 об.*].

Пермские имена на -ай, -яй отражали общую картину употребления в русской ономастике XVI–XVII вв. достаточно большого числа таких имен, ср.: Бадай, Габай, Дергай, Заломай, Замарай, Коротай, Лягай, Полежай, Полетай, Буряй, Беляй, Коняй и др. [СДЛСИ].

Каковы причины появления и развития в русской антропонимии XV–XVII вв. большого числа имен на -ай / -яй, почти отсутствующих в древнерусских текстах, например в новгородских берестяных грамотах XI–XII вв.? По-видимому, причин несколько.

Во-первых, в качестве имен в русской ономастике широко употреблялись полные прилагательные и порядковые числительные на -ой, -ей, ср. в пермских памятниках: *Крестьянин деревни Очга Меньшая Якушко Белой* [*Я: 26*], *Крестьянин погоста Губдор на реке Каме Гришка Грязной* [*РСЧ 3: 21*], *Кунгурец Елфим Сивой* [*КЗСИ: 1017*], *Усолец Дементей Могучей* [*АПМ: 27 об.*], *Житель Городка на реке Чусовой и на реке Усолке Гришка Иванов сын Падучей* [*Е: 131*], *Чердынец Второй Иванов сын Иконников* [*СПИИ, к. 2: 705*], *Чердынец Десятой Сидоров сын Мичурин* [*СПИИ, к. 2: 705*].

Во-вторых, на Руси использовались некалендарные имена с исходом -ей (-ѣй) Жадей, Завалей, Куней, Надей, Поздей и др. [СДЛСИ]). Некоторые из них отмечаются довольно рано, в XI–XIII вв., в берестяных грамотах (Надей [здесь и далее Зализняк 1995: 397]), как и дериваты от них (Надейко [282]), а также русифицированные христианские имена (Матфей [325], Матей [341], Михей [428], Олисей [317], Терентей [416]). Часть адаптированных в русском языке календарных имен получила исход -ай (Ермолай, Николай).

В-третьих, нельзя не учитывать связь древних русских имен с тюркской антропонимией. Даже в «Словаре древнерусских лич-

ных собственных имен» Н. М. Тупикова помещены некоторые древнерусские имена тюркского происхождения (Алай, Мамай, Кощей и др.).

В анализируемых пермских памятниках именования на -ай также нередко отмечаются у представителей тюркских народов или у носителей тюркских имен – людей нетюркского происхождения (марийцев, удмуртов). Естественным является исход -ай у двухкомпонентных тюркских имен, в которых вторым компонентом является слово *бай* 'хозяин, богач' [ТРС: 48] (Артабай, Екшебай, Икбай, Темербай и др.): *Шаквинский татарин Артабай Апасев* [*КА: 70*], *Бабкинский татарин Екшебай Акбашев* [*Ш 2: 260*], *Бабкинский татарин Икбай Арисов* [там же], *Сылвенский татарин Темербай Левкасов* [*Ш 3: 289*].

Однако в текстах Прикамья XVII–XVIII вв. записано много тюркских имен на -ай и без компонента *бай* – Истекай, Кендыкай, Кимирай, Мичикай, Мурзанай, Сапай, Сасыкай: *Кунгурский татарин Истекай Инголдин* [*КА: 32*], *Деревни Красного Яра татарин Кендыкай Булатов* [*Ш* 5_2*: 226*], *Тулвинский башкир Кимирай Акилдин* [*Ш 2: 470*], *Кунгурский татарин Мичикай Токмометов* [*Ш* 5_2*: 224*], *Кунгурский черемисин Мурзанай Тенекаев* [*КА: 27*], *Деревни Клычевы татарин Сапай Жданов* [*КЗСИ:* 970], *Кунгурской деревни Красного Яра татарин Сасыкай Балбеков* [*Ш* 5_2*: 35*].

Называемых обрусевшими христианскими антропонимами (даваемыми при крещении или просто заимствованными из русского языка), например именем Иван (из Иоанн), тюркоязычных жителей Прикамья в деловой письменности XVII в. обычно записывали с именами на -айко – не Ивашка или Ивашко, или Иванка, или Иванко, а Иванайко (от Иванай): *Кунгурский татарин Иванайко Девлеткилдеев* [*КА: 30*], *Кунгурской деревни Кобеняковы черемисин Иванайко Килметев* [*КА: 22*]. Такие межъязыковые связи не могли не отразиться и на русской антропонимии.

В результате действия аналогии (употребление имен на -ей, -ий, -ой, -уй, т. е. с исходом *-й*) и межъязыковых связей (адаптацией календарных имен, распространением на Руси тюркских имен) в Прикамье XVII в. активизировались и антропонимы на -ай, -яй, как, впрочем, и все другие именования с исходом -й. Они функционировали в качестве основных, полных имен, от которых образовывали дериваты с суффиксами -к(а) и -к(о).

2.2.4. Имена с суффиксами -ец, -к(а), -к(о)

Особое место в антропонимии Прикамья занимают некалендарные имена с суффиксами -ец, -к(а), -к(о). Суффикс -ец восходит к древнему *-ьс, а -к(а) и -к(о) возникли как сложные суффиксы, появившиеся на базе древних *-ъk или *-ьk, осложненных суффиксами основ имен существительных *-а или *-о, которые при склонении изменялись. Такую изменяемую часть простого или сложного суффикса показываем в скобках, ср.: -к(а) или -к(о). В суффиксе *-ьс звук Ь в древнерусском языке в результате процесса падения редуцированных в зависимости от фонетических условий либо сохранился (Баженец) либо был утрачен (Баженца). В настоящее время -к(а) и -к(о) рассматриваются как один суффикс -к вместе с окончанием слова -а или -о. Но, изучая историю имен XVI–XVIII вв., мы будем говорить о них, как о двух разных формантах.

Слова нарицательные с -ец, -к(а) и -к(о) нередко имеют сему уменьшительности. При переходе в имена собственные в XVI–XVII вв. эти слова не только ее сохраняли, но и получали еще особую стилистическую окраску. Ими в деловых документах называли не только младших по возрасту, но и людей определенного (невысокого, «меньшего», «младшего») социального, а иногда и имущественного положения. Такую стилистическую особенность имена собственные (и некалендарные, и календарные) с суффиксами -ец, -к(а), -к(о) в пермской деловой письменности имели уже в XVI в.: в документах, обращаясь к лицу более высокого социального положения, адресант обычно называл себя именем с уменьшительно-уничижительным суффиксом -ец, -к(а) или -к(о) – Любимко, Любимец, Ивашка, Иванко. Однако степень уничижительности антропонимов с разными суффиксами была в русской письменности различной: имена с -к(а) и -к(о) обладали ею в большей степени, чем имена с -ец.

Свидетельством этому может быть одно из писем Ивана Грозного касимовскому царевичу Симеону Бекбулатовичу (татарскому хану Саину Булату), которого он вдруг объявил великим князем, и тот почти год считался московским правителем [Скрынников 1973: № 2]. Иван Грозный, именовавший себя ранее в документах Иваном Васильевичем, обращался к Симеону Бекбулатовичу как «Иванец Васильев со своими детишками с Иванцом да с Федор-

цом», хотя и сохранял всю власть в своих руках, а «маскарад» с новым государем был нужен ему для осуществления политических планов. Отметим в этом обращении, во-первых, отчество без «вича» (не Васильевич, а Васильев) и формы имен Ивана Грозного (Иванец) и его сыновей (Иванец и Федорец). Форма имени уничижительная (с суффиксом -ец), но не до такой степени уничижительности, с какой обычно фиксировались имена зависимых людей (Иванка, Ивашка). Эта разница хорошо ощущалась в XVI–XVII вв.

В пермских памятниках того времени имена с суффиксом -ец – Баженец (*Житель Соли Камской Баженец Трофимов* [*КСГ: 180 об.*]), Вшивец, Голубец, Зубец, Любимец, Хвостец, Худец и другие – фиксировали редко. Одновременно с ними использовались и имена на -к(а) или -к(о): *В городе Чердыни бобыль Баженко Дорофеев сын Сизимеров* [*КЧ: 51 об.*]. Многие антропонимы на -ец вообще не встречаются в документах Прикамья как некалендарные имена, но присутствуют в качестве основ в фамилиях: от Вшивец – *Крестьянин Ильинского острожка Миней Вшивцов* [*Кун: 306 об.*], от Зубец – *Житель Соли Камской Иван Зубцов* [*КМ: 72*], от Худец – *Чердынец Тихонко Худецов* [*РСЧ 5: 112*].

Преобладали среди уменьшительно-уничижительных антропонимов в пермских памятниках XVI–XVII вв. дериваты от некалендарных имен на -к(а) или -к(о), ср.:

с суффиксом -к(а) – Вторушка, Грязнушка, Дружинка, Дунайка, Задорка, Кунька, Лунька, Малютка, Молчанка, Нечка, Первышка, Путянка, Петунька, Пятушка, Совка, Субботка, Суетка, Тренька: *Чердынского погоста Вильгорта на реке Колве крестьянин Молчанка Южанин* [*КЧ: 76*], *Осинской Никольской слободы на речке Тулве крестьянин Нечка Архипов* [*К: 125*], *Деревни Кривой Наволоки на реке на Обве Суб(б)отка Худяков* [*Я: 42*];

с суффиксом -к(о) – Барсучко, Бархатко, Бессонко, Брюшко, Булгачко, Гилько, Глазко, Десятко, Жданко, Завьялко, Кричко, Лунежко, Пьянко, Рычко и т. д.: *Чердынской деревни Кушпелевы крестьянин Барсучко Иванов* [*Я: 17*], *Деревни Обориной на реке Каме крестьянин Феоктистко прозвище Бархатко Тимофеев сын Оборин* [*К: 153*], *Погоста Редикора на реке на Вишере крестьянин Булгачко Анисимов* [*Я: 36*].

Нередко от одного полного некалендарного имени в Прикамье фиксировали имена и с суффиксом -к(а), и с -к(о), ср.:

Девятка и Девятко: *Чердынского погоста Цыдвы на реке Цыдве крестьянин Девятка Лукиянов сын* [*ЕЧ: 75 об.*] и *Чердынского погоста Кольчуга крестьянин Девятко Григорьев* [*Я: 27 об.*];

Жданка и Жданко: *В Очерском острожке крестьянин Жданка Авдеев сын Ширшин* [*КС: 153 об.*] и *В городке Чусовом на реке Чусовой посатский молотчий человек Жданко Степанов сын Ерыкалов* [*К: 113*];

Замятенка и Замятенко: *Чердынской деревни Сеполя на реке Сеполе крестьянин Замятенка Тимофеев сын Козлов* [*КЧ: 133 об.*] и *В Никольской слободе на реке Осе бобыль Замятенко Андреев* [*З: 141*].

Различие в фиксации имен на -к(а) и на -к(о) зависело от знания составителем текста норм центральной письменности, где в употреблении суффикса -к(а) отражалось аканье (неразличение безударных гласных) и проявлялось стремление следовать узуальной норме. Оно зависело также от собственного произношения составителя документа и от произношения того, кто называл имя при написании документа (челобитчик, истец, ответчик, свидетель, владелец, староста, перечислявший для переписчика именования жителей своей деревни, и т. д.).

В именах -к(а) и -к(о) присоединялись или к полному некалендарному имени, не имевшему каких-либо антропонимических суффиксов, или к дериватам с другими суффиксами. Примерами антропонимов с чистой именной основой могут быть имена Бархатко < Бархат, Бессонко < Бессон, Злобка < Злоба, Истомка < Истома, Кунька < Кунь, Малко < Мал, Морозко < Мороз, Неклюдко < Неклюд. Однако значительная часть имен с -к(а) и -к(о) возникала на основе дериватов, уже имевших какие-либо антропонимические суффиксы, т. е. появившиеся не в слове нарицательном, а уже в образованном от него имени. Ниже выделим их в именах:

-ай / -яй – Таск**ай**ко, Шир**яй**ко: *Крестьянин деревни Заболотье Осиновая на реке Малой Усолке Анфиногенко прозвище Таскайко Игнатьев сын Рябово* [*К: 144*], *Крестьянин деревни Кулаково на реке Усолке Ширяйко Иванов* [*Я: 7*];

-ак / як – Шест**ач**ко, Худ**яч**ко: *Житель Яйвенского острожка Шестачко Андреев сын Щупов* [*К: 157*], *Крестьянин погоста Обва Худячко Ильин* [*Я: 41 об.*];

-ан / -ян – Гриб**ан**ко, Пут**ян**ко: *Погоста Губдора на реке Каме и озере Губдорском Грибанко Денисов сын Лобовиков* [*КЧ: 96 об.*],

Деревни Глебовы крестьянина Остафейка Семенова сына Седова, сын Путянко [*КЧ: 70*];

-аш(а) – Грибашко: *Чердынской деревни Шайтановы двор пуст Грибашка Матвеева сына* [*ЕЧ: 50 об.*];

-ей – Поздейко: *Деревни Сумыча на реке Сумыч крестьянин Поздейко Гилев* [*Я: 28*];

-ен – Баженко, Замятенко: *В Очерском острожке Баженко Иванов сын Суханов* [*К: 177*], *В городе Чердыни место дворовое пустое Замятенка Гуляева* [*ЕЧ: 21 об.*];

-ик – Меньшичко: *Чердынского починка Коурова крестьянин Меньшичко Коуров* [*Я: 71 об*];

-ил(о) – Путилко, Шумилко: *В Чусовском Верхнем городке бобыль Калинка Абрамов с пасынком Путилком Михайловым сыном Бутиным* [*К: 140*], *Деревни на реке Чусовой крестьянин Шумилко Михайлов* [*К: 162*];

-иш(а) – Любишка: *Кунгурской деревни Степанова Городища татарин Любишка Кинзыбаев* [*КА: 25*];

-н(я) – Тренька: *Чердынской деревни Санниковы крестьянин Тренька Агафонов сын Тылбаев* [*КЧ: 67*];

-от(а) – Брякотка: *В Очерском острожке Ивашка Брякотка* [*К: 177*];

-ун – Сосунко: *Чердынской дерени Лимежа крестьянин Сосунко Алексеев* [*Я: 33 об.*];

-ун(я) – Пятунька: *Сельца Никольского на речке Муловке Пятунька Тимофеев сын Костарев* [*К: 120*];

-уш(а) – Грязнушка: *Починка Распопова на реке Сылве усть речки Сыры крестьянин Баженко Трофимов сын Распопа с сыном Грязнушкою* [*К: 132*];

-ш(а) – Першка: *Чердынской деревни Шайтановы крестьянин Першка Ильин сын Худяков* [*КЧ: 65 об.*];

-ын(я) – Добрынька: *Крестьянин деревни на реке Кутамыше Евсютка прозвищем Добрынька Козмин сын Рудаков* [*Б: 95 об.*];

-ыш(а) – Первышка: *Крестьянин деревни верх речки Шаквы Никитка сын прозвище Первышка* [*Е 1: 32*].

В результате присоединения -к(а) или -к(о) к другим, предшествовавшим им именным суффиксам, появлялись сложные форманты: -айк(о), -ачк(о), -ашк(о), -енк(о), -ушк(о) и т. д. База таких сложных антропонимических суффиксов возникла и реализовалась задолго до описываемого времени, так как еще в име-

нах древнерусского языка функционировали уменьшительные суффиксы -к(а) и -к(о) (правда, первоначально не дававшие такой яркой социальной характеристики, как в XVII в.). Об этом свидетельствуют памятники, например, берестяные грамоты, в которых в XII в. зафиксированы некалендарные имена Домачко [здесь и далее Зализняк 1995: 324], Дрочко [330], Кулотка [301], Лазовко [301], Надейко [22], Полчко [318], Радко [287], Хотко [287] и другие.

В систему русского словообразования попадали и заимствованные антропонимы. Выше уже говорилось об употреблении имен, отмеченных в текстах Прикамья при назывании лиц нерусских народностей: пермяков (коми-пермяков), зырян (коми-зырян), черемисов (марийцев), мордвы, татар, башкир, мещеряков, чувашей, вогулов (манси), остяков (ханты). В русских деловых текстах их имена обычно получали русские суффиксы, преимущественно -к(а) или -к(о).

Попавшие в деловые памятники коми-пермяцкие антропонимы представляли собой некалендарные имена, либо полностью совпадавшие со словами нарицательными (Чизь < *чизь*, Учет < *учöт*), либо получившие в коми-пермяцкий суффикс -ег / -ог (Волег, Гачег, Жебег, Иртег, Лунег, Мошег, Ужег, Нилог и др.) [Кривощекова-Гантман 1976: 92]. Возможно, в далеком прошлом этот суффикс был показателем родового именования.

В пермских памятниках XVI–XVII вв. одновременно с антропонимами на -ег/ -ог употреблялись имена с теми же корнями, но без этого суффикса (ср.: Гач, Жеб, Лунь, Мош). Об антропонимах на -ег / -ог свидетельствуют как сами имена, зафиксированные в памятниках (*Крестьянин деревни Чайпуж Сенька прозвище Волег Петров сын* [*К: 142 об*]), так и образованные от них фамилии, ср.: от Волег – *Чердынец Афонька Волегов* [*РСЧ 5: 58*], от Гачег – *Крестьянин погоста Янидор Корнилко Гачегов* [*РСЧ 3: 21* об.], от Жебег – *Крестьянин деревни Верх-Уролка Ивашко Жебегов* [*Я: 41 об.*], от Идег – *Погоста Обва на реке Обве крестьянин Никулка Идегов* [*Я: 41 об.*].

В документах в соответствии с нормой делового языка коми-пермяцкие по происхождению имена записаны с уменьшительно-уничижительными русскими суффиксами -к(а) или -к(о) независимо от того, есть ли в них в коми-пермяцком языке суффикс -ег / -ог или его нет: Лунька (от Лунь) – *В деревне Ашюш-*

каре, что был починок Мартынов, Кылосово тож, что было Анюшкарское городище на реке Иньве, крестьянин Лунька прозвище Новик Семенов сын Рычков [*К: 152*], Лунежко (от Лунег): *Чердынской деревни Нестеровы вверх Косы речки крестьянин Лунешко Нестеров* [*Я: 39*].

Такую же словообразовательную адаптацию к русскому языку в деловых памятниках переживают и имена жителей Прикамья других национальностей: Бекбайка (из Бекбай) – *Бабкинский татарин Бекбайко Янычев* [*Ш 3: 998*], Кусекайка (из Кусекай) – *Деревни Малого Ашапа татарин Кусекайка Маметев* [*КА: 25*], Табанайка (из Табанай) – *Деревни Карьевы татарин Табанайка Холопов* [*КА: 27*], Кутючко (из Кутюк) – *Верхшаквинский татарин деревни Исеняевы Кутючко Семенов* [*КА: 39*].

Однако в части пермских документов тюркские и другие нерусские имена жителей, национальность которых отмечалась в текстах, записывали без суффикса -к(а) или -к(о): *Деревни Косел'таевы татарин Бекбай Косел'таев* [*КЗСИ: 159*], *Деревни Юкпердины татарин Табанай Юкпердин* [*КА: 32*]. Какой-либо закономерности употребления таких имен с русским суффиксом или без него пока обнаружить не удалось. Более того, одного и того же человека могли записать по-разному: *Бабкинский татарин Сатламыш Сеплюков* [*Ш 2: 260*] и *Бабкинский татарин Сатламышко Сеплюков* [*Ш 2: 337*]. Но не исключено, что без суффикса -к(а) или -к(о) записывали именования лиц высокого социального или имущественного положения.

2.2.5. Роль суффиксов в образовании некалендарных имен

Известно, что древнерусская словообразовательная база сыграла главную роль в формировании большого количества новых имен – дериватов, возникших с русскими суффиксами из заимствованных календарных антропонимов. В разное время возникали дериваты и от некалендарных имен. Пермские памятники позволили восстановить антропонимические суффиксы мужских некалендарных имен, в основном реконструированных по данным фамилий Пермского края XVII–XVIII вв.[23]:

---

[23] Обратный список суффиксов некалендарных имен см. в приложении № 1 «Суффиксы дериватов от некалендарных и календарных мужских имен».

-(а) – Бажа, Задуба
-ав(а) – Золотава
-ай – Нечай, Колупай
-айк(о) – Нечайко, Чугайко
-ак – Бардак, Плешак,Ушак
-ал(о) – Гурбало, Ерыкало
-ан – Белан, Грибан
-анк(а) – Молчанка
-анк(о) – Грибанко
-ачк(а) – Рудачка
-ачк(о) – Шестачко
-аш – Лобаш, Тумаш
-аш(а) – Грибаша
-ашк(а) – Грибашка
-ашк(о) – Грибашко
-г(а) – Мальга, Лебезга
-ег – Жебег, Котег, Чернег
-ей – Надей, Поздей
-ейк(о) – Поздейко
-ек – Киселек, Олешек
-ен – Бажен
-енк(а) – Замятенка
-енк(о) – Баженко, Замятенко
-енок – Бабенок, Гостенок
-ень – Сухень, Лежень, Пешень
-ен(я) – Беленя, Кутеня
-ет(а) – Малета
-ец – Баженец, Малец
-ий – Коптий, Худий
-ик – Меньшик, Осетрик
-илк(о) – Колотилко
-ил(о) – Братило, Жубрило
-ин(а) – Дружина, Боярщина
-инк(а) – Дружинка
-ин(я) – Долгиня, Сухиня
-их(а) – Клочиха, Шумиха
-ичк(о) – Меньшичко, Новичко
-иш – Пегиш
-иш(а) – Судиша
-ишк(а) – Любишка, Найдишка

-ищ(е) – Возмище, Грешище
-к(а) – Злобка, Нечка
-к(о) – Белко, Крячко
-л(о) – Зубло
-л(я) – Пискля
-ньк(а) – Тренька
-н(я) – Дудня, Замятня
-ок –Зубок, Рябок
-онок – Дербышонок
-он(я) – Бритоня
-от(а) – Верхота, Сухота
-отк(а) – Брякотка
-ох(а) – Пустоха, Чистоха
-очк(а) – Высочка
-ош(а) – Бобоша, Барабоша
-т(а) – Немта
-уг(а) – Котуга
-уй – Балуй, Потоскуй
-ук– Бажук, Шошук
-ул(я) – Бакуля, Сокуля
-ун – Брязгун, Дрягун
-уньк(а) – Петунька
-ун(я) – Петуня
-ур(а) – Бачура, Мичура
-ут(а) – Бажута, Хлебута
-утк(а) – Меньшутка
-ух(а) – Борзуха, Корзуха
-уш – Пятуш, Могуш
-уш(а) – Вторуша, Первуша
-ушк(а) – Вторушка, Грязнушка
-х(а) – Незнаха, Ждаха
-ч(а) – Мельча
-чик – Голубчик, Жданчик
-ш(а) – Каньша, Мельша
-шк(а) – Першка
-шк(о) – Коньшко
-ыг(а) – Бусыга, Малыга
-ык(а) – Бобыка, Борыка
-ыньк(а) – Добрынька
-ын(я) – Добрыня, Первыня

-ырь– Глазырь, Голдырь, Носырь,
-ыр(я) – Глазыря
-ых(а) – Жемыха
-ыш – Дербыш, Малыш
-ыш(а) – Первыша
-ышк(а) – Первышка
-юк – Бельтюк, Тетюк
-юк(а) – Бердюка
-юн – Горюн
-юн(я) – Сесюня, Чистюня
-ют(а) – Болюта, Малюта
-ютк(а) – Малютка
-юх(а) – Гостюха, Тренюха
-юш(а) – Коклюша, Лелюша
-юшк(о) – Балеюшко
-(я) – Гридя, Колтыря
-яв(а) – Белява, Хохлява
-яг(а) –Синяга, Смирняга
-яй – Беляй, Лягай
-яйк(а) – Беляйка
-яйк(о) – Беляйко, Гуляйко
-як – Вешняк, Поздяк
-як(а) – Коряка
-ял(о) – Надуяло
-янк(а) – Белянка, Путянка
-янк(о) – Мышлянко, Путянко
-ят – Телят
-ят(а) – Хлепята
-ях(а) – Непряха
-ячк(о) – Вешнячко, Худячко
-яш – Голяш, Гуляш
-яш(а) – Девяша
-яшк(а) – Бодяшка, Воняшка
-яшк(о) – Голяшко

Перечень суффиксов в дериватах от полных некалендарных имен пермских памятников оказывается весьма значительным. Он может быть еще увеличен за счет имен, восстановленных по дериватам с другими суффиксами. Иногда в текстах встречаются как имена с -к(а), -к(о), так и давшие их имена без них, например: Гри-

башка, Грибашко и вместе с тем Грибаша. В других случаях есть только дериваты с суффиксами (Малютка, Морозко, Неустройко, Новичко Поздейка, Поздейко и др.), которые позволяют восстановить их основы, существовавшие в речи, но не попавшие в исследуемые документы (Малюта, Мороз, Неустрой, Новик, Поздей).

Высокая продуктивность суффиксов в русском языке привела к образованию большого количества некалендарных имен, значительная часть которых представлена в исследуемых текстах XVI–XVII вв. или послужила основой образования пермских фамилий XVII–XVIII вв. Разнообразие суффиксов дериватов привело к возникновению значительного количества гнезд некалендарных имен, выросших из одной основы (см. приложение № 2 «Гнезда однокоренных некалендарных имен»).

В пермских текстах есть небольшие гнезда, состоящие всего из двух членов – некалендарного имени без антропонимических суффиксов и образованного от него деривата с -к(а) или -к(о): Барсук, Барсучко; Бес, Беско; Бессон, Бессонко; Брага, Бражка; Брюхо, Брюшко; Гай, Гайко; Грязной, Грязнушка; Десятой, Десятко; Истома, Истомка; Кайдал, Кайдалко; Китай, Китайко; Кобель, Кобелка; Кобыла, Кобылка; Куделя, Куделька; Кунь, Кунька; Лунь, Лунька; Лягай, Лягайко; Марас, Мараско; Медведь, Медведко; Неустрой, Неустройко; Нехороший, Нехорошко; Новик, Новичко; Пареной, Паренка; Поспел, Поспелко; Русин, Русинко; Рык, Рычко; Сокол, Соколко; Соловей, Соловейко; Сосун, Сосунко и т. д.

Есть трех- и четырехчленные гнезда, в именах которых присутствуют и другие продуктивные в XVI–XVII вв. суффиксы: Брат, Братило, Браток, Братчик; Высокой, Высота, Высочка; Глаз, Глазун, Глазырь, Глазыря; Горбатый, Горбун, Горбуша, Горбыш; Губа, Губан, Губарь; Злоба, Злобка, Злобня; Колот, Колотило, Колотыга; Копыл, Копылец, Копылко; Кривой, Кривак, Кривец, Кривко; Кутя, Кутень, Кутеня, Кутюха; Лобан, Лобанко, Лобаш, Лобыш; Неклюд, Неклюдка, Неклюдко; Непря, Непряй, Непряха; Нос, Носко, Носырь; Ныр, Нырай, Нырей; Пеган, Пегашка, Пегиш, Пегуша; Поздей, Поздейко, Поздя, Поздяк; Путило, Путилко, Путя, Путянко; Сивый, Сивка, Сивко, Сивуха; Смерть, Смертко; Смирной, Смирняга, Смирута и другие.

При исследовании состава некалендарного именника уже были приведены примеры многочленных гнезд однокоренных имен (от Бажа, Гость, Добрыня, Любим, Малой, Первый, Шумило). В пермских памятниках отмечаются имена и других подобных

гнезд: Баба, Бабенок, Бабик, Бабка, Бабко, Бабник, Бабушка, Бабец; Белой, Белава, Белан, Беленя, Белка, Белыш, Бель, Белько, Беля, Белява, Беляй, Беляйка, Беляйко, Белянка, Биля; Боба, Бобоша, Бобыка, Бобыня, Бобыш, Бобяк; Гриб, Грибан, Грибанко, Грибаша, Грибашко, Грибок, Грибуша; Ждан, Жданка, Жданко, Жданчик, Ждаха; Кила, Киленя, Килка, Килко, Килуня, Кильник; Тур, Турило, Турица, Турка, Турыш, Турей.

Возникали гнезда некалендарных имен, связанных с характеристикой внешности, способностей и других качеств людей: Горбатый, Горбун, Горбуша, Горбыш; Голый, Голыш, Голь, Голик, Гольный, Голяк, Голяш, Голяшко; Долгой, Долган, Долгиня, Долгище, Долгуша; Меньшей, Меньшеня, Меньшик, Меньшичко, Меньшутка; Сухой, Сухан, Сухарь, Сухень, Сухиня, Сухота.

В гнездах имена оказывались тесно связанными с апеллятивами, с индивидуальными прозвищами: Голубь, Голуба, Голубок, Голубец, Голубчик; Золотава, Золотко, Золотник, Золотуха; Петух, Петуха, Петушко, Петыш; Старик, Старко, Старец, Старыга. С одной стороны, связь с апеллятивами вызывает трудности в определении вида того или иного именования (некалендарное имя или индивидуальное прозвище), но, с другой стороны, свидетельствует об активно идущем сближении этих видов антропонимов, переходе их в область прозвищ и сокращении некалендарных имен в XVII в.

Некалендарные как первые и единственные имена в сложных антропонимах употреблялись преимущественно в XVI в. В текстах первой четверти и середины XVII в. они нередко стоят после календарных и сопровождаются термином *прозвище*, свидетельствующем об их бытовом употреблении. К тому же они иногда фиксируются без изменений как имена отцов. В середине – второй половине XVII в. некалендарные имена отцов (патронимы) приобретают суффикс притяжательного прилагательного (-ов, или -ев, или -ин), как и календарные имена патронимов. В это время они постепенно утверждаются как семейные именования, т. е. фамилии. В XVIII в. некалендарные имена в переписные тексты уже не вводились, лишь иногда в судебных документах (в показаниях истцов, ответчиков, свидетелей) встречаются в результате отражения живой речи жителей Прикамья. Они становятся основой бóльшей части продолжающих свое существование формирующихся в XVII в. или уже оформившихся фамилий.

РАЗДЕЛ 3. КАЛЕНДАРНЫЕ ИМЕНА

3.1. Канонические и календарные имена

На протяжении всего исследуемого периода в пермских памятниках активно употреблялись календарные имена, причем в отличие от некалендарных они представлены не только мужскими, но и женскими антропонимами.

Календарные имена составляли в изучаемых текстах бóльшую часть всего именника. Так, по подсчетам, проведенным по материалам двух писцовых (1579 г. и 1623–1624 гг.) и переписной (1647 г.) книг, календарные имена составляли 80% всего именника [Полякова 1984: 49]. К середине XVI в., т. е. к моменту появления ранних дошедших до нас письменных текстов Пермского края, все календарные имена (они были заимствованными) уже прошли долгий путь в древнерусском и старорусском языке, изменились в соответствии с русской фонетикой, приспособились к русской системе словообразования и попали в Прикамье в том виде, в каком они и были здесь зафиксированы в документах.

В Древнюю Русь календарные имена пришли вместе с христианством. Так, еще в 955 г., т. е. задолго до 988 г. – официально принятой даты крещения Руси, – княгиня Ольга (вдова убитого древлянами князя Игоря и бабушка князя Владимира, крестившего Русь) приняла православие и вместе с ним древнегреческое имя Елена ('светлая, сверкающая'). Оно было близким по семантике ее имени Ольга, скандинавского по происхождению (из Хельга). Оба имени (Ольга и Елена) закрепились в русском именнике и отмечаются в исследуемых пермских памятниках: *Чусовского Верхнего городка крестьянина Василья Иванова сына Мокиева дочь Елена* [*Стр 1: 24 об.*], *В городе Осе священника Петра Семенова сына Сочельникова дочь Ольга* [*ЦС: 187*]. От имени Елена в пермских памятниках зафиксированы фонетические варианты Олена и Алена, все они дали словообразовательные дериваты, что свидетельствует о распространенности имени: *В Чердыни... вдова Еленка Тренинская жена Парашина* [*ЕЧ: 10 об.*], *В городе Кунгуре... Лучка Клементьев у него сестра девка Оленка* [*КА: 159*], *В Чердыни...вдова Аленка Прокофьева дочь Меркурьевская жена Пономарева* [*БЧ: 50*].

Все календарные имена были заимствованными, но небольшая часть представляла собой кальки от христианских имен, например, Богдан, Боголеп, Воин (Воинко) из именования мученика Иоанна Воина [Талалай: 54], Вера, Надежда, Любовь: *Погоста Вильгорта... крестьянин Богдан Омельянов* [*Уд: 23б*], *Казначей Соли Камской Вознесенского монатыря Боголеп* [*ГКЭ 17: 11275*], *В деревне Лекмортове двор пуст Воинка Лаврентьева сына* [*ЕЧ: 128*], *Деревни Макушины крестьянина Алексея Степанова сына Турбина дочь Вера* [*Стр 1: 50*], *Села Благовещенского, Никулино тож, крестьянина Устина Никитина сына Черемхина дочь Надежда* [*Ч: 148*], *Кунгурской деревни Сергины крестьянина Ермила Иванова сына Фефилова дочь Любовь* [*Кун: 29б*].

В древнерусский язык календарные имена пришли из церковных текстов на старославянском языке, в последние попали из византийских конфессиональных книг имена разного происхождения. Основным источником древнерусского календарного именника оказались имена древнегреческие (Авксентий, Александр, Георгий, Евдоким; Василиса, Еликонида, Ирина, Феодора), латинские (Константин, Лаврентий, Павел, Руфин; Домника, Иустина, Наталия, Павла) и древнееврейские по происхождению (Аввакум, Давид, Иоасаф, Самуил; Елисавет, Мариамна, Мария, Соломия). Кроме них, в святцах отмечались имена из различных древних восточных языков (Вавила, Варлаам, Варфоломей, Егип; Дария, Мамелфа, Марфа). Нередко имя проходило долгий путь через несколько языков, прежде чем попало на Русь, ср.: древнееврейское Иоханаан > греческое Иоаннис > старославянское Иоаннъ > древнерусское Иоаннъ > русское Иван. Следы вхождения этого имени в древнерусский язык можно увидеть в новгородских берестяных грамотах: Иеванъ, Иоанъ, Иванисъ [Зализняк 1995: 695, 696]. В древнерусском и старорусском языке параллельно существовали имена Иоанн (каноническое) и Иван (календарное народное). Присутствуют они и в пермских памятниках.

В документах Прикамья были зафиксированы имена, впоследствии или совсем вышедшие из широкого употребления, или присваиваемые крайне редко и в особых условиях (как монашеские или в среде старообрядцев), например, имена мужские Аргус, Ефига, Протерий, Руф, Фауст, Эпафродит (от некоторых из них были образованы фамилии) и женские Еликонида, Ксанфиппа, Миропия, Митродора, Фавста и другие, ср: *Деревни Доеговской крестьянина*

Якова Козмина сына Мальцова сын Аргус [*Ч 3: 182 об.*], *Кунгурской деревни Верх-Лека крестьянин Степан Мосеев сын Ефигин* [*Кун: 246 об.*], *Добрянского завода Рождественской Богородицкой церкви диакона Михайла Петрова Миронова сын Эпафродит* [*ЦС: 17 об.*], *Села Веретии крестьянин Ермолай Михеев сын Фаустов* [*Стр 3: 499 об.*], *Села Веретии Троицкой церкви священника Петра Алексеева Попова дочь Фавста* [*ЦС: 69*]; *В Осе... протоирея Алексея Сергиева сына Арбузова дочь Миропия* [*ЦС: 187*], *Добрянского завода Рождественской Богородицкой церкви священника Георгия Дмитриева Попова дочь Ксанфиппа* [*ЦС: 17*], *В городе Перми Федора Афонасьева сына Хлепятина дочь Трифена* [*Пр 2: 51 об.*].

В ряде случаев заимствованное каноническое имя оказывалось настолько трудным для безошибочного написания, что в результате фиксировалось не оно, а его варианты. Так, в исследованных памятниках не обнаружено записи канонического женского имени Синклитикия 'сановница' [Талалай: 150] из греч. *synklētikos* 'член государственного совета' [СРЛИ 1: 201]. Но отмечается ряд его вариантов – Сихиликития, Сихилитикия, Секилина, Секлетина: *Села Зукайского Георгиевской церкви дьячка Владимира Николаева сына Курочкина дочь Сихиликития* [*ЦС: 101 об.*], *Чердынского села Ростесского крестьянина Ефима Григорьева сына Самотоева дочь Сихилитикия* [*Ч 1: 100 об.*], *В Лобановском приказе дворового Петра Яковлева сына Кашина дочь Секилина* [*Стр 1: 8 об.*], *Деревни Ляшковы крестьянина Ивана Васильева сына Копанцова дочь Секлетина* [*Ч 2: 51*].

Точно так же не зафиксирован канонический мужской антропоним Полиевкт из греч. личного имени *Polyeuktos* 'долгожданный, желанный' [СРЛИ 1: 180], но отмечаются его варианты (Полиект, Полиетк, Полиехт, Полуект, Полуехт), дериваты (Полуехтка, Полуехтко) и фамилии от них: *Кунгурской деревни Тюриковы крестьянин Полиект Еремиев* [*КЗСИ: 536*], *Деревни Загарской крестьянин Федор Полиетков сын Давыдов* [*Ч 2: 25*], *Села Майкорского крестьянин Гаврило Полиехтов сын Давыдов* [*Стр 4: 590*], *Соли Камской жилец Михайло Полуектов сын* [*КСГ: 9 об.*], *В селе Верх-Боровой крестьянин Полуехт Сурков* [*РСЧ 3: 19*], *В сельце Никольском на реке на Каме и на речке Муловке двор Полуехтка Савельева* [*К: 121*].

Некалендарные имена представлены в пермских текстах двумя видами (полными именами и дериватами от них), календарные –

тремя видами: каноническими именами, полными календарными (неканоническими, народными) и дериватами.

Каноническим в данном исследовании называем имя, даваемое человеку при крещении или пострижении в монахи и соответствующее церковному православному календарю, в котором отмечены дни рождения, кончины, подвигов или особых деяний святых. Оно по форме наиболее близко к заимствованию, от которого возникло, и присутствует в православных святцах. Обычно оно соответствует нормам церковно-книжного языка или приближено к ним, ср.: Авксентий, Авраам, Варлаам, Георгий, Евтихий, Иануарий, Иерофей, Агафия, Евстолия, Иулиания, Феврониа, Феодора.

Понятие *календарное имя* оказывается более широким: в состав календарных имен входят все канонические имена и все их фонетические варианты и словообразовательные дериваты. От полных календарных имен в живой речи и в деловом языке с помощью суффиксов образовывали дериваты, которые в различных антропонимических исследованиях имеют разные названия (вторичные, неполные, уменьшительные, уничижительные, ласкательные имена, деминутивы, модификаты, дериваты и другие). Мы используем в данной работе термин *дериват*.

Календарные имена, даваемые при крещении, в исследуемых текстах зафиксированы преимущественно не в церковной, канонической форме, а в устоявшейся в живой речи и утвердившейся в деловом языке народной форме. Однако канонические имена в светских деловых документах все-таки отмечаются, причем не только тогда, когда речь идет о служителях церкви или членах их семей, как например: *В городке Чусовом на реке Чусовой двор <u>попа</u> <u>Евфимия</u> Иванова* [*К: 112*], *Села Сабарки при Сретенской церкви <u>священника</u> Гаврила <u>Иоаннова</u> сына дочь <u>Евстолия</u>* [*ЦС: 26*]. *В городе Кунгуре <u>протопоп</u> <u>Иоанн</u> Антониев* [*КЗСИ: 121*], *Чердынского села Губдора <u>пономарь</u> <u>Иерофей</u> Александров сын Собянин* [*ЦС: 170 об.*], *<u>Келарь</u> Соли Камской Вознесенского монастыря <u>Иосиф</u>* [*ГКЭ 17: 11275*], *Соликамского села Половодова <u>поп</u> <u>Иоаким</u> <u>Стефанов</u> сын Чечулин* [*КМ: 60*]), *Села Кишерти <u>священника</u> <u>Иоанна</u> Андрея сына Костарева жена <u>Евфимия</u> Филипова дочь* [*ЦС: 88*], *Села Кыласова <u>пономаря</u> Матфея Никифорова сына Липина жена <u>Феврониа</u> Сидорова дочь* [*ЦС: 30 об.*], *Села Ленвы Троицкой церкви <u>пономаря</u> Ильи Иванова Попова дочь*

Феодора [*ЦС: 70*], *Села Юксиева диакона Михаила Петрова Денисова жена Иулиания Автономова* [*ЦС: 182*].

Канонические имена крестьян и посадских людей встречаются в нецерковных деловых текстах различных жанров, ими называли людей разного социального положения: *Деревни Ожбаевы крестьянина Михайла Ильина сына Останина сын Варлаам* [*Кун: 504*], *Жителя города Соликамска Ильи Петрова сына Богомолова сын Иануарий* [*ГС: 67 об.*], *В городе Чердыни посадский человек Иоаким Григорьев сын Калашников* [*ЧА: 139*], *Кунгурского села Сретенского крестьянин Евтихий Козлов* [*КЗСИ: 814*], *Кунгурской деревни Плехановы крестьянин Стефан Стефанов* [*КСАУ: 114*], *В Соли Камской девица Феодора Павлова дочь Суровцевых* [*КМ: 6*], *Деревни Сухого Лога крестьянина Спиридона сына Селкова дочь Стефанида* [*Ч 2: 35*]. Их употребление зависело от выучки и наклонностей составителя документа. Однако следует отметить, что канонические формы имен в деловых текстах употреблялись непоследовательно, в сложном антропониме одно из входящих в него имен могли записать в канонической форме, а другое – в народной, ср.:

Авраам, но Михайло – *Осинского села Опачевских дьячка Михайла Тимофеева сына Сукова сын Авраам* [*ЦС: 208 об.*],

Феодот, но Федосья – *Села Кушмангорта умершаго попа Феодота жена вдова Федосья Тимофеева дочь* [*ЦС: 162*];

Феодот, но Иван и фамилия Федотов – *Села Кривца дьячка Ивана Федотова сына Пономарева сын Феодот* [*ЦС: 133*],

Алексий, но Иван – *Села Касиба пономаря Ивана Федорова Мышкина сын Алексий* [*ЦС: 180*].

Такие записи одновременно канонических и народных календарных полных имен присутствуют даже в тексте «О церковнослужителях Пермской, Обвинской и других округ», 1782 г. [*ЦС*]; в деловых текстах, не связанных с церковью, их гораздо больше.

Как показывают пермские памятники, у одних календарных имен канонические и календарные народные формы совпадали (Петр, Павел), но у других – различались. В этом случае в Прикамье XVII–XVIII вв. фамилии возникали, как правило, от календарного имени в народной форме (Иванов, Федотов, а не Иоаннов, Феодотов).

Адаптация заимствованных имен в русском языке, изменения в фонетике и реализация возможностей словообразования привели

к возникновению большого числа вариантов заимствованных православных имен и к возникновению от них вторичных имен – дериватов с русскими суффиксами. С одной стороны, в именнике сохраняются канонические имена, с другой стороны, к ним добавляется множество новых вариантов, практически – новых полных имен. Так, только по трем пермским переписным текстам второй половины XVI в. – первой половины XVII в. к 217 каноническим мужским именам было выявлено и реконструировано 373 варианта полных имен и 522 деривата, к 40 женским – соответственно 53 и 68. В результате в Прикамье реализуется обширный именник, который в историческом аспекте еще мало изучен. То же происходило и в других регионах России, так что у ономатологов, исследующих антропонимию в разных аспектах, существует обширное поле деятельности.

3.2. Фонетическая адаптация календарных имен

Пермские памятники содержат многочисленные варианты календарных имен жителей края, появившиеся в результате фонетической адаптации. В русском языке, как и в других языках, в результате различных обстоятельств появлялись заимствованные имена, которые составители текста записывали по-разному, ибо не всегда можно было четко воспроизвести незнакомое имя. Так, в «Слове о полку Игореве», памятнике XII в., половец, помогавший князю Игорю бежать из плена, в одном месте назван Овлуром, в другом – Влуром: *Комонь в полуночи Овлуръ свисну за рекою; велить князю разумети*, но *Коли Игорь соколомъ полете, тогда Влур вълькомъ потече, труся собою студеную росу* [СлСОПИ 4: 20]. На Руси Овлур принял православие и христианское имя Лавр. Но в летописи его называют то каноническим именем Лавр, то адаптированным к русскому антропонимом Лавор: *Будущю же ему (Игорю) в Половцехъ, тамо ся налезе ся мужь родомъ половчинъ, именемь Лаворъ* [там же]. В слове Лавр в сочетании согласных звуков *вр* развивается гласный О (Лавор). Таким образом, заимствования – и половецкое (тюркское) имя Овлур, и христианское (латинское) Лавр – записывались в памятниках по-разному.

То же отмечается и в пермских текстах XVI–XVIII вв., где представлены многочисленные случаи отражения фонетических изменений православных имен. При изучении календарных имен

Прикамья использованы для сопоставления материалы предшествующих эпох, в частности результаты исследования языка новгородских берестяных грамот, замечательно представленного в работе А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект». Эти данные актуальны для пермской ономастики не только потому, что не находим более исчерпывающих сведений о лексике и ономастике (в частности антропонимии) одной территории на протяжении веков, но и потому, что древние новгородцы были самыми первыми русскими, появившимися на Прикамской земле, а также сыграли важнейшую роль в освоении Русского Севера, откуда в XVI–XVII вв. шло русское население в Пермский край.

Рассмотрим фонетические изменения в заимствованиях, происходившие в разных частях имен.

3.2.1. Изменения в начале имен

Нередко изменялись заимствованные слова, начинавшиеся с отсутствующих в древнерусском языке звуков. Так, в нем не было исконного начального гласного звука А, и поэтому в заимствованиях происходила замена его привычным звуком О, ср. в новгородских берестяных грамотах XI–XII вв.: Ортемий, Оркад (Аркадий), Олекша, Онания [Зализняк 1995: 321, 303, 279, 368]. И далее в памятниках отмечаются имена и с начальным А, и с начальным О. Аканье, отражавшееся в центральных текстах с XVI в., обычно не распространялось на церковно-книжный язык, поэтому в церковной письменности старались сохранять этимологически правильное написание имен. Но в деловых текстах ситуация осложнилась в связи с развитием аканья в одних говорах и его отсутствием в других.

Путаница в написании имен и необходимость сохранять их точно, не подвергая редактированию в текстах документов, привела к тому, что в 1675 г. был издан указ царя Алексея Михайловича, в котором есть следующие строки: «Буде кто в челобитье своем напишет в чьем имени или прозвище, не зная правописания, вместо О – А или вместо А – О… по природе тех городов, где кто родился и по обыклостям своим говорить и писать навык, того в бесчестье не ставить» [цитируется по: Виноградов 1938: 47].

В результате в русских текстах оказалось большое количество имен, в которых отражается разное написание начала слова, с ис-

конным А. Достаточно много их и в анализируемых пермских памятниках: Абрам и Обрам, Авдий и Овдей, Авксентий и Оксентей, Агафон и Огафонко, Агрипина и Огрофена Амвросим и Обросим, Акилина и Окилина, Алексей и Олексей, Анания и Онанья, Андрей и Ондрей, Анисия и Онисья, Анофрий и Онуфрей, Антип и Онтипа, Артимий и Ортемей, Афанасий и Офонасей, ср.:

Абрам (от др.-евр. *'Abrām* 'возвышенный отец' [СРЛИ 1: 37]) > Обрам – *В городе Перми... Афанасья Матвеева сына Сыропятова сын Абрам* [*Пр 1: 120 об.*] и *В деревне Ерзовке крестьянина Петра Дорофиева сына Лаптева сын Обрам* [*Кун: 471 об.*];

Агафон (греч. *agathon* 'благо, добро' [СРЛИ 1: 39]) > Огафон > Огафонко – *В Соли Камской варница Агафона Кормильцова* [*КС: 170*] и *В деревне Серегове на реке Колве двор пуст Огафонка Можаева* [*ЕЧ: 46 об.*];

Агрипина (от римск. фамильного имени *Agrippa* [СРЛИ 1: 41]) > Огрофена – *Кунгурского села Ильинского Агрипина Осипова дочь* [*КЗСИ: 495*] и *Кунгурского села Кылосова крестьянина Егора Козминова сына Кирьянова жена Огрофена Осипова дочь* [*Кун: 14 об.*];

Анисим (от греч. *anysis* 'исполнение, завершение' [СРЛИ 1: 170]) > Онисим – *В городе Чердыни земский староста Анисим Игнатьев сын Юшманов* [*СПИИ, пер. 7. III: 939*] и *Кунгурской деревни Полетаевы Федотка Онисимов сын Полетаев* [*КА: 7*].

Иногда, напротив, имя, начинавшееся исконным О, записывали с буквой А (Онисифор и Анисифор, Онуфрий и Ануфрий):

Онисифор (от греч. *onēsiphores* 'приносящий пользу, полезный' [СРЛИ 1: 170]) > Анисифор > Анисифорко – *Села Слутки дьячка Ивана Матфиева сына Демидова сын Онисифор* [*ЦС: 127 об.*] и *В деревне Сумыче двор пуст Анисифорка Иванова сына Спирина* [*ЕЧ: 116*].

Сохранялся разнобой и в передаче фамилий, образованных от одного имени, но с разным его написанием, ср.: от имен Онуфрий и Ануфрий – *Села Сылвенского при Крестовоздвиженской церкви священник Прокопий Онуфриев сын Попов* [*ЦС:* 24] и *Житель Соли Камской Андрюшка Ануфриев* [*КМ: 8*].

Еще более сложная картина изменений представлена заимствованными именами с начальным звуком Е. Ему в начале слов, пришедших из старославянского и других языков, в древнерусском соответствовал гласный О: в церковно-книжных текстах – *един*, *елень*, *есень* (из старославянского языка), в древнерусских

памятниках – *один*, *олень*, *осень*. Такое же явление, хотя и непоследовательно, отражается в именах пермских текстов: заимствованиям с Е в начале слова соответствуют имена с О: Евдокия и Овдокия, Овдотья; Евдоким и Овдоким; Ефросиния и Опросинья; Евстафий и Остафий; Евтропий и Онтропей, Онтроп; Евфим и Олфим; Евфимия и Офимья; Елена и Олена; Емелиан и Омельян; Ефросиния и Опросинья:

Евдоким (от греч. *eudokimos* 'славный' [СРЛИ 1: 102]) > Овдоким – *Кунгурского села Рождественского крестьянин Евдоким Кондратьев* [*КЗСИ: 443*], *Деревни Калинина Луга на реке Чусовой крестьянин Пятко Овдокимов сын Сгогулин* [*К: 144*];

Емелиан (от греч. *aimylios* 'льстивый' [СРЛИ 1: 110]) > Омельян – *В городе Соликамске земской староста Емелиан Петров сын Тучнолобов* [*Ш* 5_2*: 512*], *В городе Чердыни беспашенный крестьянин Десятко Омельянов сын Оболенской* [*КЧ: 48*];

Ефросинья (от греч. *euphrosynē* 'радость, веселье' [СРЛИ 1: 114]) > Опросинья – *В селе Рождественском крестьянина Якова Симанова сына Шипицына дочь Ефросинья* [*Стр 1: 92*], *Кунгурской деревни Ергача крестьянина Максима Борисова сына Калашникова дочь Опросинья* [*Кун: 59*].

Но на вновь образованных антропонимах от имен с начальным Е далее отразились еще и колебания в написании имен с О или А. В результате появляются новые имена: из Овдокия – Авдокия, из Авдотья – Евдотья, из Остафий – Астафей, из Онтроп – Антроп, из Офимья – Афимья, из Олена – Алена, из Омельян – Амелька, из Опросинья – Апросинья. Таким образом, из одного календарного (канонического) имени рождались еще два варианта, практически два полных имени, ср.:

Евдокия (от греч. *eudokia* 'благоволение' [СРЛИ 1: 102]) > Овдокия > Авдокия – *В городе Кунгуре Евдокия Герасимова дочь Федора Вахутина жена* [*КЗСИ: 121*], *Кунгурской деревни Гари крестьянина Максима Григорьева сына Подукова дочь Овдокия* [*Кун: 252*], *В городе Перми купца Федора Афонасьева сына Хлепятина жена Авдокия Максимова дочь* [*Пр 1: 398*];

Евстафий (от греч. *eustathēs* 'устойчивый' [СРЛИ 1: 105]) > Остафий > Астафей – *Торговишского острожка крестьянин Евстафий Кокшаров* [*КА: 101*], *Погоста Вильгорта крестьянин Остафий Брызгалов* [*СПИИ, к. 3: 806*], *Житель Ново-Никольской слюоды Микула Астафьев сын Пожнин* [*А: 137*].

Промежуточное имя (с начальным О) в исследуемых пермских текстах могло отсутствовать, например, есть только Ефросиния и Афросинья, но не встретилось промежуточное Офросинья: *В городе Чердыни попа Михаила Матфеева сына Подосенова дочь Ефросиния* [*ЦС: 146*] и *Деревни Загарской крестьянина Саввы Трофимова сына Давыдова дочь Афросинья* [*Ч 2: 23*].

Во второй половине XVIII в., когда в пермских текстах начинают использовать букву Э, зафиксированы такие имена, как Эпафродит от греч. *epaphroditos* 'милый, прелестный' [СРЛИ 1: 110] (*Добрянского завода Рождественской Богородицкой церкви диакона Михайла Петрова Миронова сын Эпафродит* [*ЦС: 17 об.*]), Эпекет от греч. *epiktētos* 'приобретенный' [СРЛИ 1: 233] (*Села Булатова Николаевской церкви священник Эпекет Алексеев Попов* [*ЦС: 75*]). Написание слов с Э приводит к появлению новых вариантов имен, писавшихся ранее с начальным Е, например Эллисий (от др.-евр. имени *'Ēlīšā'* 'бог-спасение' [СРЛИ 1: 109]): *Села Отчины дьячек Эллисий Егоров сын Серебреников* [*ЦС: 124*]. Ср.: *Деревни Глухой Шушпанки крестьянина Нестера Михайлова сына Кучумива сын Елесей* [*Стр 1: 67*].

В отдельных случаях в заимствованных именах начальное исконное сочетание гласных EI представлено как И (Ирина из греч. *eirēnē* 'мир' [СРЛИ 1: 124]), но варианты этого полного имени развивались так же, как от имен на Е: Ирина > Орина > Арина – *Кунгурской деревни Кокуя Ирина дочь Ярафея Гилева* [*КЗСИ: 1018*], *В городе Кунгуре Андрея Чугайнова падчерица Орина... она же Ирина* [*КСАУ: 106*], *В городе Перми мещанина Александра Степанова сына Свалова жена Арина Степанова дочь* [*Пр 1: 262 об.*].

В части имен начальный звук И перед гласными заднего ряда А, У переходил в J, в результате появлялись новые имена, употреблявшиеся в пермских памятниках наряду со старыми, записанными без изменений:

Иаков (от др.-евр. *Īa'qōb* 'он следует за кем-либо' [СРЛИ 1: 235]) > Ияков > Яков – *Чердынского погоста Искора поп Иаков Замятнин* [*ЧМ 2558: 5*], *Села Березовского дьякон Ияков Устинов сын Луканин* [*ЦС: 33*], *В Камском Усолье крестьянин Яков Бубогош* [*Я: 3 об.*];

Иуда (от др.-евр. *Īĕhūdā* 'он восхваляет бога' [СРЛИ 1: 125]) > Юда – *Деревни Аксеновы крестьянин Фофанта Дмитриева сына Федосиева сын Иуда* [*Ч 3: 136*] и *Кунгурской деревни На-*

парьины крестьянина Никифорова Иванова сына Власова сын Юда [*Кун: 52 об.*].

Неудобные для носителей русского языка начальные гласные могли просто исчезнуть. Результат этого процесса хорошо отражается в пермских памятниках, хотя проходил непоследовательно: Елизар > Лазарь, Иакинф > Акинф, Иерофей > Ерофей > Ярофей, Иосиф > Есиф > Осиф > Осип, Иустина > Устина, Иоаким > Аким, а также Еким > Яким, Иларион > Ларион, Иродион > Родион, Исидор > Сидор, Анастасия > Настасия, Евстафий > Стафий. В памятниках Прикамья употреблялись параллельно и новые, и старые имена, ср.:

Елизар (от др.-евр. имени *'Ēl'āzār* 'бог помог' [СРЛИ 1: 109]) > Лазарь – *Погоста Искора церковный дьячек Елизар Замятнин* [*ЧМ 2558: 10*], но *В городе Кунгуре посдского человека Осипа Никитина сына Красноперова сын Лазарь* [*КА: 53*];

Иакинф (от греч. *hiakinthos* 'гиацинт' [СРЛИ 1: 117]) > Акинф – *Села Юксиева пономаря Алексия Пономарева сына сын Иакинф* [ЦС: 182 об.], но *Села Купросского крестьянина Ивана Евтропьева сына Колокольникова сын Акинф* [*Ч 3: 73*];

Иерофей (от греч. *hieros* 'священный' и *theos* 'бог' [СРЛИ 1: 113]) > Ерофей > Ярофей – *Чердынского села Губдора пономарь Иерофей Александров сын Собянин* [*ЦС: 170 об.*], но *В городе Кунгуре посадский человек Ерофей Петров сын Веселков* [*КА: 53*] и *Чердынского погоста Губдор житель Ярофей Яковлев сын Казанцев* [*Ч: 109*];

Иоаким (от др.-евр. имени *Īĕhōiāqī* 'Яхве (бог) воздвигает' [СРЛИ 1: 117]) > Аким, а также Еким > Яким – *В городе Чердыни посадский человек Иоаким Григорьев сын Колашников* [*ЧА: 139*], но *Житель Соли Камской Аким Дмитриев сын Бабинов* [*К: 194*], *В Усолье Камском варничной Еким Патокин* [*КС: 167*], *Житель Соли Камской Яким Зиновьев сын Сапегин* [*КМ: 36*];

Иосиф (от др.-евр. имени *Īōsēf* 'он (бог) приумножит' [СРЛИ 1: 123]) > Иосип > Есип > Осип – *Сылвенской Рождественской пустыни строитель Иосиф* [*КСАУ: 81*], *Чердынской деревни Янины крестьянин Иосип* [*ЧМ: 2561:14*], но *Житель города Чердыни Иван Есипов* [*СПИИ, к. 3: 944*], *В городе Кунгуре посадской человек Осип Семенов сын Красноперов* [*КА: 53*];

Иустина (лат. *justus* 'справедливый' [СРЛИ 1: 235]) > Устина – *Села Губдора пономаря Иерофея Александрова сына Собянина*

дочь Иустина [*ЦС: 170 об.*], но *Села Кушмангорта попа Иякова Иевлева сына Кадешникова дочь Устина* [*ЦС: 162*];

Иларион (от греч. *hilaria* 'веселье' [СРЛИ 1: 120]) > Ларион – *Деревни Бакшиевской верх речки Зукайки крестьянин Ларион Данилов сын Бачев* [*Стр 1: 139 об.*], но *В чердынском погосте Цыдва крестьянин Иларион Фирстов сын Шевелевых* [*ЧМ 2558: 47*];

Иродион (от греч. *hērōs* 'герой, проводник' [СРЛИ 1: 124]) > Родион – *Села Серегова дьячек Иродион Симеонов сын Колотилов* [*ЦС: 176*], но *Кунгурского села Ильинского крестьянин Родион Семериков* [*КЗСИ: 147*];

Исидор (от греч. *Isis* 'Исида (древнеегипетская богиня земледелия) и *dōron* 'дар' [СРЛИ 1: 125]) > Сидор – *Села Кыласова священник Федор Исидоров сын Некрасов* [*ЦС: 30*], но *Кунгурский крестьянин Сидор Золотников* [*КА: 3*];

Анастасия (от греч. *anastas* 'воскресший' [СРЛИ 1: 48]) > Настасия – *Рубежовской слободы Владимирской Богородской церкви священника Иакова Васильева Михайлова дочь Анастисия* [*ЦС: 67*], но *Села Барды пономаря Петра Васильева сына Луканина дочь Настасия* [*ЦС: 39*];

Евстафий (греч. *eustathēs* 'устойчивый' [СРЛИ 1: 105]) > Стафий – *Чердынской деревни Кырдым крестьянин Евстафий Данилов сын Крохалев* [*Ч 3: 109*], но *Жителя города Соликамска Козмы Иванова сына Бузунова сын Стафий* [*ГС 1: 24 об.*].

В отдельных случаях, напротив, в слове перед начальным Е развивался новый звук, ср.: Лепестинья < Епистимия – *Кунгурского села Кыласова крестьянина Никифора Иванова сына Власова дочь Лепестинья* [*Кун: 35*], но *Села Спасского, Барда тож крестьянина Евтихия Степанова сына Климовских дочь Епистимия* [*Кун: 145*].

В пермских памятниках наблюдаются результаты не только изменения начального звука, но и возникновения гласных А, О, И в заимствованиях, начинавшихся с согласного:

Ксения (из греч. *xenia* 'гостеприимство или чужеземный' [СРЛИ 1: 137]) > Аксения > Аксинья > Оксинья – *Деревни Пеньков дворового Ивана Степанова сына Браткова дочь Ксения* [*Стр 1: 17 об.*], *Кунгурской деревни Напарьины крестьянина Семена Иванова сына Тиунова дочь Аксения* [*Кун: 46*], *Деревни Лазаревы крестьянина Федота Михайлова сына Брылунова дочь Аксенья* [*Кун: 214 об.*], *В Соли Камской вдова Оксинья Андреевская жена Лаптева* [*КМ: 62*].

Зотик (из греч. *zōtikos* 'дающий жизнь, животворный' [СРЛИ 1: 120]) > Изот – *Чусовского Верхнего городка крестьянин Зотик Масимов сын Петышев* [*Стр 1: 34 об.*], но *В городе Перми цеховой Изот Степанов сын Еремеев* [*Пр 1: 355*].

Происходили изменения и в именах с некоторыми начальными согласными. Особенно повезло в этом отношении заимствованиям с начальным звуком Г. В значительной части древнерусских говоров (в частности, в киевских) произносился согласный фрикативный звук Г. В заимствованных словах его иногда при письме вообще не обозначали, о чем свидетельствуют некоторые записи. Так, в XI в. выданная замуж за французского короля дочь Ярослава Мудрого Анна оставила свою подпись ANA RЪHNA (Ана Ре[г]ина 'Анна Королева'), в которой в слове *regina* отсутствовала буква, передающая звук Г.

Сложности вхождения в русский именник антропонимов с начальным Г видны по текстам разных жанров и различных территорий Руси, даже по северным, новгородским памятникам, хотя для северных русских говоров характерен Г взрывной. Изменения в заимствовании очевидны, например, по новгородским берестяным грамотам, в которых календарное имя Георгий (от греч. *geōrgos* 'земледелец' [СРЛИ 1: 85]) представлено разными формами, ср.: Георгий, Гюрги, Гюргий, Гурги [Зализняк 1995: 605, 6–9] и Юрги, Юрьи, Юрка [там же: 682]. В других памятниках появляется на основе имени Георгий новое – Егор.

В анализируемых пермских текстах представлены разные календарные имена, возникшие из заимствованного слова Георгий. Сохраняется и сам этот антропоним, и фиксируются результаты его преобразования (Егоргий, Егорий, Егор, Юрье, Юрья): *В селе Новом Усолье священник Георгий Николаев сын Коровин* [*Ч 5: 80*], *Чердынского села Губдора пономаря Иерофея Александрова сына Собянина сын Егоргий* [*ЦС: 170 об.*], *Деревни Сельской крестьянин Павел Егорьев сын Некрасов* [*Стр 1: 3*], *В городе Кунгуре дневальной ходок Егор Разорвин* [*КЗСИ: 536*], *Деревни над рекой Вишерой что был починок Гарь работник Егор Гаврилов сын Рачев* [*Ч: 80*]. *Соли Камской жилец Юрье Воронихин* [*КСГ: 9 об.*], *Кунгурской деревни Колпашниковы крестьянин Юрья Карпов сын Шелопутин* [*КА: 81*].

В памятниках Прикамья отражены как календарное (каноническое) имя Герасим (от греч. *gerasimos* 'почтенный' [СРЛИ 1: 86]),

так и его фонетические варианты Гарасим, Ерасим и Ярасим: *В сельце Никольском на реке Каме и на речке Муловке двор попа Герасима* [*КА: 120*], *В городе Кунгуре сержант Гарасим Григорьев сын Юрчихин* [*КА: 13*], *Житель погоста Чегимер Ерасим Оксенов сын Степкин* [*Ч: 117*], *Чердынского погоста Цыдвы крестьянин Ярасим Васильев* [*ЧМ 2561: 2*].

Есть случаи утраты начального Г в начале календарного имени – Лукерья < Гликерья (от греч. *glykeros* 'сладкий' [СРЛИ 1: 88]): *Деревни Ика Петра Емельянова сына Ступина дочь Лукерья* [*Ч 1: 98 об.*], но *В Чусовском Верхнем городке крестьянина Калистрата Матвиева сына Мингалева дочь Гликерья* [*Стр 1: 34*].

Сложную судьбу переживали в российской антропонимии имена с начальным звуком Ф (соответствовал греч. ph и th), отсутствовавшем в древнерусском языке. Таких имен достаточно много в святцах. В живой речи на месте согласного звука Ф звучали П или Х. В некоторых именах пермских текстов начальный звук Ф заменялся согласным Х, правда, эта замена происходила непоследовательно, поэтому в памятниках Прикамья фиксировали и старые, и новые имена: Феврония (греч. 'лестнокуплена' [Берында: 238]) > Хеврония – *Кунгурской деревни Одины Синицына Марка Осипова сына Калинина дочь Феврония* [*Кун: 45*] и *Кунгурского села Кыласова крестьянина Дмитрея Петрова сына Дрокова дочь Хеврония* [*Кун: 31 об.*].

Начальное ХР могли заменить сочетанием КР:

Хрисанф (греч. *chrysanthēs* 'златоцветный' [СРЛИ 1: 229]) > Крисанф > Кирсан – *Починка Верх Веко-речки крестьянин Хрисанф Мартынов сын Лукин* [*Стр 1: 170*], *Села Благовещенского, Никулино тож, крестьянина Емельяна Зиновьева сына Нефедовых сын Крисанф* [*Ч 1: 175 об.*], *В починке Новоселке двор пуст Демки Хрисанфова сына Кирсанова* [*Б: 221 об.*];

Христина (от греч. Christos 'Христос' [СРЛИ 1: 230]) > Крестина – *Деревни Верх-Лека вдова Христина Тимофеева дочь Зуевых* [*Кун: 223*] и *Деревни Верх-Косьвы крестьянина Ивана Меркурьева сына Ярославцова дочь Крестина* [*Ч 1: 92*].

В результате фонетических изменений начала заимствованных слов и возникновения в связи с этим вариантов календарных имен в пермских памятниках XVI–XVIII вв. существенно увеличивалось общее количество имен.

3.2.2. Изменения в конце имен

Расширение календарного именника в далеком прошлом происходило и за счет изменений окончаний заимствованных имен в результате адаптации к фонетическим условиям древнерусского языка. Результаты этого расширения представлены в различных памятниках письменности, в частности, в пермских текстах XVI–XVIII вв., изучение календарных имен которых проводилось на основе сравнения с данными памятников других территорий. Особенно ценным для сопоставления является словарь канонических имен, входящий как особая часть в «Лексикон словеноросський Памви Беринди», который был издан впервые в 1627 г. и неоднократно переиздавался впоследствии. Нами использовано фототипическое издание 1961 г., предпринтое Академией наук Украинской ССР.

В «Лексиконе словеноросьском» решена важная для лексикографии проблема подачи имен собственных: Памва Берында выделяет ономастические данные в особую часть, практически в отдельный словарь, имевший длинное, но хорошо характеризующую его название: «От еврейскаго, греческаго же и латинскаго, и от иныхъ языковъ, начынающаяся имена свойственная.[24] з многихъ. малаа и от различна тлъкованиа, малыми назнаменася, а инде и без тлъкованиа, за случайное и нуждное и скоростное времене. Пръвое изобразися. Приданы же суть имена преложениа на пострыжении калоугерства. Знаки калугеромъ або иноком, а инокинямъ» [Берында: 169].

Таким образом, ономастическая часть словаря Памвы Берынды представляет заимствованные канонические имена с толкованием их значения в ту эпоху, к которой относится и ранняя часть анализируемых имен пермских памятников. В словаре отражены результаты адаптации к русскому языку заимствований, проходившей в разные периоды, начиная с X в., но особенно важно то, что имена в «Словаре словенороськом» зафиксированы в то же время, что и исследуемые имена Прикамья.

В результате действия закона открытых слогов входящие в старославянский и древнерусский языки до падения редуцированных имена, которые оканчивались согласным звуком, должны бы-

---

[24] Сохранены авторские знаки препинания.

ли либо утратить его, либо закрыть его новым гласным звуком. Последствия этих процессов присутствуют в исследуемых памятниках Прикамья.

Так, попавшие в славянские языки до падения редуцированных лат. *paulus* ‘маленький’ [СРЛИ 1: 172], ‘слабый’ [Берында: 227] и греч. *petros* ‘камень’ [СРЛИ 2: 272] утратили конечное S и дали имена Павелъ и Петръ с редуцированным гласным звуком непереднего ряда. По традиции в словаре Памвы Берынды [227] они записаны с буквой Ъ в конце слова, в XVII в. не имевшей уже звукового соответствия. Они отражены в пермской деловой письменности либо тоже с буквой Ъ, либо (чаще) с выносной конечной согласной: *Соли Камской посадской человек Павелъ Свалов* [*КМ: 6*], *Соликамской деревни Поповы крестьянин Паве*^{л} *Алексеев сын Мел(ь)ков* [*КМ: 82*], *В Мотовилихинском заводе уставщик Петръ Ромодин* [*Пр 2: 93*], *В Усолье Камском дьяк Пет*^{р} *Фомин сын Лепехин* [*КСГ: 3*].

В случаях, когда перед утрачивающимся конечным согласным в языке-источнике был дифтонг, на его месте в мужских канонических именах утверждается окончание -ий, а в разговорной речи -ей. Например: в греч. *Dēmētrios* ‘относящийся к Деметре, богине плодородия и земледелия’ [СРЛИ 1: 97] утрачен конечный S, дифтонг IO дал -ий / -ей: *Чердынского погоста Цыдвы крестьянин Димитрий Иванов сын Оладнев* [*Уд: 245*], но *Житель Усолья Камского Дмитрей Константинов сын Болтнин* [*КСГ: 3*]. При заимствовании греч. *patrikios* ‘патриций, знатный человек’ такой же процесс привел к появлению имен Патрикий [Берында: 227] и Патрикей [СРЛИ 1: 176]: *Починка на речке Качке над Камою-рекою крестьянин Гашко Патрикеев* [*Б: 141*].

Адаптированные к русскому языку заимствованные имена давали разные отчества и фамилии. Так, греч. *makarios* ‘блаженный, счастливый’ стало основой двух имен (Макарий и Макарей) и разных образований от них: *Села Пермского при Богоявленской церкви священник Автоном Макариев Попов* [*ЦС: 16*], но *Чердынской деревни Корнины крестьянин Куземка Макарьев сын Корнин* [*КЧ: 114*]; *Житель деревни усть-речки Лысьвы на реке Чусовой Емелька Митрофанов сын Макарьев* [*Е: 98*]. Кроме того, в народной речи по аналогии с именами типа Петр календарное имя Макарий (греч. *makarios* ‘блаженный, счастливый’ [СРЛИ 1: 147]) / Макарей, потеряв окончание, перешло в Макар, давшее фамилию

Макаров: *Соли Камской посадской человек Федка Михайлов сын Макаров* [*КМ: 80*].

Окончания мужских календарных имен -ий / -ей появлялись и в образованиях от слов с другими дифтонгами. В заимствовании из греч. *basileus* 'царь' [СРЛИ 1: 70] утрачен конечный S, а на основе дифтонга EU возникли -ий в старославянском языке и -ей в древнерусском, сохраняющиеся в русском языке в последующие эпохи: *Кунгурского села Сретенского крестьянин Василий Чердынец* [*КЗСИ: 441*], но *СолиКамской жилец Василей Иванов сын Хвостов* [*КСГ: 4 об.*]. В живой речи употреблялось и имя без окончания -ий / -ей – Васыль, давшее фамилию Васылев: *Чердынской деревни Лекмортова крестьянин Агапит Перфильев Васылев* [*Ч 5: 3 об.*].

По аналогии -ий появлялось и в заимствованиях от слов, не имевших дифтонга перед конечным согласным: от греч. *eutropos* 'благонравный' возникли имена Еѵтропї [Берында: 206] и Евтропий, Евтропей: *Села Нового Усолья Спасского собора диакон Евтропий Михайлов Нижегородов* [*ЦС: 56 об.*], *Деревни Рожины крестьянин Кондрашко Евтропьев сын Сысолетин* [*Е: 114*].

Окончание -ий (паралелльно с -ей и -ѣй) в пермских памятниках отмечается даже в тех именах, зафиксированных Памвой Берындой только с -ей и -ѣй: в словаре Авдѣй [Берында: 171], в исследуемых текстах – Авдий и Авдей – *Сельца Верх-Мул(л)инского крестьянин Тихонко Авдиев сын Суб(б)отин* [*Е: 99*], *Чердынского села Купроского крестьянин Авдей Матвеев сын Ужегов* [*Ч 3: 72*]; в словаре Андрей [Берында: 176], в текстах Прикамья – Андрий и Андрей – *Кунгурской деревни Осинцовы житель Андрий Кованик* [*КЗСИ: 838*], *В Усолье Камской посадский человек Андрей Клестов* [*Я: 6*].

В церковных текстах, а иногда и в светских деловых документах окончание -ий получали некоторые заимствованные имена, в которых исконно его не было. Так, имя Влас (из греч. *blax* 'вялый, неповоротливый, тупой' [СРЛИ 1: 79]) > Власий – *Чердынской деревни Лимежа на речке Лимеже крестьянин Влас Мичков* [*Я: 33 об.*]. В живой речи функционировала форма Власей – *Чердынского погоста Цыдвы крестьянин Власей Девятков* [*Уд: 246*]. Но в словаре [Берында: 195] отмечено только Власий.

Исак – вариант полного календарного имени Исаак из др.-евр. имени *Iishāq* в значении 'он будет смеяться' [СРЛИ 1: 124] > Иса-

кий: *Житель города Кунгура Исак Семенов сын* [*КА: 53*] и *Соликамской Рождественской церкви староста Григорий Исакиев* [Ш 5_1; 430], где фамилия Исакиев от имени Исакий.

Окончание -ий приобретали заимствования с исконным IA в конце имени. Так, наряду с антропонимом Ананиа из др.-евр. *Hananiā* 'Яхве (бог) был милосерден, милостив' [СРЛИ 1: 48] отмечается каноническое Ананий [Берында: 176]. В пермских текстах использованы формы Анания, Ананий и под влиянием живой речи Ананья: *В Ново-Никольской слободе Анания Савельев сын Костылев* [*А: 137*], *Кунгурской деревни Грязнухи крестьянин Ананий Еговцев* [*Кун: 327*], *Новые Осинские Никольские слободы на речке Тулве крестьянин Ананья Костылев* [*К: 125*].

В результате в пермских памятниках многие заимствованные полные имена записывались в разной форме, например:

Арефей (вариант полного календарного имени Арефий со значением 'добродетельный, скромный' [Берында: 179], возможно, от арабского *harata* 'обрабатывать землю' [СРЛИ 1: 55]), но Ареф – *Чердынского села Ростеского крестьянин Галахтиона Федорова сына Шаламова сын Арефей* [*Ч 1: 101*], *Деревни Корноуховы крестьянина Трофима Федорова сын Лесникова сын Ареф* [*Кун: 497*];

Ипатий (из греч. *hypatos* 'высочайший' [СРЛИ 1: 123]) и Ипат – *Села Юсьвы священника Трифона Чечулина сын Ипатий* [*ЦС: 139 об.*], но *Деревни Савины крестьянин Ипат Ефима Ковыляева сын* [*Ч: 20*].

В пермских памятниках отражается упрощение групп согласных, происходившее в конце мужских имен после падения редуцированных в труднопроизносимом сочетании согласных взрывных звуков КТ:

Веденикт (из Венедикт от лат. *Benedictus* 'благословенный' [СРЛИ 1: 72]) > Веденик – *Чердынской деревни Нижнего Шакшера крестьянин Веденикт Федоров сын Ягармин* [*Ч: 82*] и *Деревни Беляевой крестьянина Афонасья Алексеева сына Беляева сын Веденик* [*Ч 3: 91*];

Феофилакт (из греч. *theos* 'бог' и *phylax* 'страж, несущий охрану' [СРЛИ 1: 220]) > Феофилат – *Чердынского погоста Рядикора крестьянин Феофилакт Васильев сын Колотилов* [*Ч: 97 об.*] и *Кунгурского села Рождественского крестьянин Андрей Феофилатов* [*КЗСИ: 1015*].

Труднопроизносимое имя теряло сочетание согласных в конце: Александр (от греч. *alexō* 'защищать' и *anēr* 'мужчина' [СРЛИ 1: 44]) > Алекса – *Соли Камской посадский человек Александр Васильев сын Ростовщиков* [*КМ: 47*] и *Житель Егошихинского завода Савва Алексин* [Ег 1: 3], где фамилия Алексин из Алекса.

В то же время в календарных мужских именах отмечаются случаи появления после Н в основе перед возникшим окончанием -ий / -ей согласного звука Т. Так, из греч. *arsēn* 'мужественный' наряду с именем Арсений [Берында: 180] в русских источниках отмечается форма Арсентий [СРЛИ 2: 119], или Арсентей, обозначенная как разговорная [СРЛИ 1: 58]. В пермских памятниках зафиксированы три формы этого полного имени: каноническое Арсений (*На Осе за рекою Камою с Казанскую сторону на берегу под городищем в часовне старец Арсений Мезенец* [*А: 139*]) и характерные для живой речи Арсеней и Арсентей: *Вознесенского острожка Березовка тож крестьянин Арсеней Розанов* [*Кун: 561*], *В Вознесенском Березовском острожке крестьянин Арсентей Васильев сын Резанов* [*Кун: 580*]. В пермских текстах было несколько форм календарного имени Парфений [Берында: 226] из греч.. *parthenos* 'девственный, чистый' – Парфений, Парфентий, Парфентей, Парфен и образованных от них фамилий: *В Чусовском Верхнем городке бобыль Павлик Парфеньев сын Вондокурец* [*К: 140*], *В слободе Новом Усолье Ивашко Парфентьев сын Калашницын* [*Е: 88*], *Житель починка На Дуброве Тимошка Парфентьев сын Сибирец* [*Б: 223*] и *Кунгурской деревни Лека крестьянин Парфен Остапов* [*КЗСИ: 983*].

Появление в русских антропонимах вставного Т обусловлено воздействием косвенных падежей некоторых слов в языке-источнике, например, в имени Клементий из лат. *clemens* 'милостивый', в род. падеже *clementis* [СРЛИ 1: 134]. В пермских памятниках функционировало несколько имен – Клементий, Клементей, а также Климент, Климант, Климонт: *Починка Пихтовского крестьянина Архипа Андреева сына Чеснокова сын Клементий* [*Стр 1: 42 об.*], *В городе Кунгуре посадский человек Клементей Тимофеев сын Зыков* [*КА: 53*], *В городе Кунгуре житель Климент Федоров* [*КСАУ: 652*], *Починка Забегайки крестьянина Михайла Григорьева сына Гинина сын Климант* [*Ч 1: 210*], *В городе Чердыни посадский человек Климонт Ларионов сын Хохловин* [*ЧА: 138*].

Наращение конечного Т, проявившееся в живой речи, встречается и в других полных именах, например: Фирст из Фирс (греч. *thyrsos* 'жезл, украшенный цветами' [СРЛИ 1: 224]), Феофант из Феофан (от греч. слов *theos* 'бог' и *phaino* 'являть, обнаруживать' [СРЛИ 1: 220]. Они употреблялись наряду с именами без Т, ср.:

Фирс > Фирст – *Погоста Верх-Боровой крестьянин Фирс Григорьев сын Бучин* [*Ч: 134*], но *Деревни Урола подворник Фирст Яковлев сын Спирин* [*Ч: 39 об.*];

Феофан > Феофант – *В Чусовском Верхнем городке крестьянин Феофан Васильев сын Ермаков* [*Стр 1: 35*], но *Деревни Аксеновы крестьянин Феофант Дмитриев сын Федосиев* [Ч 3: 134]. В словаре Памвы Берынды [219] имена Фирсъ и Феофанъ зафиксированы в канонической форме, т. е. без Т.

Все возможные изменения концовок заимствованных мужских канонических имен под влиянием произношения привели к появлению в русском языке к XVI–XVII вв. большого количества вариантов, что отразилось на пермских памятниках. (Такие варианты представлены в приложении № 3. «Варианты календарных полных имен» часть 1.). В документах Прикамья все они употреблялись как полные календарные имена и были базой для образования именований по отцу (патронимов) и затем фамилий. На их основе образовывали и многочисленные дериваты, о которых речь пойдет ниже. Всё это вместе делало список мужских имен, употреблявшихся в русском языке XVI–XVIII вв. и в пермских памятниках в частности, весьма обширным.

Женские имена, употреблявшиеся в Прикамье, нередко имели ту же основу, что и мужские, ср.: Агафония и Агафон, Акилина и Акила, Александра и Александр, Афанасия и Афанасий, Евгения и Евгений, Евлампия и Евлампий, Евфимия и Евфимий, Епифана и Епифан, Зиновия и Зиновий, Иулиания и Иулиан, Иустина и Иустин, Павла и Павел, Трифена и Трифон, Фавста и Фауст, Феодора и Феодор, Феодосия и Феодосий, Фотинья и Фотий, Харитонья и Харитон. Например:

Александра и Александр – *Кунгурской деревни Гробовы крестьянина Василья Данилова сына Мичкова дочь Александра* [*Кун: 426 об.*] и *Соли Камской посадский человек Александр Васильев сын Ростовщиков* [*КМ: 47*];

Епифана и Епифан (греч. *epiphanēs* 'видный, знатный' [СРЛИ 1: 111]) – *Села Булатова Николаевской церкви священника Экс-*

та Алексеева Попова жена Епифана Афанасиева [*ЦС: 75*] и *Починка Торгашерского крестьянин Епифан Перфирьев сын Мальцов* [*Стр 1: 89*];

Павла и Павел – *Села Сабарки при Сретенской церкви священника Гаврила Иоаннова сына Кашина дочь Павла* [*ЦС: 26*] и *В Кунгуре... диак Павел Симонов* [*КА: 42*].

Женские календарные имена (включая канонические), как и мужские, представлены в пермских памятниках разными вариантами (приложение № 3, часть 2):

Анисиа, Анисия и Анисья – *Села Юмолопвенского дьячка Григория Ильина сына Смышляева дочь Анисиа* [*ЦС: 183 об.*], *Села Березовского дьячка Якова Яковлева сына Луканина дочь Анисия* [*ЦС: 33 об.*], *Деревни Макушины крестьянина Исаака Яковлева сына Макушина дочь Анисья* [*Стр 1: 48 об.*];

Ефимиа (греч. *euphēmos* 'благочестивый, священный' [СРЛИ 1: 113]), Ефимия и Ефимья – *Села Юрич священника Давыда Колашникова дочь Ефимиа* [*ЦС: 135 об.*], *Деревни Глазоновы крестьянина Данила Егорова сына Суботина сестра Ефимия* [*Стр 1: 44*], *Чусовского Верхнего городка крестьянина Мартына Андреева сына Пермякова сестра Ефимья* [*Стр 1: 26*].

Значительное число канонических женских имен в исследуемых текстах зафиксировано с окончанием -а, т. е. независимо от исхода слова в языке-источнике в результате адаптации к древнерусскому языку они получили обычное окончание слов женского рода: Агрипина, Акилина, Александра, Алинпида, Анна, Антонида, Анфиса, Варвара, Василиса, Васса, Домна, Елена, Елисавета, Епифана, Ирина, Иулита, Иустина, Каптелина, Катерина, Кристина, Ксанфиппа, Лариса, Мавра, Макрина, Мамелва, Мариамна, Марина, Мартела, Марфа, Матрона, Митродора, Неонила, Нона, Павла, Параскева, Соломонида, Татиана, Татьяна, Трифена, Улита, Фавста, Фекла, Феклиста, Феодора, Харитина, Христина. Они употреблялись как канонические в церковной и деловой письменности: *В городе Соликамске священника Стефана ФедороваУварова дочь Александра* [*ЦС: 47 об.*], *Ординского острожка диакона Семана Тимофеева сына Пономарева дочь Христина Никитина дочь* [*ЦС: 27 об.*].

Ряд календарных женских имен содержал часть -ида, восходящую к древнегреческому значению 'дочь кого-либо', но в русском языке потерявшую эту семантику: Антонида от Антоний (этимоло-

гически 'дочь Антония'), Платонида от Платон, Стефанида от Стефан, Степанида от Степан: *В Соли Камской вдова Антонида Ярофеева дочь Максимовская жена Мячина* [*КМ: 1*], *Добрянского завода Рождественской Богородицкой церкви диакона Михайла Петрова Миронова дочь Платонида* [*ЦС: 17 об.*], *В городе Кунгуре Степанида Кондратьева дочь Федорова жена Худякова* [*КСАУ: 690*].

К именам с окончанием -а относились и женские имена-кальки:

Вера (от греч. *pistis* 'вера' [СРЛИ 1: 73]) – *Деревни Макушины крестьянина Алексея Степанова сына Турбина дочь Вера* [*Стр 1: 50*],

Надежда (от греч. *elpis* 'надежда' [СРЛИ 1: 162]) – *Села Благовещенского, Никулино тож, крестьянина Устина Никитина сына Черемхова дочь Надежда* [*Ч 1: 148*].

В списках церковнослужителей 1782 г., где упоминаются члены их семей, встречаются женские имена с исходом -иа, т. е. формально тоже с окончанием -а: *Села Кыласова пономаря Матфея Никифорова сына Липина жена Феврониа Сидорова дочь* [*ЦС: 30 об.*]. Запись имен с -иа была обусловлена нормой церковно-книжного языка, в XVII в. такие канонические имена отмечались в словаре Памвы Берынды: Агапиа, Анастасиа, Гликериа, Дариа, Епистимиа и другие [Берында: 172, 176, 199, 200, 204].

Однако подобные имена использовались непоследовательно, в единичных случаях. Преимущественно в памятниках (в том числе и в церковных деловых актах) отмечаются формы с -ия, в которых устранено зияние (ИА) в результате развития интервокального звука J: Агафия, Анастасия, Афонасия, Гликерия, Григория, Дария, Евгения, Евдокия, Евлампия, Евпраксия, Евстолия, Евфимия и Ефимия, Епистимия, Ефрония, Ефросиния, Зиновия, Иулияния и Ульяния, Ксения, Мария, Марияния, Мелания, Наталия, Оломпия, Пелагия, Сихилитикия, Соломия, София, Таисия, Устиния, Феврония, Федосия, Феодосия, Харитония, Хеврония, Хиония, например: *Кунгурской деревни Одины Синицына крестьянина Марка Осипова сына Калинина дочь Феврония* [*Кун: 45*], *Кунгурского села Кыласова крестьянина Дмитрея Петрова сына Дрокова дочь Хеврония* [*Кун: 31 об.*].

Параллельно с ними отмечались и общерусские формы на -ья (Агафья, Гликерья, Дарья, Евдотья, Епистимья, Ефимья, Ефросинья, Зиновья, Ксенья, Маланья, Марья, Настасья, Наталья, Софья, Устинья, Февронья, Федосья), на -ея (Пелагея, Соломея) или на -а (Ульяна, Устина), ср.:

Агафия (от греч. *agathē* 'хорошая' [СРЛИ 1: 39]) – *Чердынского погоста Искора крестьянка Агафия Васильева жена Пошехоновых* [*ЧМ 2558: 14*] и Агафья – *Кунгурской деревни Кокуя Агафья Савельева дочь Григорьева жена Романова* [*КЗСИ: 435*];

Федосия (от греч. *theos* 'бог' и *dosis* 'дар' [СРЛИ 1: 218]) – *Села Рождественского Христорождественской церкви священника Феодора Ларионова сына Овчинникова дочь Федосия* [*ЦС: 117*] и Федосья – *В Сылвенском острожке на реке Сылве двор просвирницы Федосьи* [*К: 128*];

Пелагия (от греч. *pelagios* 'морской' [СРЛИ 1: 177] – *Деревни Лопатины крестьянина Василья Ефремова сына Шелонцева дочь Пелагия* [*Стр 1: 153*] и Пелагея – *В деревне Малой Мочге Пелагея Степанова дочь Федота Беляева жена* [*Ч 4: 95*];

Ульяния (от мужского имени Иулиан из римск. личного имени *Julius* [СРЛИ 1: 234]) – *Чердынского села Пянтега дьячка Ивана Пиминова сына Двинянинова жена Ульяния Сидорова дочь* [*ЦС: 165*] и Ульяна – *В Чусовском Верхнем городке двор проскурницы Ульяны* [*К: 139*].

Женские имена с исходом -ия отмечаются в пермских памятниках значительно чаще, чем с -иа (в соотношении 25: 4). Они присутствуют в церковных и светских деловых документах, где выполняли функции канонических имен: *Села Лимеша дьячка Никиты Иванова сына Порошина жена Евгения Зотиева дочь* [*ЦС: 164*], *Села Зырянки Предтечинской церкви пономаря Ивана Прокопьева Монина дочь Зиновия* [*ЦС: 72*], *Села Ныроба попа Григория Гаврилова сына Дьякова жена Соломония Федотова* [*ЦС: 154*].

В XVIII столетии в пермских деловых памятниках разных жанров именами на -ия называли женщин любого социального положения – из семьи духовного лица, крестьянина, ремесленника и т. д., например: *Нытвенского завода при Спасской церкви пономаря Якова Петрова сына Первушина дочь Мелания* [*ЦС: 98 об.*], но *Кунгурского села Кыласова крестьянина Ивана Федорова сына Крыласова* [так!] *дочь Мелания* [*Кун: 36*]. Такие имена становятся основными официальными именованиями женщин в пермских деловых текстах: *Соли Камской соляного промышленника Ивана Иванова сына Суровцова вдова Ксения Григорьева дочь* [*КМ: 6*], *Деревни Яборовы крестьянина Нестера Сергиева сына Токачева*

жена Ксения Аникина дочь [*Ч 4: 1 об.*], *В Лобановском приказе дворового Якова Никифорова сына Кашина жена Ксения Прохорова дочь* [*Стр 1: 12 об.*].

Отмечаются отдельные случаи функционирования имен от одной основы, но с разными окончаниями (-а и -ия): *Села Губдора пономаря Иерофея Александрова сына Собянина дочь Иустина* [*ЦС: 170 об.*], *В городе Осе диакона Тимофея Пиминова сына Рязанцова дочь Устиния* [*ЦС: 187 об.*]. Разные канонические имена от одной основы, зафиксированные в словаре Памвы Берыды [226], имеют различные соответствия в пермских памятниках: Парасковья из Параскевиа – *Торговишского острожка Парасковья Савинова дочь* [*КЗСИ: 82б*], но Параскева из имени Параскеви [Берында: 226] – *Деревни Филатовы крестьянина Матвея Петрова сына Дылдина дочь Параскева* [*Стр 1:6*].

Разные формы полного имени имело в Прикамье заимствование из древнееврейского *'Elīšeba'* 'богом клянусь' [СРЛИ 1: 109] или 'божий покой' [Берында: 204] – от Елисавет до Лиса. Между этими именами в пермских текстах оказалось много других форм, образованных в живой речи: Елисавет – Елисавета – Елисафет – Елисафета – Елисафка – Елиса – Лисафета – Лисавена – Лисава – Лиса, ср: *Чусовского Верхнего городка крестьянина кирилла Иванова сына Коростелева сестра Елисавет* [*Стр 1: 25 об.*], *Деревни Мочгинской крестьянина Трефилья Гордеева сына Селкова дочь Елисавета* [*Ч 3: 173*], *Кунгурской деревни Саркаевы крестьянина Козмы Тарасова сына Полежаева дочь Елисафет* [*Кун: 102 об.*], *В городе Перми жителя Егора Елисеева сына Снигирева жена Елисафета Максимова дочь* [*Пр 2: 16 об*], *Чердынского погоста Янидора вдова Елисафка Семеновская жена Вештемова* [*ЕЧ: 107 об.*], *Села Никулина Благовещенской церкви пономаря Ивана Григорьева сына Бородулина жена Елиса Савинова* [*ЦС: 7б*], *В городе Перми жителя Тита Сергеева сына Старкова дочь Лисафета* [*Пр 1: 149*], *В городе Перми купца Тимофея Титова сына Старкова дочь Лисавена* [*Пр 1: 417 об.*], *Деревни Демины крестьянина Дмитрея Иванова сына Козлова дочь Лиса* [*Стр 1: 94*]. Пермские составители текстов преимущественно сохраняли имена с окончанием -а.

3.2.3. Изменения внутри имен

Многие фонетические изменения происходили не только в начале и в концовках заимствованных имен, но и внутри слов.

В области гласных чаще всего устраняется зияние [Адливанкин 1962]. Во-первых, отмечается стяжение двух гласных (Аврам < Авраам, Варлам < Варлаам, Гаврил < Гавриил, Данила < Даниил, Анурей < Ианупарей, Исак < Исаак и другие). Вместе с тем в памятниках сохраняются и формы без стяжения гласных, ср.:

Авраам > Аврам – *Деревни Красноборовы вдовы Федосьи Родионовой дочери Паршаковой сын Авраам* [*Кун: 527 об.*] и *В городе Кунгуре площадной подьячей Аврам Яковлев сын Пешков* [*КА: 290*];

Варлаам > Варлам – *Кунгурской деревни Гробовой крестьянина Мирона Степанова сына Мулова сын Варлаам* [*Кун: 422 об.*] и *Деревни Калинской крестьянина Козмы Емельянова сына Калина сын Варлам* [*Ч 3: 195 об.*];

Даниил (др.-евр. имя *Dānī'ēl* 'мой судья – бог' [СРЛИ 1: 92]) > Данила – *Осинского села Сайгатки пономарь Даниил Евтропов сын Плетнев* [*ЦС: 193*] и *В городе Кунгуре посадский человек Данила Локанов* [*КЗСИ: 121*];

Ианиарий (лат. *Januarius* 'принадлежащий Янусу – боу солнца и света' [СРЛИ 1: 236]) > Анурей – *Жителя города Соликамска Ильи Петрова сына Богомолова сын Ианиарий* [*ГС: 67 об.*] и *Сылвенской Воздвиженской вотчины крестьянин Гурьян Анурьев* [*Кун: 792*], где фамилии Анурьев из имени Анурей.

Во-вторых, между двумя гласными заимствованного имени развивается звук В (Иван, Коривон, Ларивон, Левонтий, Родивон, Фавста, Хивания) при сохранении в то же время имен без протетического согласного (Иоанн, Корион, Ларион, Леонтий, Родион, Фауст, Хиония):

Ларион > Ларивон – *В Усолье Камском Ларион Трофимов сын Швец* [*КСГ: 5 об.*] и *Чердынского погоста Вильгорта крестьянин Петр Ларивонов сын Мартыновых* [*Уд: 236*];

Леонтий (греч. *leonteios* 'львиный' [СРЛИ 1: 141]) > Левонтий – *Села Мошева пономарь Леонтий Фролов сын Попов* [*ЦС: 178 об.*] и *Чердынского погоста Цыдвы крестьянин Левонтий Григорьев сын Афонасьев* [*Уд: 236*];

Родион (предположительно от греч. *rodon* 'роза' [СРЛИ 1: 189]) > Родивон – *Кунгурского села Березовки крестьянин Родион*

Вилесов [*Кун: 206 об.*] и *Чердынского погоста Цыдвы крестьянин Родивон Варламов сын Вологжанинов* [*Уд: 247*];

Хиония (от греч. *chiōn* 'снег' [СРЛИ 1: 229]) > Хивания – *Села Веретии Троицкой церкви священника Иоанная Алексеева сына Попова дочь Хиония* [*ЦС: 69*] и *Кунгурской деревни Пентюрины крестьянина Василья Леонтьева сына Кайгородова дочь Хивания* [*Кун: 621*].

В-третьих, в именах с исходом *-л*(*о*) гласный И, находящийся после гласного, сокращался до Й (Михайло, Самойло) при сохранении его в кнонических именах на *-ил* (Михаил, Самуил):

Михаил (др.-евр. имя *Mīkā'ēl* 'равный богу Яхве' [СРЛИ 1: 160]) > Михайло – *Чердынского погоста Вильгорта крестьянин Михаил Густокашин* [*Уд: 249*] и *Жилец Усолья Камского Михайло Полуектов сын* [*КСГ: 9 об.*];

Самуил (др.-евр. имя Šĕmū'el 'имя божье' [СРЛИ 1:194]) > Самоил > Самойло – *Кунгурской деревни Ергача крестьянина Афонасья Васильева сына Поскокова сын Самуил* [*Кун: 69 об.*], *Кунгурского села Кыласова крестьянина Дмитрея Степанова сына Майданова сын сын Самоил* [*Кун: 15 об.*] и *Кунгурской деревни Рубежовы крестьянин Самойло Смирный* [*КЗСИ: 165*].

Наконец, один из двух гласных мог исчезнуть (Демид, Федор, Федосья, Федул, Феклист), хотя в других случаях зияние в заимствованных именах сохранялось (Диомид, Феодор, Феодосия, Феодул, Феоклист):

Диомид (от греч. *Dios* (род. п. от Zeus – Зевс) и *mēdomai* 'обдумывать' [СРЛИ 1: 94]) > Демид – *Села Ныроба сторож при церкви Диомид Акиндинов сын Васкецов* [*ЦС: 154 об.*] и *Села Майкорского крестьянин Демид Григорьев сын Давыдов* [*Стр 1: 98 об.*];

Феодосия (от греч. *theos* 'бог' и *dosis* 'дар' [218]) > Федосья – *Села Полазненского священника Василия Михайлова сына Сапожникова жена Феодосия Яковлева дочь* [*ЦС: 1*] и *В Сылвенском острожке на реке Сылве двор просвирницы Федосьи* [*К: 128*];

Феоклист (от греч. 'богом зван' [Берында: 210]) > Феклист – *Кунгурского села Кыласова крестьянина Якова Харитонова сына Еловикова сын Феоклист* [*Кун: 30 об.*] и *Кунгурской деревни Лека крестьянин Феклист Гладких* [КЗСИ: 983].

В одном и том же заимствованном имени по разным причинам реализовывались разные гласные, например, И и У, ср.:

Акилина (от лат. *aquiline* 'орлиная' [СРЛИ 1: 43]) и Акулина – *Кунгурской деревни Колпашниковы вдова Акилина Якова дочь*

Бухвастова [*КЗСИ: 1017*] и *Деревни Пеньков дворового Федора Иванова сына Браткова дочь Акулина* [*Стр 1: 16*];

Вукол (из греч. *bukolos* ‘пастух’ [СРЛИ 1: 81]) и Викул – *Жителя города Соликамска Клементея Афонасьева сына Шевелева сын Вукол* [*ГС 1: 22 об.*] и *Чердынского погоста Лимежского крестьянин Викул Иванов сын Тупицын* [*Ч: 70*].

Не исключено, что замена И на У произошла под влиянием написания, использования в латинице буквы Y, по начертанию похожей на букву У в кириллице, ср.: Киприан (из греч. *Kypros* ‘остров Кипр’ [СРЛИ 1: 131]) и Куприян – *Деревни Захаровы вдовы Федосьи Симановы дочери Цывилевой сын Киприан* [*Кун: 433*] и *В Ново-Никольской слободе Емельян Куприянов сын Сухан* [*А: 137*].

В ряде имен наблюдается межслоговая ассимиляция гласных (Маланья из Меланья и др.):

Мелания (от греч. *melaina*‘черная, темная, мрачная, жестокая’ [СРЛИ 1: 155]) > Маланья – *Кунгурского села Кыласова крестьянина Ивана Федорова сына Крыласова дочь Мелания* [*Кун: 33*] и *Чусовского Верхнего городка крестьянина Ивана Андреева сына Латкина жена Маланья Сергиева дочь* [*Стр 1: 25*];

Пелагия (от греч. *pelagios* ‘морской’ [СРЛИ 1: 177]) > Палагия – *Деревни Лопатины крестьянина Василья Ефремова сына Шелонцева дочь Пелагия* [*Стр 1: 153*] и *Деревни Филатовы крестьянина Матвея Петрова сына Дылдина дочь Палагия* [*Стр 1: 2*].

Происходили изменения в заимствованных именах и в области согласных звуков. В пермских памятниках зафиксировано упрощение групп согласных в результате отбрасывания одного из звуков (Аксен < Авксентий, Амрос < Амвросим, Ефимия < Евфимия, Харлам < Харлампий и др.), ср.:

Авксентий (от греч. *auxanō* ‘расти’ [СРЛИ 1: 36]) > Аксен – *Осинского села Березовки Стефана Федорова сына Шитова сын Авксентий* [*ЦС: 189*] и *Кунгурской деревни Канабековы крестьянина Семена Борисова сына Овсянникова сын Аксен* [*Кун: 75*];

Евфимия > Ефимия – *Села Кишерти священника Иоанна Андреева сын Костарева жена Евфимия Филиппова дочь* [*ЦС: 35*] и *В городе Чердыни дьячка Матфея Данилова сына Попова дочь Ефимия* [*ЦС: 144 об.*];

Константин (от лат. *constans* ‘постоянный’ [СРЛИ 1: 135]) > Костянтин – *Кунгурской деревни Бырыловы крестьянина Ефима*

Федорова сына Бырылова сын Константин [*Кун: 614*] и *В Ново-Никольской слободе Костянтин Григорьев сын Оботуров* [А: 137].

В исследуемых памятниках отражается мена близких по артикуляции согласных, например, замена носового Н согласным М:

Никита (греч. *nikaō* 'побеждать' [СРЛИ 1: 165] > Микита – *Соли Камской жилец Никита Андреев* [*КСГ: 10*], но *В городе Кунгуре пушкарь Микита Онаньин* [*КА: 9*];

Никифор (греч. *nikēphoros* 'побеждающий' [СРЛИ 1: 166] > Микифор – *В городе Кунгуре солдат Никифор Васильев сын Котельников* [*КА: 13*], но *Кунгурского села Троецкого винокуренной поварни целовальник Микифор Рунев* [*КЗСИ: 556*];

Никола (греч. личное имя *Nikolaos* от *nikē* 'победа' и *laos* 'народ' [СРЛИ 1: 166] > Микола – *В городе Кунгуре Евтихия Ерофеева сына Веселкова сын Никола* [*КА: 53*], но *Села Кыласова пономаря Сергея Васильева сына Пономарева сын Микола* [*ЦС: 30 об.*].

Проходила и противоположная замена М согласным Н, ср.:

Мирон (греч. *myrōn* 'плачущий' или *myron* 'миро, благовонное масло' [СРЛИ 1: 159]) > Нерон – *Житель города Кунгура Мирон Мелехин* [*КА: 208*], но *В городе Чердыни место пустое дворовое Анички Неронова сына Плотникова* [*ЕЧ: 25*];

Мефодий (греч. личное имя *Methodios* от *methodeuō* 'прослеживать, разыскивать' [СРЛИ 1: 156]) > Нефед – *Села Дедюхина Рождественской церкви диакон Стефан Мефодиев Пономарев* [*ЦС: 58*], но *Чердынской деревни Бегич крестьянин Нефед Федоров сын Коркодинов* [*Уд: 236*].

Это явление характерно и для заимствований в лексике, в пермских памятниках отмечается, например, в слове *анбар* < *амбар*: *Возле Камы рѣки анбар снастной новой где кладут снасти* [*Ш* 5_2*: 621*], *Продал есми... варницу свою и с цыреном и з дугами и с трубою и з жаравцем и с онбаром против варницы* [*КСГ: 6 об.*], *Ивану достался за городом анбарец что стоит в зарядье над полоемъ от рѣки третий* [*Ш 2: 292*]. То же наблюдается в словах *анбурский* (от Гамбург) и *анбурщина* ('гамбургское сукно'): *Взяли... шапку мужскую верх сукна анбурского красного с пухом бобровым* [*КА; 33*], *Взяли... сукню зеленую сукна анбурского* [*КЗСИ: 814*], *Два кафтана зеленых ветхих сукна абуршины* [*КЗСИ: 910*].

Еще в древнерусском языке претерпевали изменения заимствованные имена с согласными В и Ф. О том, что в далеком прошлом звук В был билабиальным, может свидетельствовать передача с

помощью буквы В звука У в календарных именах, традиционно сохраняющаяся до XVII в. Мена У и В отражается и в пермских памятниках:

Еудоким (греч. *eudokimos* ‘славный’ [СРЛИ 1: 102]) > Евдоким – *В погосте Анисимове на речке Кемзеле двор пуст вдовой попадьи Еленки Еудокимовские жены* [*ЕЧ: 95*] и *Кунгурец Евдоким Садырев* [*КЗСИ: 998*];

Еупл (греч. *eu* ‘хорошо’ и *pleō* ‘плыть’ [СРЛИ 1: 104]) > Евпл – *Села Веретии крестьянин Василей Фролов сын Еуплов* [*Стр 3: 500 об.*] и *Чердынского уезда Косинского стана крестьянин Евпл Быков* [*ЧА: 133*].

Фауст (лат. *faustus* ‘счастливый’ [СРЛИ 1: 214]) > Фавста – *Села Веретии крестьянин Ермолай Михеев сын Фаустов* [*Стр 3: 499 об.*] и *Села Веретии Троицкой церкви священника Петра Алексеева Попова дочь Фавста* [*ЦС: 69*];

В других случаях на письме буква В заменялась Л, что могло быть результатом устранения в далеком прошлом закрытости слога (Ев > Ели), ср.: Евстрат (от греч. *eu* ‘хорошо’ и *stratiōtēs* ‘воин’ [СРЛИ 1: 106]) > Елистрат – *Кунгурской деревни Евдокины крестьянина Степана Ларионова сына Пазласова сын Евстрат* [*Кун: 253*], но *Деревни Гусельниковы крестьянина Мокея Дмитириева сына Трапезникова сын Елистрат* [*Кун: 206 об.*].

Отмечается и передача заимствованного У с помощью букв В и Л:

Евфимий (греч. *euphēmos* ‘благочестивый, священный’ [СРЛИ 1: 113]) > Евфим > Елфим – *В городке Чусовом на реке Чусовой двор попа Евфимия Иванова* [*К: 112*], *Житель города Кунгура Евфим Искорцов* [*КА: 204*], но *В городе Кунгуре посадского человека Анисима Семенова сына Сычева сын Елфим* [*КА: 52*].

В записи части календарных имен пермских памятников наблюдается колебание В и Б:

Абакум (из имени библейского пророка *Hābaqquq* от др.-евр. слова *hābaq* ‘обнимать’ [СРЛИ 1: 33; Берында: 171]) и Аввакум, Авакум – *Деревни Верх-Лека крестьянин Абакум Иванов сын Осипов* [*Кун: 240*] и *Чердынского погоста Искора поп Аввакум Попов* [*ЧМ 2558: 10*];

Абрам (из др.-евр. имени *'Abrām* ‘возвышенный отец’ [СРЛИ 1: 37; Берында: 171]) и Авраам – *В городе Перми жителя Афанасья Матвеева сына Сыропятова сын Абрам* [*Пр 1: 120 об.*], но *Кунгурской деревни Кокуя крестьянин Аврам Накоряков* [*КЗСИ: 1018*];

Амвросим (из греч. *Ambrosios* 'принадлежащий бессмертным, божественный'[СРЛИ 1: 47]) > Авросим > Абросим – *Житель города Соликамска Амвросим Павлов сын Аникин* [*ГС: 81*], *Деревни Гаревой крестьянина Андрея Елисеева сына Ботова сын Авросим* [*Кун: 80*], но *Чердынской деревни Сартаковы житель Амрос Осипов сын Пьячев* [*Ч: 73 об.*].

Отсутствовавший в древнерусском языке звук Ф в заимствованных календарных именах нередко передавали с помощью буквы П или Х. Результаты этого явления отражены и в анализируемых документах Прикамья, ср. параллельное употребление в именах Ф и П:

Иосиф > Иосип – *Келарь Соли Камской Вознесенского монастыря Иосиф* [*ГКЭ 17: 11275*] и *Чердынской деревни Янины крестьянин Иосип* [*ЧМ 2561: 14*];

Осиф > Осип – *Починка Изотова крестьянин Осиф Якимов сын Дураков* [*Стр 4: 759*] и *Чердынского уезда земский целовальник Осип Агеев* [*ЧМ 2558: 11*];

Стефанида (от греч. *stephanos* 'венок' [СРЛИ 1: 205]) > Степанида – *Деревни Бакшиевской верх речки Зукайки крестьянина Александра Родионова сын Мялицына жена Стефанида Андреева дочь* [*Стр 1: 140*] и *В городе Чердыни Степанида Микифорова дочь* [*ЧА: 139*]

В пермских деловых текстах отражается мена Ф и Х. С одной стороны, Х появляется на месте Ф в заимствовании. Правда, иногда *трудно* определить, какой звук был в основе имени. Так, имя Феврония толковали в XVII в. как 'лестнокуплена' [Берында: 238], в XXI в. – как 'видение вечное' или как возникшее из названия города Хеврон в Палестине – местопребывание Авраама и Исаака [СРЛИ 2: 442]. Однако в святцах оно было принято в форме Феврониа. В пермских памятниках Февронья > Хавронья: *Села Кыласова пономаря Матфея Никифорова сына Липина жена Феврониа Сидорова дочь* [*ЦС: 30 об.*], *В Чусовском Верхнем гордке крестьянина Павла Андреева сына Ермакова жена Февронья Алексеева дочь* [*Стр 1: 37*], но *Кунгурского села Кыласова крестьянина Дмитрея Петрова сына Дрокова дочь Хеврония* [*Кун: 31 об.*], *Кунгурской деревни Шестаковы крестьянина Логина Терентьева сына Шестакова дочь Хавронья* [*Кун: 92*], *Деревни Быкова Большого крестьянина Якова Прокопьева сына Ляшкова жена Ховронья Прохорова дочь* [*Ч 2: 134 об.*]

С другой стороны, Х в заимствованном имени заменяется Ф: Евтихий (от греч. *eutychēs* 'счастливый' [СРЛИ 1: 106]) > Евтифей – *Кунгурского села Стретенского крестьянин Евтихий Козлов* [*КЗСИ: 814*], но *В городе Кунгуре ларешный Евтифей Ерофеев* [*КА: 204*];

Малахий (др.-евр. *mal'ākī* 'мой посланец' [СРЛИ 1: 149]) и Малафий – *Чердынского погоста Искора церковный староста Малахий Ураевых* [*ЧМ 2558: 15*], но *Сылвенской Рождественской пустыни крестьянин Малафий Спиридонов* [*КСАУ: 81*].

В изменении согласных внутри слова следует также отметить ряд следующих явлений:

- в результате диссимиляции на месте двух взрывных согласных переход КТ в ХТ: Виктор (лат. *victor* 'победитель' [СРЛИ 1: 75]) > Вихтор – *В городе Перми мещанин Виктор Григорьев сын Мамин* [*ЦС: 48 об.*], но *Житель Вильвенского погоста Измаилко Вихторов* [*РСЧ 5: 127 об.*];

- употребление Т' на месте К' как результат замены, происходившей еще в древнерусском языке, в котором заднеязычный К не мог быть мягким: Евдокия > Евдотья > Овдотья – *В городе Кунгуре Евдокия Герасимова дочь Федора Вахутина жена* [*КЗСИ: 121*], но *Кунгурской деревни Пятковы крестьянина Ивана Фотеева сына Меншенина дочь Евдотья* [*Кун: 170 об.*] и *Соли Камской гостиной сотни Алексеева Онофриева бабушка Овдотья Иванова дочь* [*КМ: 15*];

- смягчение твердых согласных: Матрона (лат. *matrona* 'почтенная замужняя женщина' [СРЛИ 1: 154]) > Матрена – *Деревни Порошины крестьянина Ивана Никифорова сына Порошина дочь Матрона* [*Стр 1: 52 об.*], но *В Чусовском Верхнем городке крестьянина Николы Иванова сына Язвкова жена Матрена Тимофеева дочь* [*Стр 1: 35 об.*];

- отвердение мягких согласных: Сисой (др.-евр. *šīšī* 'шестой' [СРЛИ 1: 201]) > Сысой – *Соли Камской площадной подьячий Сисой Жданов* [*КМ: 34*], но *В Соли Камской подьячей Сысой Жданов* [*КМ: 34*];

- оглушение согласных в результате регрессивной ассимиляции: Евсей (греч. *eusebēs* 'благочестивый' [СРЛИ 1: 105]) > Ефсей – *Деревни Усть-Сумыча крестьянин Евсей Варламов сын Можаев* [*Ч: 28 об.*] и *Деревни Разима крестьянина Петра Филиппова сына Лоскутова сын Ефсей* [*Ч 1: 129*].

Происходили изменения в слогах заимствованных имен. В основном отмечается метатеза согласных в слогах (Автамон из Автоном, Фрол из Флор):

Автоном (греч. *autos* 'сам' и *nomos* 'закон' [СРЛИ 1: 37]) > Автамон – *Села Пермского при Богоявленской церкви священник Автоном Макариев Попов* [*ЦС: 16*], но *Житель города Соликамска Автамон Токмаков* [*Пр 2: 121 об.*].

Венедикт (лат. *benediktus* 'благословенный' [СРЛИ 1: 72]) > Веденикт – *В Чусовском гороке крестьянин Венедикт Максимов сын Вага* [*Е: 95*], но *Кунгурской деревни Пятковы крестьянина Мелентья Петрова сына Косливых сын Веденикт* [*Кун: 182*];

Флор (греч. *flos* (род. п. *floris*) 'цветок' [СРЛИ 1: 225]) > Фрол – В городе Кунгуре посадского человека *Карпа Мартемьянова сына Чарынцова сын Флор* [*КА: 53*], но *Чердынской деревни Октын Сорда крестьяни Фрол Афонасьев сын Горбелов* [*Ч: 171*].

Отмечается перестановка в сочетании согласных в пределах одного слога, ср.: Селивестр (лат. *silvester* 'лесной' [СРЛИ 1: 200]) > Селиверст – *Деревни На Мечке крестьянин Кипреянко Селивестров сын Селев* [*Е 1: 25*], но *Деревни Немзи крестьянин Селиверст Виколов сын Баев* [*Ч: 125 об.*].

Наконец, в пермских памятниках в календарном имени возможна синкопа – отброшен один из слогов: Феофилакт (от греч. *theos* 'бог' и *phylax* 'страж' [220] > Филат – *В городе Кунгуре посадского человека Петра Иванова сына Головина сын Феофилакт* [*КА: 53*], но *Починка Боталина верх Лысьвы крестьянина Якова Тимофиева сына Курганова сын Филат* [*Стр 1: 81*].

Адаптации к русскому языку заимствованного календарного имени нередко способствовало участие нескольких фонетических процессов, например, в антропониме Вахромей из Варфоломей наблюдается мена Ф и Х, перестановка Р и Х и синкопа слога ЛО, т. е. Варфоломей (из арам. имени *Bar-Talmai* 'сын Толмая' [СРЛИ 1: 69]) > Вахромей – *Крестьянин Орла-городка Варфоломей Архипов сын Кошурин* [*Стр 3: 435 об.*], но *Починка Усть-Сепыча крестьянин Вахромей Федотов сын Черноусов* [*Стр 1: 78*].

В ряде имен фонетические изменения были продиктованы приближением непонятного заимствованного имени к употребительным словам русского языка, о чем свидетельствуют патронимы или фамилии, в основу которых легли адаптированные к русскому языку слова. Так, антропоним Полуянов (*В слободке Слудке*

на реке Каме крестьянин Степанко Полуянов [*К: 145*]) восходит к имени Полуян из Полиен (от греч. *poli* 'много' и *ainē* 'хвала, слава' [СРЛИ 1: 181]), т. е. появляется употреблявшаяся в русских словах часть *полу-* 'половина': *полуаршин, полубархатный, полуварница, полугодовой, полугривна, полудорога, полупуд* и др. [СЛПП 2: 76–77]. В источниках разных лет зафиксирована фамилия Полидворов: *Крестьянин деревни Шелыгина на реке Чусовой Гришка Елисеев сын Полидворов*, 1647 г. [*Е: 117*] и его сын *Крестьянин деревни Шелыгина на реке Чусовой Терешка Григорьев сын Полидворов*, 1678 г. [*Б: 187 об.*]. Она восходит к календарному имени Полиодор (от греч. личного имени *Polidōros* из *polydōros* 'богато одаренный, с богатым приданым' [СРЛИ 1: 181]). В новом образовании реализуется русское слово *двор*.

Сопоставление пермских ономастических материалов с данными публикаций памятников XVI–XVIII вв. других территорий России, антропонимических словарей и исследований русской антропонимии, свидетельствует о том, что в текстах Прикамья в изменении заимствованных православных имен отражались общерусские фонетические закономерности, значительная часть которых реализовывалась еще в древнерусском языке.

Благодаря изменениям заимствованных имен в соответствии с нормами русской фонетики появлялись новые антропонимы и состав пермского именника значительно изменился по сравнению с пришедшим на Русь сводом календарных имен, хорошо представленном в словаре Памвы Берынды 1627 г.

В пермских памятниках нет строгой закономерности употребления заимствований в канонической форме или имен, переживших значительную фонетическую адаптацию. Несмотря на то что канонические антропонимы использовались преимущественно при назывании служителей церкви и их ближайших родственников, они нередко встречаются при назывании крестьян, посадских и служилых людей, ср.: *Деревни Мочгинской крестьянина Василья Ефтефеева сына Аникина сын Иоасаф* [*Ч 3: 160*], *Кунгурской деревни Савят крестьянина Герасима Антонова сына Трапезникова сын Феодул* [*Кун: 277*], *В городе Кунгуре посадский человек Иошь Якимов сын Ковалев* [*КА: 54*], *В Соли Камской девица Феодора Павлова дочь Суровцевых* [*КМ: 6*].

Даже во многих текстах, связанных с церковью (в имущественных документах монастырей, деловых списках служителей церкви

и их ближайших родственников), в канонической форме дается только имя называемого, а все остальные антропонимы – имена отцов или мужей (священников, пономарей, дьячков), патронимы, отыменные фамилии – представлены в русифицированной, измененной форме, например: *Осинского села Ясыльского дьячка Ивана Романова сын Иов* [*ЦС: 210*], где при каноническом имени сына Иов представлено характерное для живой речи имя дьячка-отца Иван; *Села Касиба пономаря Ивана Федорова Мышкина сын Алексий* [*ЦС: 180*], при каноническом имени Алексий антропонимы отца Иван и Федоров претерпели фонетические изменения.

В светских текстах, не связанных с церковью, употребление имен в канонической или в народной форме зависело от выучки составителя документа, знания норм церковно-книжного языка и следования им, а также от социального и имущественного положения называемого человека.

Итак, в пермских памятниках конца XVI–XVIII вв. использованы антропонимы в канонической форме, почерпнутые из святцев, и большое количество их вариантов – вновь появившихся календарных имен. В то же время в живой речи функционировали многие новообразования от заимствований, которые не зафиксированы в исследуемых пермских деловых текстах в качестве имен и восстанавливаются лишь на основе созданных от них фамилий. Они значительно дополняют календарный именник, существовавший в Прикамье в XVI–XVII вв.

В результате в исследуемом материале оказались гнезда антропонимов, каждое гнездо восходит к одному полному заимствованному православному имени. Приведем в пример часть таких гнезд (полностью они представлены вместе с дериватами в приложении № 3 «Варианты календарных полных имен»):

Варианты мужских имен

Амвросим – Абросим – Авросим – Амброс – Амбросим – Амрос – Оброс – Обросим

Варфоломей – Варфолом – Варфолома – Варфоломий – Вахромей – Вахромий – Вохромей

Георгий – Егор – Егорей – Егорий – Юрье – Юрья

Евстафий – Астафей – Евстафья – Евстахей – Ефстафей – Ефстафий – Остап – Остафей – Остафий – Стафей – Стафий – Стахей – Стахий

Евтихий – Евтефей – Евтифий – Евтехий – Евтехей – Евтивей – Евтифей – Евтихей – Ефтефей – Ефтефий – Ефтехий – Ефтифей – Ефтихей – Ефтихий – Ехтехий – Ивтихий
Евтропий – Антроп – Евтроп – Евтропей – Ефтропей – Онтроп – Онтропей
Иерофей – Ерофей – Ерофий – Ирофей – Ярафей – Ярафий – Ярофей
Клементий – Клементей – Клим – Климант – Климент – Климентий – Климонт
Константин – Констянтин – Костантин – Костентин – Костянкин – Костянтин
Порфирий – Перфил – Перфилей – Перфилий – Перьфирей – Порфирей
Феофилакт – Феофилат – Фефилатей – Филат – Филатей
Хрисанф – Кирсан – Крисанф – Крысантей – Крысанф – Крысанфей – Хрисанфей
Эллисий – Елеса – Елисей – Елисий

Варианты женских имен

Агрипина – Агрепина – Агрипена – Аграфена – Агрофена – Аргофена – Ографена – Огрофена
Акилина – Акелина – Акулина – Окилина – Окулина
Анастасия – Настасия – Настасея – Настасья
Гликерия – Гликерья – Лукерья – Лукирья
Дария – Дарья
Евдокия – Евдокея – Евдотья – Овдокия – Овдотья – Авдокия – Авдотья
Евфимия – Елфимия – Елфимья – Ефимиа – Ефимия – Ефимья – Офимья – Афимья
Елисавета – Елисавет – Елиса – Елисафет – Елисафета – Лиса – Лисава – Лисавена – Лисафета
Епистимия – Епистимья – Епистинья – Епестимия – Епестиния – Лепестинья
Ефросиния – Евпросинья – Епросинья – Ефросинья – Опросинья – Офросинья – Апросинья – Афросинья
Иустина – Устина – Устиния – Устинья
Ксения – Ксенья – Аксения – Аксенья – Аксинья – Оксинья
Неонила – Ненила – Нинила – Нионила
Феврониа – Февронья– Хеврония – Хевронья – Ховронья – Хавронья
Федосиа – Феодосия – Федосия – Федосья

Все эти антропонимы, зафиксированные в пермских памятниках, существенно расширили календарный именник Прикамья по сравнению со списком канонических имен исследуемого периода, например, представленных в словаре Памвы Берынды 1627 г. Однако еще более широкие возможности для адаптации заимствованных христианских имен к русскому языку и увеличению их в количественном отношении предоставила система именного словообразования, о чем пойдет речь далее.

3.3. Дериваты от мужских календарных имен как результат реализации русского именного словообразования

Заимствованные антропонимы не могли не подчиниться хорошо разработанной системе древнерусского именного словообразования, сложившейся для слов нарицательных и имен собственных [Варбот 1969; Толкачев 1977; Азарх 1984]. Она, как показывают материалы памятников письменности, последовательно реализовывалась в древнерусских именах. Входя в живую речь жителей Руси, православные канонические имена подвергались не только фонетическому прессингу заимствующего языка, но они входили и в его словообразовательную систему. Однако в памятниках отражаются не только следы адаптации заимствований к русской речи, но и результаты обработки имен в соответствии с закономерностями письменного делового текста.

В допетровскую эпоху действовала норма использования при обращении к вышестоящему лицу своего имени в уменьшительно-уничижительной форме, с суффиксами -к(а), -к(о). В такой же форме фиксировались в документах разных жанров имена людей невысокого социального положения (крестьян, купцов, ремесленников, заводчиков, стрельцов, казаков и т. д.) – основной массы жителей России. Исследуемые пермские материалы извлечены из переписных, административных, судебных, имущественных и других деловых текстов, антропонимы в которых записаны по принятым в российском делопроизводстве XVI–XVIII вв. правилам составления документов, и поэтому в них обилие имен с суффиксами -к(а), -к(о). Они образованы либо от полных имен, либо от их дериватов с другими суффиксами, предшествующими -к(а) и -к(о).

Никакой зависимости образования формы с -к(а) или с -к(о) от полного имени в пермских источниках не обнаружено, в ряде случаев обе образованы от одной основы: Викулка и Викулко, Елфимка и Елфимко, Ерофейка и Ерофейко, Захарка и Захарко, Иванка и Иванко, Июдка и Июдко, Максимка и Максимко и т. д. Ср.: *Чердынского уезда житель Викулка Баев* [*РСЧ 10: 8 об.*] и *Орла-городка крестьянин Викулка Иванов сын Чаплин* [*Е: 89*]; *Деревни Зырянки на реке Зырянке крестьянин Иванка Окараков* [*Я: 11*] и *Чердынского погоста Губдора крестьянин Иванко Бараш* [*Я: 30*]; *Чердынского погоста Вильгорта на реке на Колве крестьянин Максимка Олферов сын Чюга* [*КЧ: 75*] и *В городе Чердыни беспашенный крестьянин Максимко Панов* [*Я: 14*]. Вместе с тем в пермских текстах количество имен с -к(о) существенно преобладает над написанными с -к(а), они находятся в соотношении приблизительно 2: 1 соответственно. Однако если учитывать количество словоупотреблений, то преобладание форм на -к(о) существенно возрастет. На их написании сказывалось отражение пермского оканья.

При возникновении деривата в результате присоединения суффикса к основе, оканчивающейся на два согласных звука, возникало труднопроизносимое сочетание согласных, которое иногда при написании упрощалось: Крысанфко (из полного Хрисанф) передается как Крысанко (*Деревни Чудского Городища крестьянин Крысанко Дмитриев сын Поспелов* [*К: 142*]), Феоктистко как Феоктиско (*Чердынского погоста Вильгорта бобыль Феоктиско Корнилов сын Плотников* [*БЧ: 139*]). Однако обычно составители текстов старались сохранить правильное написание: *Сельца Камасино крестьянин Крысанфко прозвище Пятко Иванов сын Глазунов* [*Е: 118*], *Деревни Оборины на реке на Каме крестьянин Феоктистко прозвище Бархатко Тимофеев сын Оборин* [*К: 153*].

В случае, когда основа календарного имени оканчивалась на согласный звук К, он последовательно переходил в Ч (следы первой палатализации *k перед суффиксом *-ьk) – Исачка, Лучка, Фочка, Марчко, Оничко, Патрачко: *Деревни Серьги крестьянин Исачка Афанасьев сын Устюжанин* [*Е: 112*], *В Сылвенском острожке на реке Сылве крестьянин Лучка Ермаков* [*К: 128*], *В Орле-городке крестьянин Марчко Мартемьянов сын Березин* [*Е: 107*], *В слободке Слудке на реке на Каме крестьянин Степанко Полуянов с сыном Оничкою* [*К: 147*].

В ряде случаев формы с -к(а), -к(о) (*Слободы Нового Усолья крестьянин Александрко Корнилов сын Пятин* [*Б: 154 об.*], *Житель Обвы Поликарпко Серебряников* [*РСЧ 5: 60*]), были возможны в письменных текстах, но трудны для произношения из-за сочетания нескольких согласных звуков. И параллельно с ними в пермских памятниках употребляли имена с уменьшительным суффиксом -ик: *Соли Камской посадский человек Александрик Ростовщиков* [*КМ: 6*], *Чердынский крестьянин Сандрик Губин* [*РСЧ 4: 51 об.*], *Житель Соли Камской Поликарпик Овсяников* [*КМ: 38*]. Преимущественно это были имена с плавными Р и Л в конце основы: *В городке Чусовом на реке Чусовой посадский молодчий человек Александрик Иванов сын серебряник* [*К: 112*], *В сельце Никольском на реке Каме и на речке Муловке пищальник Павлик Кузмин сын Брюхан* [*К: 121*], *Деревни Чудского Городища на реке Усолке крестьянин Самойлик Иванов сын Рудомет* [*К: 142*]. Однако складывается впечатление, что имена с суффиксом -ик были менее уничижительными, чем с -к(а), -к(о), особенно если учесть положение называемых: *серебреник* 'ювелир', *рудомет* 'лекарь', *пищальник* 'воин с пищалью', из семьи *ростовщика*.

Еще один менее уничижительный, чем -к(а) -к(о), суффикс -ец, употреблявшийся в XVI в. (вспомним имена Иванец и Федорец из послания Ивана Грозного), уходит в прошлое. В пермских памятниках он встречается в именах со значением уменьшительности редко и только в этот период (*В Усолье Камском Фарафонец Петров сын* [*КСГ 5: об.*], 1597 г.). Об употреблении его в XVI в. свидетельствуют фамилии XVII–XVIII вв., образованные от имен с -ец: *Кунгурской деревни Верх-Кунгура крестьянин Фотий Максимов сын Павлецов* [*КЗСИ: 433*)], *Села Янидора дьячек Иван Акиндинов сын Васкецов* [*ЦС: 157 об.*], *Чердынец Петр Алексеев сын Васнецов* [*Уд: 293*], *Деревни Верх-Чермо(з)ской житель Сава Прокопьев сын Иванцов* [*Ч 5: 64*]. Возможно, на исчезновение таких имен повлияло активное распрастранение в XVII столетии в деловых текстах именований людей по месту проживания в прошлом с суффиксом -ец, ср. в пермских памятниках: *балахонец, белослудец, верхолалец, володимерец, вондокурец, гаенец, кивакурец, кокшарец, колмогорец, кунгурец, матигорец, нижегородец, обвинец, поморец, пошехонец, ростовец, рязанец, сухонец, сысолец, чердынец, ярославец* и другие.

Суффиксы -к(а) и -к(о) могли присоединяться почти ко всем дериватам, уже получившим различные другие суффиксы, т. е. к именам с исходом -(я), -(а), -н(я), -ш(а) и т. д.

Так, в Прикамье XVI–XVII вв. употреблялись дериваты с исходом -(я), образованные от полных имен – Боря (от Борис), Вася (Василий), Вахря (Вархромей < Варфоломей), Гуря (Гурий), Ларя (Ларион), Кипря (Киприан), Фаля (Фалалей), Харя (Харитон) и т. д., например: *Чердынского погоста Пянтега на реке Каме крестьянин Афоня Ботаногов* [*Я: 34 об.*], *Чердынского уезда Вильгортского погоста крестьянин Ларя Сарков* [*Я: 27*]. Эти бытовые именования попадали в деловые памятники относительно редко, но легко восстанавливаются либо по патронимам (*Чердынского уезда деревни Калинской крестьянин Яков Гурин сын Калин* [*Ч 3: 191*]), либо по отыменным фамилиям: *Деревни Очги Кошелева крестьянин Федор Иванов сын Бориных* [*Ч: 59 об.*], *Чердынской деревни Нижнего Шакшера на реке Каме вдова Ульяница Митрофановская жена Вахрина* [*ЕЧ: 165*], *Чердынской деревни Глебовы крестьянин Роман Леонтьев сын Киприных* [*Ч: 23 об.*], *Житель Пожвенского завода Марко Трофимов сын Фалин* [*Стр 4: 767 об.*], *В городе Чердыни пономарь Оничка Иванов сын Харин* [*ЕЧ: 2 об.*]. Обычно это двухсложные имена, хотя иногда отмечаются и трехсложные, например Оверя: *Чердынской деревни Вотцкой крестьянин Оверя Лунегов* [*Я, 18*].

По аналогии с ними возникали имена с окончанием -(а) – Дема, Рома, Степа, Тима, которые тоже реконструируются по патронимам и фамилиям пермских текстов: *Чердынского уезда с Березова крестьянин Дорошка Деминых* [*РСЧ 7: 35 об.*], *Деревни На Шершенке-речке Яков Филипов сын Ромин* [*Стр 1: 190 об.*], *Житель погоста Искор Евсейка Тимин* [*РСЧ 7: 35 об.*].

Календарные имена на -(я) появились в результате сближения их с некалендарными, восходящими к словам на -ят(а). Они возникали по аналогии с именами нарицательными праславянского склонения на *-ent (*дитя*, *теля*; см. раздел 2.2.1) и отмечаются в древнерусских памятниках, в частности в ногородских берестяных грамотах, например: Климя (из Климята), Емеля [Зализняк 1995: 694, 697].

Так как в деловой письменности XVI–XVII вв., имена обычно употреблялись в уничижительной форме и приобретали суффиксы -к(а), -к(о), то и антропонимы с -(я) в пермских текстах тоже по-

лучали этот суффикс: Емелька, Васька и др. Они были широко распространены в памятниках Прикамья, особенно в переписных текстах, ср.:

- с суффиксом -к(а) – *В Чусовском городке крестьянин Емелька Васильев сын Мингалев* [*Е: 116*], *Чердынского починка Анисимова на речке Кемзеле крестьянин Васька Шишмарин* [*Я: 17 об.*], *Карагаевского погоста деревни Алешины крестьянин Борька Алексеев* [*СПИИ 6: 1529*], *В городе Чердыни беспашенный крестьянин Ларька Меркурьев сын Черемисинов* [*КЧ: 47 об.*], *В городе Чердыни крестьянин Митька Негодяев* [*Я: 13*];

- с суффиксом -к(о) – *Житель слободы Нового Усолья Матюшко Степанов сын Кудреватов* [*Е: 106*], *Починка Ивакина крестьянин Дан(ь)ко Матфеев сын Улитин* [*Б: 98 об.*], *В городе Чердыни беспашенный крестьянин Лар(ь)ко Солодовников* [*Я: 13 об.*] и т. д.

Такие антропонимы попадали в судебные документы при передаче прямой речи жителей Прикамья, т. е. были употребительными в быту.

Среди дериватов на -(я) были образованные от полных имен, имевших в основе согласный Н: Акинфий, Антоний, Афанасий, Даниил, Иван, Миней, Онисим и другие. В результате в дериватах оказывался исход -н(я) – Окиня, Онтоня, Афоня, Ваня, Даня, Миня, Оня: *Чердынского погоста Пянтега на реке Каме крестьянин Афоня Ботаногов* [*Я: 34 об.*], *В деревне Бигичи крестьянин Офоня Андреев* [*Я: 17 об.*], *В погосте Анисимов на реке Кемзеле... Миня Тимофеев* [*Я: 17 об.*], *В городе Чердыни беспашенный крестьянин Окиня Котельник Иванов* [*Я: 13 об.*]. Часть подобных дериватов, употреблявшихся в Прикамье в XVI–XVIII вв., восстанавливается по фамилиям: *В Чусовском Верхнем городке посадский человек Ивашко Дмитреев сын Ванин* [*К: 139*].

В результате распространения таких форм появляется суффикс -н(я) в дериватах от полных имен, не имевших в основе звука Н, – Гриня (от Григорий), Дороня (от Дорофей), Луканя (от Лука), Проня (от Прохор), Сеня (от Семен): *Чердынского уезда крестьянин Гриня Чобин* [*РСЧ 5: 142*], *Деревня Камгорт... крестьянин Проня Васильев* [*Я: 24*]. От таких дериватов образованы многие пермские фамилии: *Чердынского уезда Онисимовского стана крестьянин Мишка Доронин* [*РСЧ 3: 47*], *Чердынец Данилка Луканин* [*РСЧ 5: 13 об.*], *Чердынского Пянтежского стана крестьянин Лар(ь)ко Сениных* [*РСЧ 5: 78 об.*].

К дериватам на -н(я) в деловых документах обычно присоединялись -к(а) или -к(о) – Ганька, Гераныка, Данька, Доронька, Луканька, Онька, Останька, Офонька, Пронька, Сенька: *Чердынский крестьянин Дан(ь)ко Зубаткин* [*РСЧ 3: 52*], *Кунгурского уезда крестьянин Дорон(ь)ко Сибиряков* [*РСК 1: 6*], *Кунгурский крестьянин Луканка Дмитриев* [*РСК 1: 10*], *В Усолье Камском беспашенный крестьянин Сен(ь)ко Лучник* [*Я: 4*].

Исследуемые тексты содержат также дериваты с суффиксами -ун(я), -юн(я), -уньк(а), -юньк(а), -уньк(о), -юньк(о): Карпунька, Петрунька, Сергунька, Федюнька, Якунька / Якунько: *Деревни Рожины крестьянин Карпунька Емельянов сын Шишкиных* [*Е: 114*], *В городе Кунгуре Петрун(ь)ко Иванов, барабанщик* [*КА: 7*], *Кунгурский беглый денщик Сергун(ь)ко* [*КА: 168*], *Чердынского погоста Цыдвы бобыль Федюнька Игнатьев сын Кушев* [*БЧ: 175 об.*], *Деревни Над Курьею крестьянин Якунька Федотов сын Колопаев* [*Е 1: 153*], *Деревни на речке Лысьве крестьянин Якун(ь)ко Никифоров сын Чирков* [*Б: 195*].

В пермских памятниках значительное место занимали имена с суффиксом -ш(а), существовавшие в русском языке с древних времен, отмечавшиеся в новгородских берестяных грамотах: Гавша, Григша, Даньша, Евша, Клиша, Миша, Олекша, Прокша [Зализняк 1995: 694]. В Прикамье употреблялись дериваты с этим суффиксом после первого или второго слога полного имени – Гаша, Гриша, Егоша, Епиша, Ивша, Паша, Проша, Яша: *В городе Чердыни беспашенный крестьянин Гриша Тапов* [*Я: 14 об.*] *Кунгурской деревни Турыша черемисин Тимоша Тебенеев* [*КЗСИ: 281*]. Такие дериваты, не попавшие в пермские тексты, легко восстанавливаются по образованным от них фамилиям, ср.: Алеша (*Чердынского погоста Косинского крестьянин Захар Петров сын Алешин* [*Ч: 170 об.*]), Гаша (*Чердынского Онисимовского стана житель Фомка Гашин* [*РСЧ 5: 48 об.*]), Епиша (*Житель Кызеловского рудника Анофрий Никитин сын Никитин и Епишин* [*Ч 1: 140*]), Яша (*Житель города Соликамска Петр Козмин сын Яшин* [*ГС: 1751*]), Проша (*Проша Житель Губдорского погоста Федоско Прошин* [*РСЧ 5: 111 об.*]).

В результате присоединения к таким именованиям -к(а) и -к(о) в пермских памятниках образованы десятки дериватов с исходом -шк(а) и -шк(о), они были характерны для писцовых и переписных книг XVI–XVII вв., например, Гашка / Гашко, Гришка, Дорошка,

Епишка, Ерошка, Ивашка / Ивашко, Игнашка / Игнашко, Мелешка, Митрошка, Мишка, Микишка, Никишка, Ромашка / Ромашко, Тишка / Тишко, Трошка / Трошко и др.: *В сельце Верх Мул(л)инском крестьянин Ивашка Евдокимов сын Полков* [*Б: 116 об.*], *Чердынской деревни Искора крестьянин Ивашко Белко* [*Я: 23 об.*], *Деревни Балдины крестьянин Пашка Карпов сын Мазуниных* [*Б: 203*], *Чердынской деревни Очги Меньшей крестьянин Пашко Рогозин* [*Я: 26*], *Усолец Тишка Парфеновых* [*РСЧ 5: 43 об.*], *Кунгурского села Рождественского крестьянин Тишко Мичков* [*КЗСИ: 128*].

Древними в дериватах были суффиксы -уш(а), -юш(а), представленные в пермских именах (Петруша, Семуша, Яруша, Андрюша): *В городе Чердыни беспашенный крестьянин Андрюша Корела* [*Я: 14 об.*], *Деревня Ручиб... крестьянин Петруша Урманчиев* [*Я: 29*]. Многие из них стали основой фамилий: *Житель Мошевского погоста Микитка Семушин* [*РСЧ 5: 122*], *Деревни Федоровы на реке Обве крестьянин Старко Ярушин* [*Я: 42*]. Однако в деловых текстах к таким дериватам обычно присоединялся уничижительный суффикс, ср. имена с суффиксами:

-ушк(а) – Кипрушка, Лаврушка, Маркушка, Меркушка, Патрушка, Петрушка, Сергушка, Федорушка – *Деревни Вороновы на реке Сылве Вахрушка Михайлов сын Карсаков* [*Б: 164 об.*], *Чердынец Кипрушка Оболенский* [*РСЧ 3: 48*], *Чердынского погоста Вильгорта бобыль Лаврушка Денисов сын Гуляев* [*ЕЧ: 5 об.*], *Соли Камской жилец Петрушка Фомин сын* [*КСГ: 4 об.*];

-юшк(а) – Евтюшка, Илюшка, Кирюшка, Мартюшка, Матюшка, Ондрюшка, Ортюшка – *Кунгурской деревни Черного Яра крестьянин Евтюшка Сердитов* [*КА: 12*], *Чердынского погоста Енидора на роднике крестьянин Илюшка Иванов сын Попышкин* [*КЧ: 116*], *В городе Чердыни двор пуст Мартюшки Петрова сына Хомутова* [*ЕЧ: 14 об.*];

-ушк(о) – Вахрушко, Маркушко, Меркушко, Сергушко, Якушко,: *Деревни Верхолужской крестьянин Вахрушко Осипов сын Трапезников* [*Е: 110*], *Деревни Толстика на реке Каме крестьянин Маркушко Яковлев сын Кузнецов* [*КС: 119*], *Деревни За Полазною-речкою у мельницы крестьянин Сергушко Осипов сын Анисимов* [*Е: 130*];

-юшк(о) – Матюшко, Ондрюшко: *В городе Чердыни беспашенный крестьянин Матюшко Елисеев сын Засухин* [*КЧ: 47*], *В городе Чердыни пашенный крестьянин Ондрюшко Офонасьев сын Якутов* [*ЕЧ: 5*].

Сопоставление суффиксов дериватов мужских некалендарных и календарных имен пермских памятников XVI–XVIII вв. (см. приложение № 1) свидетельствует о том, что заимствованные еще древнерусским языком календарные имена к XVII в. уже окончательно приспособились к русскому именному словообразованию. Отличия в формировании дериватов от некалендарных и календарных имен в Прикамье связаны с относительно небольшим количеством суффиксов. Например, не отмечены соответствия календарных имен некалендарным дериватам с суффиксами -г(а), -яг(а), -ыг(а) (Бачга, Бесерга, Мальга, Синяга, Смирняга, Бусыга, Колотыга), хотя в современном русском языке такие дериваты существуют: Ваняга, Васяга, Митяга, Тимага [СРЛИ 1: 256, 259, 325; СРЛИ 3: 90, 139, 330].

В пермских текстах мало календарных имен с исходом -т(а), тогда как среди некалендарных есть с суффиксами -ет(а), -от(а), -ут(а), -ют(а) (Малета, Верхота, Хлебута, Малюта). Не встретились соответствия к некалендарным именам с исходом -ень (Лежень), -арь (Лызгарь), -ырь (Носырь). Видимо, подобные имена слишком близки к индивидуальным прозвищам и апеллятивам и не способствовали развитию дериватов от календарных имен с такими суффиксами.

Нет календарных имен с суффиксами -ят(а), -енок, -онок, но и среди некалендарных они сходят на нет (Хлепята, Гостенок). Параллельно с некалендарными именами на -л(о) (Братило, Жубрило) употребляются подобные календарные (Кирило, Михайло, Самойло) и вместе с ними календарные на -ил (Кирилл, Михаил, Самуил).

Однако значительная часть суффиксов наблюдается в дериватах и от некалендарных, и от календарных имен (см. приложение № 1). Среди календарных имен особенно активно развиваются дериваты с суффиксами, начинающимися с -у / -ю: -утк(а)[25], -ютк(а), -учк(а), -ючк(а), -ушк(а), -юшк(а), -ук(а), -уньк(а), -юньк(а), -ур(а), -ут(а), -ют(а), -ух(а), -юх(а), -уш(а), -юш(а), -ук, -юк, -ушк(о), -юшк(о), -уньк(о), -уш, -ул(я), -юл(я), -ун(я), -юн(я), ср.: Мишутка, Евсютка, Артючка, Лаврушка, Андрюшка, Карпунька, Федюнька, Артюка, Федура, Вахута, Семуха, Митюха,

[25] Перечисление суффиксов соответствует порядку их расположения в приложении № 1.

Петруша, Андрюша, Савук, Васюк, Маркушко, Артюшко, Якунько, Вахруш, Федюля, Карпуня, Федюня.

Материал для изучения мужских календарных имен значителен по объему. Часть имен зафиксирована непосредственно в исследуемых памятниках, другая часть восстановлена по косвенным данным (патронимам, андронимам, отыменным фамилиям, отыменным топонимам).

Так, по патронимам устанавливаются формы мужских имен Автомон, Акиндин, Алферей, Евлампий, Манойло и Мануйло и других, не попавших в исследованные документы: *Деревни Плеса крестьянина Григорья Иванова сына Буракова жена Анна Автомонова дочь* [*Ч 1: 192 об.*], *Села Ныроба сторож при церкви Диомид Акиндинов сын Васкецов* [*ЦС: 154 об.*], *Деревни Над Курьею крестьянин Петрушка Алферьев сын Колупаев* [*Б: 192 об.*], *В городе Перми житель Иван Евлампиев сын Чечуров* [*Пр 2: 46*], *Кунгурской деревни Гробовы крестьянин Ларион Манойлов сын Стахиев* [*Кун: 425 об.*], *Кызеловского рудинка дворового Андрея Леонтьева сына Щербинина жена Анна Мануйлова дочь* [*Ч 1: 141*].

Часть мужских полных имен или дериватов от них (Еня < Енох, Епиша, Ерема, Еська < Есип < Иосиф, Еупл, Ехт < Евтей), установлена по фамилиям: *Погоста Чигимера крестьянин Пимин Савин сын Ениных* [*Ч: 117*], *Житель Кызеловского рудника Анофрий Никитин сын Никитин и Епишин* [*Ч 1: 140*], *Чердынского уезда гаенец Ефимко Ереминых* [*РСЧ 10: 14*], *Деревни Еськины крестьянин Терентей Федоров сын Еськинов* [*Стр 2: 365*], *Села Веретии крестьянин Василей Фролов сын Еуплов* [*Стр 3: 500 об.*], *Осинской округи Колпаковской сотни крестьянин Исай Ехтов* [*Кун; 130 об.*].

Названия женщин по именам их мужей тоже дополняли списки мужских имен – Аврам, Агафон, Александр, Гаврило, Максим: *В городе Кунгуре вдова Устинья Давыдова дочь Аврамовская жена Кустова* [*КА: 55*], *Кунгурской деревни Кокуя Аврамова жена Мавра* [*КЗСИ: 1018*], *Чердынского погоста Вильгорта на реке Колве вдова Катеринка Агафоновская жена Трапезникова* [*КЧ: 75 об.*], *Чердынской деревни Вотцкой на Коч-реке вдова Марьица Александровская жена Колычева* [*КЧ: 72 об.*], *Чердынской деревни Серегова на реке Колве вдова Парасковьица Гавриловская жена Алина* [*ЕЧ: 40 об.*], *В Усолье Камском вдова Оринка Максимовская жена Сартакова* [*КС, 159 об.*].

На основе топонимов также восстанавливаются различные формы мужских имен – Ваней, Григор, Ыгнат, Мелентей, Микула, Орефа, Патря (из Патрикий), Сергий: *Сена по реке по Чусовой и на починке что был Ванеев Луг и на наволоке и на починке на Подсотном 592 копны* [*К: 114*], *На Григорове горе уломано медныя руды при немцах пятьсот десять пуд* [*Ш 2: 482*], *Ыгнатовское озерко* [*Я: 23 об.*], *Мелентьева деревня на реке на Каме* [*Я: 34 об.*], *Микулин починок на речке на Усолке* [*Я: 7*], *Орефин починок на реке Каме на усть реки Вишеры* [*Я: 32*], *А бережная поженка словет что под Патриным городищем возле Яйву-реку* [*Ш 2: 294*], *Сергиев починок* [*Я: 32*].

Таким образом, материалы пермских памятников дают большой подсобный материал, позволивший дополнить и увеличить списки мужских имен. В результате развития фонетических вариантов канонических имен и образования дериватов список мужских имен пермских памятников оказался весьма обширным (см. Приложение № 4 «Мужские календарные имена»). Самыми популярными в нашей картотеке для исследования оказались следующие имена (их варианты и дериваты): Иван, Федор, Тимофей, Георгий, Константин, Петр, Андрей, Дмитрий, Евстафий, Иерофей, Семен, Герасим.

3.4. Женские календарные имена

В изученных пермских памятниках использовались только календарные женские имена, а именно: канонические, их варианты и дериваты от них (см. Приложение № 5 «Женские календарные имена»). Как показано выше, женские некалендарные имена, которые могли употреблять в быту, в исследованных пермских памятниках пока не встретились. В деловых документах девочек и девушек именовали обычно дериватами от календарных имен с суффиксом -к(а): *Стал де он…девке Оленке Кривошее говорить, чтоб она выдала ему шапку* [*КА: 10*], *Не я де крала тебя сестра моя Танька* [*ЧМ 2561: 2*]. Женщин в разговоре (или в записи разговора) о них именовали анронимами, т. е. прозвищами, образованными от антропонимов их мужей (имен или индивидуальных прозвищ) с суффиксом -их(а): *Чердынского погоста Анисимова на речке на Кемзеле вдова попадья Каптелиница Давыдиха* [*ЕЧ:

92 об.], *В городе Чердыни место пустое дворовое Ефросиньицы Киселихи* [*ЕЧ: 23 об.*], *Истец слался...на Терешиху в том что она Терешиха сказывала ему Калинке что де она толкнула Марьица и она де вподлинник жеребенка затонула в воду* [*КА: 64*]. Иногда окружающие не знали имени женщины и называли ее только таким прозвищем. Однако в переписных документах андронимы на -их(а) при редактирровании текста, заменяли относительным прилагательным: *В городе Кунгуре вдова Катерина Яковлева дочь Терентиевская жена Аристова* [*КА: 54*].

Функции именований по мужу на -их(а) в какой-то мере соответствовали функциям некалендарных мужских имен, но они не попадали в деловые тексты, так как составителями документов ощущался неофициальный, просторечный характер этих прозваний.

В XVI–XVII вв. женские имена в Прикамье отмечались главным образом в завещаниях, имущественных и судебных документах, лишь в единичных случаях они фиксировались в писцовых и переписных книгах, подорожных и других текстах. В XVIII в., после Петровских реформ, женские имена отмечаются в памятниках различных жанров. Во второй половине века они становятся обязательными наряду с мужскими именами в переписных текстах – в ревизских сказках, хотя положение женщин в семье и обществе не изменилось, они были такими же зависимыми от мужей или отцов, как и в прежние столетия.

В исследованных нами памятниках в целом женских имен на порядок меньше, чем мужских. Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, бóльшими социальными ограничениями женщин по сравнению с мужчинами, которые как главы семейств записывались в документах разных жанров: в административных и имущественных актах, в переписных текстах и других актах XVI–XVII вв. Женские имена в них отмечались при наследовании или разделе имущества, а также при потере мужа – главы семьи, когда его функции передавались вдове. Вместе с тем женских имен много в судебных документах, где учитывались их показания как ответчиков или свидетелей и описывались различные события с участием женщин.

Во-вторых, меньшее по сравнению с мужскими количество женских имен, доступных исследователям, обусловлено невозможностью их реконструкции по косвенным данным памятников, так как этих данных практически нет. Женские имена обычно

фиксировались в текстах только при непосредственном упоминании конкретных женщин.

Мужские имена тоже записывались при назывании конкретных лиц, и таких записей множество в различных документах, в частности в переписных текстах XVI–XVII вв., где учитывались только главы семейств, их сыновья и пасынки. Но большое количество мужских имен оказалось возможным восстановить в результате исследования патронимов мужчин и женщин, складывающихся семейных именований, переходящих в фамилии, андронимов и топонимов (см. раздел 3.3). В результате оказалось, что материалы пермских памятников дают большой подсобный материал, позволяющий дополнить, увеличить списки мужских имен. Таких материалов для реконструкции женских имен (например, Марья, Орина, Катя, Марфа) в памятниках крайне мало, лишь иногда отмечаются отдельные топонимы или фамилии: *Марьина деревня на ручью на Потыме* [*КС: 182*], *Деревня Леонтьевская Мальгина что было займище Кондрашки Леонтьева на Оринине селище* [*КС: 179*], *Чердынского уезда Вильгортского стана житель Анашка Катиных* [*РСЧ 4: 49 об.*], *Житель деревни Домрянка Артюшка Тимофеев сын Марфин* [*КС: 151*]. Тем не менее, тексты Прикамья позволяют охарактеризовать некоторые особенности словообразования и функционирования женских имен.

Женские канонические имена, как показано выше (раздел 3.2.2), зафиксированы с окончаниями -а (Агрипина, Акилина, Александра, Алинпида, Анна, Антонида, Анфиса, Варвара, Василиса, Васса, Домна, Елена, Елисавета, Епифана, Ирина, Иулита, Иустина, Каптелина, Катерина, Кристина и др.), -иа (Анисиа, Ефимиа, Феврониа) и -ия (Агафия, Анастасия, Афонасия, Гликерия, Григория, Дария, Евгения, Евдокия, Евлампия, Евпраксия, Евстолия, Евфимия, Епистимия, Ефрония, Ефросиния и т. д.)[26]. Но в живой русской речи происходила редукция в окончании, и параллельно с именами на -иа, -ия употреблялись общерусские народные формы на -ья (Агафья, Гликерья, Дарья, Евдотья, Епистимья, Ефимья, Ефросинья, Зиновья, Ксенья, Маланья, Марья, Настасья, Наталья, Софья, Устинья, Февронья, Федосья). Кроме того, в памятниках отмечаются имена с исходом на -ея (Пелагея, Соломея).

---

[26] Лишь одно женское имя – Любовь, являющееся калькой с греч. имени *Charis* от *charis* ‘любовь’ [СРЛИ 1: 145], не имеет окончания -а.

Наиболее распространенными дериватами от календарных женских имен в деловой письменности Прикамья были образования с суффиксами -к(а) и -иц(а). Выбор суффикса не зависел от женского имени, от любого из них могли создать формы с каждым из суффиксов, ср.:

Вознесенского монастыря крестьянка Александрка Родионова дочь Демкина жена Шурманова [*КА: 189*] и *Чердынского погоста Ныроба вдова Александрица Васильевская жена Гундина* [*ЕЧ: 91*];

Деревни Калина Луга на реке Чусовой Карповская жена Плешкова Варварка [*К: 144*] и *В городе Чердыни вдова Варварица Федоровская жена Кочкина* [*ЕЧ: 10 об.*];

В Орле-городке на реке Каме вдова Каптелинка Ивановская жена Володимерова [*К: 171*] и *В городе Чердыни двор пуст вдовы Каптелиницы Щеголихины* [*ЕЧ: 18*];

Погоста Бондюга просфирница Маремьянка Меншикова [*ЕЧ: 124 об.*] и *Чердынской деревни Серегова на реке Колве вдова Маремьяница Ивановская жена Бахорева* [*ЕЧ: 39 об.*];

Чердынской деревни Лызова вдова Соломейка Сизиковская жена [*ЕЧ: 55 об.*] и *Чердынсккого погоста Анисимова на речке Кемзеле вдова Соломеица Костентиновская жена Росохина* [*ЕЧ: 92 об.*];

В городе Чердыни девка Федорка Борискова дочь Тыркова [*КЧ: 51*] и *Чердынского погоста Вильгорта вдова Федорица Власевская жена Гребенщиковых* [*БЧ: 144 об.*].

Являясь уменьшительно-уничижительными, имена с суффиксами -к(а) и -иц(а) не были абсолютно тождественными. Они отражали социальное положение женщин, но, кроме того, были связаны еще и с характеристикой женщины по семейному положению и по возрасту. Девочек и девушек не называли именем с -иц(а), оно годилось лишь для замужней женщины или вдовы. Но суффикс -к(а) подходил для имен всех лиц женского пола, в том числе вдов: *Погоста Вильгорта на реке на Колве вдова Ографенка Ивановская жена Костарева* [*КЧ: 76*].

В памятниках есть отдельные случаи, когда одну и те же женщину называли именами с разными суффиксами: *В Кунгурском уезде крестьянка Опросинка Мосиева жена... она же Евфросиньица* [*КЗСИ: 116*]. Подобные примеры говорят о том, что имена с -иц(а) были более официальными, чем с имена с -к(а), характерные для просторечия, для говоров, о чем могут свидетельствовать

и следы фонетических изменений в именах. Так, в приведенном примере в имени Опросинка отражается народное произношение слова: начальное Е перешло в О, в сочетании группы согласных ВФ сохранился лишь один звук Ф, который перешел в П. А в антропониме Евфросиьица таких изменений нет.

Суффиксы -к(а) и -иц(а) в деловой письменности легко присоединялись к основе полного календарного имени, ср.:

Антонида > Антонидка и Антонидица – *В городе Чердыни работница девка Антонидка Власова дочь Быкова* [*РСЧ 5: 74 об.*] и *В Соли Камской Антонидица Максимовская жена Мячина* [*КМ: 1 об.*];

Варвара > Варварка и Варварица – *В городе Чердыни вдова Варварка Григорьевская жена Смоленово* [*ЕЧ: 11 об.*] и *Чердынка Варварица жена Гаврилка Пестова* [*РСЧ 8: 12 об.*];

Ефимиа > Офимья > Офимка и Офимьица – *В городе Чердыни вдова Офимка Оврамова дочь Тимофеевская жена Кичанова* [*БЧ: 49*] и *В городе Чердыни изба пустая вдовы Офимьицы Афонасьевские жены Бырылова* [*ЕЧ: 20*];

Соломия > Соломея > Соломейка и Соломеица – *Чердынской деревни Лызова вдова Соломейка Сизиковская жена* [*ЕЧ: 55 об.*] и *Чердынского погоста Анисимова на речке Кемзеле вдова Соломеица Костентиновская жена Росохина* [*ЕЧ: 92 об.*].

В бытовой речи в Прикамье использовались двух- или трехсложные дериваты от женских полных имен с исходом -(я) и -н(я): Катя, Парася, Параня, Таня. Они восстанавливаются по косвенным данным – по редким фамилиям от женских антропонимов, по именам с суффиксом -к(а), топонимам: *Чердынского погоста Цыдвы крестьянин Стефан Катин* [*Уд: 248*], *В Чердынском уезде Паран(ь)ка Ивашкова жена Леонтьева* [*РСЧ 5: 63*], *Чердынского погоста Цыдвы крестьянин Ондрей Дорофиев сын Офонасьевых, у него дочь Тан(ь)ка* [*ЧМ 2561: 2*].

Дериваты с -к(а) и -иц(а) составители деловых текстов присоединяли к дериватам, характерным для живой речи с суффиксами -ен(а), -н(я), -ут(а), -ют(а), -ш(а), -юш(а): *Чердынского уезда Бондюжского стана крестьянка Настенка* [*РСЧ 8: 50*], *Не я де крала тебя сестра моя Танька и мы де всю пропажу принесем назад* [*ЧМ 2561: 2*], *Деревни Табор на реке Каме вдова Настюшка Сисоева дочь Васильевская жена Кернасовых* [*Б: 213 об.*], *Вознесенского монастыря крестьянка Марфутка Гаврилова дочь Фед(ь)кина жена Скалепина* [*КА: 190*], *В Соли Камской жонка*

Марфутка Минина жена Емельянова [*РСЧ 5: 28 об.*], *Кунгурской деревни Банной солдата Ортюшки Шурыгина жена Анютка Савельева дочь* [*КА: 4*], *Соликамского села Половодова Анютка Гришкина жена Глухих* [*РСЧ 5: 40*], *В Камском Усолье вдова Палашка Степановская жена Торшениха* [*Я: 4*], *В городе Чердыни вдова Парашица Фроловская жена Сизикова* [*ЕЧ: 11 об.*].

Однако такие имена в пермских текстах редки, а без уничижительных суффиксов встречаются только дериваты с исходом -х(а) и тоже лишь в единичных случаях: *Чердынского погоста Цыдвы крестьянина Ивана Захарова сына Афонасьевых внучка Степаха Платонова дочь* [*ЧМ 2562: 5*]. Ср. также фамилию от имени с -х(а): *Житель Орла-городка Осипко Васильев сын Матрехин* [*Е 1: 58 об.*].

Канонические имена получали при крещении обычно в соответствии со святцами, наречение зависело от православного календаря и церковной службы, а не от воли родителей. Ориентация на святцы приводила к тому, что в семьях появлялись тезки. И в ревизских сказках XVIII в. отмечаются случаи, когда в семье две или даже три дочери получили одно имя, и встречаются такие записи, как *Анна, да другая Анна, да третья Анна.*

Наиболее частотными, судя по данным кунгурских актов 1668–1710 гг., которые, по-видимому, отражают общий именник Прикамья, были женские имена Мария, Евдокия, Марфа, Анна, Екатерина; менее частотны Ирина, Лукерья, Матрена, Ульяна, Агриппина, Акилина, Евфимия, Мавра, Параскева, Фекла. Употребляемые чаще других антропонимы в исследуемых памятниках близки самым частотным именам в святцах [Чайкина 2006: 34].

РАЗДЕЛ 4. ИМЕНА КАК ИСТОЧНИК ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРМСКИХ ФАМИЛИЙ И ТОПОНИМОВ

4.1. Роль имен в образовании пермских фамилий

Исследование истории пермских имен требует обращения к другим онома памятников письменности, возникшим на основе имен, т. е. фамилий и топонимов.

Фамилией является наследственное именование человека, указывающее на его принадлежность к определенной семье. Процесс формирования фамилий в русском языке отражается в памятниках письменности с самого его начала и представлен в различных текстах с XIV–XV вв. Образование фамилий начиналось с перехода в семейные именования родовых прозваний князей и бояр. Но в пермских памятниках XVI–XVII вв. антропонимы князей и бояр относятся только к посылаемым на время в Прикамье воеводам и не характеризуют особенности пермской ономастики.

Постепенно (хотя и очень медленно) расширяется круг носителей семейных именований, процесс их образования демократизируется, распространяется на дворянство, затем на купечество, а в XVII в. охватывает все податное население России (в основном крестьян и ремесленников).

Фиксация именований, связывающих отцов и детей – членов семьи, была необходима для учета населения, что было необходимо в стране с быстро расширяющейся в XVII в. территорией, увеличивающимся населением и с активным переселением жителей на новые места. Закрепление общего именования членов семьи, т. е. практически фамилии, происходило для всего населения прежде всего в делопроизводстве, в переписных документах, оно обусловлено государственными нуждами (стремлением не потерять из вида людей, уплачивающих подати). Формы фамилий складывались и функционировали в деловом языке, поэтому именно памятники делопроизводства дают основной материал для изучения формирования и функционирования фамилий в разные периоды истории. Поддерживает общие тенденции, нормы образования и употребления фамилий на обширной территории России приказный, деловой язык XVII в. Его нормы не были зафиксированы в грамматиках, но определялись правительственными документами, рассылаемыми во все концы государства,

и законодательными актами (Соборным уложением 1649 г.). На них ориентировались составители текстов в судных избах и приказных палатах, поэтому процесс формирования фамилий шел по всей стране.

Об этом свидетельствует изучение фамилий, начавшееся на научной основе с середины XIX в. Оно особенно активизировалось в русских и зарубежных исследованиях с середины XX в., что создало базу для разработки истории этого вида антропонима, абсолютно необходимого для каждого человека в настоящее время. Работа началась в XIX в. с анализа переходящих в фамилии родовых прозваний [Карнович 1995], сбора материала по основам фамилий (некалендарным именам и прозвищам) [СДЛСИ; Ономастикон] и разработки их семантической классификации в 40-е гг. XX в. [Селищев 2003 а; он же 2003 б], с осмысления общих закономерностей возникновения и оформления в языке такого антропонимического явления, как фамилия, по данным центральных памятников письменности [Чичагов 1959], с подключения к анализу и осмыслению истории обширного антропонимического материала разных эпох [Никонов 1974]. Появляется описание на базе научного исследования истории развития русских именований, включая фамилии, в пособиях для студентов [Зинин 1972] и книгах для учащихся [Полякова 1975]. Разрабатываются теоретические вопросы русской антропонимики [Суперанская 1969; Бондалетов 1983], словари русских фамилий [Федосюк 1972, Унбегаун 1972 (на русском языке – 1995 г.), Никонов 1993], исследуются русские фамилии с иноязычными основами [Баскаков 1979]. Активно изучаются фамилии разных регионов России [Никонов 1988; Смольников 2005 и др.], создаются региональные словари фамилий по источникам XV–XVIII вв. [Чайкина 1995; Мосин 2000; Парфенова 2005; Королева 2006; Кюршунова 2010].

Региональные исследования необходимы для разработки полной истории формирования, развития и функционирования русских фамилий, и в этом отношении существенная роль отводится фамилиям, функционирующим в Пермском крае (Верхнем и Среднем Прикамье). Они могли возникнуть на его территории, но могли быть и принесенными сюда в разное время в связи с переселением жителей из других мест и функционировать долгое время в Прикамье. Они были тесно связаны, с одной стороны, с ономастикой Русского Севера и центра России, откуда шло заселение

Прикамья русскими; с другой стороны, – с ономастикой Сибири, куда выходцы из Пермского края в XVII–XVIII вв. несли свою антропонимию, в частности возникшие в Прикамье семейные именования. Становление и функционирование отдельных фамилий или групп фамилий рассмотрены в ряде работ пермских исследователей [Кривощекова-Гантман 1973; Полякова 1974; Шумилов 1991; Медведева 1999; Семыкин 1999].

В основе формирующихся в XVII–XVIII вв. фамилий обычно лежали личные имена или прозвища людей. Фамилии, возникшие на основе прозвищ, являются прекрасным материалом для изучения географических связей, рода занятий жителей, их профессий, национальности, социального положения, особенностей материальной и духовной культуры. Поэтому они представляют большой интерес не только для ономатологов, но и для диалектологов, историков, этнографов.

В связи с этим ономастические исследования нередко посвящены именно фамилиям, образованным от прозвищ из географических названий или слов нарицательных, называвших предметы быта, профессии, национальности. Анализу имен как основ фамилий, особенно календарных имен уделено гораздо меньше внимания. В какой-то мере это обусловлено и тем, что пласт семейных именований от календарных имен возникает и фиксируется позднее, чем пласт фамилий из некалендарных имен.

В Прикамье замечательно представлены оттопонимические фамилии, дающие представление о Русском Севере как главном источнике активной русской крестьянской колонизации Перми Великой в XVI–XVII вв. Реже отмечались фамилии переселенцев с других территорий. В прозвища переходили названия многих профессий, давшие затем фамилии *Винокуров, Горшечников, Деготников, Колесников, Красильников, Кузнецов, Лодейщиков.* Дали фамилии прозвания людей по принадлежности к определенной народности или этнической группе, т. е. образованные от этнонимов (*Башкирцев, Вотинов, Вотяков, Калмаков, Катаев*).

Возникали фамилии и от индивидуальных прозвищ, в которых отмечались личные особенности человека – его внешность, манера поведения, особенности произношения и т. д. Иногда прозвищами становились словосочетания (*Густая Каша, Тучный Лоб, Мягкое Поле*), из которых вырастали фамилии (*Густокашин, Тучнолобов, Мягкополов*).

Рассмотрим механизм возникновения русских фамилий, повлиявший и на создание фамилий жителей Прикамья. Он представлен в документах разного вида (жанра), но наиболее отчетливо в переписных документах, особенно в писцовых книгах.

В самой ранней из дошедших до нас переписей жителей Прикамья (только мужского населения) – писцовой книге Перми Великой Ивана Яхонтова 1579 г., как уже отмечалось выше (см. раздел 1.5.1), обходились преимущественно двухкомпонентными именованиями трех видов: 1) антропонимом, состоящим из некалендарного имени записываемого человека и его патронима, образованного от календарного имени отца (*Девятко Григорьев, Бык Архипов*); 2) антропонимом, состоящим из календарного имени записываемого человека и его патронима, образованного от календарного имени отца (*Ивашко Савин, Михалка да Илейка Афанасьевы*); 3) антропонимом, состоящим из календарного имени записываемого человека и некалендарного имени либо самого, либо его отца (*Гриша Ожгибес, Микитка Опалиха*), например: *Крестьянин деревни Нырыб на роднике Иванко Нос* [*Я: 24*]. К сожалению, обычно невозможно установить определенно, кому изначально дано это некалендарное именование: записываемому человеку или его отцу.

Имя или прозвище отца через ступень патронима (отпрозвищного отчества) становилось семейным именованием и затем, передаваясь из поколения в поколение, – фамилией. Так, фамилия *Носов* от некалендарного имени (или прозвища) упомянутого выше *Иванки Носа* существует в Ныробе до настоящего времени, т. е. более 4 столетий.

В Прикамье XVII в., как и во всей России, выработан трехкомпонентный сложный мужской антропоним, например: *Ивашка Петров сын Бажен*. В нем *Ивашка* – имя записываемого, *Петров сын* – патроним (его называют еще полуотчеством), *Бажен* – некалендарное имя отца. Последнее приходилось записывать, так как существовали очень частотные календарные имена отцов (как и самих записываемых): *Иван, Петр, Андрей, Федор, Тимофей* и другие. И в одном населенном пункте могло оказаться несколько человек с антропонимом *Ивашка Петров сын.* Их различали по некалендарным именам или прозвищам отцов, ср.: один – *Ивашка Петров сын Бажен*, другой – *Ивашка Петров сын Кашин*. Некалендарное имя отца становится основным различителем в сложных антропонимах.

Однако в таком именовании отчество от календарного имени (*Петров; Петров сын*) использовалось как притяжательное прилагательное (*Петр* > *Петров*), а патроним (*Бажен*) сохранял форму существительного в им. падеже. Если еще учесть, что сложный антропоним нередко был четырехкомпонентным и содержал некалендарное имя или прозвище самого переписываемого (*Ивашка Шадра Петров сын Бажен*), то в именовании оказывалось два некалендарных имени (или прозвища) в им. падеже, что создавало неудобство. Оно преодолевалось в результате перехода отпрозвищного именования тоже в форму притяжательного прилагательного (*Баженов*).

Это именование в форме притяжательного прилагательного (с суффиксом или формантом *-ов*) без изменений переходит далее к сыну Ивашки (*Андрюшка Иванов сын Баженов*) и сохраняется у всех последующих поколений уже как семейное именование, т. е. становится фамилией. В основе семейных именований оказывались притяжательные прилагательные с суффиксами (формантами) *-ов / -ев* или *-ин*, но постепенно фамилии пережили процесс субстантивации,

Таков механизм образования фамилий, но в реальной жизни не было четкости в его реализации, что хорошо видно в пермских памятниках. Следующие писцовые (1623–1624 гг.) и переписные книги (1647 г. и 1678 г.), а также тексты документов других жанров (челобитные, допросные сказки, мировые, купчие, духовные (завещания), поручные, подорожные и т. д.), в которых преобладали трехкомпонентные именования, свидетельствуют о том, что процесс образования фамилий шел длительно и непросто.

Так, написанные в период с конца XVI в. до середины XVIII в. документы семейного архива крестьян чердынской деревни (потом погоста, далее села) Цыдвы показывают, что семейное именование Афанасьев появляется еще в XVI в. как патроним. Становясь семейным именованием, фамилией, оно записывается в разной форме на протяжении всего XVII и начала XVIII в., ср.: *Григорей Михайлов сын Афонасьева*, его сын *Левонтей Григорьев сын Афонасьева*, брат Григория *Третьяк Михайлов сын Афонасьева*, его сын *Степан Третьяков сын Афонасьевых*, *Фотий Иванов сын Афонасьева*, его сын *Захар Фотиев сын Афонасьевых*, его сын *Иван Захаров сын Афонасьев*. Далее в XVIII в. уже только как *Афонасьев* и *Афанасьев*.

Форма род. падежа (*Левонтей Григорьев сын Афонасьева*) исчезает в XVII в., но фамилии на -ых / -их (*Афонасьевых*) широко распространяются в Прикамье и бытуют до настоящего времени. Их появление вызвано существованием больших семей, в которых одновременно могло было до 4 поколений. И характеризуя человека, нередко отмечали его отношение не к отцу (чей? – *Афанасьев*), а ко всей семье (чьих? – *Афанасьевых*). В Пермском крае это явление могло поддерживаться существованием коми-пермяцких родовых названий (Чань, Сюзь, Юсь), отразившихся в топонимии, ср. гидронимы Чаньва, Сюзьва, Юсьва.

В XVII в. в Прикамье возникают семейные именования, фамилии для всех слоев населения с формантами -ов / -ев, -ин, -ых (-овых, -евых, -иных) от некалендарных и календарных имен: *Баженов, Афанасьев, Савин, Баженовых, Афанасьевых, Савиных*. Основой их становились мужские некалендарные и календарные имена или прозвища. Вместе с тем, как показано выше, в деловом письме XVII в. прозвищами называли все некалендарные антропонимы (имена, индивидуальные прозвища и формирующиеся фамилии). Прозвища, выступавшие практически в роли семейных именований (фамилий), отмечали и царские указы: *Велено на Кунгуре стрел(ь)цов и казаков и пушкарей... переписать по имяном с отцы и с прозвищи* [*КА: 271*].

В XVII в. фамилии формировались преимущественно от некалендарных имен и прозвищ, так как при образовании от календарных имен они совпадали по форме с патронимами (полуотчествами), что было неудобно для различения. Кроме того, оказалось бы слишком много Ивановых, Петровых, Сидоровых и т. д., потому что мотивировавшие их имена были частотны. Прозвища же были обычно индивидуальны, как и многие некалендарные имена, что оказывалось очень удобным для различения семей.

Часть употребляемых в Прикамье некалендарных имен, давших фамилии, существовала еще в древнерусском языке. От них в Прикамье образованы многие фамилии, ср.: *Крестьянин Очерского острожка Климко Иванов сын Баженов* [*Е: 124*], *Крестьянин Очерского острожка Сенька Клементьев сын Баженовых* [*Б: 209 об.*], *Житель села Новое Усолье Иван Иванов сын Добрынин* [*Стр 3: 401 об.*], *Крестьянин погоста Янидор Евсей Родионов сын Жданов* [*СЧ: 2*], *Крестьянин д. Савина Матюшка Киприянов сын Ждановых* [*Б: 206*], *Чердынец Мит(ь)ка Яковлев сын Замятнин*

[*КЧ: 48 об.*], *Чердынец Сидорко Замятниных* [*РСЧ 4: 76*], *Крестьянин Кул(ь)чужского стана Кирилко Любимов* [*РСЧ 5: 60*], *Житель Редикорского стана Коземка Томиловых* [*РСЧ 5: 94 об.*].

В пермских памятниках зафиксированы фамилии от некалендарных имен на -ило: *Крестьянин села Слутка на реке Каме Исачко Константинов сын Грездилов* [*Е: 127*], *Житель Кызеловского рудника Иван Борисов сын Заразилов* [*Ч 1: 143 об.*], *Крестьянин деревни Сухая Речка Федор Звездилов* [*Кун: 358*], *Крестьянин деревни Чолыб Алешка Павлов сын Колотилов* [*КЧ: 58 об.*]; *Чердынец Нестерко Кормилов* [*РСЧ 4: 78*], *Крестьянин деревни Таборы на реке Каме Стенька Иванов сын Можжилов* [*Е 1: 173 об.*], *Крестьянин деревни Кемоль на реке Кемоле Богдашко Иванов сын Обрядилов* [*К: 152*], *Крестьянин деревни Нижне-Муллинская Андрюшка Лукоянов сын Путилов* [*Е: 123*], *Крестьянин села Новое Усолье Григорей Осипов сын Турилов* [*Стр 3: 417 об.*]. В систему русских имен на -ило входили и образованные на основе заимствований, например, коми-пермяцкое имя Серсило из апеллятива *сёрся* 'поздний, запоздалый'.

Часть пермских фамилий возникла из отглагольных имен на -ал(о) – *Ботало, Брызгало, Выгало, Громыхало* и т. д.: *Чердынец Архипка Боталов* [*РСЧ 4: 17*], *Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Степанко Матвеев сын Брызгалов* [*КЧ: 75*], *Житель Усолья Камского Афонька Григорьев сын Громыхалов* [*КС: 154*]; *Крестьянин деревни Плеханова Михей Запивалов* [*Кун: Е: 95*], *Житель города Кунгура Титко Колыбалов* [*РСЧ 1: 4*], *Крестьянин деревни Осиновская Панфилко Григорьев сын Подчищалов* [*Б: 33 об.*]; *Житель Соли Камской Федька Подшивалов* [*СПИИ, к. 5: 1327*].

Встречаются в пермских текстах XVII в. и отдельные фамилии от имен, образованные по древней модели на -ят(а): *Крестьянин деревни Булатова на реке Усолке и на реке Яйве Тимошка Григорьев сын Телятин* [*КС: 148 об.*]. Однако их в в этот период уже вытесняли фамилии от имен на *-енок* – *Быданенок, Волченок, Гостенок, Лапенок*: *Житель сельца Никольское, Медянка тож, Кондратей Быданенков* [*КЗСИ: 565*], *Крестьянин села Слудка на реке Каме Афонко Васильев сын Волченков* [*Б: 2*].

Значительное число пермских фамилий образовано от некалендарных отглагольных имен с суффиксами -ай, -яй (*Колупай, Незнай, Нечай, Погадай, Полежай, Полетай, Ростегай, Гуняй, Пепеляй*): *Чердынец Якушко Воропаев* [РСЧ 4: 72], *Крестьянин*

деревни Баранчина Пронька Запрягаев [*КА: 165*], *Чердынец Сенка Пинаев* [*РСЧ 5: 138*], *Житель города Кунгура Карпушка Потеряев* [*КА: 13*]. В южной части Прикамья в русских текстах фиксировались также имена тюркского происхождения на -ай / -яй (*Анакай, Губай, Кендыкай, Кимирай, Мичикай, Мурзанай, Сапай, Сасыкай, Тенекай* [СПИ: 452–462]). Они давали патронимы (*Бабкинский татарин Елкабай Анакаев* [*Ш 2: 260*], *Иренский татарин Аккилдей Губаев* [*Ш 2: 254*], *Кунгурский черемисин Мурзанай Тенекаев* [*КА: 27*]), из которых затем сформировались фамилии.

Сохранявшиеся в Прикамье коми-пермяцкие дохристианские имена с формантом -ег / -ог, образованные из слов нарицательных (*Азег* < *азь* 'ботва огородных растений', *Гачег* < *гач* 'бобр', *Жебег* < *жеб* 'дряхлый', *Жунег*, < *жунь* 'снегирь', *Лунег* < *лунь* 'птица семейства ястребиных', *Ныдог* < *ныд* 'грязный', *Нылог* < *ныл* 'пихта') явились основой фамилий, распространенных среди не только коми, но и русского населения: *Чердынец Стенька Азегов* [*РСЧ 5: 135*], *Крестьянин погоста Янидор Корнилко Гачегов* [*РСЧ 3: 21 об.*], *Крестьянин деревни Верх-Уролка Ивашко Жебегов* [*Я: 21 об.*] и т. д.

Пользовавшиеся большой популярностью в Прикамье XVI–XVII вв. некалендарные «профилактические» *имена* с отрицательной коннотацией, (*Бука, Булгак* ('неспокойный'), *Грязной, Дурак, Злоба, Злодей, Негодяй, Пьянка, Худяк*, даже из бранных слов *Черт, Бес*) стали основанием фамилий *Букин, Булгаков, Грязных, Дураков, Злобин, Злодеев, Негодяев, Пьянков, Худяков, Чертов, Бесов*, представленных в документах Прикамья и описанных в «Словаре пермских фамилий» [СПФ].

Среди имен-оберегов были начинающиеся с отрицания *не-* (*Недорез, Незнай, Незнаха, Неклюд, Некрас, Неустройко, Нехорошко* и других), из которых вырастали патронимы (полуотчества), давшие затем многочисленные фамилии с начальным *не-*, зафиксированные в пермских текстах XVII–XVIII вв., ср.: Неверов, Невзоров, Нежданов, Некипелов Нелюбов, Немытых, Неприн, Непряев, Непряхин, Несмиянов, Нестроев, Нетесов, Нетуняев, Неугодников, Нехороших, Нецветаев и т. д. В ряде случаев по таким фамилиям восстанавливались употреблявшиеся в прошлом некалендарные имена, не попавшие в памятники письменности.

В семьях братьев-тезок различали, используя их имена из числительных, определявших порядок рождения тезок в семье. Эти

имена играли особую роль в антропонимии: они могли сопровождать календарные имена, но могли быть единственными в сложных антропонимах. Важным в становлении семьи было рождение первенца, поэтому в документах достаточно много случаев употребления имен от числительного *первый* (*Первой, Первак, Первуша, Первушка, Первушко, Первыня, Первыша, Первышка*), из которых и возникали пермские фамилии, ср.: *В сельце Воскресенском (Верхнее Калино) на реке Чусовой... крестьянин Антонко Карпов сын Перваков* [*Б: 36 об.*], *Деревни Лекмартова на реке Вильве крестьянин Емелька Тимофеев сын Первушин* [*КЧ: 110*].

Возникали фамилии от некалендарных имен из порядковых числительных от *первый* до *десятый*: Вторушин, Третьяков, Тренин, Тренюхин, Пятунин, Пятушев, Пятыгин, Пятышев, Петунин, Шестаков, Семериков, Семушов, Семышев, Осьмуших, Девятов, Десятков. К коми основам восходят фамилии *Куимов* (*куим* 'третий'), Сизимеров / Сизиморов (*сизимöт, сизимöдз* 'седьмой').

Существование тезок порождало и другое обозначение порядка рождения сыновей в семье (*Большой – Меньшой, Большак – Меньшик*) и отражение их в фамилиях: Большаков, Меньшиков. Выделяли некалендарным именем чаще младшего тезку: Меньший, Менщеня, Меньшичко, а также Малец, Малко, Малой, Малуха, Малыга, Мальга, Малюта и т. д. Поэтому в Прикамье гораздо больше фамилий, возникших от этих имен, нежели от именования старших братьев: Меншенин, Меньшуткин Малухин, Малышев, Малютин и другие. От имени позднего ребенка Поздей возникли пермские фамилии Поздеев и Поздиев; от коми имен – фамилии Учетов и Учеткин (учöт 'маленький'), Мизев (мизьö – 'младший сын в семье'), Серсилов (сёрся 'поздний, запоздалый').

Широко известны в Прикамье и в настоящее время, и в памятниках прошлого фамилии, в основе которых лежат некалендарные имена или прозвища из названий диких и домашних животных (Баранов, Бобров, Вепрев, Кичанов, Котов, Лосев, Лыкасов, Мангутов, Рысев, Соболин), рыб (Бекурин, Ершов, Красноперов, Лашков, Окунев, Палтанов, Сорогин, Щукин), насекомых (Жуков, Комаров, Кузовников), растений (Берсенев, Грибов, Кульбиков, Морошкин). Были весьма распространены в Прикамье фамилии, восходящие к названиям птиц (Бусоргин, Воробьев, Голубев, Жаравлев, Загоскин, Крохалев, Лебедев), причем среди них есть коми-пермяцкие антропонимы: Дозморов (*дозмöр* – 'глухарь'), Ку-

чев (*кути* – 'орел'), Ракин (*рака* – 'ворона'), Сизев (*сизь* – 'дятел'), Сырчиков (*сырчик* – 'трясогузка'), Сюзев (сюзь – '*филин*'), Яборов, Ябуров (*ябыр* – 'скворец').

В Прикамье XVII–XVIII вв. возникали фамилии от метафорических именований из названий предметов быта, орудий (Веретнов, Горшков, Кочергин, Кувалдин, Мисюрев, Пестерев), продуктов и блюд (Киселев, Овсянников, Печеницын, Простокишин, Рипницын), разных видов хлеба (Басманов, Житнухин, Ковригин, Короваев, Оладнев, Ситников, Челпанов, Шаньгин). Значительную часть в некалендарном именнике Прикамья составляли имена из слов нарицательных, характеризующих человека по какимлибо физическим или моральным качествам (Горбун, Кокора, Коряка, Молчан). Среди них были имена прилагательные (Белый, Гладкий, Говорливый, Сухой, Черный), давшие современные фамилий с разными формантами (Белов и Белых, Гладков и Гладких, Сухов и Сухих).

Итак, ранние фамилии Прикамья восходят преимущественно к некалендарным именам из русских слов нарицательных, понятных их носителям. Вместе с тем пришедшие с крещением непонятные обычному человеку заимствованные (греческие, латинские и др.) календарные имена к XVII в. становятся не только официальными, принятыми в церковной жизни и в делопроизводстве, но и адаптируются к живой речи.

Изменилась фонетика заимствованных канонических имен, и появились новые антропонимы, ср.: от Евстафий (из греч. *eustathēs* 'устойчивый') – имена *Астафей, Евстафья, Евстахей, Ефстафий, Остап, Остафей, Стафей, Стафий, Стахей, Стахий*, давшие сначала полуотчества, а затем фамилии: *Житель Ново-Никольской слободы Микула Астафьев сын Пожнин* [*А: 137*], *В городе Кунгуре посадский человек Семен Евстафьев сын Красильник* [*КА: 54*], *Житель города Соликамска Осип Стафеев сын Смирных* [*ГС: 2 об.*], *Чердынец Архип Стахеев сын Ковязин* [*ЧА: 147*], *Кунгурского уезда деревни Лека крестьянин Григорей Остапов* [*КЗСИ: 983*], *Деревни Полазны на реке Каме беспашенный крестьянин Лукьянко Остафьев* [*К: 151*], *Кунгурской деревни Гробовы крестьянин Ларион Манойлов сын Стахиев* [*Кун: 425 об.*].

Кроме того, полные имена мотивировали большое количество дериватов: Иван > Ванько, Ванька, Ваня, Ивака, Иванай, Иванайко, Иванец, Иваний, Иванка, Иванко, Иванча, Иваш, Ивашка,

Ивашко, Ивута, Ивуша, Ивша и другие; Василий – Васкец, Васька, Васнец, Васюк, Вася. Дериваты легко входили в речь жителей Прикамья, употреблялись в той же функции, что и некалендарные имена, и постепенно вытеснили их. От дериватов образовывали фамилии (Ванин, Ваньков, Ивакин, Иванаев, Иванцов), которые отличались от патронима (*Иванов сын*), поэтому использовались в деловых документах с середины XVII в. в качестве третьего члена сложного трехчленного антропонима: *Чердынской деревни Косолаповы крестьянин Яков Григорьев сын Ваньков* [*Ч: 131*], *В городе Кунгуре купец Панкрат Ванюков* [*Пр 2: 100*], *В Чусовском Верхнем городке посадский человек Ивашко Дмитреев сын Ванин* [*К: 139*], *Села Ленвенского крестьянин Саватей Иванов сын Ивакин* [*Стр 3: 493 об.*], *Деревни Верх-Чермо(з)ской житель Сава Прокопьев сын Иванцов* [*Ч 5; 64*], *Чердынского уезда Лимежского стана крестьянин Пронька Иванчин* [*РСЧ 5: 83*], *Чердынской деревни Гаревой крестьянин Перфирей Терентьев Ивашев* [*ЧМ 2558: 32*], *Чердынского уезда Онисимовского стана крестьянин Гришка Ивушиных* [*РСЧ 5: 52*], *Бондюжского стана крестьянин Давыдко Ившиных* [*РСЧ 4: 37*].

В XVII в. фамилии возникали как новое, необходимое явление социальной жизни в России, как вид антропонима, еще не имевший тогда специального термина. Его традиционно называли *прозвищем*, как все антропонимы, кроме календарных имен. Заимствованное слово *фамилия* в XVIII в. употреблялось еще со значением ‘семья’, а его синонимом *семья* называли в Прикамье не только семью, но и жену: *А похочю яз Иван Максимов или сын мой Митрофан или семья моя Дарья во иноческий чин постритчися и им нас в мнстре покоити* [*ГКЭ 17: 11261*].

Формирование нового вида антропонима не означало, что все конкретные фамилии родились в XVII в., постоянно сохранялись далее и не возникало новых. В XVII–XX вв. процесс возникновения новых и исчезновения или изменения старых фамилий продолжался. Особенно активным он был в XVIII в., когда постепенно набирали силу фамилии от полных имен и их фонетических вариантов.

Казалось, к этому времени фамилии жителей Прикамья в основном уже сформировались, массовое переселение русских в Прикамье, каким оно было в XVII в., уже сходит на нет. Откуда же было взяться здесь новым семейным именованиям – фамилиям от календарных имен? Их появлению способствовал ряд обстоятельств.

Во-первых, к XVIII в. из делового письма ушли некалендарные имена, в делопроизводстве перестают употреблять дериваты с суффиксами -к(а), -к(о) (*Ивашка, Дениско*), обычными для XVI–XVII вв., фамилии от таких имен образуются редко. Вместе с тем часть из возникших ранее семейных именований естественно исчезала при отсутствии приемника по мужской линии

Во-вторых, в XVIII в., хотя и не так активно и не в массовом порядке как ранее, но в Прикамье появлялись переселенцы (беглые, староверы и другие лица). Их охотно принимали в Прикамье в работу на возникавших медеплавильных и железоделательных заводах. Они либо приносили свои фамилии, либо, наоборот, старались заменить их (особенно беглые крестьяне), и возникали новые антропонимы от календарных имен.

Во-третьих, в связи с разрастанием больших семей у отделившихся от них частей появлялись новые, сначала неофициальные именования в живой речи («уличные фамилии»). Они попадали и в письменные тексты: в документах у выделившихся семей фиксировались и старые, и новые именования, употреблявшиеся в документах наряду со старыми, в результате появлялись двойные фамилии. В текстах к старой добавлялась новая фамилия, образованная от полного календарного имени: *Села Кыласова крестьянина Луки Прокопьева сына Кыласова и Иванова дочь Харитонья* [*Кун: 2 об.*]; *Деревни Быковы Большой крестьянин Конан Егоров сын Давыдов и Веревкин* [*Ч 3: 26*]. Одна из фамилий могла быть образована от полного имени, другая – от деривата: *Житель Кызеловского рудника Анофрий Никитин сын Никитин и Епишин* [*Ч 1: 140*]. Старая фамилия большой семьи иногда сохраняла формант -ых, а новая, относящаяся к выделившейся из нее семьи, такого форманта не имела: *Крестьянин деревни Лекмортова Евдоким Еремиев сын Федоровых и Евдокимов* [*Ч 5: 12 об.*]. Впоследствии старое название выделившейся семьи утрачивалось.

В-четвертых, в XVIII в. иногда старались заменить старые фамилии, возникшие от обзывных прозвищ с отрицательной коннотацией, например: *Крестьянин деревни Осиновская Гришка Терентьев сын Говнотыкин* [*Е: 138*], *Крестьянин деревни Нердва на реке на Обве Софонко Сергеев сын Долгомудов* [*КЧ: 140 об.*]. Их заменяли образованными от календарных имен, не вызывавшими нежелательных ассоциаций.

Анализ материалов пермских памятников позволил проследить процесс становления и развития фамилий основного населения Прикамья в XVII–XVIII вв., проходивший в русле развития всей русской антропонимии, и увидеть механизм формирования пермских фамилий, совпадавший с общим для всей России процессом. От имени в одном поколении, через ступень «патроним» в следующем, к семейному именованию в третьем поколении. Этот процесс шел и в живой речи, и в деловом языке, где закреплялись новые фамилии, в большинстве своем сохранившиеся до настоящего времени.

4.2. Роль имен в образовании пермских топонимов

Топонимия Пермского края формировалась на протяжении многих столетий. В ней отражаются особенности языков различных народов, живущих сейчас или живших в разное время в Верхнем и Среднем Прикамье и оставивших свои названия природных объектов (рек, озер, лугов, болот, гор, возвышенностей, низменных мест), а также селений и возделываемых участков земли.

Хотя формирование русских говоров Прикамья начиналось с XIII–XIV вв., ранние памятники письменности, в которых зафиксированы топонимы края, относятся только к середине XVI в. В документах именитых людей Строгановых, писцовых книгах Перми Великой и в других деловых текстах отмечаются географические названия, записанные в это время непосредственно на пермской земле. Далее, уже в переписных книгах всей территории Верхнего и Среднего Прикамья, в административных, судебных, имущественных актах XVII в. растет количество топонимов, записанных со слов жителей края, хотя и не без некоторого влияния норм приказного языка. На протяжении XVIII в. число зафиксированных названий существенно возрастает, что отражается в ревизских сказках и в других деловых текстах этого времени.

История отдельных слов или пластов географических названий исследована нами по материалам пермских памятников письменности, позволяющих установить истоки значительной части топонимов Пермского края, особенности их функционирования, динамику топонимии и в целом ее историю в XVI–XVIII вв.

Вместе с тем географические названия, зафиксированные в памятниках, представляют значительный материал для исследова-

ния не только топонимии, но и многих слов нарицательных, географических апеллятивов, а также такого раздела ономастики, как антропонимия, что способствует изучению истории лексики говоров и имен жителей Пермского края.

В основе древних топонимов лежат обычно апеллятивы – народные термины и (или) определения, характеризующие объекты. Это подтверждается данными разных языков. В дорусский период Прикамья здесь возникали и функционировали преимущественно финно-угорские, в основном коми-пермяцкие топонимы. Ср. гидронимы из коми апеллятивов Кадь < *кадь* ‘болото, топь, зыбун’, Кодзь < *кодзь* ‘гравий, галька’, Неч < *нёдз* ‘овраг, ложбина’, Няр < *няр* ‘лишенное растительности место’, Юг < *юг* ‘река’, Чер < *чер* ‘приток’, Велва < *вел* ‘верхний’ (здесь и далее *ва* – термин со значением ‘вода, река’), Кизьва < *кыдз* ‘береза’, Косьва < *кось* ‘мелкое место в реке’, Лопва < *лöп* ‘лесная чаща’, Обва < *об* ‘сугроб’, Сылва < *сыл* ‘талый’ и т. д. [Кривощекова-Гантман 2006 а: 40–42]. Возникали гидронимы на основе названий растительности, животных и рельефа местности: Утьва < *уйт* ‘ сырое, глухое место в пойме реки’, Лёль < *лёль* ‘семга, лосось’, Тыпыл < *тыпыл* ‘карась’, Низьва < *низь* ‘соболь’ [Кривощекова-Гантман 2006 б: 25–29]. Названия географических объектов переносили на поселения, возникавшие около них, ср. ойконимы Юг, Велва, Лопва, Обва, Сылва.

Однако в топонимию уже в древности проникали имена. Первоначально это были, по-видимому, родовые именования, которые могли восходить к тотемам, что было характерно для пермской (коми-пермяцкой) культуры Прикамья. Этими именами называли территорию рода и основную реку на ней. Так, по Пермскому краю протекает две реки с одним названием – *Сюзьва* (из коми-пермяцкого *сюзь* ‘филин’). Изображение Камы на карте напоминает большой знак вопроса, внутри которого находятся эти реки. Их верховья располагаются на общей территории, но одна из рек течет на запад и впадает справа в Каму на 1761 км от ее устья [Перечень 1926: 106], в той ее части, которая направлена на север, вторая *Сюзьва* течет на восток и впадает в Каму тоже справа на 849 км от устья [там же], но уже в части Камы, направленной на юг. Есть предположение о том, что *Сюзь* в данном случае – имя рода, давшего название местности и реки на ней [Кривощекова-Гантман 2006 в: 52], т. е. антропоним.

В Прикамье есть и другие древние топонимы, возникшие на основе родовых имен, в частности названия с формантом -кар /-кор (из коми слова *кар* 'городище; укрепленное поселение'). Часть из них восходит к родовым именованиям из названий птиц или животных: Курӧгкар (*курӧг* 'курица'), Чешкор (*чӧж* 'дикая утка'), Майкор (*мӧй* 'бобр'), Ошкар (*ош* 'медведь')..

Родовые топонимы (ср.: Редикор – 'городище Реди') были первым шагом к отыменным географическим названиям (Кудымкар – 'городище Кудыма'), которые появились еще в дорусский период, активно развивались в Прикамье при расселении в нем русских и отражены в ранних памятниках письменности Пермского края.

С XIII–XIV вв. начинается формирование русских говоров и новой топонимии Прикамья на основе традиций образования географических названий на Русском Севере, откуда прибывало население в Пермь Великую (Северную часть Пермского края).

В памятниках XVI–XVII вв. отмечаются многочисленные русские гидронимы из апеллятивов, обозначающих особенности растительности (Березовка, Осиновка, Сосновка), рельефа местности (Веретея, Гляден, Кекур, Кокуй, Релка, Низмедь), болот, лесов и т. д. На их основе формировались некоторые ойконимы – главным образом названия починков и деревень, ср.: *Веретея деревня на реке на Вишере* [*КЧ: 95 об.*], *Кекур деревня на роднике Усолка* [*КС: 158*],

Вместе с тем значительную роль начинают играть топонимы, возникающие на основе именований первопоселенцев, владельцев отдельных участков используемой земли и речных угодий для рыбной ловли. Использование земли, рек и озер облагалось податями или оброком, что требовало их точного учета, прежде всего в писцовых, а с середины XVII столетия в переписных книгах, в которых фиксировались наименования угодий, селений и имена их основателей. В результате видно, что топонимы переписных текстов соотносились с антропонимами владельцев участков и поселений на них.

В писцовых книгах Ивана Яхонтова (1579 г.), Михаила Кайсарова (1623–1624 гг.) и переписных книг Прокопия Елизарова (1647 г.), Федора Бельского (1678 г.) и Ивана Дашкова (1678 г.) зафиксирована топонимия обширной территории Перми Великой, Соли Камской, вотчин Строгановых и Кунгурского и Осинского уездов, т. е. Верхнего и Среднего Прикамья. В книгах отмечаются

многие топонимы природных объектов, образованные от имен людей: названия лугов (Ванев луг / Ванеев луг, Васенин луг, Калинин луг, Микулин луг, Павлов луг), небольших рек и речек (Глебовка, Даниловка, Федорцова, Семеновская, Иванов исток) и озер, нередко появившихся на месте оставленного, старого русла реки – старицы (Игнатьевское / Ыгнатовское, Костинское, Макаровское, Сереговское). Их названия связаны с ойконимией расположенных поблизости селений, ср.: деревни Клинин Луг, Микулин Луг, Глебова, Даниловская, Семенова, починки Федорцов, Макаров.

Имена оказывались основой названий пашен, сенокосных угодий – пожен, прудов, оврагов, возвышенностей и других объектов, например: Ермолинские пашни, Васильевская пожня, Мартыново прудище, Романовский враг, Григорова гора. Иногда названия включали сразу два антропонима (имя и семейное именование, т. е. формирующуюся фамилию), что определялось необходимостью точно назвать владельца: Агафона Кормильцова наволочек, Андрея Крылова пустошь, Яковлева пожня Кириллова, Сергеева пожня Суровцова, Васильевская пожня Холкина, Трифановские остожья Паруньина.

Как правило, отыменные топонимы возникали от мужских имен, что объясняется социальным положением жителей Пермского края: владельцами или арендаторами участков были главы семей, т. е. мужчины. Женщина получала такие права лишь после смерти мужа, если не возвращалась в родительский дом или не становилась женой другого человека. Поэтому топонимы, образованные от женских имен, были единичными в памятниках письменности: Оринино селище (от имени Орина < Ирина), Парасьина вершина (Парасья < Параскева), Татьяшева деревня (Татьяша < Татьяна).

Наиболее последовательно в писцовые и переписные книги включались отыменные ойконимы, так как требовалось точно назвать все населенные пункты и их жителей-мужчин, чтобы не потерять кого-либо из податных людей (умерших должны были заменить их сыновья). Книги позволяют судить об особенностях топонимии и истории края, например, свидетельствуют об образовании большого числа новых починков и деревень в результате активного притока крестьян с Русского Севера в первой половине XVII в. и значительного увеличения населения Прикамья в этот период. В то же время они свидетельствуют о развитии ойкони-

мии и имен жителей края. Далее рассматриваются связи имен и ойконимов, в большом количестве представленных в пермских памятниках, особенно в переписных текстах.

Для приказного языка XVI–XVII вв. характерно употребление имен представителей низкого сословья – основного населения России (крестьян, ремесленников, стрельцов и т. д.) – в виде дериватов, образованных от основ полных имен преимущественно с уменьшительными суффиксами -к(а), -к(о): Васька, Иванко, Ивашка. В полной форме (Василий, Иван) фиксировались в административных документах лишь имена бояр, затем дворян. В Прикамье, где их появление было редким (это были лишь присылаемые на некоторое время воеводы, писцы, дозорщики и другие официальные лица), полным именем могли в отдельных случаях именовать состоятельных крестьян и жителей городов в имущественных актах: *Се яз <u>Никита</u> Данилов сын Пядышев продал есми <u>Ивану</u> Сергиеву сыну Суровцову в Камском Усолье варницу свою* [*КСГ: 6 об.*]. При переписке к такому адресату обращались, используя не только полное имя, но и отчество на -вич, что обычно не было принято в текстах официальных документов, ср. в письме к двум жителям Соли Камской, братьям-тезкам Суровцовым: *Гсдрем млстивым благодетелем <u>Ивану</u> <u>Ивановичю</u> <u>Ивану</u> <u>Ивановичю</u> искатель вшей гсдрской млости Стенька Рязанцов премного челом бью многолетно и благополучно о Христе на веки в млсти великого бга здравтсвуите* [*КСГ: 91 об.*].

Однако в официальных административных текстах это не допускалось; более того, употребление в делопроизводстве имен с -к(а), -к(о) сказывалось на записи некоторых образованных от имен названий починков и деревень в форме притяжательного прилагательного от имени с сохранением этого суффикса: *<u>Климково</u> деревня над речкою Рязановскою* [*Е: 124*], *<u>Юшков</u> починок* [*КС: 161*], *<u>Пашков</u> Останин починок* [*Я: 34*], *<u>Власков</u> починок* [*К: 152*]. В название починка превращался сложный антропоним его основателя в род. падеже: *<u>Алешки Овчинникова</u> починок* [*Е: 192 об.*], *<u>Ивашка</u> <u>Бородина</u> починок* [*КС: 159*], *<u>Ивашка</u> <u>Пестерева</u> починок на речке на Язве над курьею Стежею* [*КЧ: 102*], *<u>Калинкин</u> починок а в нем Калинка Иванов сын Опалихин* [*КС: 177 об.*], *<u>Левки</u> <u>Косинца</u> починок на роднике* [*КЧ: 144*], *<u>Юшки</u> <u>Ламанова</u> починок на ручью* [*КС: 188*], *<u>Якимка</u> <u>Ижитпелева</u> <u>починок</u> на Кутузове враге* [*КЧ: 77*], *<u>Стеньки</u> <u>Кузмина сына Речкина</u> починок* [*КС: 162*].

Однако обычно в переписных текстах делалась запись ойконима из притяжательного прилагательного от полного имени или от деривата, но без суффиксов -к(а),-к(о). Ср. образования от полных имен: *Деревня Абрамова* (от имени Абрам) *на реке на Каме* [*Е: 131*], *Арефин починок на речке на Язве* [*Е: 188*], *Епифанов починок на реке Обве и на роднике* [*КЧ: 142 об.*], *Деревня что был починок Макаров на озере Макаровском* [*Е: 147*], *Исакова деревня на реке на Каме* [*Е: 167*], *Савина деревня* [*ЕЧ: 101*]. Ср. также образования от дериватов: *Ивакин починок* [*К: 93*], *Игошево деревня на реке Чусовой* [*К: 115*], *Макушина деревня на речке на Усолке* [*Е: 137*], *Мосейков починок на роднике* [*КЧ: 145 об.*], *Серегово деревня на реке на Косьве* [*К: 150*], *Симакина деревня на речке Быковке* [*Е: 92*].

Писцы по-разному фиксировали название одного и того же населенного пункта. Так, в 1623 г. записано: *Гаршанино деревня что был починок Гаршанино на ручью* [*КЧ: 113 об.*]. А в 1647 г., видимо, под влиянием живой речи он отмечается с суффиксом -к(а): *Гаршанкино деревня что был починок Гаршанкино* [*ЕЧ: 115*].

По переписным текстам хорошо прослеживаются связи топонимии и антропонимии. Часть ойконимов записана при жизни людей, от имен которых они образованы, причем выявляются различные закономерности записи имени с -к(а), -к(о) и названий поселений.

1) В ойкониме и в имени представлен суффикс -к(а) или -к(о): *Коземкин починок на роднике... в нем Коземка Бабеков* [*КЧ: 73*], *Фефилков починок над ручьем... двор пуст Фефилка Алексеева* [*ЕЧ: 257*].

2) В ойкониме суффикса нет, но в имени он сохраняется, как это было принято в различных текстах делового письма: *Родионов починок а в нем Родька Семенов сын Емельянов* [*КС: 177*], *Макаров погост на озерке на Макаровском... в нем Макарко Евдокимов сын Важенин* [*КЧ: 104*], *Починок Тимофеев на озерке Тимофееве... в нем Тимошка Леонтьев* [*Я: 32*].

3) В некоторых именах использовался уменьшительный суффикс -ик либо из-за фонетического неудобства произношения имени с суффиксом -к(о): *Карпово починок на реке на Инве... в нем Карпик Микифоров сын Тулупов* [*КС: 145 об.*], либо по стилистическим причинам – в связи с необходимостью заменить старый ойконим Пашков (от имени Пашка) образованием с уменьши-

тельным, но не уничижительным суффиксом -ик: *Павлика Черново деревня что был починок Пашков* [*КЧ: 106*]. Ойконим Павлика Черного зафиксирован в 1623, 1647 и 1678 гг., а в ревизской сказке 1711 г. – уже от полного имени без суффикса -ик: *Деревня Павла Черного* [*Ч: 77*]. После Петровских реформ произошли существенные изменения в деловом языке, в частности, имена людей всех сословий в официальных документах записывались без уменьшительно-уничижительных суффиксов.

4) Ойконим образован от уменьшительного имени, но без суффикса -к(а), хотя в соответствующем имени основателя поселения он сохраняется: *Серегово деревня на реке Колве в ней дворы по горе и Серешки Алина* [*КЧ: 50 об.*]. *Серегово деревня на реке на Колве* [*ЕЧ: 39*].

5) К редким случаям относится ойконим *Деревня Исакова* [*Я: 37 об.*], сооответствующий имени в канонической форме: *Исаково деревня что был починок Исаака Камского на реке на Каме* [*КЧ: 92 об.*].

Следует подчеркнуть, что значительная часть ойконимов образована не в период составления переписного документа, а задолго до этого. В населенном пункте во время его описания в писцовой книге проживал уже не носитель имени, давшего название деревни или починка, а его сын или сыновья, т. е. ойконим соотносится с именованием жителей по отцу (с патронимом). Последнее записывалось в форме притяжательного прилагательного от имени отца (иногда со словом *сын*, но чаще без него): *Деревня Захарова... в ней Митя да Панко Захаровы* [*Я: 16 об.*], *Деревня Захарово на колодезе... Ивашко Захаров умре* [*КЧ: 57 об.*], *Кузмина починок на роднике... в нем Ивашко Кузмин сын Малово* [*КЧ: 57 об.*], *Деревня Лукьянова на роднике... в ней Омельянко Лукьянов* [*КЧ: 91*], *Назарово деревня на речке на Вильве в ней Левка прозвище Курбатко Назаров сын Шолохов* [*КЧ: 120*], *Сергиев починок* [*Я: 32*] – *Деревня что был починок Сергиев в ней Гришка Сергиев* [*КЧ: 100*], *Софонов починок на речке на Лызовке в ней Крячко Сафонов* [*КЧ: 62*]. Название деревни могли образовать от деривата (Оникуша < Онкудин): *Оникушино деревня на роднике а в ней Обросимко Онкудинов* [*КС: 179*], иногда в ойкониме появлялся суффикс -ск: *Деревня Леонтьевская Мальгина что было займище Кондрашки Леонтьева на Оринине селище* [*КС: 179*], но именование по отцу (полуотчество) оставалось всегда в форме притяжа-

тельного прилагательного от полного имени. Постепенно происходила его субстантивация.

Между переписями были обычно долгие периоды (от переписи Яхонтова до переписи Кайсарова прошло 45 лет), и в это время – в конце XVI – первой четверти XVII в. – активно проходила русская крестьянская колонизация Верхнего и Среднего Прикамья, возникали новые починки и деревни и их названия, поэтому в книгах 1623 и 1647 гг. ойконимов, соотносимых с отчествами, оказывается больше, чем соотносимых с именами живущих.

Большой интерес для исследователей представляют названия селений, восходящие к именам дедов, т. е. пережившие два поколения: *Кирьянова деревня на роднике... в ней Дениско Осипов сын Кирьянов* [*КЧ: 93*], *Ондрюшки Овдеева починок на реке на Каме... в нем Дружинка Иванов сын Овдеев* [*КЧ: 119 об.*], *Пантелеево деревня на реке Вишере... в ней Митька Дементьев сын Пантелеев* [*КЧ: 87 об.*].

Во-первых, антропонимы, в которых отражаются имена трех поколений, являются иллюстрацией формирования семейного именования, становящегося фамилией. Так, 1579 г. записано: *Аристов починок на речке Ишкилде... в нем Сенка Аристов* [*Я: 34*]. Ойконим от имени Сенькиного отца Ариста, основавшего починок, возник, возможно, лет за 20–25 до составления писцовой книги Яхонтова, т. е. в середине XVI в. В 1623 г. отмечается уже сын Сеньки и внук Ариста, название Аристов починок продолжает функционировать ко времени писцовой книги Кайсарова уже лет 65–70: *Аристов починок на речке Ишкильде... в нем Данилко Семенов сын Аристов* [*КЧ: 104 об.*]. Так что в ней ойконим соответствует уже имени деда. Деревня Аристова существоала вплоть до XX в [ПО 1963: 104 об.].

Во-вторых, в ранней пермской писцовой книге отмечается ряд деревень и починков, появившихся еще в середине или третьей четверти XVI в., и свидетельством этого являются ойконимы, соответствующие патронимам жителей деревень в 1579 г.: *Захарова деревня... Митя да Панко Захаровы* [*Я: 16 об.*], *Кондратьева деревня на реке на Вишере... Ондрюша Кондратьев* [*Я: 37*], *Мелентьева деревня на реке на Каме... Габко Мелентьев да Петрушка Мелентьев* [*Я: 34 об.*].

В-третьих, антропонимы позволяют понять, чем вызваны колебания в назывании одного и того же населенного пункта, ср.: *Ва-*

сильевский починок на речке на Язве Кычигино тож [*КЧ: 102 об.*]. Здесь же в описании этого починка читаем: *А в нем Петрушка Васильев сын Кычигин*. Васильевским он назывался по патрониму владельца (Петрушки), а Кычигиным – по семейному именованию от некалендарного имени деда *Кычига* из севернорусского диалектизма *кычига* 'ручное орудие для обмолота льна и хлебных злаков; вид цепа' [СРНГ 13: 245], но с коми-пермяцкой фонетической чертой: кы < ки.

Пришедшие на Русь заимствованные канонические имена пережили фонетическую адаптацию к русскому языку, и в писцовых книгах отмечаются уже адаптированные формы имен, давших ойконимы. Исключения были крайне редкими и вместе с тем устойчивыми: в 1579 г. *Сергиев починок* [*Я: 32*], в 1623 г. *Деревня что был починок Сергиев... крестьянин Гришка Сергиев* [*КЧ: 100*]. Видимо, они были продиктованы особыми обстоятельствами – в данном случае существованием других объектов с таким же именованием, ср. ороним *Сергиев камень на реке на Каме* и *Сергиев Камень деревня над Камою-рекою* [*Е: 91*].

Адаптация в русском языке заимствований реализована в образовании новых форм имен с русскими формантами. В переписных актах Прикамья XVI–XVII вв. представлены ойконимы, возникшие от дериватов с различными суффиксами.

Это образования от имен с принятыми в деловом языке суффиксами -к(а), -к(о): Ескина деревня (от Еска < Иосиф), Ивакин починок (от Ивака < Иван < Иоанн), Калинкин починок (от Калинка < Калина < Калинник), Коземкин починок (от Коземка < Козьма), Сенькиных деревня (от Сенька < Семен < Симеон), Симакина деревня (от Симака < Симон), Спиркин починок (от Спиря < Спиридон), Игнашкин починок (от Игнаша < Игнат < Игнатий); Гашкова деревня (от Гашко < Гаврила < Гавриил), Климков починок (от Климко < Клим < Климент < Клементий), Мосейков починок (от Мосейко < Моисей), Пашков починок (от Пашко < Павел), Титков починок (от Титко < Тит), Феофитков починок (от Феофитко < Феофит), Фефилков починок (от Феофилко < Феофил), Юшков починок (от Юшко < Юша < Юрий).

Ойконимы позволяют выявить и формы дериватов от полных имен, характерные для живой речи жителей Прикамья в XVI–XVII вв. Конечно, широко употреблялись в речи и слова с -к(а) / -к(о). Но употребление их в антропонимии делового языка спо-

собствовало развитию в этих суффиксах не только уменьшительного, но и уничижительного значения. В то же время использовались разные формы деминутивов, в которых эта уничижительность отсутствовала или проявлялась в малой мере.

На основе ойконимов восстанавливаются онома, образованные из двух (иногда трех) первых слогов полного имени с нулевым суффиксом и с исходом -а после твердых или мягких согласных: Тимина деревня (от Тима < Тимофей), Спирин починок (от Спиря < Спиридон), Харина деревня (от Харя < Харитон), Володина деревня (от Володя < Володимер), Серегово деревня (от Серега < Сергей < Сергий).

В ойконимы попадали имена с суффиксами:

-ша: Игнашин починок (от Игнаша < Игнат), Олешино починок (от Олеша < Олексей < Алексей);

-уша: Макушина деревня (от Макуша < Максим или Макидон), Меркушев починок (от Меркуша < Меркурий), Оникушин починок (от Оника < Аникий);

-ош: Игошева деревня (от Игош < Игнатий);

-оша: Порошин починок (от Пороша < Порфирий);

-ак: Семакова деревня (от Семак < Семен);

-аш: Тимашев починок (от Тимаш < Тимофей);

-ня: Паранина деревня (от Параня < Парамон);

- ча: Иванчина деревня (от Иванча < Иван).

Сопоставление имен и отыменных топонимов в писцовых и переписных книгах показало, что ойконимы более нейтральны по сравнению с именами, особенно по сравнению с именами-деминутивами, ср.: *Тимофеев починок на озерке Тимофееве... в нем Тимошка Леонтьев* [*Я: 32*], *Родионов починок в нам Родька Семенов сын Емельянов* [*КС: 177*]. Это проявляется и в случаях, когда ойконим тоже восходит к имени с суффиксом: *Тимашев починок на речке Зырянке... в нем Тимоха Павлов* [*Я: 11 об.*].

Все, о чем шла речь выше, касается календарных имен. Вместе с тем в XVI–XVII вв. в живой речи весьма актуальными были некалендарные имена, которые зафиксированы в пермских памятниках разных жанров:

Они оставили след и в топонимии, в частности как названия населенных пунктов. Отмечаются ойконимы из имен, отражавших отношения в семье. Одни из них восходят к именам из числительных, их давали сыновьям по порядку рождения (например, Пер-

вышка – первый, Пятунька – пятый, Семерик – седьмой): *Первышки Жуланова деревня* [*ЕЧ: 201 об.*], *Пятунки Васильева сына Федорова починок на реке на Сере* [*КЧ: 145*], *Семериков починок на речке Игуме* [*К: 159*]. Другие образованы из имен, называвших младших (Малец, Мальга) или поздних (Поздей, Поздий) сыновей: *Мальцов починок на реке на Егве... в нем Микулка прозвище Малец Евсеев* [*КЧ: 144 об.*], *Деревня Леонтьевская Мальгина что было займище Кондрашки Леонтьева* [*КС: 179*], *Поздеев починок на ключе... в нем Жданко Поздиев сын Могучев* [*КС: 175*], *Поздиево деревня на речке на Лызовке... в ней Богдашко Григорьев сын Поздеев* [*КЧ: 71*], *Поздиево деревня в Онисимовском приходе... Олешка Федоров сын Поздиев* [*КЧ: 136 об.*].

Зафиксированы названия населенных пунктов из «профилактических» имен, которые должны были оберегать их носителей от нечистой силы и злых духов (Невер 'неверный', Неклюд 'нелюдимый, молчаливый', Некрас 'некрасивый', Нечай 'неожидаемый, нечаянный'): *Данилка Неверова деревня на ручью... в ней Климка Данилов сын Неверов*, [*КЧ: 86 об.*], *Неклюдов починок что была деревня Остяцкая на реке на Черной* [*КС: 172 об.*], *Некрасов починок* [*Я: 23*]. *Некрасова деревня на врашке что был починок Некрасов... в нем Фетка Васильев сын Некрасов* [*КЧ: 67*]. *Некрасова деревня* [*ЕЧ: 52*]. *Нечаев починок на реке на Каме* [*Я: 32 об.*].

В Прикамье зафиксированы ойконимы, образованные от древнерусских имен из древних этнонимов (Русин, Чудин): *Русинов починок на роднике в нем Федка Григорьев сын Русинов* [*КЧ: 92 об.*], *Чудинова Новина починок на ручью* [*КС: 188*].

В пермских писцовых и переписных книгах отмечаются ойконимы и от других некалендарных имен, имевших долгую историю в русском именнике, как показывают данные исследований различных памятников письменности, в частности уральских [Мосин 2008], и материалы антропонимических словарей [СДЛСИ, Ономастикон, УИО]. Они отражены в ойконимии:

Бажа – *Деревня что был починок Бажин над ручьем над Косвинским* [*К: 140*], ср. [Мосин 2008: 740];

Дружина – *Дружинин починок на реке на Чусовой и на речке Воеводинке* [*Е: 97*], [СДЛСИ: 159; Ономастикон: 101; УИО: 120];

Завьял – *Завьялов починок на реке Усолке... в нем Харитонко Симонов сын Завьялов* [*КС: 175*], ср. [СДЛСИ: 178–179; Ономастикон: 118; УИО: 144–146; Мосин 2008: 745, 773];

Истома – *<u>Истоменский</u> починок на роднике Гагоре* [*КЧ: 52 об.*], ср. [СДЛСИ: 191; Ономастикон: 129; УИО: 163; Мосин 2008: 774];

Пешко – *<u>Пешково</u> деревня Черное тож на реке на Кондасе* [*К: 173*]. *<u>Пешкова</u> деревня над Кондасом-рекою* [*Е: 88*], ср. [Ономастикон: 244; УИО: 304; Мосин 2008: 781].

Некалендарными именами, давшими ойконимы, становились названия животных, птиц, рыб: *Починок <u>Бурундуков</u> на речке на Талице* [*КЧ: 56*], *<u>Воробьев</u> починок на роднике... в нем Ивашко Артемьев сын Воробьев* [*КС: 176*], *<u>Лещев</u> починок на реке на Чусовой* [*К: 115*]. Наибольшее количество подобных ойконимов было от имен из названий птиц: *Деревня <u>Воронина</u> на реке на Сылве* [*Е: 92*], *Деревня <u>Воронова</u> что был починок Нижней на реке на Сылве* [*К: 130*], *Деревня <u>Загоскина</u>* [*загоска* – 'кукушка'] [*Е: 121*], *<u>Коростелева</u> деревня на реке на Усьве* [*Е: 134*], *<u>Соловьев</u> починок* [*Е: 101*], *Деревня <u>Стрижева</u>* [*Е: 138*], *<u>Чижовкин</u> починок... в не крестьянин Иванко Чижов* [*Я: 37*]. Подобные ойконимы возникали и из коми-пермяцких заимствованных дохристианских имен: *Крестьянин деревни <u>Яборова</u>* [*ябӧр, ябыр* – 'скворец'] *Яков Аверкиев сын Яборов* [*Ч 3: 206*].

В основе части ойконимов писцовых и переписных книг лежат дохристианские имена из коми слов: деревня *Кушпелева* (*кушпель* – 'голое ухо'), *Мошев* погост (*мош* – 'пчела'), деревня *Чежегова* (*чеж*, *чӧж* – 'крупная утка'). Причем следует отметить, что писцы обычно сохраняли топонимы и в их числе ойконимы коми-пермяцкого происхождения, но дохрастианские имена или прозвища их основателей переводили на русских язык. Так, в писцовой книге 1579 г. деревня в бассейне Колвы названа коми топонимом Ныроб из слов *ныр* 'нос' и *ыб* 'поле' (Нырыб – Поле Носа), но живущий в ней крестьянин назван русскими календарным (Иванко) и некалендарным (Нос) именами: *<u>Нырыб</u> деревня на роднике в ней крестьянин Иванко Нос* [*Я: 24*]. Его потомки носили и носят до настоящего времени фамилию Носовы.

То же самое наблюдается и в другом месте Прикамья, в устье Косы, притока Камы, отмечена тогда же *<u>Ныров</u>... деревня на реке Косе* [*Я: 38 об.*]. В 1623 г. записано: *Погост Коса <u>Ныров</u> тож на реке на Косе что была деревня Ныров* [*КЧ: 130 об.*], *<u>Ныров</u> погост ... а в нем... Еремка Семенов сын Носов, Максимко Иванов сын Носов пустое место дворовое Трошки Иванова сына Носова* [*КЧ: 84 об.*]. От кальки (*Нос*) из некалендарного имени *Ныр* здесь

тоже возникла фамилия *Носов*. Были кальки, давшие топонимы, и от других коми имен, однако это не всегда удается проследить по материалам памятников.

Вместе с тем коми имена сохранялись и от них возникали топонимы и фамилии, зафиксированные в писцовых и переписных книгах. От коми слов с характерным для коми-пермяцких дохристиансих имен формантом -ег/-ог (Ратег, Ужег) были образованы ойконимы, ср.: *Ратегово починок на роднике* [*КЧ: 103*], *Ратегова деревня на роднике* [*ЕЧ: 183*], *Ужегов починок на реке на Инве в нем Сидорко Ужегов* [*КЧ: 146 об.*]. Оформлены ойконимы коми происхождения уже в русском языке с помощью обычного для пермской ойконимии форманта -ов.

Обобщение представленных выше и других наблюдений над материалами пермских писцовых и переписных книг позволяет выявить ряд процессов, происходивших в пермской ономастике в XVI–XVII вв. Эти процессы связаны с утверждением календарных имен (полных и дериватов) в антропонимии и в отыменных топонимах.

1) Некоторые ойконимы от географических апеллятивов и некалендарных (русских и коми-пермяцких) имен вытесняются образованиями от календарных имен, что видно по колебаниям в наименованиях конкретных населенных пунктов, ср.: *Романово деревня что был починок Нижнее Поле* [*КЧ: 117*], *Аврамов Камень починок что была деревня Ошкор тож на реке на Яйве* [*К: 174*].

В 1579 г. существовала деревня *Гузнищево* [*Я: 19*] с ойконимом от деривата *Гузнище*. В 1623 г. записано: *Гузнищево Юрино тож на роднике на Боярке*. Проживал в ней в это время *крестьянин Задорка Юрьев сын Дубовиков* [*КЧ: 58*]. С появлением нового владельца с именем Юрий (отца Задорки) возникает и новое именование деревни. Но, видимо, в живой речи деревню именовали по-разному, что обычно отражалось в писцовых книгах, где сохранялись оба именования.

Иногда старое, неотыменное название селения возвращалось, особенно если оно было широко известным топонимом-ориентиром, например, называло большую реку или устье реки. Однако сохранялось и упоминание отыменного ойконима.

Так, в 1579 г. отмечен *Орефин починок на реке Каме на усть реки Вишеры* [*Я: 32*]. В 1647 г. он же – *Усть-Вишера деревня что был починок Орефин* [*Е 1: 210*].

В 1579 г.: *Нестерово деревня вверх Косы-речки на Уныльве* [*Я: 39*]. В 1623 г.: *Большая Коча деревня что была деревня Нестерово вверх Косы-реки на реке на Уныльве* [*КЧ: 133*]. В 1647 г.: *Большая Коча деревня что была деревня Нестерово* [*ЕЧ: 235 об.*].

2) В источниках 1623 г. и особенно 1647 г. отмечается увеличение отыменных ойконимов от дериватов с суффиксами, которых не было в XVI в. В этот период идет активное освоение пермских земель вновь прибывшими в Прикамье крестьянами. В писцовых книгах 1623 г. отмечаются ойконимы от основы календарных имен с суффиксами -аш (починок Тимашев), -ош/ош(а) (деревня Игошева, починок Игошино, починок Порошин), -уша (деревня Макушина, деревня Оникушина), -к(а) (починок Калинкин), -к(о) (починок Мосейков, починок Юшков), -я, -а (починок Спирин, деревня Серегово, деревня Харино, деревня Юрино). При образовании названий селений к вновь образовавшимся основам от имен присоединялись ойконимические суффиксы -ов (к основе на согласный – Игошева) и -ин (к основе на -а – Игошино).

Окончание топонима обычно соответствовало окончанию термина называвшего вид селения: *починок Антипин* (нулевое окончание), *деревня Глебова* (-а/-я (-ja)). Окончание -о в названиях починка или деревни (*Юрино*) появилось в источниках при переписке текста в XIX в., когда такие названия на -о распространялись в ойконимии Пермского края по аналогии с названиями сел (село *Кыласово*).

Вместе с тем возникали зафиксированные в 1623 г. ойконимы из словосочетания деминутивного имени и именования по отцу или прозвища владельца: деревня *Данилка Неверова*, починок *Ивашка Пестерева*, починок *Ивашка Половникова*, починок *Ивашка* Пономарева, починок *Левки Косинца*, починок *Ондрюшки Овдеева*, деревня *Павлика Черного*, починок *Стеньки Кузмина*, починок *Якимка Ижитпелева*, *починок Якушки Батуева*. Иногда в сложном топониме в основе ойконима наряду с именем и отчеством оказывалось и имя деда, перешедшее в семейное именование: починок *Гаврилка Третьякова сына Минина*, починок *Пятуньки Васильева сына Федорова*.

Но уже в книгах 1647 г. ойконимы из словосочетаний имени и патронима становились редкими, а однокомпонентные названия селений либо сохранялись без изменений, либо были утрачены (так как многие починки исчезали или получили названия по но-

вым владельцам, но установить последнее по имеющимся материалам удается редко), либо именования вновь появившихся починков и небольших деревень продолжали записывать с суффиксом -к(а) в основе имени владельца: деревня *Еськина*, починок *Ивакин*, деревня *Климкова*, починок *Феофитков*. В отдельных случаях старые ойконимы лишь в записи 1647 г. приобрели суффикса -к(а): деревня *Гаршанкино*, починок *Спиркин*. Ранее было *Гаршанино, Спирин*.

3) Существенно изменяется картина ойконимии в 1678 г. в переписных книгах Бельского и Дашкова (у последнего переписан только Осинский уезд). Частично сохранились старые ойконимы от полных имен: деревня *Никулина* [*Б: 65 об.*], деревня *Юдина* [*Б: 35*]. Есть записанные в старых книгах названия от дериватов: деревня *Макушина* [*Б: 31 об.*], починок *Спирин* [*Б: 29*]. Но нередко дается более подробное описание даже старого селения: *Починок Архипов за Казенным полем над ручьем* [*Б: 62 об.*], *Починок на Малой речке в Никулиной деревне* [*Б: 68*]. Новых ойконимов от деминутивных имен практически нет, но зато появилось большое количество описаний селений, в которых не отражаются непосредственно их названия в живой речи, как это было в первой половине XVII в.: *Деревня над Кемулем и над речкою Шумихою* [*Б: 5*], ср. ранее: *Деревня Кемель на речке Кемели* [*К: 152*].

Появление в книгах 1623 г. большого количества названий починков и деревень от дериватов свидетельствует об окончательной адаптации в русском языке, в системе русского словообразования, заимствованных календарных имен. Их проникновение в топонимию было закономерным, так как они широко употреблялись, звучали естественно и вносились в официальные тексты. Но во второй половине XVII в. они воспринимались писцами уже как несоответствующие нормам делового языка переписных текстов этой поры и либо сопровождались подробным описанием, либо заменялись описанием, в котором не оказывалось однокомпонентного ойконима, существовавшего и до составления книг 1678 г., и после.

В XVIII в. в ревизских сказках сохраняются старые названия от полных календарных имен: деревня *Глебова* [*Ч: 21*], деревня *Савина* [*Ч: 19*], деревня *Фролова* [*Ч: 90*]. Есть в них и старые названия от дериватов: деревня *Порошина* [*Ч: 90*], деревня *Тимина* [*190 об.*], погост *Серегова* [*Ч: 193*]. Но в ревизских сказках

(за редким исключением) совсем исчезают старые названия от имен с суффиксами -к(а) -к(о) и не появляются новые. А там, где использовалось деминутивное имя, находим уже его полную форму: деревня *Павла Черного* [*Ч: 77*] – вместо *Павлика Черного* (в 1647 и 1623 гг.).

4) Что касается ойконимов от некалендарных имен, то на их развитии сказалась история самих антропонимов. В XVI в. разрушается старая система антропонимии, когда в качестве церковных и официальных использовались календарные имена, а в бытовой сфере обычными были некалендарные. В связи с адаптацией календарных имен к системе русского словообразования и появления дериватов (вариантов вторичных, неполных, деминутивных) имен, последние утверждаются в бытовой речи и вытесняют некалендарные имена, заменяют их, что отражается и топонимии.

Однако у некалендарных имен было очень важное качество, отсутствовавшее у календарных: они были индивидуальны. Если *Ивашек*, *Тимошек* и *Федек* оказывалось несколько не только в одном селении, но даже в одной семье, то различали тезок с помощью некалендарных имен: *Злоба*, *Куделя*, *Первуша*, *Поздей*, *Некрас*. Поэтому они сохранялись долгое время даже при развитии дериватов от календарных имен.

И в то же время некалендарные отличались по статусу от календарных имен, даже по сравнению с дериватами от них: они становились сниженными, бытовыми, неофициальными. И за ними в XVII в. в Прикамье, как и на других территориях России, закрепляется термин *прозвище*, которым называли все антропонимы, не имевшие отношения к календарным именам: некалендарные имена, индивидуальные прозвища и семейные именования, т. е. формирующиеся фамилии. В деловых документах Прикамья некалендарные имена употреблялись и с термином *прозвище*, и без него, ср.:

Деревни Немзи крестьянин Добрыня Ортемов [*Я: 30 об.*], но *Крестьянин деревни Кондакова на реке на Сылве Евсевийко прозвище Добрыня Рудаков* [*Е: 99*];

Деревни Вороновы на реке Сылве крестьянин Бессонко Иванов сын Воронов [*К: 130*], но *Крестьянин деревни Беспалова Ефремко прозвище Бессонко Захаров* [*Е: 141*].

Это способствовало долгому сохранению некалендарных имен в русском антропонимиконе и участию их в образовании топони-

мов и фамилий. Однако в деловом языке пермские ойконимы из некалендарных имен обычно были образованы от полной формы в отличие от названий селений из полных календарных имен и дериватов от них (*починок Завьялов – от имени Завьяло, починок Некрасов – от Некрас, починок Нечаев – от Нечай, починок Поздеев – от Поздей)*, хотя в бытовой речи отмечались и различные дериваты: *Деревни Усть-речки Усьвы крестьянин Завьялко Григорьев сын Вологженин* [*К: 146*], *Чердынской деревни Остяцкой на реке Черной Неклюдко Иванов кузнец* [*Я: 7 об.*], *Чердынской деревни Верхнего Шакшера на реке на Каме крестьянин Вож Леонтьев да сын ево Некраско* [*Я: 33*], *Деревни Сумыча на реке Сумыч крестьянин Поздейко Гилев* [*Я: 28*].

Таким образом, рассмотренные пермские отыменные ойконимы в XVI–XVII вв. переживают изменения, связанные как с судьбой их основ (т. е. календарных и некалендарных имен), так и с развитием самой топонимии. На него повлияли и живая речь (топоним обычно рождался в бытовом общении), и деловой язык, в котором вырабатывались свои нормы для формирования названий поселений и их отражения в переписных текстах.

РАЗДЕЛ 5. РАЗВИТИЕ ПЕРМСКИХ ИМЕН В XVI–XVIII ВВ.

Изучая историю имен жителей Прикамья в XVI–XVIII вв., необходимо учитывать, что пермские имена в исследуемый период существовали в разных языковых системах: церковно-книжном типе языка, деловом языке и разговорной речи. В каждой из них действовали свои нормы, диктуемые узусом, но вместе с тем происходило постоянное взаимодействие имен разных сфер функционирования. Кроме того, в каждой системе могли быть свои подсистемы. Рассмотрим, как представлены имена в разных системах в пермских памятниках письменности.

5.1. Имена в разных сферах функционирования языка

Имена церковно-книжного типа в данной работе не были объектом специального подробного изучения, так как, во-первых, он обслуживал особую сферу и восходил к старославянскому языку, а, во-вторых, для изучения его функционирования в Прикамье XVI–XVII вв. не сохранилось достаточного материала, а именно: книг записи о крещении, венчании, кончине и других пермских церковных текстов, относящихся к этому периоду. Существующие и доступные нам пермские памятники, связанные с конфессиональной деятельностью, являлись актами делового языка, используемого при оформлении имущественных и других отношений епархии и монастырей, хотя и с цитированием небольших отрывков церковных текстов.

Вместе с тем в нашем исследовании использованы некоторые рукописи, связанные с церковной деятельностью: «Акты Пыскорского монастыря» XVI–XVII вв. [*АПМ*], «Грамоты Коллегии экономии» – материалы соликамских монастырей XVI–XVII вв. [*ГКЭ*], «О церковнослужителях Пермской, Обвинской и других округ» 1782–1783 гг. [*ЦС*]. В них зафиксированы канонические имена монахов и других деятелей церкви, например: *В Пыскорском монастыре келарь Мисаил Сметана* [*АПМ: 28*], 1593 г., *Села Кривца священника Феодора Иоаннова Наумова дочь Татиана* [*ЦС: 132 об.*], 1783 г. *Села Говорливого поп Иоаким Васильев сын Собянин* [*ЦС: 175*], 1782 г. Однако в деловых церковных памятниках нередко ощущается воздействие на канонические имена

живой речи: *Игумен Пыскорского Преображенского монастыря Мисайло* [*ГКЭ 17: 11215*], 1622 г. Поэтому подобные памятники использовались нами в основном для иллюстрации взаимодействия имен разных сфер функционирования.

Несмотря на воздействие живой речи и употребление форм имен, характерных для официального языка документов, в конфессиональных деловых текстах в исследуемый период наблюдалось движение к закреплению норм церковно-книжного типа языка в антропонимии. В XVIII в. канонические имена под влиянием церкви использовались в памятниках более последовательно, чем в XVII в.

Памятники светского делового письма представлены текстами различных жанров (видов), отражающих разные требования к оформлению имен. Самыми жесткими в соблюдении норм написания имен были пермские тексты, предназначенные для отправки в центральные органы управления – приказы XVI–XVII вв., коллегии XVIII в. Это были ответы на столичные распоряжения и тексты переписей населения, учитывающих податных людей. В писцовых, переписных и дозорных книгах XVI–XVII вв. и ревизских сказках XVIII в. отрабатывались нормы записи сложных мужских и женских антропонимов. Нормы эти постепенно менялись, но именно царские (потом императорские) указы, ответы на них и переписи определяли становление официальных сложных антропонимов, место и роль в них имен.

До Петровских реформ начала XVIII в. при переписи податного населения обязательным было употребление уменьшительного имени, причем в XVI в. использовались дериваты, оканчивающиеся на -(а) / -(я) (Гриша, Ларя, Лева, Родя, Тима), суффиксами -ук / -юк (Ванюк, Васюк) и другими. Но чаще записывали дериваты с -к(а) / -к(о) (Васька, Иванко), причем количество последних в XVII в. резко возрастает, они становятся в переписных документах обязательными. В ревизских сказках XVIII в. происходит резкий переход к именам полным, без уменьшительных суффиксов. Однако вековое использование в России имен с -к(а) / -к(о), определявших невысокое социальное положение человека, в процессе утверждения крепостной зависимости привело к усилению уничижительного оттенка таких антропонимов в живой речи XVIII в.

Переписи в значительной мере определили судьбу некалендарных имен в русском именнике, и это наложило отпечаток на

пермские тексты. В писцовой книге Перми Великой 1579 г. было нормой употребление на первом месте двухсложного антропонима некалендарных имен (наряду с календарными именами в сложных именованиях): Барсук Михайлов, Барсучко Иванов, Башка Ильин, Булгачко Анисимов, Бык Архипов, Верещага Козмин, Девятко Григорьев, Добрыня Ортемов, Кокора Кобылкин и т. д. Отмечаются случаи, когда одного из братьев называли некалендарным именем, другого календарным: Беляйко да Давыдко Никитины, Вешнячко да Ивашко Фомины. Это свидетельствовало о равноправии некалендарных имен и календарных дериватов с уменьшительными суффиксами. Некалендарное имя могло быть также на втором месте сложного антропонима: Зык Горбун, Иванко Жигуль, Петруня Заруба, Иванко Зубко, Иванко Кокошник, Иванко Нос, Гриша Ожгибес, Михалко Ряха, Гриша Седун.

Судя по структуре «некалендарное имя + патроним из календарного имени» (Барсучко Иванов), можно полагать, что второй член антропонима (например Петруня Заруба), рассматриваемый обычно как индивидуальное прозвище, мог быть как личным именованием Петруни, так и патронимом, т. е. его отец имел некалендарное имя Заруба. Подобные патронимы 1579 г. позволяют восстановить некалендарные имена, употреблявшиеся в середине XVI в. Это важно для истории антропонимии, так как письменные пермские тексты этого времени, содержащие большое количество имен, до нас не дошли.

В пицовых книгах XVII в. (с 1623 г.), когда развивался трехкомпонентный сложный антропоним, некалендарные имена продолжали существовать в качестве первого (Бык Архипов), второго (Ивашко Малыга) или третьего (Васька Дмитриев сын Егоша) его члена. Будучи третьим членом (патронимом от некалендарного имени, ср.: Егоша), он мог сохраняться без изменений, но мог по аналогии с патронимами от календарных имен (Дмитриев) приобретать суффиксы -ов, -ев или -ин (Егошин).

В XVII в. некалендарные имена, с одной стороны, расширили сферу функционирования, становясь патронимами, но, с другой стороны, в качестве первого члена сложного антропонима они уступают место календарным именам, которые развиваются за счет использования новых для пермских переписных текстов дериватов. Так, отмечаются многие дериваты от имени Иван: Иванай, Иванайко, Иванец, Ивака, Иванка, Иванко, Иванча,

Ивач, Иваш, Ивашка, Ивашко, Ивоха, Ивута, Ивуша, Ивша, Ванько, Ванюк, Ваня.

В писцовых книгах первой половины XVII в. появилось определение некалендарного имени как *прозвища*, что отличает его от *прямого* (т. е. православного, календарного) имени: *Демка Иванов сын Килосов с детми с Ивашком прозвище со Жданком да с Гаврилком прозвище Малец... да с Ивашком прозвище с Шестачком* [*К: 152*], 1623 г. Причем слово *прозвище* могло относиться к некалендарному имени, но могло относиться и к патрониму. Так, одного брата записывают *Тимошка Дмитриев сын Ярафеев прозвище Комар* [*Е: 88*], другого – *Андрюшка Дмитриев сын Комар* [*Е: 90*], 1647 г. Комар – это некалендарное имя их отца Дмитрия или, возможно, деда Ярафея.

В переписных книгах 1647 г., некалендарные имена продолжают уступать место дериватам от календарных, увеличивается количество употреблений слова *прозвище*, некалендарные имена в качестве патронимов все чаще приобретали суффиксы -ов, -ев, -ин, хотя использовались еще непоследовательно: одного брата характеризовали патронимом с суффиксом, другого – без суффикса; отца называют патронимом с суффиксом -ов (Лядов), а его сына – патронимом без суффикса (Ляд). И тем не менее, патронимы от некалендарных имен к середине XVII в. в Прикамье приобретают значение семейных именований, передаются по наследству, выполняют функции фамилий. Фамилии в Прикамье XVII в. формируются преимущественно из бывших некалендарных имен. Ср. выше: у Тимошки Дмитриева сына было еще два именования Ярафеев и Комар, у его брата – только Комар. Далее на основе семейного именования формируется фамилия Комаров, а календарное имя Ярафеев утрачивается.

Причина выбора в качестве основы фамилии патронима из бытового имени ясна: было много тезок по календарным именам (Ивашка, Федька, Тимошка), а некалендарные были почти индивидуальны и поэтому более удобны для различения людей и семей. Об этом говорят и результаты подсчета исследованных нами разных форм мужских календарных (1418) и некалендарных (3886)[27] имен в пермских памятниках. Он показал их соотношение как 1: 2,74. Вход из употребления некалендарных имен был

---

[27] В том числе имен, реконструированных по патронимам и фамилиям.

связан с усилением влияния церкви, увеличением в бытовой речи количества дериватов от календарных имен и с формированием в деловом языке XVII в. фамилий на основе некалендарных антропонимов.

Таким образом, судьба некалендарных имен хорошо прослеживается по переписным документам, которые закрепляли семейные отношения людей, способствовали дальнейшему развитию антропонимии, в значительной мере диктовали нормы формирования и функционирования сложных антропонимов. И фамилии для всего податного населения государства активно и последовательно формировались в переписных текстах, являвшихся государственными документами. В разговорной речи и в других (непереписных) документах следы некалендарных имен сохранялись гораздо дольше, чем в переписях, определявших направление развития антропонимии, особенно на периферии, где требовалось закрепление за территорией русского населения.

Иначе представлены имена в другой подсистеме делового языка, в имущественных документах, которые закрепляли результаты наследования, купли и продажи, заклада имущества или заема денег. Тексты этих документов обычно не выходили за пределы Прикамья, конечно, если они не фиксировали такие крупные операции, как производимые именитыми людьми Строгановыми.

Например, в купчих или раздельных грамотах XVII в., очень важных для участников операций, все имена записывались в полной форме: *Се язъ Петръ Ларивоновъ сынъ Мартыновыхъ из Вильгорта занял есмы у Левонтия Григориева сына Афонасиева с Цыдвы рубль и дватцеть алтынъ* [*Уд: 236*], *Се яз Степан с сестрами своими Игнатевыми дети Трескина поделили есмя меж собою полюбовно з дядею своим с Петром да с тоткою своею Марею Олексеевыми детми Трескина ж долгъ и слободу и всякое житеиское порядное медное и железное и деревянное и платем и скотом и пашнями и сенными покосами* [*ЧМ 2561: 4*]. В документах сохранялись некалендарные имена участников операции: *Се яз Савелеи да яз Семен прозвище Бажен да яз Иван Ивановы дети Загородцкого поделилися есми промежу собою полюбовно отца своего бл*[*агосло*]*вен*[*ием*] [*ЧМ 2561: 3*]. В таких текстах встречаются именования владельцев участков, с которыми граничат земли участников операций, и все антропонимы соседей содержат тоже полные имена: *мне ж Савелю достался в Нестеровском по-*

ле трет в межах со встоку с Ываном Максимовым... с полдни с Лукою Рачевым... в межах с полдни с Ываном Горбуновым со встоку с Фролом Захаровым [там же].

Полными именами в тексте таких документов называли и свидетелей раздела: *а на то послуси Ондреи Иванов снъ Ожгибесов да Третякъ Степанов снъ Безматерновъ да Офонасеи Иванов снъ Пономарев*. И лишь реальные подписи свидетелей на обороте листа содержат имена с уменьшительно-уничижительным суффиксом: *Послух Ондреико Ожгибесов руку приложыл Послух Тренка руку приложыл Послух Офонка руку приложыл* [там же].

Еще одна подсистема делового языка представлена в местных административных и судебных документах, которые обычно составляли по определенным шаблонам. Однако в них нет такой последовательности в передаче имен, как в переписных и имущественных актах, так как отражается и официальный язык, и живая речь.

Кроме того, челобитные, допросные сказки, приговоры в судебных делах хорошо демонстрируют те резкие изменения, которые произошли в подаче полных имен и дериватов на рубеже XVII и XVIII вв. Так, в кунгурских актах 1668–1699 гг. все имена жителей Прикамья обычно даны с уменьшительно-уничижительными суффиксами: *Говорила де она, Марьица, на помоче у Кондрашки Середкина: та девка Бориска Аксенова дочь допряма утопила жеребенка его, Калинкина* [*КА: 85*]. В кунгурских же документах 1702–1710 гг. все имена в судебных текстах поданы в полной форме: *Наговаривал он Павел в стокане на пиво присушные слова и то де пиво в стокане Мавре Федоровой дочере он Павел велел поднесть Нениле Исаковой дочере* [*КСАУ: 125*].

Итак, жанры (виды) текстов и время их фиксации определяли формы имен, записанных в деловых памятниках.

5.2. Общерусские и диалектные особенности имен

Исследование дериватов, зафиксированных в документах Прикамья, показало сдвиги в использовании тех или иных суффиксов. Имена с суффиксами -к(а), -к(о) характеризуются разной активностью в различные периоды развития антропонимии. От XVI к XVII в. активность таких дериватов в деловом языке возрастала, в XVII в. они были очень распространены, а в XVIII в. их использо-

вание в деловых текстах резко сокращается, и из большинства документов (в частности переписных) они исчезают.

Причины этого лежали вне языка, в изменениях официальной деятельности. Многие дериваты с -к(а), -к(о) были порождением только делового языка и не использовались в быту, так как были неудобны для живой речи из-за нагромождения согласных: Александрко, Венедиктко, Нифантко, Полуехтка, Феофилактко. Употребление дериватов в документах было вызвано социальными условиями, оно свидетельствовало не о личных качествах человека или отношении к нему окружающих, не о стремлении унизить его таким именем, а просто определяло его место в обществе. В XVII в. дериват с суффиксом -к(а) или -к(о) в какой-то мере был нейтральным для называния человека, находящегося на определенной (невысокой) ступени социальной лестницы. В XVIII в. из официального языка дериваты исчезают, характеристика человека в документах таким именем перестает быть актуальной, но оно функционирует в говорах, просторечии, где усиливается его оценочное значение.

Заимствованные канонические имена хорошо приспособились к русской фонетике еще в древнерусский период. Попытки выявить в именах диалектные фонетические особенности, характерные для русских говоров Прикамья (цоканье или чоканье), переход звука А в Е между мягкими согласными под ударением, L среднее и другие), оказались безуспешными. Составители документов были людьми относительно грамотными и в письменных текстах редактировали имена, произнесенные с диалектными чертами.

Тем не менее по данным имен очевидно, что в Прикамье складывались севернорусские окающие говоры, хотя есть отдельные случаи отражения аканья в текстах, оставленного выходцами из центра или юга европейской части России (преимущественно в кунгурских делах). Отмечаются также характерные для пермских говоров следы старого звука ѣ (исчезнувшего в Прикамье в исследуемый период) – переход его в И под ударением, например: Надѣй > Надий, Поздѣй > Поздий, Худѣй > Худий. Как имена с ѣ воспринимались заимствования Алексѣй, Еремѣй, Ерофѣй, параллельно в пермских памятниках отмечаются Алексий, Еремий, Ерофий. Исконное И в заимствованиях Сергий, Федосий отмечается наряду с ѣ: Сергѣй, Федосѣй.

Образование дериватов от имен происходило по общерусским закономерностям словообразования апеллятивов. Вместе с тем в процессе развития в русской антропонимии XVI–XVIII вв. вырабатывались свои закономерности использования суффиксов дериватов, ср. следы в Прикамье некалендарных имен на -ят(а) и -енок, -ил(о).

Выше уже говорились о сокращении в пермских памятниках дериватов с уменьшительным суффиксом -ец в связи с распространением в деловой письменности катойконимов и других оттопонимических названий людей с этим же суффиксом (Кивакурец, Матигорец, Поморец, Ярославец). Сопоставление текстов Прикамья с памятниками других территорий свидетельствует о том, что это явление было характерно и для других регионов России.

Общерусским было и другое явление: появление на базе имен нового вида антропонима – семейного именования, переходящего в фамилию. Развитие с XVII в. фамилии как нового вида антропонима для основной части населения России (крестьян, ремесленников, купцов, стрельцов и т. д.) способствовало образованию большого количества прилагательных с суффиксами -ов, -ев, -ин от имен собственных (Иванов, Андреев, Никитин), что, по нашему мнению, способствовало оттоку притяжательных прилагательных из слов нарицательных. В Прикамье до середины XVII в. еще активно фиксировались семейные именования без суффиксов -ов, -ев, -ин (Андрюшка Дмитриев сын Комар), т. е. практически имена, но функционирующие как патронимы. Затем идет сокращение таких форм (без суффиксов имен прилагательных), в XVIII в. пермские семейные именования уже, как правило, оформлены этими суффиксами, а притяжательные прилагательные от слов нарицательных постепенно уступают место оборотам с существительным в род. падеже: вместо *судиин человек – человек судьи*, вместо *попов двор – двор попа*. В итоге, имя перерастает в иной антропоним. Сопоставление с непермскими материалами показывает, что в Прикамье общее направление этого процесса было таким же, как и в других регионах России.

Видимо, должна была существовать какая-то избирательность в использовании тех или иных суффиксов дериватов деминутивных имен, характерная для Пермского края. Но выявить ее будет возможно только в результате сопоставления исследуемого мате-

риала с дериватами других территорий России, что пока нереально из-за отсутствия достаточных данных для сопоставления.

Таким образом, в настоящее время возможно установить только общерусские фонетические и словообразовательные закономерности развития имен.

Сопоставление списка календарных имен пермских текстов XVI–XVIII вв. с материалами исследований и публикаций памятников других территорий европейской части России (московских, воронежских, орловских, курских, рязанских, смоленских, новгородских, владимирских, тверских, вологодских, карельских, пинежских)[28] и документов Урала и Сибири XVII–XVIII вв. (среднеуральских, челябинских, тобольских, тюменских, западносибирских, томских, забайкальских, красноярских)[29] показывает, что календарный именник в этот период был общерусским. Это естественно, так как при крещении в разных местах ориентировались на святцы, общие для всех православных. Фонетические изменения канонических имен были в основном тоже общерусскими, так как адаптация заимствований проходила еще в древнерусский период.

Общими были и многие некалендарные имена, восходящие к древнерусской эпохе (Бажен, Дружина, Замятня и т. д.). Однако в XVI–XVII вв. среди некалендарных были имена, восходящие к территориально ограниченной лексике. Выявить их в некалендарном именнике непросто, так как недостаточно данных для сопоставлений: пока еще нет детальной характеристики русской диалектной лексики исследуемого периода, хотя уже накопились наблюдения над языком памятников отдельных территорий.

Значительная часть пермских некалендарных имен восходит к диалектизмам, что подтверждается в результате сравнения их, во-первых, с непермскими данными XVI–XVII вв. и, во-вторых, с

---

[28] Ср. исследования и публикации материалов памятников Е. Н. Борисовой, С. С. Волкова, С. И. Зинина, Е. Н. Ивановой, И. А. Королевой, И. А. Кюршуновой, М. А. Короткевич, С. И. Коткова, Н. С. Котковой, А. Н. Мирославской, Г. Я. Симиной, С. Н. Смольникова, А. Н. Соловьева, В. Е. Татаркина, В. И. Хитровой, Ю. И. Чайкиной и др.

[29] Ср. исследования и публикации памятников М. С. Выхрыстюк, Л. А. Глинкиной, Л. А. Захаровой, А. Г. Мосина, В. П. Палагиной, Л. Г. Панина, Н. Н. Парфеновой, Е. Н. Сухиной О. В. Трофимовой.

пермской диалектной лексикой XX–XXI вв., представленной в ряде словарей. Актуально в этом отношении сопоставление с материалами вологодских антропонимов в памятниках письменности (в работах Ю. И. Чайкиной, С. Н. Смольникова и их учеников) и лексики в диалектных словарях Русского Севера.

Среди пермских некалендарных имен присутствуют восходящие к лексике, которую в настоящее время считают диалектной (по данным XIX–XX вв.). Белогузка (из апеллятива 'вид птицы'), Бельтюк ('кривоглазый'), Берсень ('крыжовник'), Бетюк ('вялый апатичный'), Бздюль ('древесный клоп'), Бобыня ('надутый, спесивый'), Борняк (от *борновать* 'молоть вздор'), Булюка ('невнятно говорящий'), Бурак ('сосуд из бересты'), Бусорга ('птица стрепет'), Бухряк ('толстяк; неловкий человек'), Быз ('трусливый'), Вакорь ('поваленное дерево в лесу'), Вандыш ('рыбка снеток'), Варач ('болтун'), Голда ('склонный к ссорам, крикливый человек') и многие другие. Таких имен, восходящих к диалектным апеллятивам, в пермских памятниках десятки. Значительная часть их основ, видимо, и в XVI–XVII вв. относилась к территориально ограниченной лексике и представляет интерес не только для ономатологов, но также для этимологов, лексикологов, диалектологов, для исследователей материальной и духовной культуры прошлого.

Однако определение каждого из таких апеллятивов как диалектного слова требует специального этимологического и лексикологического исследования, так как слова, воспринимаемые сейчас как территориально ограниченные, могли не быть таковыми в XVI–XVII вв. Выявление диалектизмов того времени – специальное исследование, выходящее за рамки данной книги.

Безусловно, какая-то часть слов, давших некалендарные имена, бытовала только в части регионов страны, относилась к северно-русским говорам, в частности пермским. Они характеризуют местные особенности русской лексики и антропонимии Прикамья, но уже в XVII в. становятся вторыми (неосновными) именами, а затем уходят в область индивидуальных прозвищ.

Похожей была судьба некалендарных имен, возникших из местных заимствований – в основном коми-пермяцких слов. Они пережили адаптацию к русским говорам: Волег (из *вильӧг* 'скользкий'), Дозмор (*дозмӧр* 'птица глухарь'), Зер (из *дзер* 'сердитый'), Кичан (из *кычан* 'щенок'), ср.: *Крестьянин деревни*

Усть-Уролка на реке Уролке Вилес Агафонов [*Я: 35*], *Крестьянин деревни Ужвинская на реке Вил(ь)ве Кычан Иванов* [*Я: 26 об.*]. Такие имена образованы от названий животных, птиц, рыб, растений, различных предметов и явлений, особенностей человека: (Зюль 'мизинец'), Куим ('третий'), Пельмень ('хлеб в виде уха'), Юг ('молния'). Среди них были имена с коми-пермяцкими антропонимическими суффиксами -ег, -ог: Гачег (*гач* 'бобр'), Жебег (*жеб* 'дряхлый'), Жунег (*жунь* 'снегирь), Мошег ('пчела'), Ошег (*ош* 'медведь'), Тунег (*тунь* 'знахарь'), Ужег (*удж* 'труд, работа'), Идог (*идог* 'ангел'), Нылог (*ныл* 'пихта'). В текстах памятников отражается судьба заимствований, переживших не только фонетическую адаптацию, но и приспособление к словообразованию русского языка, например, Лунег > Лунежко: *Крестьянин деревни Нестерово на реке Косе Лунежко Нестеров* [*Я: 39*].

Сейчас заимствования восстанавливаются по образованным от них фамилиям, но в XVI–XVII вв. они существовали как некалендарные имена и как патронимы, например: *Крестьянин деревни Мельнишная Дуброва на реке Шанае Васька Никифоров сын Лунь* [*Б: 210 об.*], где имя из апеллятива *лунь* 'птица семейства ястребиных'. Некоторые коми слова вошли в севернорусские говоры, в частности в речь жителей Пермского края, и сохраняются в них до настоящего времени: *кычан*, *лунь*, *пельмень*.

В пермских памятниках коми-пермяцкие дохристианские именования фиксируются в сложных антропонимах одновременно с календарными именами или русскими прозвищами, например:

Крестьянин деревни Чайтуж Сенька прозвище Волег Петров сын [*К, 142 об.*], где Волег – некалендарное коми имя, Сенька – дериват от календарного Семен < Симеон и Петров сын – патроним от Петр;

Деревни Кудымкар на реке Инве крестьянин Рака Дмитриев [*Я: 41*], где имя из коми *рака* 'ворона' и патроним из календарного антропонима Дмитрий;

Крестьянин погоста Янидор Зиб Крутцов [*Я: 25 об.*], где коми *зиб* 'человек с полными щеками' и патроним из русского слова.

Судя по территории, где в XVI–XVII вв. проживали коми-пермяки, им и принадлежали анализируемые имена, а русские члены сложных антропонимов появились в результате крещения и наречения их отцов русифицированными календарными именами. Писцы фиксировали коми-пермяцкие имена так же, как русские

некалендарные антропонимы. Иногда они переводили коми антропонимы на русский язык, как было с именем Ныр ‘нос’: в селениях Нырыб и Ныров на основе появилась фамилия Носов в результате калькирования коми-пермяцкого слова. Естественно, антропонимы из коми-пермяцких апеллятивов выделяли пермские памятники письменности среди других русских текстов как имеющие территориальные особенности.

В пермских памятниках, в частности в переписных текстах, зафиксированы сложные антропонимы с тюркскими заимствованными именами пашенных крестьян[30].

Изменения в употреблении некалендарных имен коснулись и тюркских заимствований, тоже переживших адаптацию к русскому языку: *Деревни Красного Яра татарин Булатко Битин* [*КА: 178*], *Верхшаквинский татарин деревни Исеняевы Кутючко Семенов* [*КА: 39*], *Житель деревни Заболотье Осиновая над речкою Малою Усолкою Кучумко Андреев сын Чермново* [*К: 143*]. Они переживают общую судьбу некалендарных антропонимов в Пермском крае и уходят в прозвища, а затем в фамилии: Булатов, Кутюков, Кучумов. Их потомки носят уже календарные имена: *Крестьянин деревни Тазовская Гришка Булатов* [*КА: 212*], *В деревне Стрижевая Гаврилко Терентьев сын Кучумов* [*Б: 34*].

5.3. Этапы развития имен в пермских текстах XVI–XVIII вв.

За два с половиной столетия в деловом языке Пермского края происходили изменения в подаче антропонимов, позволяющие выявить четыре этапа в эволюции и использовании имен. Между этапами не было жестких и четких границ, но каждый из них связан с развитием общественной жизни и характеризуется некоторыми особенностями имен, отсутствующими или слабо представленными в деловых актах других этапов. Наиболее отчетливо черты функционирования имен и отбора их в деловые тексты представлены в переписных актах.

Первый этап хронологически определяется как «Вторая половина XVI – начало XVII в. (до конца Смуты)». Для него характер-

---

[30] Обычно тюркские имена принадлежали ясачному пермскому населению, не учитывавшемуся в писцовых, переписных книгах и ревизских сказках.

но употребление преимущественно двухкомпонентных сложных антропонимов трех видов: «некалендарное имя + патроним из календарного имени» (*Бык Архипов*), «дериват от календарного имени + некалендарное имя или патроним от некалендарного имени» (*Илейка Баран, Малашко Проскурнин*) и «дериват от календарного имени + патроним от календарного имени» (*Микитка Ивойлов*). Трехкомпонентные антропонимы отмечаются редко. Активно использовались некалендарные имена, дериваты от календарных образованы с различными суффиксами (*Оверя, Васюк, Иванец, Карпик, Иванко, Ивашка*).

На втором этапе «Первая половина XVII в. до 60-х гг.» активизировались трехкомпонентные антропонимы: «некалендарное имя (полное либо дериват) или дериват от календарного + патроним от календарного со словом *сын* + патроним от некалендарного имени» (*Ждан Григорьев сын Сапожников, Первышка Степанов сын Вискунов, Евдокимко Григорьев сын Воробьев, Ивашко Еремеев сын Собака*). Патроним от некалендарного имени употреблялся в форме существительного (*Ивашка Яковлев сын Ляд*) или притяжательного прилагательного (*Анисимко Матвеев сын Лядов*). Реже отмечаются двухкомпонентные антропонимы (*Макарко прозвище Спешилко, Коземка прозвище Поздяк*).

Использовались и четырехкомпонентные антропонимы «дериват от календарного имени + некалендарное имя (со словом *прозвище* или без него) + патроним от календарного имени со словом *сын* + патроним от некалендарного имени» (*Касьянко прозвище Пятко Иванов сын Дылдин*). Словом *прозвище* вводилось и некалендарное имя после патронима из календарного имени (*Кирилко Михайлов сын прозвище Кабан, Корнилко Елисеев сын прозвище Борзуха*).

Снизилось использование некалендарных имен в качестве первого члена сложного антропонима; слово *прозвище*, вводившее некалендарное имя на второе место антропонима, подчеркивало его просторечность, неофициальность. Это привело к сближению некалендарных имен с индивидуальными прозвищами. Патронимы от имен (некалендарных и календарных) передавались от отца к сыновьям, становились семейными именованиями, закреплявшимися и за следующими поколениями, т. е. по функции и оформлению суффиксами они становились фамилиями (*Кондрашка Мартемьянов сын Брагин, Сергушка Осипов сын Анисимов*).

Третий этап «от 60-х гг. XVII в. до 1710 г.» сохраняет тенденции развития имен на предшествующем этапе: сокращение некалендарных имен, сопровождение их в сложных антропонимах словом *прозвище* (*Осийко прозвищем Нечко Иванов сын Прокопьев*). В это время активно формировались фамилии податного населения из патронимов от некалендарных (преимущественно) и календарных имен наряду с образованием фамилий от прозвищ из названий по профессиям (*Кузнецов, Мельников*), топонимов (*Вологжанинов, Мезенцев*) и этнонимов (*Татаринов*). Слово *прозвище* в этот период употреблялось с разными значениями: 'некалендарное имя', 'индивидуальное прозвище', 'фамилия'; указы требовали вести перепись, например, в дозорных книгах (уточняющих данные переписных книг) «по именом, с отцы, и с прозвищи», что приводило к утверждению трехкомпонентного антропонима.

Четвртый этап «XVIII в. после реформ Петра I» характеризовался утверждением в качестве основного трехкомпонентного сложного именования, использованием в отличие от всех предшествующих этапов календарных имен в полной форме для лиц всех сословий (*Артемей Терентиев сын Шустиков*, *Евсей Гаврилов сын Селиванов*) и исчезновением из переписных текстов и других документов дериватов с суффиксами -к(а), -к(о), -ик, -ец. Растет количество фамилий от календарных имен в связи с дроблением больших семей. В выделившихся семьях сохраняли старую фамилию (деда), но появлялась и новая («уличная»), образованная обычно от полного календарного имени отца; какое-то время в текстах использовали обе фамилии (*Анофрий Никитин сын Никитин и Епишин*). Постепенно одна из них (обычно ранняя) уходила и оставалась последняя. Так как в официальной письменности использовали имена в полной форме, то и оставалась фамилия от полного имени (*Никитин*). В результате в пермских памятниках XVIII в. появляется много фамилий от полных календарных имен (*Иванов, Петров, Сидоров*).

Таким образом, на всех этапах развития пермской антропонимии, зафиксированной в деловой письменности имена играли основную роль, являясь первым именованием человека и основанием для становления патронимов, а далее – значительной части фамилий Пермского края.

Заключение

Анализ календарных и некалендарных имен, проведенный по материалам, зафиксированным в пермских деловых текстах в период с середины XVI до конца XVIII в., позволил выявить процессы, протекавшие в этой части антропонимии и установить основные этапы эволюции самих имен и развития на их основе других онома: патронимов (отчеств), фамилий и топонимов. Предварительно имена и другие антропонимы пермских памятников были проанализированы и представлены нами в словарях имен [СИ] и фамилий [СПФ], дополняющих приведенные в данной книге иллюстрации.

Княжеские или боярские имена, отчества с исходом *-вич* и родовые именования носили в Прикамье только присланные на короткое время воеводы или другие представители власти, а также ссыльные (например, дядя первого царя династии Романовых Михаил Никитич). В нашем исследовании представлены имена жителей Пермского края: посадских людей, пашенных и беспашенных крестьян, ремесленников, торговцев, стрельцов, церковников, монахов и других лиц.

Изучены антропонимы документов разных видов (жанров), неделовые пермские памятники XVI–XVII вв. пока не обнаружены. Основные тенденции развития имен, их место в ономастике Прикамья и в формирующемся сложном (составном) антропониме наиболее четко иллюстрируются материалами переписных документов (писцовых и переписных книг, ревизских сказок). Однако необходимые данные для установления истории имен преставлены и другими проанализированными документами: имущественными, административными, судебными актами, а также деловыми памятниками монастырей.

Пермские материалы рассмотрены в сопоставлении с данными антропонимии новгородских, вологодских, архангельских памятников письменности, центральных текстов, словарей и исследований лексики и имен России разных периодов. Установлены истоки антропонимии жителей Прикамья – в основном говоры Русского Севера, но также центра России.

Основные материалы для исследования представлены мужскими именами. Женские некалендарные имена в наших памятниках отсутствуют, в живой речи им соответствовали именования женщин по именам мужей с суффиксом -их(а) (*Королиха, Тереши-*

ха), заменявшиеся в деловом письме тоже именованием по мужу (*Терентьевская жена*, *Терентьева жена*, *Терентия жена*).

Исследование некалендарных мужских имен позволило охарактеризовать их состав, способы образования дериватов и проследить их историю в Прикамье: активное употребление в XVI в., постепенное сокращение в официальной антропонимии XVII в. и уход из нее в XVIII в. Происходил переход некалендарных имен в патронимы, а затем возникновение на их основе фамилий. Функционирование некалендарных имен в Прикамье шло так же, как и в других регионах европейской части России, местная специфика проявляется лишь в употреблении имен, возникших из ряда севернорусских диалектных апеллятивов и коми-пермяцких заимствованных имен и слов нарицательных.

Мужские и женские календарные имена представлены каноническими формами, фонтическими вариантами от них и дериватами с различными именными суффиксами. Канонические имена, употреблявшиеся в Прикамье, совпадали с данными «Лексикона славенороськаго» Памвы Берынды 1627 г. и сохраняли черты церковно-книжного языка (*Иануарий, Феодор; Анисиа, Евфимия*). Более последовательно они употреблялись при назывании деятелей церкви и членов их семей, но вместе с тем использовались, хотя нечасто и непоследовательно, при записи всех других лиц – крестьян, жителей посадов, в конце XVIII в. – мещан. В деловых текстах, не связанных с церковью, употребление имен в канонической или в народной форме зависело от выучки составителя документа, знания норм церковно-книжного языка и следования им, а также от социального и имущественного положения называемого человека.

Основную часть полных календарных имен составляли фонетические варианты, характерные для русского именника в целом. Видимо, составители документов были относительно грамотными людьми, поэтому специфические пермские диалектные черты в именах не отражены, хотя можно констатировать характерное для севернорусских говоров оканье и переход ѣ в И под ударением перед мягкими согласными.

Деловое письмо требовало употребления неполных имен при назывании лиц невысокого соцального положения, в связи с чем в переписных текстах, административных и судебных актах использовались разные словообразовательные дериваты.

Календарные женские имена (они составляют менее 7 % всех имен памятников) зафиксированы в полной форме (*Елена*) или с

суффиксами -к(а) (*Еленка*), -иц(а) (*Еленица*). Мужские дериваты существовали в очень разветвленной системе именного словообразования, воспринятой еще в древнерусском языке от некалененедарных дериватов. Имена людей невысокого положения требовали употребления дериватов с суффиксами уменьшительно-уничижительными: -к(а), -к(о), -ик, -ец. В XVI в. нередко обходились двух- или трехсложными дериватами с -я (*Гуря, Оверя*), -а (*Тима*), в XVII в. они последовательно получают дополнительный суффикс (*Гурька, Оверька, Тимка*). Исследуемые памятники свидетельствуют о существовании большого числа сложных суффиксов календарных дериватов, принесенных и активно используемых в Прикамье (см. приложение № 1). С русскими суффиксами образуются и дериваты от заимствованных коми-пермяцких и тюркских имен (*Лунежко, Кучумко*).

Динамика в употреблении дериватов в деловом языке памятников Прикамья проявляется в увеличении и активном использовании имен с уменьшительно-уничижительными суффиксами в XVII в. (кроме имущественых документов), резком сокращении их в начале XVIII в. и утрате в актах различных жанров после Петровских реформ письма и административного устройства.

Мужские имена через стадию патронимов в XVII в. приходят в семейные именования, т. е. фамилии. Возникавшие в этот период фамилии имели в основе преимущественно некалендарные имена, прозвища или дериваты от календарных имен. В XVIII в. в результате роста численности населения Прикамья и распада больших семей на несколько новых возникают их новые именования («уличные» фамилии), причем нередко от полных имен глав новых семей (*Иванов, Никитин*). Иногда записывали человека сразу под двумя фамилиями: старой и новой (*Королев* и *Иванов*). Постепенно старая фамилия в документах исчезала, происходил рост количества фамилий от полных календарных имен.

Мужские имена сыграли большую роль и в образовании пермских топонимов, особенно в микротопонимии (названиях угодий, сенокосных участков, полей, небольших рек, мест рыбной ловли) и в ойконимах (названиях починков и деревень).

В именах пермских памятников отражается история Верхнего и Среднего Прикамья, особенности культуры края и его связи с центром России, Русским Севером и Сибирью, куда переселялись многие жители Перми Великой, Соли Камской и Кунгурского уезда и куда они несли русские имена.

Список использованной литературы

Адливанкин С. Ю. К вопросу об истории зияния в русском языке / С. Ю. Адливанкин // Учен. зап. Перм. ун-та. – Сер. Языкознание. – 1962. – Т. 22, вып. 1. – С. 5–19.

Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории языка / Ю. С. Азарх. – М.: Наука, 1984. – 247 с.

А про то барону Строганову ведомо было…Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв. / сост. Л. А. Белова, Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова; Усол. ист.-архитек. музей «Палаты Строгановых». – Усолье, 2006. – 200 с.

Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – 510 с.

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков. – М.: Наука, 1979. – 279 с.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика / Ж. Ж. Варбот. – М.: Наука, 1969. – 231 с.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв./ С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1975. – 607 с.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. / В. В. Виноградов. – М.: Госучпедгиз, 1938. – 448 с.

Горбунова А. А. Соликамская грамота XVII века / А. А. Горбунова // На Западном Урале: сб. статей. – Молотов: Молотов. книжн. изд-во, 1956. – С. 102–119.

Дмитриев А. А. Пермская старина / А. А. Дмитриев. – Пермь, 1889–1900. – Вып. 1–8.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. / А. А. Зимин. – М.: Наука, 1988. – 350 с.

Зинин С. И. Введение в русскую антропонимию: пособие для судентов-заочников / С. И. Зинин; Ташкент. ун-т. – Ташкент, 1972. – 277 с.

Карнович Е. П. Родовые прозвания в России. Титулы в России. Слияние иноземцев с русскими // Карнович Е. П. Соб. Соч. в 4 т. – М.: Terra, 1995. – Т. 2. – С. 483–588.

Кирьянов И. К. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена / И. К. Кирьянов, С. Н. Коренюк, Г. Н. Чагин. – Пермь: Книжный мир, 2007. – 167 с.

Коми-пермяцкий язык: учебник для высш. Учеб. заведений / под ред. В. И. Лыткина. – Кудымкар: Коми-перм. книжн. изд-во, 1962. – 340 с.

Королева И. А. Происхождение фамилий и отчеств на Руси / И. А. Королева; Смоленск. пед. ун-т. – Смоленск, 1999.

Кривощекова-Гантман А. С. Русские фамилии коми-пермяцкого происхождения / А. С. Кривощекова-Гантман // Языки и ономастика Прикамья; Перм. гос. пед. ин-т. – Пермь, 1973. – С. 76–86.

Кривощекова-Гантман А. С. Фамилии от имен на -ог, -ег / А. С. Кривощекова-Гантман; Ин-т этнограф. АН СССР; Мордов. гос. ун-т. – Саранск, 1976. – С. 91–94.

Кривощекова-Гантман А. С. Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье / Кривощекова-Гантман А. С. Собр. Соч. в 2 т. – Т. 2: Ономастика // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006 а. – Вып. 4. – С. 30–51.

Кривощекова-Гантман А. С. Личные имена коми-пермяков / А. С. Кривощекова-Гантман Собр. Соч. в 2 т. – Т. 2: Ономастика // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006 а. – Вып. 4. – С. 202–216.

Кривощекова-Гантман А. С. Русские имена в употреблении коми-пермяков / А. С. Кривощекова-Гантман Собр. Соч. в 2 т. – Т. 2: Ономастика // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006 а. – Вып. 4. – С. 228–230.

Кривощекова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие имена в художественной литературе / А. С. Кривощекова-Гантман Собр. Соч. в 2 т. – Т. 2: Ономастика // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006 а. – Вып. 4. – С. 231–236.

Кривощекова-Гантман А. С. Собственные имена в преданиях коми-пермяков / А. С. Кривощекова-Гантман Собр. Соч. в 2 т. – Т. 2: Ономастика // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006 а. – Вып. 4. – С. 217–220.

Медведева Н. В. Связи прозвищ и фамилий с топонимами в переписных документах Прикамья первой половины XVII века / Н. В. Медведева // Житниковские чтения: Динамический аспект лингвистических исследований: матер. Всерос. науч. конф.; Челяб. Гос. ун-т. – Челябинск, 1999. – Ч. 2. – С. 95–99.

Мосин А. Г. Исторические корни уральских фамилий / А. Г. Мосин. – Екатеринбург: Изд-во «Гошицкий», 2008. – 792 с.

Никонов В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.

Никонов В. А. География фамилий / В. А. Никонов. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

Обнорский С. П. Хрестоматия по истории русского языка: пособие для студентов пед. институтов и университетов / С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. – 2-е изд. – М.: Госучпедгиз, 1952. – Ч. 1. – 415 с.

Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль / В. А. Оборин. – Пермь: Перм. книжн. изд-во, 1976. – 190 с.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века / В. А. Оборин. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1990. – 166 с.

Палагина В. В. Из истории заселения Среднего Приобья. Диалектный состав населения / О. И. Блинова, Л. А. Захарова, О. Н. Киселева, В. В. Палагина, Г. А. Садретдинова // Русские говоры Среднего Приобья. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. – Ч. 1. – С. 40–51.

Перечень внутренних водных путей Европейской части СССР. – М., 1926. – 530 с.

Пермская область: Административно-территориальное деление. – Пермь: Перм. книжн. Изд-во, 1963. – 503 с.

Поляков Ю. А. К вопросу о раннем этапе этнической истории коми-пермяцкого народа / Ю. А. Поляков // Языки и ономастика Прикамья; Перм. гос. пед. ин-т. – Пермь, 1973. – С. 105–112.

Поляков Ю. А. Гляденовская культура / Ю. А. Поляков // Археология и этнография Среднего Приуралья: Сб. статей; Перм. гос. ун-т. – Березники, 2001. – С. 10–19.

Полякова Е. Н. Соликамские рукописи XVII–XVIII вв. как источник изучения топонимики / Е. Н. Полякова // Уральский археографический ежегодник за 1970 год; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1971. – С. 239–253.

Полякова Е. Н. Из кунгурских рукописей XVII–XVIII вв. / Е. Н. Полякова // Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. – М.: Наука, 1974 а. – С. 333–351.

Полякова Е. Н. Наименования людей в Соли Камской и Цыдве в XVII – начале XVIII века / Е. Н. Полякова // Живое слово в русской речи Прикамья; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1974 б. – Вып. 4. – С. 95–112.

Полякова Е. Н. Из истории русских имен и фамилий / Е. Н. Полякова. – М.: Просвещение, 1975. – 159 с.

Полякова Е. Н. Источники изучения русских неполных и оценочных имен прошлого / Е. Н. Полякова // Русская ономастика: Республ. сборник; Рязан. гос. пед. ин-т. – Рязань, 1977. – С. 65–69.

Полякова Е. Н. Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения: учеб. пособие по спецкурсу / Е. Н. Полякова; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1979. – 101 с.

Полякова Е. Н. Лексика пермских памятников XVII – начала XVIII века (к проблеме делового языка как функциональной разновидности русского литературного языка): автореферат дис. …докт. филол. наук / ЛГУ. – Л., 1982. – 32 с.

Полякова Е. Н. Календарные имена в Прикамье в конце XVI – первой половине XVII века / Е. Н. Полякова, Л. В. Панина // Литературный язык и народная речь: межвуз. сб. науч. трудов; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1984. – С. 49–61.

Полякова Е. Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья: Избр. труды / Е. Н. Полякова; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2002. – 295 с.

Полякова Е. Н. Диалектные апеллятивы, исчезнувшие из пермских говоров. Статья 3. ГЛЯДЕН, ПРОСТЬ, РЕДРЫЙ / Е. Н. Полякова // Вестник Перм. гос. пед. ун-та. – Сер. филологическая, 2006.– Вып. 1. – С. 130–137.

Полякова Е. Н. Две чердынские раздельные грамоты XVII в. / Е. Н. Полякова // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009 а. – С. 206–214.

Полякова Е. Н. Чердынская челобитная XVII века / Е. Н. Полякова // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009 б. – Вып. 3. – С. 170–173.

Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI в. / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1974. – Карты 4, 5.

Рыбалка в Пермском крае. – Пермь: ООО «Раритет-Пермь», 2007. – 200 с.

Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ / А. М. Селищев // Селищев А. М. Труды по русскому языку. – Т. I: Социолингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2003 а. – С. 387–422.

Селищев А. М. Смена фамилий и личных имен / А. М. Селищев // Селищев А. М. Труды по русскому языку. – Т. I: Социолингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2003 б. – С. 423–435.

Семыкин Д. В. Чердынская ревизская сказка XVIII в. как источник изучения ономастики / Д. В. Семыкин // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии Росси: матер. науч. конф. – Пермь, 1999. – С. 15–21.

Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения / С. Н. Смольников. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 256 с.

Спасский Г. Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. / Г. Спасский // Временник Московского общества истории и древностей российских. – М., 1857. – Кн. 25. – С. 119–154.

Суперанская А. В. Структура имени собственного (Фонология и морфология) / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 207 с.

Токарев С. А. Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1964. – 559 с.

Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. II / А. И. Толкачев // Этимология 1975. – М.: Наука, 1977. – С. 98–128.

Трубачев О. Н. К отдаленнейшим истокам нашего самосознания. Презентация одной книги // Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003 а. – С. 300–310.

Трубачев О. Н. Взгляд на проблему прародины славян / О. Н. Трубачев // Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. – 2 изд. – М.: Наука, 2003 б. – С. 432–443.

Унбегаун Б.-О. Русские фамилии / Б.-О. Унбегаун. – М.: Прогресс, 1995. – 448 с.

Хрестоматия по истории русского литературного языка: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. – М.: Высшая школа, 1974. – 415 с.

Чагин Г. Н. Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX–XX вв. / Г. Н. Чагин, А. В. Черных. – Пермь, 2002. – 304 с.

Чагин Г. Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах / Г. Н. Чагин. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. – 99 с.

Чайкина Ю. И. Именования женщин в новгородских грамотах / Ю. И. Чайкина // Вопросы ономастики. – 2006. – № 3. – С. 33–37.

Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. / В. К. Чичагов. – М.: Госучпедгизд, 1959. – 128 с.

Чугаев Н. В. Из деловой переписки XVIII в. / Н. В. Чугаев // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009 а. – С. 214–218.

Чугаев Н. В. Палеография двух документов Пыскорского медеплавильного завода 1741 г. / Н. В. Чугаев // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009 б. – Вып. 3.- С. 222–232.

Список словарей, справочников и атласов с условными сокращениями

Акчим. сл. – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области / Под ред. Ф. Л. Скитовой. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984–2003. – Вып. 1–5 (продолжающееся издание).

Атлас 1 – *Общегеографический* региональный атлас «Пермская область. Коми-Пермяцкий автономный округ». – М.: Роскартография, 2000.

Атлас 2 – *Атлас*: Пермский край. – Екатеринбург: ФГУП «Уралгеодезия», 2007.

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. М.; СПб.: Наука, 2005. – Т. 2.

Берында – *Лексикон* словенороський Памви Беринди. – Київ, 1961. – 271 с.

ГНВП – *Кривощекова-Гантман А. С.* Географические названия Верхнего Прикамья: С кратким топонимическим словарем / А. С. Кривощекова-Гантман. – Пермь: Перм. книжн. изд-во, 1983. – 175 с.

Королева И. А. Словарь фамилий Смоленского края / И. А. Королева. – Смоленск: СГПУ, 2006. – 368 с.

КПРС – *Коми-пермяцко-русский* словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривощекова-Гантман. – М.: Рус. Яз., 1985. – 624 с.

Кривощеков – *Кривощеков И. Я.* Словарь географического статистический Чердынского уезда Пермской губернии / И. Я. Кривощеков. – Пермь, 1914.

КЭСКЯ – *Краткий* этимологический словарь коми языка / сост. В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – М.: Наука, 1970.

Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010. – 672 с.

КЯД – *Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 228 с.

Мосин 2000 – *Мосин А. Г.* Уральские фамилии: Материалы для словаря. Том I: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года) / А. Г. Мосин. – Екатеринбрг: Изд-во «Екатеринбург», 2000. – 496 с.

Мурзаев – *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1984. – 654 с.

Никонов – *Никонов В. А.* Словарь русских фамилий / сост. Е. Л. Крушельницкий. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 222 с.

НОС – *Новгородский* областной словарь: в 13 вып / Новг. гос. пед. ин-т. – Новгород, 1992–2000.

Ономастикон – *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1974. – 382 с.

Парфенова – *Парфенова Н. Н.* Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья) / Н. Н. Парфенова. – М.: Издат. дом «Синергия». 2005. – 480 с.

Перечень – *Перечень* внутренних водных путей Европейской части СССР. – М., 1926. – 530 с.

ПО 1963 – Пермская область: Административно-территориальное деление. – Пермь: Перм. книжн. изд-во, 1963. – 503 с.

Преображенский – *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А. Преображенский. – М., 1910–1914.

РДж – *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619) / Б. А. Ларин. Л., 1959. – 423 с.

РИС – *Региональный* исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам Смоленского края) / отв. ред. Е. Н. Борисова; Смол. пед. ун-т. – Смоленск, 2000. – 367 с.

СВФ – *Чайкина Ю. И.* Словарь вологодских фамилий: учебн. пособие / Ю. И. Чайкина; Вологол. гос. пед. ин-т. – Вологда, 1989. – 122 с.

СГТ – *Полякова Е. Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Е. Н. Полякова; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2007. – 420 с.

СДЛСИ – *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупиков. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 913 с.

СИ – *Полякова Е. Н.* Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков / Е. Н. Полякова. – Пермь: Изд. дом Бывальцева, 2007. – 463 с.

СЛПП – *Полякова Е. Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. / Е. Н. Полякова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010.

СлРЯ XI–XVII вв. – *Словарь* русского языка XI–XVII веков. М.: Наука, 1975–2006. Вып. 1–27 (продолжающееся издание).

СлСОПИ – *Словарь*-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 вып. / сост. В. Л. Виноградова. – Л.: Наука, 1965–1984.

СОРЯМР – *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. – СПб.: Наука, 2004–2006. Вып. 1–2 (продолжающейся издание).

СПГ – *Словарь* пермских говоров: в 2 т. – Пермь, 2000–2002.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века / сост. Е. Н. Полякова. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001. Вып. 6. – 193 с.

СПФ – *Полякова Е. Н.* Словарь пермских фамилий / Е. Н. Полякова. – Пермь: Книжный мир, 2005. – 463 с.

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа / ред. И. А. Подюков. – Пермь: ПОНИЦАА, 2006. – 272 с.

СРЛИ 1 – *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 384 с.

СРЛИ 2 – *Суперанская А. В.* Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. – М.: ЭКСМО, 2003. – 572 с.

СРЛИ 3 – *Тихонов А. Н.*, Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 736 с.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров – СПб.: Наука, 1966–2008. – Вып. 1–41 (продолжающееся издание).

СРС – *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь / под ред. В. И Кальянова. – 3-е изд. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2005. – 944 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / ред. В. А. Сорвачева. – Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 1961. – 490 с.

ССРЛЯ а – *Словарь* современного русского литературного языка: в 17 т. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

ССРЛЯ б – Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. – М.: Русский язык, 1991. – Т. 2. – 960 с.

Татищев – *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской [Электронный ресурс], URL: http://www.encyclopedia.ru/enc/ lexicon/detail (датаобращения 26.01.2008).

Талалай – *День* ангела: справочная книга по имена и именинам / автор-сост. М. Г. Талалай. – СПб.: Триал, 1992. – 230 с.

ТРС – *Татарско-русский* словарь / ред. Ф. А. Ганиев. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 2004. – 488 с.

УИО – *Мосин А. Г.* Уральский исторический ономастикон / А. Г. Мосин. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2001. – 516 с.

Федосюк Ю. А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь / Ю. А. Федосюк. – М.: Дет. лит., 1972. – 223 с.

Чайкина Ю. И. Вологодские фамилии: словарь / Ю. И. Чайкина. – Вологда: Русь, 1995. – 122 с.

Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції) / В. П. Шульгач. – Київ: Ін-т української мови НАН України, 1998. – 368 с.

Шумилов Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермяки: Географические названия и фамилии Пермского края / Е. Н. Шумилов. – Пермь: Перм. книжн. изд-во, 1991. – 271 с.

ЭССЯ – *Этимологический* словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. – М.: Наука, 1974–2008. – Вып. 1–34 (продолжающееся издание).

Список источников с условными сокращениями

А – Осинская писцовая книга Аристова и Палицына 1596 г // *Дмитриев А.* Пермская старина: сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае / А Дмитриев. – Пермь, 1900. – Вып. 8. – С. 135–140.

АПМ – Акты Пыскорского монастыря. Рукопись. Архив СПИИ РАН. Кол. 115, № 388.

Б – Список Соли Камской переписных книг переписчика князь Феодора Бельского 186 (1678) году. Копия. Рукопись. ГАПК. Ф. 597. Оп. 1, № 22.

БЧ – Пермь Великая Чердынь. Книга переписная переписщика Федора Бельского посаду дворового числу людей 186 году. Рукопись. РГАДА. Ф. 1209. Оп. «Поместный приказ». Ед. хр. 352.

ГКЭ – Грамоты Коллегии экономии. Рукопись. РГАДА. Ф. 281. Оп. 17, 20.

ГС – Ревизская сказка города Соликамска 1751 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2220.

Даш – Переписные Осинские книги князя И. Дашкова 1678 г. с пояснениями В. Н. Шишонко. Копия с копии. Рукопись. ГАПК. Ф. 321. Оп. 1. Д. 34.

Доп – Дополнение к «Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией». – СПб., 1846. – Т. 13.

Е – Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // *Труды* Пермской ученой архивной комиссии. – Пермь, 1893. – Вып 2. – С. 87–146.

Е 1 – Список с переписных книг Соли Камской переписи воеводы Прокофья Кузмича Елизарова 155 (1647) году марта в 27 день. Рукопись ГАПК. Ф. 597. Оп. 1. № 18.

Ег 1 – Контора Егошихинского медеплавильного завода. Список с мастеровых за перву. Треть 1734 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 218. Оп. 1. Д. 109.

Ег 2 – Книга долговая состоящим разным казенным и исцовым долгам и доимкам 1745 г. Пермского горного начальства Егошихинской казначейской конторы. Рукопись ГАПК. Ф. 218. Оп. 1. Д. 183.

ЕЧ – Пермь Великая Чердынь. Книга переписная посаду переписи Прокофья Елизарова 155 году. Пермь Великая Чердынь // РГАДА. Ф. 1209. Опись «Поместный приказ». Ед. хр. 351 (в конце написано: «ЦГАДА, фонд 4420, № 351»).

К – Писцовая книга Кайсарова 162³/₄ по Великопермским вотчинам Строгановых // *Дмитриев А.* Пермская старина / А. Дмитриев. – Пермь, 1889. – Вып. 1–4. – С. 110–194.

КА – *Кунгурские* акты XVII века (1668–1699 гг.) / сост. А. А. Титов. – СПб., 1888.

КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукопись. РГАДА. Ф. 687. Опись 1.

КМ – Соликамские столбцы XVII в. Рукопись. Кунгурский краеведческий музей.

КМ, т. – Соликамские тетради XVIII в. Рукопись. Кунгурский краеведческий музей.

КС – Писцовая книга Кайсарова Соли Камской 1579 г. Рукопись. Список 1877 г. РГБ. Ф. 256. № 308. Лл. 153–186.

КСАУ – Кунгурские судебно-административные учреждения XVII–XVIII вв. Рукопись. РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1.

КСГ – Копии соликамских грамот XVI–XVIII вв. Рукопись. Пермская областная библиотека им. А. М. Горького. Ф. редкой книги. № 61593.

Кун – О приписных и государственных крестьянах Кунгурской округи, 1782 г. Рукопись. ГАПК, Ф. 111. Оп. 3. Ед. хр. 374.

КЧ – Писцовая книга Перми Великой 1579 г. Рукопись. Список 1877 г. РГБ. Ф. 256. № 308. Лл 46–152.

Памятники – Памятники деловой письменности конца XVIII века: из архива Соликамского Святотроицкого мужского монастыря / сост. Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова / Соликамск. гос. пед. ин-т. – Соликамск, 2009. – 249 с.

Пр 1 – Ревизская сказка губернского г. Перми. 1791–188 гг. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 1655.

Пр 2 – Ревизская сказка губернского г. Перми. 1795 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 1656.

РР – Расспросные речи урскцев и пермян по гсдрву указу о горах, озерах, зверях, серебряной или медной руде и проч. На северо-восток от Перми 1667 сентября. Рукопись. СПИИ РАН. Ф. 122. Пер. 7. III. № 939.

РСК – Расписные списки. Рукопись. РГАДА. Ф. 137. Оп. «г. Кунгур». Ед. хр. 1.

РСС – Расписные списки. Рукопись. РГАДА. Ф. 137. Оп. «г. Соликамск». Ед. хр. 1.

РСЧ – Расписные списки. Рукопись. РГАДА. Ф. 137. Оп. «г. Чердынь». Ед. хр. 2–10.

СПИИ, к. – Пермские документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив СПИИ РАН. Ф. 122.

Стр 1 – Сказки о числе дворовых, мастеровых, крестьян в вотчинных селениях и деревнях барона Строганова Соликамского уезда Пермской губернии по ревизии 1762 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2950. Лл. 1–211.

Стр 2 – Сказки о числе дворовых, мастеровых, крестьян в вотчинных селениях и деревнях барона Строганова Соликамского уезда Пермской губернии по ревизии 1762 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2950 а. Лл. 212–392.

Стр 3 – Сказки о числе дворовых, мастеровых, крестьян в вотчинных селениях и деревнях барона Строганова Соликамского уезда Пермской губернии по ревизии 1762 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2950 б. Лл. 393–583.

Стр 4 – Сказки о числе дворовых, мастеровых, крестьян в вотчинных селениях и деревнях барона Строганова Соликамского уезда Пермской губернии по ревизии 1762 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2950 в. Лл. 584- 806.

СЧ – Подушный список жителей мужского пола сел, деревень и починков Соликамской провинции первой половины XVIII в. Рукопись. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–190.

Уд – Удинцев В. Чердынские акты XVI–XVIII вв. // В. Удинцев. История займа. – Киев, 1908. – С. 233–252.

ЦС – О церковнослужителях Пермской, Обвинской и других округ 1782 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 3. Ед. хр. 377

ЧА – Спасский Г. Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. / Г. Спасский // Временник Московского общества истории и древностей российских. – М., 1857. – Кн. 25. – С. 121–154.

ЧМ – Чердынские свитки XVII–XVIII вв. Рукопись. Чердынский краеведческий музей. Фонды 2558, 2561.

Ч – Ревизская сказка Чердынского уезда 1711 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111,. Оп. 1, № 2357.

Ч, 1 – Ревизские сказки на крестьян Соликамской и Чердынской округи вотчин В. А. Всеволожского, П. Г. Шаховского, И. А. Лазарева, А. С. Строганова, заводчиков Походяшиных и других, 1782 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 15. Т. 1.

Ч, 2 – то же. Д. 15 а. Т. 2.

Ч, 3 – то же. Д. 15 б. Т. 3.

Ч, 4 – то же. Д. 15 в. Т. 4.

Ш 1 – Шишонко В. Пермская летопись. Первый период / В. Шишонко. – Пермь, 1881. – 238 с.

Ш 2 – Шишонко В. Пермская летопись. Второй период / В. Шишонко. – Пермь, 1882. – 502 с.

Ш 3 – Шишонко В. Пермская летопись. Третий период / В. Шишонко. – Пермь, 1884. – 1168 с.

Ш 4 – Шишонко В. Пермская летопись. Четвертый период / В. Шишонко. – Пермь, 1884. – 6 53 с.

Ш, 5_1 – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 1 / В. Шишонко. –. Пермь, 1885. – 580 с.

Ш, 5_2 – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 2 / В. Шишонко. – Пермь, 1887. – 659 с.

Ш, 5_3 – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 3 / В. Шишонко. – Пермь, 1889. – 644 с.

Я – Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г. Рукопись РГБ. Отдел рукописей. Фонд 256. № 308. Л. 1–46.

Список территориальных помет слов русских говоров

арх. – архангельское
влад. – владимирское
волог. – вологодское
ворон. – воронежское
вят. – вятское
калуж. – калужское
костром. – костромское
куйб. – куйбышевское
курск. – курское
нижегор. – нижегородское
новг. – новгородское
новорос. – новороссийское
олон. – олонецкое
пенз. – пензенское
перм. – пермское
пск. – псковское
симб. – симбирское
смол. – смоленское
тамб. – тамбовское
твер. – тверское
яросл. – ярославское

Список сокращений названий языков

арам. – арамейский
греч. – греч.
др.-греч. – древнегреческий
др.-евр. – древнееврейский
коми-перм. – коми-пермяцкий
коми-язьв. – коми-язьвенский (диалект)

лат. – латинский
румын. – румынский
серб. – сербский

Прочие сокращения

ГАПК – Государственный архив Пермского края
Д. – дело
док. – документ
Ед. хр. – единица хранения
Кол. – коллекция
кор. – коробка
КПАО – Коми-Пермяцкий автономный округ
Лл. – листы
об. – оборот
Оп. – опись
пер. – переплет
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
т. – тетрадь
СПИИ РАН – архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук
Ф. – фонд

Суффиксы дериватов от некалендарных и календарных мужских имен (обратный список)

Суффикс и окончание	В деривате от некалендарного имени	В деривате от календарного имени
-(а)	Бажа, Задуба, Истома	Арефа, Дема, Тима
-ав(а)	Золотава,	
-яв(а)	Белява, Хохлява	
-г(а)	Бачга, Бесерга, Мальга	
-уг(а)	Котуга	
-ыг(а)	Бусыга, Колотыга	
-яг(а)	Синяга, Смирняга	
-к(а)	Белка, Злобка, Ширка	Давыдка, Иванка
-ак(а)		Тимака
-яйк(а)	Беляйка	
-анк(а)	Молчанка	
-енк(а)	Замятенка	
-инк(а)	Дружинка	
-янк(а)	Белянка, Путянка	
-отк(а)	Брякотка	
-утк(а)	Меньшутка	Мишутка, Першутка
-ютк(а)	Малютка	Евсютка
-ачк(а)	Рудачка	
-очк(а)	Высочка	
-ючк(а)		Артючка, Ортючка
-шк(а)	Першка	Алешка, Онишка
-ашк(а)	Грибашка	
-ишк(а)	Любишка, Найдишка	
-ушк(а)	Вторушка, Грязнушка	Лаврушка, Петрушка
-ышк(а)	Первышка	
-юшк(а)		Андрюшка, Матюшка
-яшк(а)	Бодяшка, Воняшка	
-ык(а)	Бобыка, Борыка	

-ньк(а)	Тренька	Ганька
-уньк(а)	Петунька	Карпунька, Петрунька,
-ыньк(а)	Добрынька	
-юньк(а)		Федюнька
-юк(а)	Бердюка	Артюка, Федюка
-як(а)	Коряка	Кузяка, Тимяка
-ил(а)		Ивоила, Кирила
-ин(а)	Дружина, Боярщина	
-ур(а)	Бачура, Мичура	Федура
-т(а)	Немта	
-ет(а)	Малета	
-от(а)	Верхота, Сухота	
-ут(а)	Бажута, Хлебута	Вахута, Ивута
-ют(а)	Болюта, Малюта	
-ят(а)	Хлепята	
-х(а)	Ждаха, Незнаха	Мелеха, Ромаха
-их(а)	Клочиха, Опалиха	
-ох(а)	Завороха, Чистоха	Ивоха, Оноха, Тимоха
-ух(а)	Борзуха, Рябуха	Семуха
-ых(а)	Жемыха	
-юх(а)	Гостюха, Дедюха	Митюха
-ях(а)	Непряха	
-ч(а)	Мельча	Иванча
-ш(а)	Каньша, Мильша	Гриша, Кирша, Паньша
-аш(а)	Грибаша	
-иш(а)	Судиша	Агиша
-ош(а)	Бобоша	
-уш(а)	Вторуша, Пегуша	Петруша, Семуша
-ыш(а)	Первыша	
-юш(а)	Коклюша, Лелюша	Андрюша, Матюша
-яш(а)	Девяша	Петряша
-ищ(е)	Возмище, Грешище	Иванище, Максимище
-ег	Жебег, Котег, Чернег	
-ай	Колупай, Нечай	Иванай

-ей	Бардей, Надей, Поздей	Габей
-ий	Коптий, Худий	Иваний
-уй	Поблагуй, Потоскуй	
-яй	Беляй, Гуляй, Лягай	Федяй
-ак	Бардак, Плешак, Ушак	Сандрак, Семак
-ек	Киселек,	Олешек
-ик,	Меньшик, Осетрик	Александрик, Павлик
-чик,	Жданчик, Медведчик	
-ок	Зубок, Рябок, Грибок	Фирсок
-енок	Гостенок, Чертенок	
-онок	Дербышонок	
-ук	Бажук, Шешук	Паршук, Савук
-юк	Тетюк, Бельтюк	Андрюк, Васюк
-як	Вешняк, Поздяк	Петряк
-ан	Белан, Брюхан, Грибан	
-ен	Бажен,	
-ун	Брязгун, Дрягун	
-юн	Горюн	
-к(о)	Бархатко, Белко, Крячко	Иванко, Симко, Федько
-айк(о)	Чугайко	Иванайко
-ейк(о)	Поздейко	
-яйк(о)	Беляйко, Гуляйко	
-илк(о)	Колотилко	Кирилко
-анк(о)	Грибанко	Лупанко
-енк(о)	Баженко, Замятенко	
-янк(о)	Мышлянко, Путянко	
-ачк(о)	Шестачко	Семачко
-ичк(о)	Новичко, Меньшичко	
-ячк(о)	Вешнячко, Худячко	
-шк(о)	Коньшко	Аношко, Осташко
-ашк(о)	Грибашко	
-ушк(о)		Маркушко, Якушко
-юшк(о)	Балеюшко	Артюшко
-яшк(о)	Голяшко	

-уньк(о)		Якунько
-л(о)	Зубло	
-ал(о)	Гурбало, Ерыкало,	
-ил(о)	Братило, Жубрило	Михайло, Самойло
-ял(о)	Надуяло	
-ят	Телят	
-ец	Баженец, Малец,	Фарафонец, Якунец
-ач		Ивач, Симач
-аш	Галаш, Лобаш, Тумаш	Иваш, Ромаш
-иш	Пегиш	Окиш
-уш	Макуш, Могуш, Пятуш	Вахруш, Петруш, Якуш
-ыш	Голыш, Дербыш,	Семыш
-яш	Голяш, Гиляш	Петряш
-ень	Лежень, Сухень	
-ырь	Глазырь, Голдырь	
-я	Гридя, Колтыря, Кутя	Ваня, Миня, Оверя,
-л(я)	Пискля	
-ул(я)	Копоруля, Сокуля	
-юл(я)		Федюля
-н(я)	Дудня, Замятня	Останя, Луканя, Проня
-ен(я)	Кутеня, Слуденя	Феденя
-ин(я)	Лугиня, Сухиня	
-он(я)	Бритоня	
-ун(я)	Килуня, Петуня	Карпуня, Сергуня
-ын(я)	Добрыня, Первыня	
-юн(я)	Сесюня, Чистюня	Федюня
-ыр(я)	Глазыря	

Приложение № 2

Гнезда однокоренных некалендарных имен

В списке имя, зафиксированное на первом месте сложного антропонима, помечено индексом «1» (Баба [1]), имя, восстановленное на основе фамилии, – «*» (Бажута*). Имя, не имеющее помет, стояло на втором, третьем или четвертом месте сложного антропонима.

Баба [1], Бабенок*, Бабик*, Бабка*, Бабко, Бабник, Бабушка*, Бабец*
Бажа [1], Бажен [1], Баженец [1], Баженко [1], Бажук*, Бажута*
Бакан*, Баканя*
Барда*, Бардак [1], Бардей [1], Бардий*
Барсук [1], Барсучко [1]
Бархат [1], Бархатко [1]
Бас*, Баска [1], Баской
Батог*, Батожек
Белава*, Белан, Беленя*, Белка [1], Белой, Белый*, Белыш*, Бель*, Белько, Беля*, Белява*, Беляй [1], Беляйка [1], Беляйко [1], Белянка [1], Биля*
Бес, Бесь*, Беско*
Бессон [1], Бессонко [1], Бессонко
Боба*, Бобоша, Бобыка*, Бобыня*, Бобыш*, Бобяк*
Боля*, Болеюшко, Болюта*
Борзой*, Борзуха
Борода*, Бородуля*
Босой, Босой*, Босовик*, Босун*
Ботала*, Ботало*
Боярин, Боярщина
Брага, Бражка*, Бражник*
Брат, Братило, Браток*, Братчик*
Бритва, Бритой, Бритоня*
Брюхан, Брюхо*, Брюшина*, Брюшко
Булгак, Булгачко [1]
Бык, Быча*, Бычок*
Быстрой, Быстряк*
Вож [1], Вожак*

Волк, Волченок*
Вонява*, Вонявка*, Воняшка
Воробей, Воробец*
Ворон, Воронец*
Вострец*, Вострик*, Востряк*
Брат, Братило, Браток*, Братчик*
Брат, Братило, Браток*, Братчик*
Вонява, Вонявка, Воняшка
Вшивко*, Вшивец*
Высокой, Высота, Высочка*
Гай [1], Гайко*
Галан*, Галаш
Галь*, Гала*, Галуха*, Галуша*, Галыш*
Гиль*, Гиля*, Гилько*, Гильник*, Гиляш*
Гладкой, Гладыш*
Глаз*, Глазун*, Глазырь*, Глазыря*
Голда, Голдоба*, Голдырь*
Голой, Голый*, Голыш, Голь*, Голик*, Голимый*, Голок*, Гольный*, Голяк*, Голяш, Голяшко*
Голова, Голован*, Головенка*, Головко*, Головня*
Голубь*, Голуба*, Голубок*, Голубец*, Голубчик*
Горб*, Горбаль*,
Горбатый, Горбун, Горбуша*, Горбыш*
Гость*, Гостенок*, Гостило*, Гостюха*
Гребень*, Гребенок*
Грех*, Грехня*, Грешище*
Гриб*, Грибан [1], Грибанко [1], Грибаша*, Грибашко [1], Грибок*, Грибуша*
Грязной, Грязнушка [1]
Губа [1], Губан*, Губарь*
Гулкой*, Гулыга*
Гуля, Гуляй, Гуляйко [1]
Гунь*, Гуня*, Гунько*
Гурба*, Гурбало*
Девятой, Девятка [1],Девятко [1]
Дед, Деда*, Дедюха*
Дербыш, Дербышонок*
Десятой [1], Десятко [1]
Добрыня [1], Добрец*, Добрынка

Долг*, Долгой, Долган, Долгиня*, Долгище*, Долгуша*
Друг*, Дружина, Дружиниха*, Дружинка
Дунай, Дунайка[1], Дуня[1]
Дурной*, Дурнец*, Дурница*
Дюк[1], Дюка, Дюкало*,
Дядя*, Дядюха*
Ждан[1], Жданка[1], Жданко[1], Жданчик[1], Ждаха[1]
Жеб*, Жебег*
Жунь*, Жунег*
Завьял[1], Завьялка, Завьялко[1], Завьяло[1]
Замятенка[1], Замятенко[1], Замятня[1]
Зверь, Зверя*
Зеленой, Зеленка, Зеленя, Зеленец*
Злоба[1], Злобка[1], Злобня*
Золотава*, Золотко*, Золотник*, Золотуха*
Зуб, Зубарь*, Зубатка*, Зубло*, Зубок, Зубец*
Истома[1], Истомка[1]
Кайдал*, Кайдалко
Кань*, Каньша*
Кила, Киленя*, Килка, Килко*, Килуня*, Кильник
Киселек*,Кисель*
Кислой, Кисляк*
Китай*, Китайко[1],
Кит, Китуш*, Китыш
Кича*, Кичан*, Кичиш*, Кичка*
Киш*, Кишеня*, Кишка*, Кишун*
Клок*, Клочиха (муж)
Кобель, Кобелка
Кобыла*, Кобылка*
Козел* Козлик, Козлюк*, Козуля*
Колода*, Колодко*
Колот*, Колотило*, Колотыга
Колт*, Колтыря[1]
Колыбало*, Колыбан*
Комеля*, Комленок
Конь, Конище*, Конек*, Коньшко, Коняй*
Копора*, Копоруля*, Копорушка*
Копоть, Коптело*
Копыл*, Копылец*, Копылко*

Корза*, Корзуха*
Кормилец*, Кормило*, Кормуш*
Коротай*, Короткий*, Коротыга*
Кот*, Котег*, Коток*, Котуга*, Котяга*
Кошка*, Кошкарь*, Кошура*
Красава*, Красик*, Красуля*
Кривой, Кривак*, Кривец*, Кривко*
Крот*, Кротик*
Куделя [1], Куделька
Кунь [1], Кунька [1]
Кур*, Курша*, Курыш*
Кутя, Кутень*, Кутеня, Кутюха*
Куча*, Кучка, Кучко*
Лапа, Лапай*, Лапенок*
Лебедь*, Лебедко*
Лежа*, Лежаня*, Лежень*
Леля*, Лелюха*, Лелюша*
Лис*, Лиска*, Лиско*
Лобан [1], Лобанко [1], Лобаш*, Лобыш
Лунег [1], Лунежко*
Лунь, Лунька [1]
Лысый*, Лыска*, Лыско*
Любим [1], Любимец, Любимка [1], Любимко [1], Любишка [1]
Лягай*, Лягайко [1]
Ляпа, Ляпун
Малой, Малета, Малец [1], Малко [1], Малуха*, Малыга, Малыш*, Мальга, Малюта*, Малютка [1]
Марас*, Мараско*
Медведь, Медведка*, Медведко
Меньшей, Меншеня*, Менько* Меньшик [1], Меньшичко [1], Меньшутка*
Милой, Мильша
Мича*, Мичко, Мичура*
Молчан*, Молчанка [1], Молчанко
Мороз, Морозко [1]
Надей [1], Надий, Надиян*, Надутко*, Надуяло
Наугольный, Наугольник*
Негодяй [1], Негодяйко [1]
Незнай, Незнаха [1]

Неклюд [1], Неклюдка [1], Неклюдко [1]
Некрас [1], Некраско [1]
Непря*, Непряй*, Непряха*
Неустрой*, Неустройко [1]
Нехороший*, Нехорошко
Нечай [1] Нечайко [1], Нечайко, Нечка [1], Нечко;
Новик*, Новичко [1]
Нос, Носко [1], Носырь
Ныр*, Нырай*, Нырей*
Олень, Оленя*, Олешек*, Олешко*
Осетр [1], Осетрик
Пареной, Паренка*,
Пеган, Пегашка*, Пегиш*, Пегуша*
Первак*, Первой [1], Первуша [1], Первушка [1], Первушко [1], Первыня [1], Первыша [1], Первышка [1]
Пердеж*, Пердиха*, Пердун*
Петела*, Петеляй*, Петило*,
Петуня [1], Петунька [1]
Петух [1], Петуха*, Петушко*, Петыш
Пеший, Пешка [1], Пешко [1]
Пискач*, Пискля, Пискуль*, Пискун
Плаха*, Плашко*
Плешивый*, Плешак*, Плешко
Поздей [1], Поздейко [1], Поздий*, Поздя*, Поздяк
Пороз*, Порозок*
Пороша, Порошка*
Поспел, Поспелко
Потеряй*, Потеряха
Путило*, Путилко [1], Путя, Путянко [1]
Пьяный, Пьянка [1], Пьянко [1]
Пятый [1], Пятко [1], Пятунька [1], Пятуня [1], Пятуха*, Пятуш [1], Пятушка [1], Пятча*, Пятыга [1], Пятыш [1]
Резвый, Резвуха*
Репа*, Репня*, Репняк*
Рудый*, Рудак*, Рудачко [1]
Русин [1], Русинко [1]
Рык*, Рычко [1]
Рябой, Рябко, Рябок, Рябуха
Светлый*, Светлак*

Серый*, Серыш*
Сивый, Сивка [1], Сивко [1], Сивуха*
Смерь*, Смертко*
Смирной, Смирняга*, Смирута*
Смокта*
Смола*, Смолка
Сокол [1], Соколко*
Соловей, Соловейко [1]
Сосун, Сосунко [1]
Спех*, Спешило*, Спешилко, Спешко
Старик, Старко [1], Старец*, Старыга*
Страх*, Страшко*
Стук*, Стукало*
Суббота [1], Субботка [1]
Сувор, Суворко [1]
Судиня*, Судиша [1]
Суета*, Суетка [1]
Сухой [1], Сухан, Сухарь*, Сухень*, Сухиня*, Сухота*
Сыч*, Сычка*
Таскай*, Таскайко
Телят [1], Телята*
Тетюй*, Тетюк [1]
Толстой, Толстуха*
Томило [1], Томилко [1]
Треня [1], Тренька [1], Тренюха [1]
Третьяк [1],Третьячко [1]
Труха*, Трушко*
Тур*, Турило*, Турица*, Турка*, Турыш*, Турей*
Ус [1],Усаня*, Усик*, Усыня*
Усач*, Усача*, Усачко [1]
Утка [1], Уточка*
Ушак [1], Ушан*, Ушачко [1], Ушеня*
Хлебало*, Хлебута*
Хороша*, Хорошей*
Хохол*, Хохолок*
Хохря*, Хохряк
Хромой, Хромец
Худей*, Худейка*, Худец*, Худий*, Худоба, Худька*, Худяй*, Худяк [1], Худячко [1]

Чал, Чалко*, Чаля*
Черкас, Черкаско
Чернава, Чернег*, Черней*, Черник*, Черница*, Черной [1];
Черныш*, Чернява*
Черт, Чертенок
Чистый, Чистик*, Чистоха*, Чистюня, Чистяк
Чуга, Чугай, Чугайко [1]
Чудин [1],Чудинко [1]
Чудо*, Чудко*
Чутко, Чуткой
Шарап*, Шарапко [1]
Шат*, Шатай*, Шатко*
Швец, Швеча*, Швечик
Шея*, Шейка
Шестак, Шестачко [1]
Шешко, Шешук*
Шибан, Шибанко [1]
Шило, Шилко*
Шипица, Шипуля*, Шипун*
Ширка [1], Ширкало*, Ширко*, Ширнай, Широкша*, Ширша*,
Ширько [1], Ширяй*, Ширяйко [1]
Шит*, Шитец*, Шитой*
Шоша*, Шошук
Шувай*, Шувало*
Шумило*, Шумилко, Шумиха*, Шумка*, Шумко
Шуст*, Шустик*
Шуша, Шушко*
Щап, Щапиха*, Щапко*, Щапля*
Щука*, Щучка, Щучиха*
Юшман*, Юшманко [1]

Варианты календарных полных имен

Варианты мужских имен

Аввакум – Абакум – Аввакум
Авдий – Авдей – Овдей
Аверкий – Аверкей
Авксентий – Авксентей – Аксен – Аксентей – Оксен – Оксентей
Авраам – Абрам – Авраам – Авраамий – Обрам – Оврам
Автоном – Автамон – Автомон – Антоман – Афтоном
Агапит – Агапид
Аггей – Агей – Агий
Адам
Адриан – Адреян – Адриян – Андреян – Андриан – Андриян
Акатий – Акатей
Акила – Акилла – Акило
Акиндин – Анкидин – Анкиндин – Анкудин
Алексий – Алексей – Олексей
Алимпий – Алипей – [Елимпейко] Алферей
Амвросим – Абросим – Авросим – Амброс – Амбросим – Амрос – Оброс – Обросим
Амос – Аммос
Анания – Ананий – Ананья – Онанья
Андрей – Андрий – Ондрей – Ондрий
Андроник – Андрон – Ондрон
Аникий – Аника – Аникей – Оника
Анофрий – Анофрей – Онофрей – Онофрий – Онуфрий – Онферий
Антип – Антипа – Антипей – Онтипа
Антоний – Антон – Онтон
Анферий – Анфер – Онферий
Анфилохий – Анфилой – Анфилофей
Арефей – Ареф – Арефа
Арсений – Арсеней – Арсентей
Артамон – Артемон – Артемий – Артем – Артема – Артемей – Ортемей
Асон – Ассон
Афанасий – Афанасей – Афонасей – Офонасий – Офонасий
Вавила – Вавило

Варлаам – Варлам
Варсонофей – Варсоновей
Варфоломей – Варфолом – Варфолома – Варфоломий – Вахромей – Вахромий – Вохромей
Василий – Василей – Васыль
Венедикт – Веденик – Веденикт
Вукол – Викол – Викул – Викула
Виктор – Вихтор
Владимер – Володимер
Влас – Власий
Гавриил – Гаврил – Гаврила – Гаврило
Галахтион – Галафтион – Галифтион
Георгий – Егор – Егорей – Егорий – Юрье – Юрья
Герасим – Гарасим – Ерасим – Ярасим
Гордий – Гордей
Григорий – Григорей
Гурий – Гурей – Гурьян
Давид – Давыд
Даниил – Данила – Данилей – Данило
Демид – Диомид
Дий – Дей
Димитрий – Дмитрей – Дмитрий – Митрей – Митрий
Дометий – Даметий – Дементей – Дементий – Доментий
Доримедонт – Доромидонт
Дорофей – Дорофий
Евгений – Евгеней
Евграф – Еграф
Евдоким – Еудоким – Овдоким
Евсевий – Евсевей – Евсей – Евсивей – Евсий – Ефсей
Евстафий – Астафей – Евстафья – Евстахей – Ефстафей – Ефстафий – Остап – Остафей – Остафий – Стафей – Стафий – Стахей – Стахий
Евстрат – Елистрат
Евтихий – Евтефей – Евтифий – Евтехий – Евтехей – Евтивей – Евтифей – Евтихей – Ефтефей – Ефтефий – Ефтехий – Ефтифей – Ефтихей – Ефтихий – Extexий – Ивтихий
Евтропий – Антроп – Евтроп – Евтропей – Ефтропей – Онтроп – Онтропей
Евфимий – Евфим – Елфим – Еуфим – Ефим – Ефмифей – Олфим
Елизар – Елизарей

Емелиан – Емельян – Омельян
Еремей – Еремий
Ермил – Ермила – Ермило
Ермолай – Ермола – Ермак – Иермак
Еупл – Егупл
Захарий – Захар – Захарей
Зиновий – Зеновей – Зеновий – Зеновья
Зотик – Зотей – Зотий – Изот
Иакинф – Акинф – Акинфей – Акинфий
Иаков – Ияков – Яков
Игнатий – Игнат – Игнатей
Иерофей – Ерофей – Ерофий – Ирофей – Ярафей – Ярафий – Ярофей
Иларион – Ларион – Ларивон
Илиа – Илия – Илья
Иоаким – Аким – Еким – Яким
Иоасаф – Иосиф
Иоанн – Иван – Иваний – Ивантий – Иоанн
Иов – Иев – Иова
Иоиль – Ивойла – Ивойло
Иона – Ион
Иосиф – Есип – Иосип – Осип – Осиф
Ипан – Епан
Ипат – Ипатий
Иродион – Родивон – Родион
Исаак – Исакий
Исидор – Сидор
Иуда – Юда
Иулиан – Ульян
Каллистрат – Калистрат – Калистратей
Карион – Корин – Коривон
Карпий – Карп
Киприан – Кипреян – Киприян – Куприян
Кир – Кирей – Кирий
Кириан – Кирьян
Кирилл – Кирил – Кирила – Кирилло – Кирило
Кирияк – Кирьян – Киряк
Клементий – Клементей – Клим – Климант – Климент – Климентий – Климонт
Конон – Конан

Кондратий – Кондрат – Кондратей
Константин – Констянтин – Костантин – Костентин – Костянкин – Костянтин
Корнил – Корнилей – Корнило
Косма – Козьма – Кузьма
Ксенефонт – Ксенифонт
Лазарь – Лазорь
Леонтий – Левонтей – Левонтий – Леонтей
Логгин – Логин
Лукьян – Лукиян – Лукеян – Лукоян
Луп – Лупа – Лупий – Лупп
Макарий – Макар – Макарей
Малахий – Малафей – Малафий – Малах – Малахей
Маноил – Манойло
Марк – Маркел – Мартел
Мартин – Мартын
Моисей – Мойсей – Мосей – Мосий
Мамант – Момот
Матфий – Матвей – Матвий – Матфей
Мелентий – Мелентей
Меммон – Мемнон
Меркурий – Мерко – Меркурей – Миркурей
Мефодий – Нефед – Нефедий
Миний – Миней
Мирон – Нерон
Мисаил – Мисайло
Михаил – Михай – Михайла – Михайло – Михаль
Михий – Михей
Моисей – Мойсей – Мосей – Мосий
Мокий – Мокей
Назар – Назарей – Назарий
Насон
Нестор – Нестер
Никита – Микита
Никифор – Микифор – Никифер
Николай – Микола – Микула – Никола – Никула
Нифонт – Нифант – Нифантей
Олферий – Олфер – Олферей
Онисим – Анисей – Анисим

Онисифор – Анисифер – Анцефер – Анцифер – Онцифер
Панкратей – Панкрат
Пантелеймон – Пантелей – Пантелий
Парфен – Парфений – Парфентей – Парфентий
Патрикей – Патрак – Патракей
Порфирий – Перфил – Перфилей – Перфилий – Перьфирей – Порфирей
Пимен – Пиман – Пимин
Полиект – Полиетк – Полиехт – Полуект – Полуехт
Потапий – Потап
Прокопий – Прокоп – Прокопей – Прокофей
Родион – Родивон
Савва – Савва
Савастьян – Севастиян – Савостьян – Севостьян
Савватий – Саватей – Савватей
Савелей – Савел
Самуил – Самоил – Самойло
Софоний – Сафон – Софон
Селиван – Селифон – Селуян – Силуян
Селивстр – Селиверст – Сельверст – Силиверст
Сергий – Сергей
Симеон – Семен
Симон – Симан
Сисой – Сысой
Стефан – Степан
Тарасий – Тарас
Терентий – Терентей
Тимофий – Тимофей
Трефилей – Трефил
Уар – Увар
Фаддей – Фадей – Фадий
Ферапонт – Фарафон – Фарафонт
Фока – Фокей – Фокий
Фотий – Фотей – Фатьян
Феодор – Федор
Феодосий – Феодос – Федосей – Федосий
Феодот – Федот – Федотей
Феодул – Федул
Феоклист – Феклист
Феофан – Феофант – Фофан – Фофант

Феофилакт – Феофилат – Фефилатей – Филат – Филатей
Ферапонт – Фарафон – Фарафонт
Феофил – Фефил – Фефилатей
Филипп – Филип – Филипей
Фирс – Фирст
Флор – Фрол
Харлампий – Харлам – Харлампей – Харланпий
Хрисанф – Кирсан – Крисанф – Крысантей – Крысанф – Крысанфей – Хрисанфей
Эллисий – Елеса – Елисей – Елисий

Варианты женских имен

Агафия – Агапия – Агафья
Агрипина – Агрепина – Агрипена – Аграфена – Агрофена – Аргофена – Ографена – Огрофена
Акилина – Акелина – Акулина – Окилина – Окулина
Анастасия – Настасия – Настасея – Настасья
Анисиа – Анисья – Онисья
Василиса – Васелиса
Гликерия – Гликерья – Лукерья – Лукирья
Дария – Дарья
Евгения – Евгенья
Евдокия – Евдокея – Евдотья – Овдокия – Овдотья – Авдокия – Авдотья
Евлампия – Евланпия
Евфимия – Елфимия – Елфимья – Ефимиа – Ефимия – Ефимья – Офимья – Афимья
Екатерина – Катерина
Елена – Алена – Олена
Елисавета – Елисавет – Елиса – Елисафет – Елисафета – Лиса – Лисава – Лисавена – Лисафета
Епистимия – Епистимья – Епистинья – Епестимия – Лепестинья
Ефимиа – Евфимия – Елфимья – Ефимия – Ефимья – Офимья – Афимья
Ефросиния – Евпросинья – Епросинья – Ефросинья – Опросинья – Офросинья – Апросинья – Афросинья
Зиновия – Зеновья – Зиновья
Ирина – Арина – Орина

Иулиания – Ульяна – Ульяния
Иустина – Устина – Устиния – Устинья
Ксения – Ксенья – Аксения – Аксенья – Аксинья – Оксинья
Макрина – Макорина
Мариамна – Маремьяна
Мария – Марья
Матрона – Матрена
Мелания – Меланья – Маланья
Наталия – Наталья
Неонила – Ненила – Нинила – Нионила
Оломпия – Олампия
Параскева – Парасковия – Парасковья
Пелагия – Палагия – Пелагея
Пульхерия – Польхерия – Пульхерья
Сихилитикия – Сихиликития – Секлетина – Секелина
Соломия – Соломея
Соломонида – Соломония
София – Софья
Стефанида – Степанида
Татиана – Татияна – Татьяна
Феврониа – Февронья – Хеврония – Хевронья – Хавронья – Ховронья
Феодора – Федора
Феодосия – Федосия – Федосья
Фотинья – Фетинья
Харитония – Харитонья
Хиония – Хеония – Хивания
Христина – Кристина – Крестина

Мужские календарные имена

В списке все варианты одного календарного имени поданы через тире, после варианта в квадратных скобках помещены образованные от него дериваты. При отсутствии фонетического варианта, от которого возник дериват, последний дается в скобках между тире или после тире в конце гнезда, см.: Авдий – [Овдийко]; Аверкий – [Оверкийко, Оверька, Оверя]

Аввакум [Аввакумко] – Авакум [Авакумко] – Абакум [Абакумко]
Авдий – Авдей [Авдейко] – Овдей [Овдейко] – [Овдийко]
Аверкий [Аверкийко] – Аверкей [Аверка, Аверчка, Аверька, Аверя] – [Оверкийко, Оверька, Оверя]
Авксентий – Авксентей – Аксен [Аксенко] – Аксентей – Оксен [Оксенко] – Оксентей
Авраам – Абрам [Абрамко] – Аврам [Аврамко] – Аврамий – Обрам [Обрамко, Обрашко] – Оврам [Оврамко]
Автоном – Автамон [Автамонко] – Автомон – Антоман – Афтоном
Агап [Аганя]
Агапит [Агапитко] – Агапид [Агапидко]
Агафон [Агафоник, Агафонко] – [Огафонко]
Аггей – Агей [Агейко] – Агий [Агийка, Агийко, Агиша] – [Огейко]
Адам
Адриан – Адреян – Адриян – Андреян – Андриан – Андриян [Андриянко]
Акатий – Акатей
Акила – Акилла – Акило – [Окулко]
Акиндин – Анкидин – Анкиндин – Анкудин
Александр [Алекса, Александрик, Александрко, Сандрак, Сандрик, Санька, Саня, Саша]
Алексей [Алеша, Алешка] – Алексий – Олексей [Олешка]
Алик
Алимпий – Алимпей [Алимпейко] – [Елимпейко]
Алферей [Алферко]
Амвросим – Абросим [Абросимко] – Авросим – Амброс – Амбросим – Амрос – Оброс [Оброська] – Обросим [Обросимко]
Амос [Амоско] – Аммос
Анания – Ананий [Анашка] – Ананья – Онанья [Онашка]

Андрий [Андрийко] – Андрей [Андрейко, Андрюк, Андрюша, Андрюшка] – Ондрей [Ондрейко, Ондрюшка, Ондрюшко] – Ондрий
Андроник – Андрон – Ондрон
Аникий – Аника [Аничка] – Аникей – Оника [Оничка, Оничко, Онишка] – [Оникейко]
Анофрий – Анофрей [Анофрейко, Аношка, Аношко] – Онофрей [Онофрейко, Оноха] – Онофрий [Онофрийко] – Онуфрий – Онферий [Онферко]
Антиох
Антип [Антипка, Антипко] – Антипа – Антипей – Онтипа [Онтипка, Онтипко]
Антоний – Антон [Антонка, Атонко, Антошка, Антошко] – Онтон [Онтонка, Онтонко]
Анфал
Анферий – Анфер – Онферий [Онферко]
Анфилохий [Анфилошко] – Анфилой – Анфилофей – [Онфилошко]
Анфим [Анфимко] – [Онфимко, Онфинко]
Анфиноген [Анфиногенко]
Аполлос
Арам
Аргус
Арефей – Ареф [Арефейко, Арефка] – Арефа – [Орефейко, Орефка]
Арист [Аристко]
Аристарх
Аркадий
Арсений – Арсеней [Арсенко] – Арсентей
Артамон [Артамонко] – Артемон
Артемий – Артем [Артемко, Артюка, Артючка, Артюшка, Артюшко] – Артема – Артемей [Артемейко] – Ортемей [Ортемка, Ортемко, Ортючка, Ортюшка]
Архип [Архипка, Архипко]
Асон – Ассон
Афанасий – Афанасей – Афонасей [Афонька, Афонько, Афоня] – Офонасий – Офонасей [Офонька, Офоня]
Богдан [Богданко, Богдашка]
Боголеп
Борис [Бориска, Бориско, Борька, Боря]
Вавила – Вавило [Вавилко]
Варлаам – Варлам [Варламко]
Варсонофей – Варсоновей

Варфоломий – Варфоломей [Варфоломейко] – Варфолом – Варфолома – Вахромей [Варушка, Варушко, Вахромейко, Вахруш, Вахря, Вахута] – Вахромий – Вохромей
Василий [Васкец, Васька, Васькец, Васьнец, Васюк, Вася] – Василей – Васыль
Василиск
Венедикт [Венедиктко] – Веденик – Веденикт
Вукол – Викол – Викул [Викулка, Викулко] – Викула
Виктор – Вихтор
Владимер – Володимер [Володимерко, Володька, Володя]
Влас [Власко] – Власий
Воин [Воинко]
Габ [Габко] – Габей
Гавриил – Гаврил [Гаврилка, Гаврилко, Ганька, Ганя, Гаша] – Гаврила – Гаврило
Гала
Галахтион [Галанко, Галахтионко] – Галафтион – Галифтион – [Лахта]
Генадей
Георгий [Георгийко] – Егор [Егоша] – Егорий – Егоргий – Егорей – Юрье [Юрка, Юрко, Юша, Юшка, Юшко] – Юрья
Герасим – Гарасим [Гаранька, Гарасимко, Гараська, Гарасько, Гаша, Гашка] – Ерасим [Ерасимко] – Ярасим [Ярасимко]
Глеб
Горгоний
Гордий – Гордей [Гордейко]
Григорий [Гридя, Гриня, Гриша, Гришка] – Григорей
Гурий – Гурей [Гурейко, Гурька, Гурько, Гуря] – Гурьян [Гурьянко]
Давид – Давыд [Давыдка, Давыдко]
Даниил – Данила [Данилка, Данилко, Данька, Данько, Даньша] – Данилей – Данило
Денис [Дениска, Дениско]
Дий – Дей [Дейко]
Димитрий – Дмитрей [Дмитрейко] – Дмитрий – Митрей [Митрошка, Митька, Митя] – Митрий
Диомид – Демид [Дема, Демидко, Демка]
Долмат – [Далматко]
Дометий [Домка] – Даметий – Дементий – Дементей [Деменьша] – Доментий

Домиан
Доримедонт – Доромидонт
Дорофий – Дорофей [Доронька, Дороня, Дорофейко, Дорошка]
Дюк
Евгений – Евгеней
Евграф [Евграфко] – Еграф
Евдоким [Евдик, Евдокимко] – Еудоким – Овдоким [Овдокимко]
Евдоник
Евлампий
Евменей
Евонак
Евсевий [Евся, Евсевийко, Евсюк] – Евсевей [Евсевейко] – Евсей [Евсейка, Евсютка] – Евсивей – Евсий – Ефсей
Евсегней [Евсегнейко]
Евстафий [Евстафийко] – Евстафья – Евстахей [Евсташко] – Ефстафей – Ефстафий – Астафей – Остафий – Остафей – Остап [Останька, Останя, Остафейко, Осташка, Осташко] – Стафий – Стафей – Стахей [Стахейко] – Стахий [Стахийко]
Евстрат – Елистрат
Евтихий [Евтюшка] – Евтефей– Евтифий – Евтехий – Евтехей – Евтивей – Евтифей – Евтихей [Евтихейко] – Ефтефей – Ефтефий – Ефтехий – Ефтифей [Ефтифейко] – Ефтихий – Ефтихей – Ехтехий – Ивтихий
Евтропий – Евтроп – Евтропей – Ефтропей – Антроп [Антропка, Антропко, Антуш, Тропа] – Онтроп – Онтропей
Евфимий – Евфим [Евфимко] – Елфим [Елфимка, Елфимко] – Еуфим – Ефим [Ефимко] – Ефмифей – Олфим [Олфимко]
Елизар [Елизарко] – Елизарей
Емелиан – Емельян [Емелька, Емельянко] – Омельян [Омелька, Омелько, Омельянко] – [Амелька]
Еня
Епимах [Епимашко]
Епифан [Епифанко, Епиша, Епишка]
Ераст
Еремей [Ера, Ерема, Еремка, Ерьмуш, Ерьмуша] – Еремий
Ермил – Ермила – Ермило
Ермоген
Ермолай – Ермола [Ермолка, Ермолко] – Ермак [Ермачко] – Иермак
Еупл – Егупл

Ефига
Ефрем [Ефремка, Ефремко]
Ехт
Захарий – Захар [Захарка, Захарко] – Захарей
Зиновий [Зинко, Зиновка, Зиновко] – [Зиновейко] – Зеновий – Зеновей [Зенка, Зенко, Зеновка, Зеновко] – Зеновья
Зотик – Зотий – Зотей [Зотька] – Изот [Изотейко]
Иакинф – Акинфий – Акинфей [Акинфейко] – Акинф – [Окинфейко] – [Окиня, Окиш]
Иаков – Ияков – Яков [Яковка, Якунец, Якунька, Якунько, Якуш, Якушка, Якушко, Яша, Яшко]
Ианyарий – Анурей
Игнатий – Игнат [Игнашка, Игнашко] – Игнатей
Игорь [Игош, Игоша]
Иерофей – Ерофей [Ерефка, Ерофейка, Ерофейко, Ерошка] – Ерофий – Ирофей – Ярафий – Ярафей [Ярафейко, Яруша] – Ярофей [Ярко]
Изосим
Иларион – Ларион [Ларионко, Ларька, Ларько, Ларя] – Ларивон
Илиа – Илия – Илья [Илейка, Илейко, Илька, Илюшка]
Иоаким – Аким [Акимко] – Еким [Екимка, Екимко] – Яким [Якимка, Якимко]
Иоанн – Иоан – Иван [Ванько, Ванюк, Ваня, Ивака, Иванай, Иванайко, Иванец, Иванище, Иванка, Иванко, Иванча, Ивач, Иваш, Ивашко, Ивоха, Ивута, Ивуша, Ивша] – Иваний – Ивантий
Иоасаф
Иов – Иев [Иевко] – Иова
Иоиль – Ивойла – Ивойло
Иона – Ион [Ионка]
Иосиф – Есип [Еська] – Иосип – Осип [Осипка, Осипко, Оська, Осюк] – Осиф
Ипан – Епан
Ипат [Ипатко] – Ипатий
Иринарх
Иродион – Родивон – Родион [Родионко, Родька]
Исай [Исайка, Исачка]
Исак [Исачко, Иска, Исько] – Исакий
Исидор – Сидор [Сидорка, Сидорко]
Иуда [Июдка, Июдко] – Юда [Юдка]

Иулиан – Ульян [Ульянко]
[Каинко]
Калина [Калинка, Калинко]
Каллистрат – Калистрат [Каля] – Калистратей
Карион – Корин – Коривон
Карпий – Карп [Карпик, Карпунька, Карпуш, Карпушка]
Касьян [Касьян]
Киприан [Кипа, Кипрушка, Кипря] – Киприян [Киприянко] – Кипреян [Кипреянко] – Куприян
Кир [Кирька, Кирюшка] – Кирей – Кирий
Кириан – Кирьян
Кирик
Кирилл – Кирил [Кирилка, Кирилко] – Кирила – Кирилло – Кирило
Кирияк – Кирьян – Киряк
Клементий – Клементей [Клементейко] – Клим [Климка, Климко, Климуша] – Климант – Климент – Климентий – Климонт
Кондак
Кондратий – Кондрат [Кондратко, Кондрашка, Кондрашко] – Кондратей
Конон [Кононко, Конша] – Конан [Конанко, Конашка, Конашко]
Константин [Константинко] – Констянтин – Костантин – Костентин [Костентинко, Костька, Костя] – Костянкин – Костянтин [Костянтинко]
Корнил [Корнилка, Корнилко] – Корнилей – Корнило
Косма – Козьма [Коземка, Коземко] – Кузьма [Куземка, Кузька]
Ксенефонт – Ксенифонт
Лаврентей [Лаврушка, Ларька, Ларя]
Лазарь [Лазарько] – Лазорь
Лев [Левка]
Леванид
Леонтий – Левонтей – Левонтий – Леонтей
Логгин – Логин [Логинко]
Лука [Луканя, Луканька, Лукашка, Лукашко, Лучка, Лучко]
Лукиян – Лукеян – Лукоян – Лукьян [Лукьянко]
Луп [Лупанко, Лупка] – Лупа – Лупий – Лупп
Макарий – Макар [Макарко] – Макарей
Макидон [Макуша]
Маковий – [Маккавейко]
Максим [Максимище, Максимка, Максимко]

Малахий [Малашко] – Малафий – Малафей [Малафейко] – Малах – Малахей
Мамант – Момот
Мамона
Маноил – Манойло
Мар
Марк [Маркушка, Маркушко, Марчко] – Марко
Маркел [Маркелко] – Мартел
Мартемьян [Мартемьянко]
Мартин [Мартинко] – Мартын [Мартынко, Мартышка, Мартюшка]
Мартирий
Мартьян
Матафан
Матфий [Матфийко] – Матвий – Матвей [Матюшка, Матюшко] – Матфей [Матфейко]
Мелентий [Мелеха, Мелешка] – Мелентей
Меммон – Мемнон [Мемнонко]
Меркурий – Меркурей [Меркурейко] – Мерко [Меркушка, Меркушко] – Миркурей
Мефодий – Нефед [Нефедко] – Нефедий
Миний [Минийко, Минька, Минюк] – Мина – Миней
Мирон [Миронка, Миронко, Мирошка] – Нерон
Мисаил – Мисайло
Митрофан [Митрофанко, Митрошка]
Михаил [Михалка, Михалко, Мишка, Мишутка] – Михай [Михайко] – Михайла – Михайло – Михаль
Михий – Михей [Михейка, Михейко]
Моисей [Моисейко] – [Масейко] – Мойсей [Мойсейко] – Мосей [Моська] – Мосий [Мосийко]
Мокий [Мокийко] – Мокей
Назар [Назарко] – Назарей – Назарий
Насон [Насонко] – Нассон
Наум [Наумка, Наумко]
Нектарий
Нестор – Нестер [Нестерко]
Никита [Никитка, Никитко, Никишка] – Микита [Микитка, Микишка]
Никифор [Никифорко] – Микифор [Микифорко] – Никифер
Николай [Николка, Николко] – Никола – Никула [Никулка] – Микола [Миколко] – Микула [Микулка]

Никон [Никонко]
Никонор
Нифонт – Нифант [Нифанко, Нифантко] – Нифантей
Олферий – Олфер – Олферей
Онисим [Онисимка, Онисимко, Онька, Онько, Онюк, Онян] – Анисим [Анисимко] – Анисей
Онисифор – Анисифер – Анцифер [Анциферко] – Онцифер [Онциферко] – [Онцыфорко]
Онос [Оноско]
[Осийко] – [Осюк]
Павел [Павелко, Павлец, Павлик, Паша, Пашка, Пашко]
Панкратей – Панкрат [Панка, Панко, Панкратко, Панкрашка, Паньша]
Пантелеймон – Пантелей [Пантелейко] – Пантелий [Пантелийко]
Панфил [Панфилко]
Парамон [Парамонко]
Парфений – Парфен [Парфенко, Парша, Паршак, Паршка] – Парфентий – Парфентей
Патрикей – Патрак [Патрачко, Патруш, Патрушка] – Патракей [Патракейко] – [Патракийко]
Пахом Пахомко
Петр [Петрунька, Петруш, Петруша, Петрушка, Петряша, Питранейко]
Пимен – Пиман – Пимин [Пиминко]
Платон
Полиект – Полиетк – Полиехт – Полуект – Полуехт [Полуехтка, Полуехтко]
Поликарп [Поликарпик, Поликарпко]
Полуян
Порфирий [Порфирко] – Перьфирей – Порфирей – Перфил [Перфилко, Перфка, Першка, Першутка] – Перфилей [Перфилейко] – Перфилий
Потапий – Потап [Потапко]
Прокопий [Пронька] – Прокоп – Прокопей – Прокофей
Протерий
Прохор [Прохорко, Проша]
Родион [Родионко, Родька] – Родивон
Роман [Рома, Романко, Ромаш, Ромашко]
Руф
Руфин

Савва [Савка, Савук]
Севастиян – [Севастьянко] – Севостьян – Савастьян – Савостьян
Савватий – Саватей – Савватей
Савелей – Савел
Савин [Савинко]
Самуил [Самко, Самошка] – Самоил – Самойло – [Самойлик, Самылко]
Самсон [Самсик, Самсонко]
Серапион
Селиван [Селиванко, Селька] – Селифон – Селуян – Силуян
Селивстр – Селиверст – Сельверст – Силиверст
Сергий [Сергийко] – Сергей [Сергейка, Сергейко, Сергунька, Сергушка, Сергушко, Серега, Сережка]
Сила [Силка]
Симеон [Симеонко] – Семен [Семак, Семачко, Семейка, Семейко, Семенка, Семенко, Семуха, Семуш, Семуша, Семыш, Сенька, Сеня]
Симон [Симонко, Симошко] – Симан [Симак, Симанко, Симач]
Сисой [Сисойко] – Сысой [Сысойко]
Созон [Созонко]
Софоний – Сафон [Сафонко] – Софон [Софонко]
Софрон [Софронко]
Спиридон [Спиридонко, Спирька, Спиря]
Стефан [Стефанко] – Степан [Стенька, Степанко, Степка, Степко]
Тарасий – Тарас [Тараско]
Тарх [Таршко, Таршутка]
Терентий [Tepexa, Терешка] – Терентей
Тимофий – Тимофей [Тима, Тимка, Тимоха, Тимоша, Тимша, Тимяка, Тимячко, Тишка]
Тит [Титко]
Тихон [Тихонко, Тишко]
Трефилей – Трефил [Трефилко]
Трифан [Трифанко, Трифонко]
Трофим [Трофимка, Трофимко, Троша, Трошка, Трошко]
Уар – Увар
Устин [Устинко]
Усфазан [Занка, Занко, Заня]
Фаддей – Фадей [Фадейко, Фадька] – Фадий
Фалалей [Фалька, Фаля]
Фауст
Феодор – Федор [Феденя, Федорушка, Федура, Федюк, Федюнька, Федька, Федько, Федюка, Федяй]

Феодосий – Феодосей – Федосей – Федосий – [Федосейко] – Федос [Федоска, Федоско]
Феодот – Федот [Федотка, Федотко] – Федотей
Феодул [Феодулко] – Федул [Федулка, Федулко, Федюля]
Феоклист – Феклист [Феклиско]
Феоктист [Феоктистко, Феоктиско]
Феопент [Феопенько]
Феофан [Феофанко] – Феофант – Фофан – Фофант
Феофил – Фефил [Фефилко]
Феофилакт – Феофилат [Феофилатко] – Фефилатей – Филат [Филатка, Филатко] – Филатей
Ферапонт [Ферапонко] – Фарафон [Фара, Фарафонец, Фарафонко] – [Форафонко] – Фарафонт
Филарет
Филат
Филимон [Филька]
Филипп – Филип [Филипка, Филипко] – Филипей
Филист
Филофей
Фирс [Фирско, Фирсок] – Фирст
Фист
Флегонт
Флор [Флорка, Флорко] – Фрол [Фролко]
Флорентей
Фока [Фочка] – Фокей – Фокий
Фома [Фомка]
Фотий [Фотейко, Фотийко] – Фотей – Фатьян
Харитон [Харитонко, Харька]
Харлампий – Харлам [Харламко] – Харлампей – Харланпий
Хрисанф [Хрисанко, Хрисанфко] – Хрисанфей – Кирсан – Крисанф – Крысантей – Крысанф [Крысанко, Крысанфик, Крысанфко] – Крысанфей
Христофор [Христофорка]
Эллисий – Елисий – Елисей [Елисейко] – Елеса [Елеска, Елка]
Эпафродит
Эпекет

Женские календарные имена

В списке все варианты одного календарного имени поданы через тире, после варианта в квадратных скобках помещены образованные от него дериваты. При отсутствии фонетического варианта, от которого возник дериват, последний дается в скобках между тире или после тире в конце гнезда, см.: Агафия – [Огафьица], Епистимия – [Пистимьица]

Агафия – Агапия – Агафья [Агафьица] – [Огафьица]
Агрипина – Агрепина – Агрипена [Агрипеница, Агрипенка] – Аграфена – Агрофена [Агрофенка] – Аргофена – Ографена [Ографенка] – Огрофена [Огрофенка]
Акилина [Акилиница, Акилинка] – Акелина – Акулина – Окилина – Окулина [Окулинка]
Александра [Александрица, Александрка]
Алинпида
Анастасия – Настасия – Настасея – Настасья [Настасьица, Настенка, Настюшка]
Анисиа – Анисья [Анисьица] – Онисья
Анна [Анница, Анютка]
Антонида [Антонидка, Антонидица] – [Онтонидица, Онтонидка] [Анфимьица]
Анфиса
Афонасия [Афонасьица]
Варвара [Варварица, Варварка]
Василиса [Василиска] – Васелиса
Васса
Вера
Гликерия – Гликерья [Гликерьица] – Лукерья [Лукерьица] – Лукирья [Лукирьица]
Григория
Дария – Дарья [Дарьица]
Домна [Домница]
Домника [Домникейка, Домникеица]
Евгения – Евгенья

Евдокия [Евдокиица]– Евдокея – Евдотья – Овдокея [Овдокеица] – Овдокия – Овдотья [Овдотьица] – Авдокия [Авдюшка] – Авдотья [Авдотьица]
Евлампия – Евланпия
Евпраксия
Евстолия
Евфимия [Евфимьица] – Елфимия – Елфимья – Ефимиа – Ефимия – Ефимья – Офимья [Офимка, Офимьица] – Афимья
Екатерина – Катерина [Катеринка, Катя]
Елена [Еленица, Еленка]– Олена [Оленка] – Алена [Аленка]
Еликонида
Елисавета – Елисавет – Елиса – Елисафет [Елисафка] – Елисафета – Лиса – Лисава – Лисавена – Лисафета
Епистимия – Епистимья – Епистинья – Епестимия – Лепестинья – [Пистимьица]
Епифана
Ефрония
Ефросиния – Евпросинья – Епросинья – [Евфросиньица] – Ефросинья [Ефросиньица] – Опросинья [Опросинка, Опросиньица] – Офросинья [Офросиньица] – Апросинья – Афросинья [Афросиньица]
Зиновия [Зиновка] – Зеновья – Зиновья
Ирина [Ириница, Иринка] – Орина [Оринка] – Арина
Иулиания – Ульяния – Ульяна [Ульяница, Ульянка]
Иустина – Устиния – Устинья – Устина [Устиница]
Капилья [Капильица]
Каптелина [Каптелиница, Каптелинка]
Ксанфиппа
Ксения – Ксенья [Ксеньица] – Аксения – Аксенья [Аксеньица] – Аксинья [Аксиньица] – Оксинья [Оксиньица]
Лариса
Любовь
Мавра [Маврица]
Макрина – Макорина
[Мамелфица]
Мариамна – Маремьяна [Маремьяница, Маремьянка]
Марина [Мариница, Маринка]
Мария – Марья [Марьица]
Марияния
Мартела

Марфа [Марфица, Марфутка]
Матрона [Матронка] – Матрена [Матреница, Матренка, Матреха]
Мелания – Маланья [Маланьица] – Меланья [Меланьица]
Мирония
Митродора
Надежда
Наталия – Наталья [Натальица]
Неонила – Ненила – Нинила – Нионила
Нона
Оломпия – Олампия
Ольга
Павла
Параскева – Парасковия – Парасковья [Паранька, Парасьица, Парашица]
Пелагия – Палагия [Палашка] – Пелагея [Пелагеица]
Платонида
Пульхерия – Польхерия – Пульхерья
(Синклитикия) – Сихилитикия – Сихиликития – Секлетина – Секелина
Соломия – Соломея [Соломеица, Соломейка]
Соломонида – Соломония
София – Софья [Софьица]
Стефанида [Стефанидица, Стефанидка] – Степанида [Степанида, Степаха]
Таисия
Татиана – Татияна – Татьяна [Танька, Татьяница]
Трифена
Улита [Улитка]
Фавста
Феврониа – Февронья [Февроньица] – Хавронья – Хеврония – Хевронья – Ховрония – Ховронья
Фекла [Феклица]
Феклиста
Феодора – Федора [Федорица, Федорка]
Феодосия – Федосия – Федосья [Федосьица]
Фотинья [Фотиньица] – Фетинья [Фетиньица]
Харитина
Харитония – Харитонья
Хиония – Хеония – Хивания
Христина [Христинка] – Крестина – Кристина

Содержание

Научное издание

Е. Н. Полякова

История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках

Монография

Печатается в авторской редакции

Корректор *Л. П. Северова*
Компьютерная верстка *Е. А. Селивановой*

Подписано в печать 27.12.2010. Формат 69 х 84/16.
Усл. печ. л. 17,5. Тираж 210 экз.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем Богатыревым П. Г. ОГРН 304590427400071

Адрес: 614068, г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 121.
Тел. 236–53–43, тел./факс 236–53–53
E-mail: ld36@yandex.ru

